

ГУБЕРНСКИЙ ДОМЪ

12+

КОСТРОМА

ГУБЕРНСКИЙ ДОМЪ

историко-
краеведческий
и литературный
журнал

2 (135)
2024

Виноградова С.Г.

КОСТРОМА СРЕДНЕВЕКОВАЯ. XV-XVII ВЕКА

1. Костромская земля в составе Московии	2
2. Кострома в Смутное время	5
3. Призвание на русский престол Михаила Романова в Костроме	13
4. Дворцовое землевладение в Костромском крае	17
5. Светское землевладение в Костромском крае	26
6. Монастырское землевладение в Костромском крае	41
7. Черное землевладение в Костромском крае	58
8. Кострома в царствование первых царей династии Романовых	63
9. Комментарии к Писцовой книге города Костромы 1627/1628 – 1629/1630 гг.	86
- Кремль, или Старый город	90
- Новый город	95
- Путешествие по Костромскому посаду	118
10. Вклады Романовых в костромские храмы и монастыри	177
11. Костромской летописец	193

СРЕДНИЕ ВЕКА В ЖИЗНИ КОСТРОМЫ

Любезные читатели журнала «Губернский дом»! В этом необычном, объемном выпуске мы продолжаем наши исторические путешествия по древней Костроме, теперь средневековой – XV-XVII веков.

Тема, начатая в четвертом выпуске нашего журнала за 2023 год о Костроме на страницах древних летописей XII-XV веков, сегодня обретает свое продолжение благодаря кропотливому труду исследователя документальных источников и книжных древностей Светланы Геннадьевны Виноградовой, главного хранителя Костромского Церковного историко-археологического музея, многие годы занимавшейся историей ранней и средневековой Костромы.

Наш город в составе Московии, в Смутное время; история призвания на русский престол Михаила Романова, случившаяся в Костроме; Кострома во времена царствования первых царей династии Романовых, их вклады в костромские храмы и монастыри; история дворцо-

вых, светских, монастырских землевладений Костромского края и многие другие главы этой журнальной книжки, несомненно, будут интересны широкому кругу читателей.

Но самое ценное, что ждет всех, кто интересуется историей нашего древнего города, это, конечно, комментарии к Писцовой книге города Костромы – подробному и достоверному источнику исторических знаний.

Вместе с автором мы переместимся словно на машине времени в прошлое Костромского посада, пройдемся по его улицам и переулкам, посетим Старый и Новый город, Костромской кремль. Заглянув почти в каждый посадский двор, посетим памятные места, где раньше размещались ремесленные и торговые заведения «костромитян». Конечно, точное местоположение некоторых улиц и довольно многих переулков трудно определяется по Писцовой книге 1627/1628 – 1629/1630 гг. Но в этом но-

мере журнала приводятся старинные карты и схемы, которые дают возможность хотя бы попробовать это сделать. Выпуск продолжит рассказ о становлении города Костромы, его государственной, духовной и бытовой жизни.

В наметившемся путешествии по средневековой Костроме особая благодарность Л.А. Ковалёвой, которая потрудилась над переводом Писцовой книги города Костромы, В.В. Шаталову, выполнившему многие карты-схемы, Л.И. Сизинцевой и С.А. Уткину, вдохновившим автора на этот труд.

В.И. Шапошников. Костромской кремль.

Костромская земля в составе Московии

Костромской край издавна входил в состав земель великого Владимирского княжества. В XIV столетии, во второй его половине, Московский князь Дмитрий Иванович, «всех князей русских привожаша под свою волю, а которыя не повиновахуся воле его, а на тех нача злобою посегати» (6, с. 12-14). При нем произошло воссоединение в единое целое великого княжества Владимирского и удельного Московского, и Кострома, как составная часть великокняжеской Владимирской территории, вошла в состав этого нового объединения, а по существу, стала частью территориального ядра будущего Русского государства.

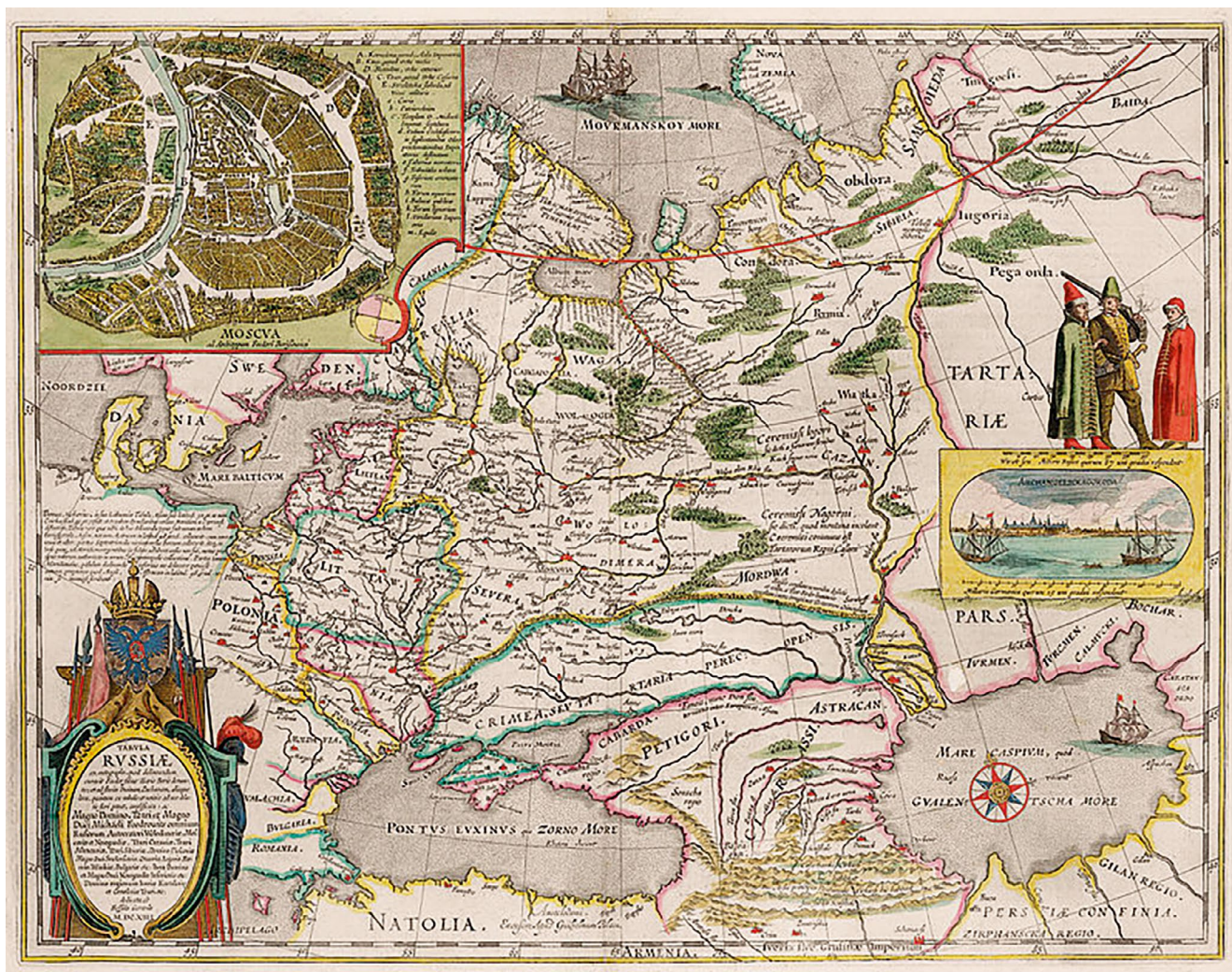
Процесс объединения земель вокруг Москвы, длительный и не бескровный, завершился в первой четверти XVI века образованием единого государства, которое уже в документах конца предшествовавшего века называлось «Росией», но чаще всего по политическому, экономическому и духовному центру именовалось Московией. С этого же времени, с середины XV века, Русская Церковь была провозглашена автокефальной, то есть самостоятельной и независимой от Константинопольского патриархата, с правом самостоятельного избрания предстоятеля Русской Церкви собором епископов.

Образование государства стало главной предпосылкой и основой дальнейшего развития русских земель. Объединение их в одно целое способствовало развитию русской государственности, росту феодальной земельной собственности, численному увеличению населения страны, развитию поместно-крепостнической системы, а также становлению единого общерусского законодательного права, при-

шедшего на смену обычаям и местным актам отдельных княжеств и земель.

На территории Костромского края в XVI-XVII вв. было расположено два уезда Московского государства – Костромской и Галичский. Исторической основой сложения обоих уездов явились территории некогда самостоятельных удельных княжеств. Это были одни из самых крупных уездов в Замосковном крае Русского государства. Площадь Костромского уезда составляла 1464 тысячи десятин (15 994,2 км²) и охватывала бассейны рек Костромы, Солоницы на западе и Унжи на востоке. Галичский уезд, ещё более обширный, – площадь его равнялась 5125 тысяч десятин (55990,625 км²) – включал большие лесные пространства по реке Ветлуге и Заветлужье.

Вследствие этого огромная территория Костромского края представляла очень большое разнообразие природных условий. Южные волости Костромского уезда были сравнительно мало лесные и потому удобны для земледелия. По плодородию почв они местами не уступали Суздальскому ополью. Приволжские станы и волости были менее благоприятны для земледелия, но представляли для поселенцев большие выгоды сообщений по Волге и ее притокам. Эти два района были издавна, еще с XIII века, густо заселены. Но чем далее на север и на восток от Волги к рекам Унже и Ветлуге, тем больше было болот, лесов, неудобных для земледелия мест, да и климат был суровее. По данным историка Ярослава Евгеньевича Водарского на вторую четверть XVII века, посевные площади в Костромском уезде составляли 27 % от всей территории уезда, в Галичском уезде – всего 6 % (2, с. 251).

Карта России, созданная на основе чертежа царевича Федора Борисовича Годунова. Конец XVI века.

Малоплодородие почв и неблагоприятные климатические условия, препятствовавшие развитию сельского хозяйства, способствовали обращению жителей Костромского края к неземледельческим промыслам. Важными центрами сосредоточения крестьянских и бобыльских промыслов были окрестности городов и монастырские слободки. В районах месторождения соли – у Соли Галицкой, Нерехты, Соли Большой и Соли Малой – развивался соляной промысел, который в XVII веке находился в основном во владении посадских людей и монастырей.

В местах залежи железной руды, в бассейне реки Андобы, притока Костромы, была рас-

пространена добыча и обработка железных руд и связанный с ними кузнечный промысел. В Записной книге мелочных товаров Большой Московской таможни, ножи – изделия кузнецов патриаршего села Вятское – исчислялись тысячами. Обработкой кож, изготовлением из них сапог, шуб, рукавиц занимались жители Костромы, Галича и подмонастырских ремесленных слободок. Знаменитое костромское мыло производилось не только в Костроме, но и в одном из селений в окрестностях Галича – селе Туровское, которое часто называли село Мыльное (5, с. 94).

В это же время получили развитие промыслы, связанные с постоянным отходом в другие

местности – плотницкий, сапожный, каменных дел, которыми занимались монастырские и частновладельческие крестьяне. Развивался и торговый промысел, в котором особо деятельное участие принимали крестьяне ветлужских станов. На рынке Устюга Великого продажи ими шкур, сукна, шерсти, рогож, деревянной посуды имели значительный размер (5, с. 93). Во многих селениях Костромского края существовали торжки местного значения – в селах Диево Городище и Вятское Корзла стана; в селе Молвитино Андомского стана; в селе Сидоровское Плесского стана и многих других (4, с. 45, 43, 19, 96).

Главными уездными городами в крае являлись Кострома и Галич, которые имели свои пригороды – небольшие, подчиненные главным, местные центры. Пригородами Костромы были Нерехта, Буй, Судислав, Любим, Соль Большая и Соль Малая, Кадуй. Галич имел пригороды Чухлому, Соль Галицкую, Парфеньев, Унжу, Кологрив, Судай. Кроме того, Костромской и Галичский уезды, большие по размерам и разбросанные на дальние расстояния, делились еще и на осады, которые составляли единое целое с пригородами. В этом «можно видеть отголосок первого времени расселения русских колонистов» – отмечал профессор Юрий Владимирович Готье (3, с. 202).

Основными территориально-административными единицами, на которые делились оба уезда, были волости и станы. В Костромском уезде насчитывалось 18 волостей и 22 стана; в Галичском – 58 волостей и 18 станов. Волость, по мнению Ю.В. Готье, являлась совокупностью нескольких населенных пунктов, большей частью расположенных в одной меже, объединенных общей выборной организацией, имевшей целью обеспечение правильного несения тягла и отправление судебных и административных обязанностей (3, с. 186). Стан, в характеристике которого отсутствовали все вышеперечисленные признаки волости, представлял одно целое только в территориаль-

ном отношении и приходил на смену волости по мере раздач волостных земель в частные владения.

Населением городов и уездов, судом, сбором государевых податей, управлением ведали в XVII веке чертвертные приказы – Костромская и Галицкая чети. Им подчинялись органы местного управления – воеводы, губные и земские старосты.

Основными источниками о русских городах в XVI-XVII вв., в том числе о Костроме и Галиче, являются акты общегосударственного значения – писцовые, переписные, дозорные книги. Они составлялись для подсчета земель, занятых населением страны, для обложения этого населения налогами – государевым тяглом. По подсчетам исследователей (1, гл. I. 3, с. 54-56, 46), в XVI веке было проведено 5 генеральных валовых описаний всех русских земель, в XVII же веке – 2 писцовых описания в 1620-1630 годах и в 80-е годы; 2 переписи – в 1646 и 1678 годах; и дозорные описания, по мере необходимости в них. Кострома и Галич, в числе городов Замосковского края, подверглись почти всем описаниям и переписям. К сожалению, многие из этих документов утрачены. На протяжении XVII века происходило изменение окладной единицы налогов: сначала это была земля; затем, по указу от 5 сентября 1679 года, тяглый двор; а с начала XVIII века – сам дворовладелец, так как было введено подушное обложение.

Примечания

1. Веселовский Б.С. Сошное письмо: Исследование по истории кадастра и пошного обложения Московского государства. Т. 1-2. – М., 1915-1916.
2. Водарский Я.Е. Дворянское землевладение в России в XVII – перв. пол. XIX вв. – М. 1988.
3. Готье Ю.В. Замосковский край в XVII веке. – М. 1906.
4. Материалы для истории сел, церквей и владельцев Костромской губернии. Отдел III для Костромской и Плесской десятины XV-XVIII вв. Вып. 5. – М., 1912.
5. Муравьева Л.Л. Деревенская промышленность центральной России второй половины XVII века. – М., 1971.
6. Продолжение летописи по Воскресенскому списку / Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографическою Комиссиею. Т. 8. – СПб., 1859.

Кострома в Смутное время

Конец XVI – начало XVII вв. в истории Русского государства – время трагическое, «смутное», как уже тогда называли его современники. События второй половины XVI века – 25-летняя неудачная Ливонская война, кровавая опричнина – способствовали опустошению и истощению сил государства, хозяйственному и социальному кризису. Гибель в Угличе царевича Дмитрия и смерть царя Федора Иоанновича привели к пресечению династии великих Московских князей и к династическому, национальному кризису в России.

Горем, несчастьем, общими страданиями наполнены события Смуты – народные движения, появление самозванцев лжецарей, смешение в разных станах и войсках врагов и соотечественников; распространение «злосхитрых и многоглавых ересей», стремящихся, как писали современники тех событий, «Церковь Божию растерзати». Новое XVII столетие начиналось для России голодом, мором, эпидемиями. «Был же в земле голод великий. Такая же была беда, что отцы детей своих бросали, а мужи жен своих бросали, и умирали люди. Был же голод три года» (7, с. 55).

«Нестроение» в Московии стало почвой для разграбления России, для организации интервенции, первоначально в скрытой форме помощи самозванцам, а затем открытой, когда затея с лжецарями провалилась. В октябре 1604 года отряды Лжедмитрия I вторглись в пределы русского государства, 21 июля 1605 года его венчали на русское царство в Успенском соборе Московского Кремля, а 17 мая 1606 года он был убит во время московского восстания. События эти довольно слабо отразились на истории Костромского края. С костромским Галичем связано имя первого Самозванца. Официально считается, что под

Портрет Лжедмитрия I.

именем сына Ивана Грозного скрывался беглый монах московского Чудова монастыря Григорий Богданов сын Отрепьев, происходивший из некрутного галичского рода Отрепьевых-Нелидовых. Кроме того, после убийства Лжедмитрия I в Галич было выслано около 300 поляков, среди них Саноцкий староста Станислав Бонифаций Мнишек, князя Адам и Константин Вишневецкие с товарищами и слугами (12, с. 37).

Договорные обязательства убитого Лжедмитрия I – крупные денежные выплаты и земельные пожалования своим покровителям, способствовали появлению нового претендента на Московский трон – Лжедмитрия II. «За три года перед сим, вооруженною рукою мы посадили на русский престол бродягу, под именем сына царя Ивана Грозного. Теперь, в другой раз, даем русским нового царя и уже завоевали для него половину государства: он также

будет называться Димитрием», – записал в дневнике один из командиров польско-литовского войска гетман Ян Петр Сапега (3, с. 75). В отношении настоящего имени и происхождения нового претендента на царевича Дмитрия существует множество версий. Сторонниками Лжедмитрия II стали южнорусские дворяне, казаки и остатки разбитого войска Болотникова. Под его знамена собрались со своими людьми военные и государственные деятели Речи Посполитой – князья Адам и Константин Вишневецкие, князь Роман Рожинский, полковник Александр Лисовский.

Уже осенью 1607 года войска Лжедмитрия II начали поход на Москву. Остановленный боями на подступах к столице в июне 1608 года, он укрепился в Тушино. После победы над правительственным войском 22 сентября 1608 года* у села Рахманцева Тушинский вор в обход Москвы начинает продвижение на север для захвата замосковских городов, чтобы лишить столицу продовольственной и военной помощи. После захвата Переяславль-Залесского, Ростова принесли присягу самозванцу ярославцы, угличане и костромичи. Посольство Костромы из 14-ти человек дворян, детей боярских** и посадских людей, возглавляемое архимандритом Ипатьевского монастыря Феодосием и игуменом Богоявленского монастыря Арсением, миновало Ярославль по дороге к Троице-Сергиеву монастырю 23 октября 1608 года. Костромское монастырское духовенство и посадские люди подали Яну Сапеге челобитную и преподнесли подарки – «хлеб да два осетра длинных, да подарка лисица черна да два косяка меха Костромского» (12, с. 28).

Но это не спасло Костромской уезд от грабежей тушинцев. Бесчинствовали здесь приказные люди тушинского царя, которые собирали обычные налоги в 4-кратном размере, загон-

* Все даты даются по старому стилю.

** Дети боярские – разряд мелких служилых людей «по отечеству», несших обязательную службу. Часто дети боярские – потомки младших членов княжеских дружин. В феодально-служилой иерархии XV – первой половины XVI вв. «дети боярские» стояли выше дворян, так как последние часто происходили от несвободных княжеских слуг удельного времени.

щики – слуги наемных солдат, посланные за продовольствием и фуражом, а также поляки, прибывшие в числе 270-ти из Галича. Пожилым здесь и испанец дон Хуан Крузатти, присланный от Яна Сапеги и информировавший гетмана о событиях в Костроме. Он захватил для своего «господина» большую партию рыбы и лошадей, принадлежавших Троице-Сергиеву монастырю (12, с. 29-31). Костромской воевода князь Дмитрий Горбатый-Мосальский безрезультатно пытался препятствовать «великим беспорядкам».

Как и в других уездах Замосковского края, в Костромском Лжедмитрием II были произведены массовые конфискации вотчин и поместий костромичей-«изменников» и раздачи владений своим верным людям. Села Красное, Подольское, Здемирово с деревнями достались костромскому воеводе Никите Вельяминову; И.Ф. Зубатому с сыном – села Сколеново, Брусничное, Репелово, Константиновское, Высокое, Шишкино, Новое Саввинское с деревнями. Тушинец П.И. Скрипицын получил поместья О. Нелидова – с. Носково, И. Теряева – с. Дмитровское, Б. Леонтьева – д. Каменик и треть с. Максимовского с деревнями, Ф. Толчина – полсела Селифонтова и К. Литвинова – с. Силево с деревнями (12, с. 21).

Властвования тушинцев вызвали взрыв народного недовольства. Если в Ярославле власть самозванца продержалась около пяти месяцев, то в Костроме – чуть более одного. Инициатором народного движения в середине ноября 1608 года выступил Галич, жители которого были возмущены грабежами и насилиями освобожденных из тюрьмы поляков, которые пришли в Кострому «не порожняком и не с пустыми руками: до сих пор еще не погрузили то, что уже прибыло» (12, с. 20-21). Записи дневника Яна Сапеги подтверждают, что первыми в лагерь у Троице-Сергиева монастыря пришли известия о восстании в Галиче. На призыв галичан откликнулась Соль Галицкая. В отписке от конца ноября 1608 года в Тотму галичане просили поддержать их в борьбе с тушинцами: «А у нас в Галиче собранье великое всяких людей». Жители Галича решили не ждать

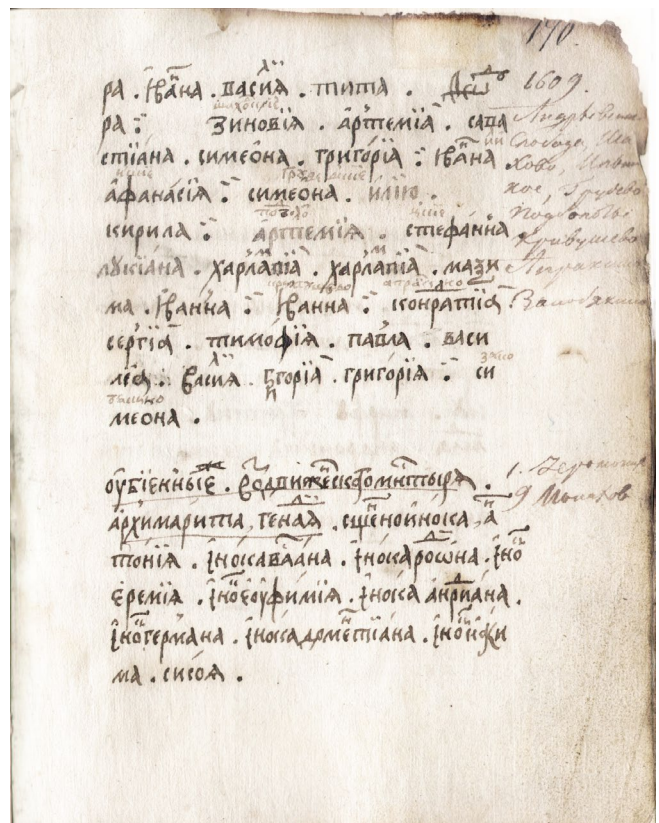

подхода «ратных людей» из других городов и двинулись к Костроме.

Кострома в это время тоже взбунтовалась. Восставшие напали на тушинского воеводу Дмитрия Мосальского-Горбатова, отрубили ему ноги и бросили в Волгу. Поляков, бывших в городе, частью порубили, остальных посадили в тюрьму. «А государевы изменники на Костроме в сборе», – отписал гетману Яну Сапеге 26 ноября 1608 года суздальский воевода Федор Плещеев (1, № 110). Объединенное восставшее войско двинулось на помощь ярославцам.

Вот как рассказывается о событиях ноября-декабря 1608 года в отписке галичан царю Василию Ивановичу Шуйскому от 15 марта 1609 года: «117 года ноября в 23 день, собрався мы [...] солигалицкие посадские людишки и Усольские крестьяне с Галича и с галицких пригородов [...] и ходили к Костроме и под Ярославль [...] против изменников воров, литовских людей и казаков; и не дошед до Ярославля за две версты, и под Ярославлем дети боярские, и галичане, и костромичи, изменники, начали меж себя ясаком кликати, и наряд Галицкой вогняной у наших у ратных людей начали отъимати. И мы, узнав тех детей боярских, галичан и костромичей, измену, да из-под Ярославля к Костроме, назад побежали с своим государевым нарядом, и коши и запасы свои пометали, и на дороге к Костроме бегучи, те дети боярские у наших, у галичан у ратных людей наряд отъимали [...]. И как мы к Костроме пришли из-под Ярославля с ратными людьми, и вору, литовские люди и казаки, и дети боярские, пришли на нас в Кострому ж, и на Костроме нас [...] крестьян, галичане и костромичи, дворяне и дети боярские, вороги литовским людям подали. И вору нас, и дети боярские многих крестьян на Костроме побили и наряд Галицкой вогняной взяли, а иные наши ратные люди разбежались врознь» (1, № 177).

Измена на дороге к Ярославлю галицких и костромских детей боярских, которые отняли оружие у восставших, заставила последних, преследуемых тушинским отрядом полковника Александра Лисовского, отступить к Костроме. Силы тушинцев – поляков и казаков, хорошо

Лист из Синодика Костромского Богоявленского монастыря со списком убиенных насельников Богоявленской и Крестовоздвиженской обителей.

вооруженных и обученных, превосходили почти не вооруженные, неорганизованные отряды восставших. После боев на подступах к Костроме город был захвачен и разгромлен. «А вору Кострому взяли декабря в 28 день». Остатки восставших укрепились за стенами Богоявленского монастыря, расположенного на посаде, но и эта твердыня пала под жестокими ударами карателей. В Синодике Богоявленского монастыря упоминаются имена 139 насельников, погибших в эти дни при защите обители: «Братия и слуги, и служебники, и христиане, убиенные от государевых изменников от литовских людей в 117 году священноинкока Трофима, священноинкока диакона Анфиногена, инока Варлаама, инока Дионисия, инока Иева, инока Симеона, Кирилла, инока Иосафа, священноинкока Макария, инока Гурия, слуги Петра, Афанасия, Епифания. Служебников Василья, Ивана, Стефана, Никиту [...]» и

многих других (10, лл. 169 об., 170, 172, 175 об.-176, 178 об). Избив иноков, поляки расхитили монастырское имущество – иконы, книги, утварь. Такое же разорение претерпел и мужской Крестовоздвиженский монастырь в Костромском кремле: здесь погибло 10 человек монастырской братии во главе с настоятелем архимандритом Геннадием (6, с. 8).

Лисовский жестоко расправился с Костромой – сжег посад, разграбил город, мстя за восстание. Это нашествие карателей названо в отписках того времени «костромским разгромом». Такая же участь постигла Галич. «И галичан, посадских людей, многих воры побили, и город сожгли, и посад и ряды пожгли, и наряд, который был в Галиче, зелье, и свинец воры литовские люди, взяли ж, а иные посадские люди, галичане, разбежались на лес». Не избежала разгрома и Соль Галицкая, куда был послан отряд Николая Пудковского. С этого города, славившегося своими солеварницами, была взята большая контрибуция – «полтретьяста рублей» (1, № 149).

Конрад Буссов – немецкий наемник, очевидец событий Смутного времени, автор «Московской хроники 1584-1613 гг.», дает страшную картину опустошений: «Пан Лисовский превратил в пепел весь Ярославский посад, потом пошел дальше в глубь страны, убивая и истребляя все, что попадалось на пути: мужчин, женщин, детей, дворян, горожан и крестьян. Он сжег дотла большие селения, Кинешму и Юрьевец Польский и возвратился в лагерь под Троицу с большой добычей. Какой значительный вред был нанесен в этом году убийствами, грабежом и пожарами этим отпавшим городам как внутри их стен, так и снаружи – выразить невозможно. Я часто удивлялся, как эта земля так долго могла выдерживать все это» (4, глава XV).

После первой волны народных выступлений уже в феврале 1609 года вспыхивает, по словам Конрада Буссова, новый бунт. «Мужики собираются от Костромы близко верстах в тридцати» (1, № 155), – писал 15 февраля 1609 года ярославский воевода Федор Петрович Барятинский гетману Сапеге. Костромского

воеводу Ивана Федоровича Наумова сменил в это время Никита Дмитриевич Вельяминов-Зернов, активный сторонник Лжедмитрия II.

Гетману Сапеге вскоре стало известно, что костромские и галичские дети боярские, предавшие восставших в декабре 1608 года, были жестоко наказаны за свою измену: «И на Костроме [...] и на Чухломе [...] везде государевых изменников и Литву побили, а иных в тюрьмы пометали» (1, № 155). Около 200 дворян вместе с семьями были утоплены в Волге: Казни подверглись даже протушински настроенное духовенство (12, с. 24). Ростовский воевода Иван Федорович Наумов, посланный Сапегой в Кострому, писал: «Марта в 3 день пришли мы господине на государевых изменников, на воров под Кострому. И мы [...] острог взяли и государевых изменников побили, а иных в посаде во дворах, которые заперлись, пожгли, а иных воров [...] по дворам побили, а иные воры утекли» (9, с. 50-51, №№ 12, 44).

4-м марта 1609 года датируется грамота Лжедмитрия II гетману Сапеге о том, что «пришли под Кострому изменники наши галицкие и вологодские, и унженские, и кологривские, и парфеньевские, а иных к себе ждут в прибавку» (1, № 165). Самозванец просит Яна Сапегу отправить полковника Лисовского под Кострому с польскими, литовскими и русскими людьми для защиты города от сторонников царя Василия Ивановича Шуйского. Трудно сказать, произошли эти события до разгрома Костромы воеводой Наумовым, или после, но тем не менее уже через 8 дней костромской воевода Никита Дмитриевич Вельяминов-Зернов со своими сторонниками засел от восставших костромичей за каменными стенами Ипатьевского монастыря. В отписке гетману Сапеге от 12 марта 1609 года он пишет: «Марта в 12 день пришли воры, государевы изменники вологодские и поморские мужики, 5 тысяч, от Костромы за 2 версты, а ждут к себе из Галича Ивашка Кологривца, а с ним де идут воровских людей 5 же тысяч, а ждут его к себе марта в 13 день навечер, а как к ним придет, и им приступали к Ипатскому монастырю [...]. А со мною, господине, в Ипатском монастыре людей немного,

да и те иные побиты и поранены, и лошади у них побиты же» (1, № 172). Из отписки видно, что на помощь костромичам пришли жители не только Костромского и Галичского уездов, но и из далеких северных земель.

Отписки – слезные письма о помощи – слал воевода Никита Вельяминов Яну Сапеге из Ипатьевского монастыря на протяжении апреля 1609 года. Но помочь ему гетман не мог, так как большие силы тушинцев требовал Ярославль, где посадские люди вместе с дворянами и детьми боярскими сели в осаду и отчаянно защищали кремль и Спасо-Преображенский монастырь. Среди осажденных в Ярославле вместе с вологжанами, пошехонцами, ростовцами сражались костромичи и галичане (12, с. 25).

1-го мая царский мангазейский воевода Давыд Жеребцов решил поддержать восстание замосковных городов и с нижегородскими и сибирскими стрельцами, казаками, унжанами, кологривцами, парфеньевцами и судайцами пришел в Кострому и осадил тушинцев, засевших в Ипатьевском монастыре. Никита Вельяминов в отписке Сапеге от начала мая 1609 года писал: «Мая в первый день, перешли с Костромы, в судах, к Ипатскому монастырю, воры государевы изменники многие люди, и дети боярские, костромичи и галичане, и нижегородские стрельцы, и с Вологды сибирские стрельцы, и казаки, и галичане, и унженя, и кологривцы, и парфеньевцы, и судайцы, многие мужики, а у них [...] воевода Давыд Жеребцов. А я на них из Ипатского монастыря с дворяны и с детьми боярскими, с костромичи и с галичаны, выходил и с ними бились. С первого часу дни да до вечера [...], разнились шесть часов ночи, и сели мы от них в осаде. А государевы изменники окопали, от реки от Костромы да до реки Костромы ж, около всего монастыря ров и надолбы, и сели за рвом, а с нами бьются день и ночь, а ныне [...] они почали копать другой ров, ближе к монастырю [...]. А писал [...] я апреля в 8 день [...], да апреля ж [...] в 16 день [...] и по ся места людей не присылавали» (1, № 205).

Ипатьевский монастырь был надежной защитой для тушинцев. Стены и башни обители, построенные незадолго до Смуты боярами Годуновыми, были достаточно крепкими: в высоту составляли около 6 метров, в толщину – более 2-х. Основанием для стен служил мощный фундамент из валунов, скрепленных известковым раствором. Стены были выложены из 2-х рядов кирпичной кладки с заполнением пространства между ними бутом. По стенам проходила галерея боевого хода, с которой было удобно стрелять через бойницы и лить горячий «вар» на противника из наклонных варниц. Круглые угловые башни имели самые современные оборонительные приспособления – три уровня боя: бойницы в среднем ярусе; бойницы подошвенного боя; навесные бойницы – машикули; круглые отверстия на верхнем ярусе предназначались для стрельбы из пушек.

Власти Ипатьевского монастыря, присягнувшие Лжедмитрию II осенью 1608 года, продолжали сохранять верность самозванцу. Они укрыли в обители сторонников воеводы Никиты Вельяминова-Зернова, и даже помогали поддерживать переписку костромского воеводы с гетманом Сапегой. Известны имена монастырских иноков Макария и Леонтия, доставлявших отписки Вельяминова под Троице-Сергиев монастырь (8, с. 39).

Уже 4 месяца продолжалась осада Ипатьевской обители. 28 июня 1609 года ярославские воеводы получили царскую Василия Шуйского грамоту: «Буде в Ипатском монастыре воры и литовские люди еще сидят, и вы б о том ссылались с воеводою Давыдом Жеребцовым, и буде надобно [...] ему людьми вспомогали» (2, № 128). В штабе самозванца волновались: «30 тысяч мятежников осадили костромской Ипатский монастырь, [...] по показанию лазутчиков, мятежническое войско увеличивается непрерывно, вологжане посылают на помощь 20 тысяч человек, а из Балахны выступило мятежников 20 тысяч. Все направляют путь к Костроме. Из Ярославля прибыло туда 17 мятежных судов» (5, с. 46-47).

Полки Лисовского, не добившись успеха под Ярославлем, двинулись на выручку тушинцам в Кострому. Но, двигаясь по правому берегу реки Волги, Лисовский пошел через Кинешму, находившуюся тоже в руках восставших мужиков. После упорного сопротивления город был захвачен Лисовским, разгромлен и сожжен. Храбро сражался рядом с кинешемцами отряд из Юрьева Поволжского, возглавляемый «костромитином» Федором Бобарыкиным. Он был захвачен в плен и зверски замучен. Но расправившись с Кинешмой и Юрьевом Поволжским, войско Лисовского и само оказалось изрядно потрепанным. Все их попытки переправиться на левый берег Волги, вплоть до Костромы, оказались безуспешными.

«А людей с собою раненых из-под Кинешмы под Кострому привели добре много, а у многих литовских людей и сабель нет, а у казаков у многих пицалей нет», – сообщал Давыд Жеребцов ярославцам о приходе под Кострому Лисовского. В царских грамотах писалось, что

Пелена. Пресвятая Троица, с апостолом Филиппом и священномучеником Ипатием Гангрским. XVII век. Вклад в Ипатьевский монастырь И.Н. Годуновой.

тушинцы якобы предупреждали Никиту Вельяминова: «Чтоб в Ипатском монастыре сидели крепко, а деи вас выручим; а всех деи воровских людей тысячи с полторы, а стоят против Костромы за Волгою, на Нагорной стороне, в селе Селище, и посылают вверх по Волге, по Нагорной стороне, судов добывать!». Лисовский отряд стоял на правом берегу Волги напротив Костромы и Ипатьевского монастыря безрезультатно две недели – судов для переправы не было. Давыд Жеребцов велел со стен Костромского кремля «по воровским татарам стрелять из наряду; и из станов их выбили, и людей и лошадей побил многих» (2, № 125). Так и не оказав помощи Вельяминову, Лисовский ушел из Костромы в Ростов.

В письменных документах нет точной даты освобождения Ипатьевского монастыря от бояр-тушинцев. Отписка от 12 августа 1609 года верхотурским воеводам Годунову и Плещееву содержит данные о пребывании, по указу командующего русскими войсками Михаила Васильевича Скопина-Шуйского, воеводы Давыда Жеребцова уже не под Костромой, а в Ростове под Борисоглебским монастырем: «А ныне князь Михаил Васильевич стоит в Калязине монастыре, а наперед себя послал под Борисоглебский монастырь и в Ростов воевод своих Давыда Жеребцова да Микиту Выше-славцева» (1, № 252). Можно предположить, что под Ипатием в это время было уже спокойно, или дело шло к развязке событий. Запись о поминовении, включенная в Синодик Ипатьевского монастыря, – «побитые слуги Ипатьевского монастыря от литвы в Калязине монастыре» (11), говорит нам о том, что служебники обители сражались в русском войске под предводительством Михаила Васильевича Скопина-Шуйского.

Народная память донесла до нас легенду о подвиге двух костромичей в Ипатьевском монастыре – Константина Мезенцева и Николая Костыгина, которые в ночь на 25 сентября 1609 года, подложив бочку с порохом под часть монастырской стены, взорвали ее, погибнув при этом. Образовавшийся проем был использован восставшими для освобождения мо-

настыря от приверженцев Лжедмитрия II под руководством костромского воеводы Никиты Вельяминова-Зернова. Ипатий стоил многих жизней. Многие документы содержат записи: «Убит на Костроме под Ипатским монастырем в 117 году».

Костромские дворяне и дети боярские влились в армию Скопина-Шуйского и вместе с ней 12 марта 1610 года торжественно вступили в Москву. Тушинский лагерь распался, самозванец бежал в Калугу. Здесь, в 1610 году, по его приказу был убит Иван Иванович Годунов, потомок основателя Ипатьевского монастыря Захарии, попавший в плен вместе с женой Ириной Никитичной, урожденной Романовой. В 1626 году она вложила в Ипатьевский монастырь по душе своего мужа пелену «Пресвятая Троица, с апостолом Филиппом и священномучеником Ипатием Гангрским».

Летом 1609 года, когда еще продолжалась осада Ипатьевского монастыря, Речь Посполитая начала против России открытую интервенцию во главе с польским королем Сигизмундом III. 17 августа 1610 года поляки заняли Москву, обосновавшись в Кремле и Китай-городе.

В октябре 1610 года отряд Маскевича грабит Кострому. В городе появляется польский гарнизон. Временно Ярославль и Кострома были вынуждены подчиниться королевичу Владиславу, сыну Сигизмунда III, который, по августовскому договору между временным русским правительством «Семибоярщиной» и Речью Посполитой, был приглашен на Московский трон.

Кострома, как и другие города, постоянно находилась в опасности новых грабежей. Летом 1611 года Ян Сапега с воинами предпринимает поход по замосковным городам с целью сбора продовольствия и фуража для осажденных в Москве поляков. Гетман дает «доброжелательные» советы костромичам – подчиниться королевичу Владиславу и добровольно помочь всем необходимым (1, № 327. 10, с. 27). Но костромичи вместе с галичанами и вологодцами, с которыми имели тесный контакт, собирались оказывать упорное сопротивление. Жители замосковных городов горя-

**Патриарх Московский и всея Руси Ермоген.
Миниатюра из Царского титулярника XVII века.**

чо поддержали земские ополчения, организованные для защиты страны от иностранных интервентов. Первыми бросили клич рязанцы. На помощь первому ополчению из Галича и галичских пригородов двинулась рать к Суздалью. Из Костромы вышел отряд, возглавляемый костромским воеводой Федором Ивановичем Волконским. Однако первое ополчение своей задачи не выполнило: Прокопий Ляпунов в результате провокации был убит, а ополчение оставалось под Москвой, не ведя военных действий, вплоть до подхода второго ополчения.

Возвания Патриарха Московского и всея Руси Ермогена: «Время, время пришло подвиг показати», а также призывы архимандрита Троице-Сергиева монастыря Дионисия и других подвижников Церкви подниматься на борьбу против поляков и их сторонников были услышаны патриотами Отчизны. Второе ополчение во главе с князем Дмитрием Михайловичем Пожарским и земским старостой Козьмой Мининым начало организовываться в Нижнем

Новгороде. Дорога рати к Москве лежала через многие поволжские города – Юрьевец, Кинешму, Кострому, Ярославль. И дорога эта, как показали события в Костроме и Ярославле, не была ровной.

Во время остановки ополчения в Плесе к князю Пожарскому явились костромичи с вестью «про Иваново умышление Шереметев», что костромской воевода Иван Петрович Шереметев не собирается пускать ополчение в Кострому. «На Костроме же в те поры была рознь: иные думали с Иваном, а иные с ратью» (7, с. 118-119). Иван Шереметев – один из виновников гибели Прокопия Ляпунова, ставленник московского боярства, был на стороне польского королевича Владислава. Выступая против ополчения, воевода не собирался пускать его в Кострому, хотел отбиваться от него силой. На крепостных стенах города несли дозор пушкари, готовые встретить ополчение пушечными выстрелами. Князь Дмитрий Пожарский «с Кузьмою подумав, пошли прямо на Кострому и стали на посаде близ города».

**Сдача Кремля князю Пожарскому
22 октября 1612 года. Платок XIX века.**

Воевода ополчения Пожарский сместил Ивана Шереметева с воеводской должности, назначив на его место Романа Гагарина. «И пришли на Ивана с шумом и от воеводства ему отказали, мало его не убили» (7, с. 118-119). Костромичи поддержали ополчение: была собрана «многая казна» и сформировано 4 больших отряда, влившихся в ополчение Минина и Пожарского и участвовавших в октябре 1612 года в освобождении Москвы от поляков.

«Очищение» Москвы и последовавшие за этим события – выборы на Земском соборе на Московское государство Михаила Федоровича Романова «умолением всего освещенного собору и от всего царского синклиту и всего воинства, и от всенародного множества всех чинов и всех православных христиан» и наречение юного боярина русским государем в Костромском Ипатьевском монастыре в марте 1613 года – имели важнейшее значение для Отчизны, отвечали общенациональным интересам сохранения и возрождения России.

Примечания

1. Акты исторические, собранные и изданные археографическою комиссией Императорской Академии наук. Том. II. – СПб., 1841.
2. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографическою экспедицией Императорской Академии наук. Том. II. – СПб., 1836.
3. Бер Мартин. Летопись московская с 1584 по 1612 гг. // Сказания иностранцев о Дмитрие Самозванце. – СПб., 1858. Часть I.
4. Буссов К. Московская хроника. 1584-1613 гг. М.-Л., АН СССР. 1961.
5. Выписка из дневника Московского похода Яна Петра Сапеги с 1601 по 1611 годы / Сын Отечества и северный архив. 1838. Том I. Отделение III.
6. Историческое известие о Костромском Богоявленском монастыре. – СПб., 1837.
7. Книга глаголемая Новый летописец / Полное собрание русских летописей. – СПб., 1910. Т. XIV.
8. Рогов И.В., Уткин С.А. Ипатьевский монастырь. Исторический очерк. – М.: Северный паломник, 2003.
9. Сборник князя Хилкова. – СПб., 1879. № 12.44.
10. Синодик Костромского Богоявленского монастыря XVI-XVII вв. / Государственный архив Костромской области. Ф. 558. Оп. 2. Д. 560.
11. Синодик Костромского Ипатьевского монастыря XVII век / Церковный историко-археологический музей Костромской епархии РПЦ. ЦИАМ БВП НВ-ВХ 93, КМЗ КОК 560.
12. Тюменцев И.О., Тюменцева Н.Е. Костромичи и тушинские воры по материалам Русского архива Яна Сапеги 1608-1611 годов. / Краеведческие записки Костромского историко-архитектурного музея-заповедника «Ипатьевский монастырь». Выпуск VI. – Кострома. 2003.

Призвание на русский престол Михаила Романова в Костроме

В начале XVII века, после Смутного времени, волею судеб Кострома и Ипатьевский монастырь оказались в центре важнейших исторических событий, связанных с возрождением Российской государственности, с утверждением в Московии новой царской династии Романовых. В мартовские дни 1613 года Ипатьевский монастырь стал местом, где представитель боярского рода Романовых впервые был наречен царем после всенародного «обирания» на Земском соборе.

Кострома для Романовых была связана с понятием Отчина, Отчизна, Родина. Здесь находилась земля их предков, родовые вотчины Романовых и Шестовых. Но Кострома стала и родиной Дома Романовых, «колыбелью», где зародилась их царская династия. Отсюда, из Костромы, они вззошли на царский трон. Состоявшийся в Костромском Ипатьевском монастыре чин наречения на царство юного Михаила Федоровича положил начало в России новой царской династии Романовых. И, что особенно

Встреча у стен Ипатьевского монастыря Великой государыни иноки Марфы Ивановны и Михаила Федоровича с Московским посольством 14 марта 1613 года. Миниатюра из «Книги о избрании на престол царя Михаила Федоровича». 1673 год.

значимо, важным следствием царского избрания в Ипатьевском монастыре, важным для всего Русского государства, стало начало окончания страшного Смутного времени, установление мира и спокойствия в истерзанной междоусобицей стране.

Попробуем заглянуть на страницы немногочисленных, но важных документальных источников о великих и судьбоносных для России и для Костромы событиях начала XVII века. Первейшее значение имеет «Сказание Авраамия Палицына», автор которого был келарем Троице-Сергиевой обители, а также активнейшим участником Земского собора 1613 года и его посольства в Кострому. Подпись Авраамия Палицына стоит на «Утвержденной грамоте об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова» – важнейшем государственном акте начала царствования Романовых, в котором дается развернутое обоснование прав нового государя на царский престол.

Представляют для нас интерес и документы, созданные в феврале-марте 1613 года – «Две Грамоты, отправленные с послами от Земского Совета и всего Московского народа в Кострому: первая к избранному на Всероссийский престол Михаилу Федоровичу, с убеждением его изъявить на то свое согласие и прибыть в Москву для коронования; вторая к матери его инокине Марфе Иоанновне о благословении и убеждении сына ея к принятию Российской Короны», «Две известительные грамоты Московскому Земскому Совету из Ярославля: первая от Государя Царя Михаила Федоровича о согласии его, в уважение всенародной

Выносной процессионный слюдяной фонарь Московского посольства 1613 года.

просьбы на принятие Всероссийского престола и о предпринятом им шествии в Москву для коронования; вторая от матери его инокини Марфы Иоанновны о данном ею сыну своему благословении на предлагаемый подвиг и о шествии с ним вместе в первопрестольный град от 23 марта 1613 года», «Запись крестоцеловальная царю Михаилу Федоровичу от февраля 1613 года» и «Чин венчания на Всероссийское Царство Государя Царя и Великого Князя Михаила Федоровича от 11 июля 1613 года». Эти и многие другие важные документы были собраны и изданы в начале XIX века в Собрании государственных грамот и договоров. События Смутного времени и возвышения рода Романовых нашли отражение и в Новом летописце – официальной летописи, составленной в окружении Патриарха Московского и всея Руси Филарета, отца царя Михаила Федоровича.

Начинается повествование обо всех событиях с важной мысли, что «без Государя Московскому Государству стоять не мочно» (4, № 2-3, с. 6). «О сем прилежно, постящееся три дни, не ядуще ни пиюще, со кресты и с образы по церквам ходящее, молебная творяще со слезы, [...] дал бы Господь Бог царя и государя всея Руси и устроил бы полезнаа всему православному христианству» (3, с. 231). Для решения вопроса о законном и достойном преемнике угасшей династии Рюриковичей был собран Московский Земский Совет, на котором от Костромы известно присутствие архимандрита Ипатьевского монастыря Кирилла и игумена Богоявленского Арсения. По преданию, первым на заседании заговорил о Михаиле Романове как о претенденте на царство «нек-

то дворянского чина Галича града», который и «предложи на том соборе выпись о родстве цареви». Согласно этому документу, Романовы через первую жену Ивана Васильевича IV (Грозного) Анастасию Романовну находились в самом близком родстве с угасшей династией великих Московских князей. «Божиим изволением и умолением всего освещенного собору и от всего царского синьклиту и всего воинства, и от всенародного множества всех чинов и всех православных христиан избран бысть на Московское государство царем и государем великий государь Михаил Федорович, братаничь блаженнаго великого государя Федора Ивановича всея Руси» (3, с. 232-233).

К новоизбранному государю был отправлен «освященный собор» – торжественное посольство с грамотой о всенародном его избрании на царство. В составе посольства были представители духовенства, боярства, дворянства и прочих «чинов» во главе с Архиепископом Рязанским и Муромским Феодоритом и боярином Федором Ивановичем Шереметевым. 14 марта, в четвертое воскресенье Великого поста, под «звоны великие» колокольные, у восточных Святых ворот Ипатьевского монастыря посольство встречали власти обители, Великая старица Марфа Ивановна и юный Михаил. Никогда еще в своей истории стены обители не видели столь огромного числа народа и множество чудотворных икон: из московских святынь – Петровский образ Пресвятой Богородицы «юже написал святой Петр Митрополит» – первая чудотворная икона Москвы еще до Владимирской, а также образы великих чудотворцев – святителей Московских Петра, Алексия и Ионы; из костромских святынь – чудотворный Феодоровский образ Божией Матери.

«Вшедшим же в церковь, архиепископ же Феодорит принесе пред государыню и пред государя многомолебное писание от всего освещеннаго собору и от бояр и от всего воинства и от христоименитаго народа Росийския державы, чтобы государыня пожаловала, благословила сына своего благороднаго государя Михаила Федоровича царем и государем на Московское государство и над прочими государствами Росийския державы» (3, с. 234).

Но именитые посланники встретили непреклонный отказ от Михаила и его матери инокини Марфы Ивановны: «С великим гневом и, исполнився слез многих, о государстве отказали» (5). «Архиепископ же Феодорит со освященным собором и боярин Федор Иванович и весь царский синклит со многими слезами моляще государыню на многи часы» (3, с. 234). Причина нежелания великой старицы благословлять сына на царство шла из самого сердца матери: «Как то может статися? А он еще государь не в совершенных летех; а Московского государства многие люди, по грехом, в крестном целованье стали нестоятельны. Да и по тому, что Московское государство от Польских и Литовских людей разорилось до конца, и прежних великих государей из давных лет сокровища царские и их царское всякое достояние Литовские люди вывезли; а дворцовые села и черные волости, и пригородки и посады от Литовских людей и от воров запустошены, а всякие служилые люди бедны. И чем служилых людей жаловати, и свои государевы обиходы полнити, и против своих недругов, Полского и Литовского, и Неметцких королей и иных пограничных государей стояти? Да и для того, что великий государь мой, а сына моего отец, святаейший Филарет, митрополит Ростовский и Ярославский, ныне у короля в Литве в великом утесненье; а сведает король то, что, по прошенью и по челобитью всего Московскаго государства, учинитца на Московском государстве сын наш Михайло, и король тот час велит над государем нашим Филаретом митрополитом какое зло учинить. И без благословения отца своего сыну моему как на такое великое дело помыслити?» (5). Действительно, в слишком тяжелое, смутное время доставалось еще неокрепшему Михаилу разоренное Московское государство.

Смирение матери и сына наступило лишь после твердых слов Архиепископа Рязанского и Муромского Феодорита: «Виждь, благовернаа велика государыня Марфа Ивановна и благоверный и благородный великий государь Михаил Федорович виждь, что ради шествова с нами толик путь пречестнаа и чудотворная сия икона Богоматере и велицыи святителие! И аще на милость не положили есте, но сего

ради чудотворного образа всех царицы Богоматере и великих ради святителей не мозите преслушати, но сотворите повеленное вам от Бога: во истину бо от Бога избрани есте; и не прогневайте всех владыку и Бога» (3, с. 234).

Обращаясь к Богородице всех чудотворных икон, инокиня Марфа Ивановна «со слезами рече: «О Богомати, Пресвятаа Богородице, и в твои пречистие руце, владычице, чадо свою предаю и, яко же хоцещи, устроиши ему полезнаа, и всему православному христианьству».

Вслед за этим в соборе Пресвятой Живоначальной Троицы Ипатьевского монастыря состоялся чин царского наречения: «И в той час возложиша на государя пречестный и животворящий крест, и жезл царский приим в руку свою и седе на стуле царском и наречен бысть [...] великий государь царь и великий князь Михаил Федорович, всея Руси самодержец», – повествует нам очевидец этих событий келарь Троице-Сергиева монастыря Авраамий Палицын (3, с. 234-235). Рязанский владыка отслужил Божественную Литургию, по окончании которой было возглашено многолетие Богоизбранному Царю. В Костроме впервые юному, еще невенчанному государю, был вручен скипетр – одна из царских регалий, и оказаны первые царские почести.

В честь свершившихся событий новоизбранный царь установил в день 14 марта новый церковный праздник – во имя чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери, покровительницы нашего древнего города. Кроме того, в день 14 марта был введен и новый придворный праздник в честь Феодоровской иконы Божией Матери, точный список которой Михаил Федорович увез в Москву 19 марта 1613 года и поместил в Кремлевской

**Царь Михаил Федорович.
Парсуна. XVIII век.**

церкви Рождества Пресвятой Богородицы. Образ стал покровителем новой царской династии Романовых (1, с. 63-64). В 1626 году царь Михаил Федорович и Патриарх Московский и всея Руси Филарет даровали в Ипатьевский монастырь бесценную святую реликвию – часть Ризы Господней, которая в настоящее время сохраняется в обители.

21 марта 1614 года царь Михаил Федорович в жалованной несудимой грамоте, адресованной Ипатьевским старцам, особо подчеркивал, что здесь в Ипатьевском монастыре «в

Троицы славимый Бог изволи нас избрати и нареци на скипетродержавное Российское Царство и на великое княжение быти Царем и Великим Князем всеа Руси» (2, с. 14). Это стало основой тесной взаимосвязи царей династии Романовых с Костромой: впоследствии город неоднократно посещали государи и великие князья, он испытывал на себе знаки их покровительства, в 1913 году стал местом торжественного празднования 300-летия царствования Дома Романовых.

Примечания

1. Баженов И.В. Призвание боярина Михаила Федоровича Романова на Московский и всея Руси царский престол / Юбилейный сборник Костромского церковно-исторического общества в память 300-летия царствования Дома Романовых. – Кострома, 1913.
2. Воспоминания о путешествиях высочайших особ, благополучно царствующего Императорского Дома Романовых, в пределах Костромской губернии в XVII, XVIII и текущем столетиях. Свящ. Е.П. Вознесенского. – Кострома, 1859.
3. Сказание Авраамия Палицына. Под ред. Л.В. Черепнина. – М.-Л., 1955.
4. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Часть 1-3. – М. 1813-1822.
5. Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова / с предисл. С.А. Белокурова. – М.: Типогр. Общества распространения полезных книг. 1906

Дворцовое землевладение в Костромском крае

В XVI-XVII вв. значительное число селений в Русском государстве находилось на статусе дворцовых владений. Это были разбросанные по территории всей страны первоначально великокняжеские, а впоследствии царские имения, принадлежавшие государю как землевладельцу, и которые в дальнейшем получили название дворцовых. Как отмечали исследователи, имеющиеся в распоряжении историков «тексты дают основание различать, с одной стороны, верховную собственность князя на всю государственную территорию княжества в качестве его политического главы, с другой – частную собственность на те земли, расположенные на данной территории, которые принадлежали ему как землевладельцу-феодалу и которые в дальнейшем получили название дворцовых» (10, с. 198).

По своему происхождению дворцовые земли делились на старинные родовые великокняжеские, а затем царские вотчины, и вновь приобретенные. Пути увеличения земель дворцового ведомства были различны: обращение в дворцовые черных волостей, ранее незакрепленных за владельцами; выморочных вотчин; купля; мена; отписка вотчин бояр «за вины перед государем». Так, например, за период с 1666 по 1675 годы Тайным приказом были куплены один посад, 9 сёл, 10 деревень и много пустошей, всего на сумму около 44 тысяч рублей (6, с. 33). По подсчетам доктора исторических наук Ярослава Евгеньевича Водарского, общий итог дворов в дворцовых владениях на 1678 год составил около 110 тысяч дворов с населением 400 тысяч человек (2, с. 100-101).

Петр Иванович Потемкин.
Портрет художника Готфрида Кнеллера.
1682 год.

Расширение дворцовых вотчин осуществлялось и обычными путями, присущими всякому частному владению, и путем использования того обстоятельства, что вотчинник являлся одновременно и государем, облеченным неограниченными правами. Это убедительно показал в своем исследовании профессор Александр Иванович Заозерский. Анализируя деятельность царского хозяйства государя Алексея Михайловича, он установил, как происходило переведение земли из государствен-

ного фонда в дворцовое ведомство: плохие, малопригодные земли заменялись более выгодными в хозяйственном отношении. Начиная с 1663 года, «по наряду из Тайного приказа» производились «досмотры» владений, которые были бы пригодны для хозяйственной эксплуатации. Нередко хорошие земли изымались у частных лиц, а взамен отобранных им давали другие государственные земли. Всё это делалось по личной инициативе царя, в порядке использования им своих прав (6, с. 16-44). Поэтому в уездах дворцовые волости занимали наиболее удобные земли.

В Костромском уезде находился довольно большой массив дворцовых хозяйств: волости Емсна, Домнинская, Колдомская; посадки Соль Большая и Соль Малая; сёла Писцово, Цыбино, Сретенское, Покровское-Коробаново на речке Юрчувке, Никольское на Баране, Богословское, Павловское, Путилово, Сунгурово и Здемирово на Волге, все села с деревнями; погосты Шунга, Вежи, Самит, Куников с дерев-

нями (9, с. 5, 36, 37, 48-49, 57-59, 115, 149, 196, 209, 213). Во II четверти XVII века дворцовые владения в Костромском уезде занимали 31 тысячу десятин пашни, что составляло 8% от всех пашенных площадей (1, с. 88-89).

Данных о существовании дворцовых владений в Галичском уезде в XVI-XVII веках сохранилось немного. О них мы узнаем уже из сведений о раздаче дворцовых земель конца XVII века. В 1687-1688 гг. в Галичском уезде получили дворцовые земли в вотчину: думный дворянин Петр Иванович Потемкин – 40 крестьянских дворов, князя Козловские, стольник Федор Григорьевич Ртищев, С. Николаев и другие лица – 126 дворов (3, с. 332).

Дворцовые селения в Костромском крае, как и в других уездах, были очень разнообразны по размерам: от обширных волостей и посадов со значительным количеством дворов до небольших сёл с 2-3 деревнями, с приселками и пустошами. Например, в Колдомской волости Костромского уезда, пожалованной столь-

Семен Аникеевич Строганов (в красных одеждах).
Фрагмент иконы «Иже херувимы». 1579 год.

нику Федору Борисовичу Долматову-Карпову – второму «дядьке» царя – и возвращенной царю по завещанию бездетного Долматова-Карпова, числилось 318 дворов и «4555 четей в поле» (6, с. 20).

Довольно крупным дворцовым посадом в пределах Костромского уезда была Соль Большая. В 1572 году царь Иван IV посад Нерехту с обеими Солями «отказал» (т.е. передал) сыну своему Федору, а через 10 лет, в 1583 году, поволжские посады Соль Большую и Соль Малую отдал сольвычегодскому промышленнику и купцу Семену Аникеевичу Строганову за участие в завоевании Сибири. Но в 1598 году Соль Большая и Великосольская волость, как видно из описных книг костромских писцов Василия Афанасьевича Вельяминова и Пантелеймона Дмитриевича Усова, принадлежали опять государю. По описи в Солях было менее 70 дворов. Занимала тогда Соль Большая более 400 десятин земли. Селения, смежные к Соли Большой, сельцо Богородское, деревни Кобелево, Головино принадлежали посаду. По писцовым книгам 1598 года, в Соли Большой были на Егорьевской стороне амбары для складки соли, 33 лавки, 2 места лавочных, таможня, тюрьма, обнесенная острым тыном (11, с. 168-171). По Переписным книгам 1646 года после того, как в 1635 году жителей на посаде прибыло, в Больших Солях насчитывалось 142 двора (13, с. 712). В 1693 году, накануне передачи Соли Большой в Переяславский Горичский монастырь, согласно отказным книгам приказа Большого Дворца подъячего Якова Лафина, на дворцовом посаде было 75 дворов посадских людей, 171 огород, 3 полянки для выгону в 60 десятин, на р. Солонице – мельница со всяким мельничным строением, на Борисоглебской стороне на площади – 29 лавок, 10 шалашей, 2 кузницы (9, с. 209).

В конце XVI в. в дворцовых владениях Костромского уезда числилось:

в Андомском стане – село Никольское на Барани, к нему погост Старые Дворища с отхожими деревнями, сельцо Богословское, 32 деревни с полудеревнею, 5 починков «живущих»; во всех пунктах – 140 дворов крестьянских,

крестьян в них – 147 человек да бобыль, непашенных и бобыльских дворов 57, людей в них столько же, да 10 дворов пустых (9, с. 5-6); в Логинове стане – село Покровское-Коробаново на речке Юрчувке, к селу, по сотной из Книг письма и меры 1596-1597 гг. князя Федора Ивановича Кривоборского да Артемья Ивановича Колтовского «с товарищи», 22 деревни, 3 починка «живущих», а в них – 82 двора крестьянских, 92 человека, 10 дворов бобыльских, в них – 12 человек (9, с. 48-49); в Сорохотском стане, по Книгам письма и меры Курбата Андреева сына Измайлова да подъячего Рудака Толмачева, в 1568 году – село дворцовое Писцово, с сельцом Цыбино и с сельцом Сретенским, с 4-мя деревнями, в них – 26 дворов крестьянских с 36 человеками (9, с. 115); в Дуплехове стане село Сунгурово на реке Волге, бывшая вотчина боярина Дмитрия Ивановича Годунова, отданная царем Алексеем Михайловичем в 1649 году в вотчину боярину Глебу Ивановичу Морозову (брату Бориса Ивановича Морозова – первого царского «дядьки»), отказанная затем, в 1663 году, его вдове Федосье Прокофьевне и конфискованная на великого государя у знаменитой раскольницы в 1672 году. В 1629-1630 гг. за селом Сунгуровым числилось худых земель «20 четей в поле, а в две потомуж», сена 20 копен, в селе двор вотчинниковый, 6 дворов людских (9, с. 37).

Во всех дворцовых владениях собственником земли, их главой, был великий князь, а затем – царь. Исследователи А.И. Заозерский, Ю.В. Готье, Е.И. Индова, опираясь на сохранившиеся документальные материалы, показали, что великокняжеское и царское хозяйство было хозяйством владельческим, вотчинным. От имени царя-вотчинника и часто при его личном участии составлялись и шли в имения распоряжения, повеления, приказы, от его имени действовала дворцовая администрация, он регламентировал весь жизненный режим организма дворцовой вотчины. От имени верховного владельца управление имениями осуществлял в XVII веке, в период действия приказной системы, Приказ Большого Дворца. При царе Алексее Михайловиче часть земель,

плодородных, но мало эксплуатировавшихся и новоотписных, в течение 13 лет, до 1676 года, ведались в специально созданном Приказе его государевых тайных дел. Это выделение было выполнено по желанию царя с целью активизации хозяйственной жизни в старинных дворцовых имениях. В 1679 году дела по дворцовым вотчинам вновь перешли в Приказ Большого Дворца.

Именно отсюда, из этого Приказа, предпринимались почти все описания дворцовых владений в XVII веке. Надо отметить, что уже с начала XVI века при генеральных описаниях Русского государства дворцовые земли подлежали учету, в отличие от монастырских и вотчинных земель, которые стали учитываться лишь с середины этого века. От времен Ивана Грозного сохранились сведения в Книгах письма и меры Курбата Андреева сына Измайлова и подъячего Рудака Толмачева 1568 года о дворцовых землях села Писцова с приселками и деревнями в Костромском уезде (15, с. 26-28). К 20-30 годам XVII века, ко времени всеобщего описания русских земель, предпринятого для определения платежных способностей населения страны, относятся многочисленные описания дворцовых вотчин (3, с. 73). Далее, между 1672 и 1682 гг., почти одновременно со второй переписью 1678-1679 гг. поместий и вотчин землевладельцев, черных земель и посадов, переписи подверглись все дворцовые владения. Из дворцовых описаний конца века сохранились известия о книгах 1679-1680 гг. М. Кругликова и подъячего П. Стахеева по селу Красному и посаду Плесу (3, с. 56, 73).

Переписи населения в дворцовых вотчинах производились по мере возникновения необходимости в них. Очень редко описания дворцовых земель и переписи дворцовых крестьян совпадали с работой в остальных землях в период общего учета населения. Так, например, от 1598 года сохранилось описание дворцового посада Соли Большой писцов В.А. Вельяминова и П.Д. Усова, которые составили и Книги письма и меры города Костромы (11, с. 168-169). В 1646 году, когда возник новый тип описания – переписи, во многих уездах

одни и те же писцы, посланные из Поместного приказа, одновременно описывали частные и дворцовые земли (3, с. 73).

Управление дворцовыми вотчинами от имени царя Приказ Большого Дворца осуществлял через чрезвычайных агентов и главным образом через постоянные органы хозяйственного управления – дворцовых приказчиков. Чрезвычайными агентами были посыльные на места доверенные лица приказа из числа голов и сотников московских стрельцов, подъячих приказа, реже – высших придворных чинов – стольников и стряпчих. Они посылались в царское хозяйство с ревизией, с наказом, главным образом по установлению размеров крестьянских оброков и повинностей. Например, в наказе неизвестному лицу, которому велено было объехать Юрьевские села, волости Словецкую и Колдомскую предписывалось «рассмотреть крестьян и пашня и, будет крестьяном в тягость, положить на них по мере» (6, с. 63). Голова московских стрельцов В. Пушечников «сыскивал» в дворцовых селах Суздальского, Московского, Ростовского и Костромского уездов «о сенных покосах» (6, с. 63).

Постоянным же представителем центральной власти на местах были назначавшиеся приказчики. Там, где имелись укрепления и гарнизоны, к обязанностям приказчика по хозяйственному управлению присоединялись функции военного начальника, и приказчик получал название воеводы. Свои воеводы в XVII веке были в дворцовых посадах Соли Большой и Соли Малой (12, с. 180). Воеводы Соли Большой занимали дом волостеля, который управлял посадом в XVI веке. Дом был выстроен на общественные волостные средства на Борисоглебской стороне (11, с. 180).

Приказчику и воеводе предписывалось в наказе: «Село с деревнями ведать во всем и государеву десятинную пашню пахать [...] денежные [...] оброки собирать, и над крестьяны смотреть всего, и от сторон их оберегать, а угождая всякие досмотреть самому» (6, с. 51). Помимо наказов, приказчики и воеводы на месте своей службы получали инструкции в форме «статей», государевых грамот и приказных

памятей. Ими они должны были руководствоваться в отдельных случаях хозяйственно-административной практики и на которые, в свою очередь, должны были посылать отписки в Приказ.

Кроме вышеперечисленных обязанностей по ведению хозяйства, приказчики и воеводы распоряжались крестьянскими жеребьями (долями земли); сажали на опустевшие из них новых тяглецов; предоставляли жильцам льготу или оказывали помощь ссудой по случаю «пожарного разорения» или, если «хлеб градом побил», собирали с крестьян разные «запасы» и наряжали их на всякую государеву работу. Кроме хозяйственных и фискальных функций приказчики и воеводы выполняли и судебные, поскольку дворцовые крестьяне были изъяты из юрисдикции местных уездных властей «опричь душегубства и разбоя и татбы с поличным»: «А сужу их яз царь и великий князь и мой дворецкий» (7, с. 24). Даже сборщики государственных податей не могли приезжать без ведома дворцовой администрации в дворцовые села и деревни.

В селе или городе, служившими административными центрами дворцовой вотчины, была приказная или съезжая воеводская изба, где хранился сундук с денежной казной, местный архив, содержащий в себе «указные памяти о всяких делах», приходо-расходные книги и другие хозяйственные документы. Один из таких документальных памятников – «Росписной список» грамот царей в Большую Соль, датированный 12 октября 1681 года, находившийся в запертой «коробье» и переданный земским властям посада воеводой Афанасием Афанасьевичем Башмаковым, хранится в настоящее время в фондах Костромского музея-заповедника*.

Под непосредственным наблюдением и в подчинении приказчиков и воевод находился весь крестьянский мир дворцовых земель и органы крестьянского мирского самоуправления – старосты и целовальники** «мира». Документы Тайного приказа, как отмечает А.И. Заозерский, раскрывают обязанности мирских выборных людей: они раскладывают

подати и оброки, собирают их, возят деньги и «запасы» в Москву, берегут на месте государев хлеб в житницах, заведуют государевыми мельницами (6, с. 56).

Поскольку дворцовое хозяйство являлось владельческим, вотчинным, где вотчинником был сам царь, юридическое положение дворцовых крестьян было таким же, как и положение крестьян вотчинных. Крестьянство – основное население дворцовых земель – было прикреплено к владельцу и земле так же, как в частных вотчинах. В указе от 21 ноября 1601 года прямо говорилось об этом: «Где бы не жили крестьяне на землях владельческих или дворцовых, с этого времени им не переходить». Крестьянству дворцового ведомства было запрещено даже изменять свои надельные жеребьи «без указа великого государя» (7, с. 25). Менять же местожительство, уходить или переходить без дозволения на то владельца означало числиться в бегах, подвергаться возвращению и наказанию.

Основным законом, по которому жил крестьянин России с середины XVII века и в ведомстве Большого Дворца, и Тайного Приказа, было Соборное Уложение 1649 года. Недаром Уложенную книгу должны были держать приказчики и воеводы в приказной избе. Соборное Уложение, отменившее «урочные годы»***, установило бессрочный сыск беглых дворцовых крестьян наряду с другими категориями крестьянского населения (14, с. 64). Дворцовым крестьянам не разрешалось даже передвижение в пределах своего ведомства, на это тоже требовалось специальное разрешение владельца или администрации. Самовольно перешедших и особенно тех, кто не значился в документах на новых местах, принудительно отсылали на прежнее место жительства.

Но зато чрезвычайно широкое применение в практике дворцовых хозяйств получил такой хозяйственный прием, выражавший собой зависимость крестьянина от владельца в личных и имущественных правах, как переселение крестьян. Так, в 1662-1663 гг. из дворцовой Колдомской волости Костромского уезда в подмосковное село Измайлово за один раз

было переселено 738 семей (6, с. 150). При переселениях, разумеется, не считались с интересами крестьян. Сам подбор переселяемых производился администрацией, которая руководствовалась хозяйственными соображениями. По-видимому, старались выбирать для подмосковных сел более зажиточных людей. Из той же Колдомской волости, по словам указа 1680 года, в Измайлово «написано было [...] 30 дворов самых лутчих людей» (6, с. 151).

О том, что переселенцы нелегко мирились с новым положением, лучше всего свидетельствуют крестьянские побегі. А.И. Заозерский, опираясь на источники, подробно описывает судьбу двух крестьян из села Дмитровского Колдомской волости – старосты Куземки Обросимова и Алёшки Семенова, сосланных в Белгород за то, что «великого государя указу чинились силны и ослушны и невежливы будто слова говорили». Бежавши из Белгорода, «без отпуска пришли к Москве», потеряли друг друга и в Костромской уезд на «прежний свой двор» возвратился один Алёшка Семенов. Получив от мира челобитную к царю об освобождении от ссылки и придя «к Москве бит челом о государеве грамоте, чтоб ему из Белагорода освободица», Алёшка Семенов, вместо возвращения на родину, был в приказе «бит ба тоги» и сослан обратно с приставом (6, с. 152-153, прим. 3).

В XVI-XVII вв. дворцовое хозяйство было многоотраслевым: в царском вотчинном комплексе были мельницы, развивались кожевенный, кирпичный, стекольный, поташный промыслы. Но главным в подборе владений ведомства был расчет, чтобы «мочно было завести десятинную пашню большую». Как и большинство других, Костромское дворцовое хозяйство носило земледельческий характер, было связано с хлебопашеством. Это и определяло круг повинностей крестьян, основную массу которых составляли пашенные крестьяне. Из традиционных видов повинностей были отработочная повинность, куда входили барщина, а также оброк продуктами. Хотя хозяйственных дворцовых комплексов с чисто отработочной земледельческой повинностью в конце

XVI века было немного, почти в каждом селе – центре дворцовой вотчины – существовала государева пашня, которая была отделена от крестьянских наделов, и куда, «как пашенное время придет», «с сохами и з боронами» съезжались земледельцы из окрестных деревень. Наличие обособленного барского поля хорошо прослеживается по Сотной 1568 года с Книг письма и меры Курбата Андреева сына Измайлова и подьячего Рудака Толмачева на село Писцово с приселками и деревнями в Костромском уезде (15, с. 26-28). В то время как крестьянские наделы были разбросаны по деревням, в которых крестьяне жили, государева пашня находилась в селе Сретенском и составляла 35 десятин в одном поле. Типичная норма отработочной повинности с выти (*На выть (единица уплаты податей) клали: 6 десятин доброй земли, 7 десятин средней и 8 десятин «худой» земли*) составляла «одну десятину в поле, а в дву потому ж», т.е. две десятины в двух полях – одна десятина озимого и одна десятина яри (8, с. 61).

Сев, видимо, производился крестьянским семенами: «А сеяти им на десятину по 2 четверти ржи, а овса вдвое». Пашня предварительно унаваживалась: «А навоз им возити на великого князя пашню своих дворов по 30 колышек на десятину, а мера колышке в длину и поперег 4 пяди, а вверх 2 пяди», пядь равнялась 18-20 см. (8, с. 61). Уборка урожая, перевоз его в житницы, а также сенокос, входили в обязанности крестьян. Словом, за формулировкой наказов для крестьян «пахати с выти по десятине», подразумевалась не только обработка земли и сев, но весь цикл сельскохозяйственных работ.

Однако, как свидетельствуют дошедшие до нас сотные грамоты, уже в XVI веке царское ведомство предпочитало барщине натурально-денежный оброк. О том, что дворцовое ведомство сознательно проводит политику отказа от барщины в подавляющей части центральных уездов, видно по той же сотной 1568 года на села Цыбино и Сретенское Костромского уезда, где вместо отработочной повин-

ности устанавливался хлебный оброк: «А по наказу приписаны те приселки и деревни в посоп» (15, с. 27). О том же самом говорит соотношение государева поля и крестьянской пашни: на 35 десятин государевой земли – 79 десятин крестьянской в 2-х сельцах и 4 деревнях (15, с. 26-28).

Натуральная повинность – посопный хлеб, или хлеб «поспом» – это оброк зерновым хлебом, в установленном для каждого хлеба количестве. Посопный хлеб состоял из ржи и овса, причем овса взималось обычно больше, чем ржи. Оклад посопного хлеба с выти в дворцовых селах Цыбино и Сретенское Костромского уезда составлял 5 четей ржи и 7 четей овса (15, с. 28). Если учесть, что на выть приходилось в этом дворцовом хозяйстве два крестьянских двора (8, с. 64-65), показатель оброчной ренты на двор равен 2,5 четверти ржи и 3,5 четверти овса. Итого «доходу давати Государю Царю и Великому князю посопного хлеба 95 четвертей ржи да 133 четвертей овса» (15, с. 28).

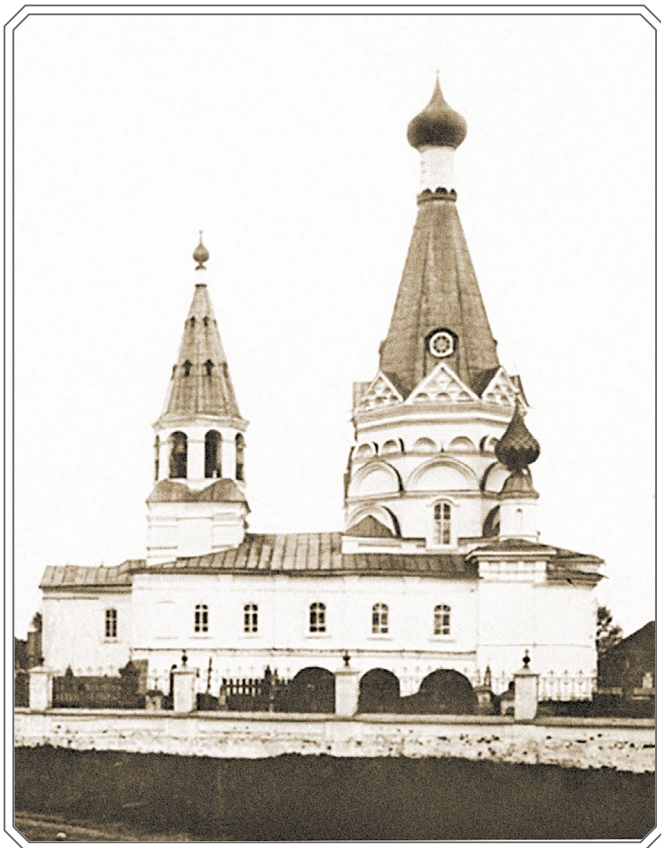
Помимо барщины и посопного хлеба, крестьяне дворцовых волостей платили определенные суммы денег за так называемый «мелкий доход» или, как еще говорили, «столовый запас», куда входили продукты животноводства и птицеводства: мясо, птица, яйца, масло, сыр, сметана, рыба. Иногда здесь могли присутствовать продукты лесного промысла: тетерева, зайцы, грибы, орехи, ягоды. В царских селах Московского, Старицкого уездов подобные «столовые запасы» натурой сохранялись и в XVII веке, но в других царских хозяйствах уже в XVI веке «мелкий доход» взимался не натурой, а деньгами – по 30-40 денег с выти (8, с. 61-69). Причем денежный эквивалент часто устанавливался вне зависимости от того, какие реальные продукты входили в состав «столовых запасов». В 1568 году с 26 тяглых дворов сел Цыбино и Сретенское Костромского уезда взималась очень высокая сумма для того времени – 100 денег «мелкого дохода»: «да за мелкий доход 9 рублей с полтиною, с выти по полтине» (15, с. 28).

Владельческая рента в дворцовых хозяйствах взималась не только с надельной земли, но и с оброчной. Дворцовое ведомство в соответствии с принципом, «чтоб никто ничем безоброчно не владел» (6, с. 158), получало большие денежные доходы со сдававшихся на оброк крестьянам пустошей, сенокосов, рыбных ловель, мельниц, кузниц. Так, например, в 1590 году население дворцовых погостов Митцково, Куников, Шунга с деревнями, Самит с деревнями на Самитском озере, деревень Гребенево, Вежи, Ведерница, Овинцы арендовало государевы мельницы, рыбные ловы и места охоты на медведя и платило «с мельниц и с рек и озер за рыбную ловлю оброков и пошлин 39 рублей 8 алтын 2 деньги, да медвежатного оброку 22 пуда, пошлин 18 алтын 2 деньги» (9, с. 57).

Население дворцового посада Большие Соли имело на оброке государев Клевневский луг, ставило на нем 100 копен и платило в Приказ Большого Дворца в год по полуполтине (11, с. 169). Арендовали великосольцы и единственную из 20-ти в Больших Солях в конце XVI века государеву соляную варницу Дорогобуж. Остальные 19 находились во владении посадских людей и нескольких пайщиков. «С сих варниц доставляли во дворец с каждой по 2 пудов соли и деньгами по 2 рубля 43 копейки. Со всех варниц деньгами пошлина платилась 47 рублей 4 алтына 4 деньги, солью 276 пудов» (11, с. 173).

Кроме того, большесольцы имели заводы винокурный и пивоваренный, но Иван Грозный положил пошлину на варение пива и вина, которая составила 2 рубля 2 алтына с полуденьгою; а с двора платилось по 2 алтына с полуденьгою (11, с. 171). Торговля на посаде была довольно оживленной. Как уже отмечалось, на Егорьевской стороне размещались 33 лавки, амбары для складки соли, таможня, питейные дома. По расчетам Е.И. Заозерской, общий торговый оборот составлял от 1000 до 1200 рублей, «да иначе и не могло быть при наличии в Больших Солях 19 варниц» (5, с. 21). О размерах торговли говорят и общие суммы

Церковь Богоявления села Красное-на-Волге Костромской области. Построена в 1592 году.

собиравшейся на государя мытной пошлины с товаров. Оклад равнялся 13 рублей 22 алтына 3 деньги; фактические сборы по деньге с рубля составляли от 5 до 6 рублей, «недостаток посадцы вознаграждали со всею Великосольскою волостью особым сбором по душам» (11, с. 171).

Кроме владельческой ренты в дворцовое ведомство, население царских вотчин платило и государевы налоги по сошному окладу: «деньги ямским охотникам на прогоны и подмогу» – так называемые малые ямские деньги; полоняничные деньги и с начала XVII века стрелецкие деньги – «стрелецкие запасы ратным людям на жалованье». По данным отписи дьяка Томилы Бровцына о принятии в казну государеву, в Приказ Большого прихода, по указу царя Василия Ивановича Шуйского, с посада Великие Соли по окладу на 1608 год денежных сборов было принято «с полу-сохи без пол-пол-чети сохи ямских денег 4 рубля 12 алтын

3 деньги» (12, лит. В, с. 39, №1). В 1590 году пять дворцовых погостов с деревнями – Шунга, Самит, Вежи, Митцкой и Куников – доходов платили «ямских и приметных денег 13 рублей 21 алтын 1½ деньги» (9, с. 57).

Согласно отписи дьяка Богдана Силина о принятии в казну, в Костромскую четь, с усольца посадского человека Никонки Клестова, по отписке от Соли Большой Ивана Брянчанинова полоняничных денег 5 рублей 22 алтына 4 деньги из расчета 8 денег с каждого посадского, бобыльского и вдовьего двора и кельи, которых, по Переписным книгам 1646 года стольника Ивана Колтовского и подъячего Ондreja Фрязина, в посаде Большие Соли 142 двора и кельи (12, Лит. В, с. 50, № 80). Отписки дьяков Приказа Большого Дворца Семена Комсина 1683 года, Григория Посникова 1687 года, Тимофея Литвинова 1688 года свидетельствуют о приеме с посадских людей Больших Солей Костромского уезда стрелецких денег по 40 рублей в год (12, лит. А, С, с. 18-19, №№ 96, 99, 106, 108).

Какова судьба дворцового землевладения в России? Исследователи отмечают увеличение его площадей к середине XVIII века. По данным Е.И. Индовой, опирающейся на Писцовые книги, в конце XVI века дворцовые земли были расположены в 34 уездах Русского государства; в XVII веке – в 60 уездах; в I половине XVIII века – в 109 уездах девяти губерний (7, с. 41).

Однако на фоне роста дворцовых вотчин по всей стране в Костромском крае наблюдается явное сокращение их в XVII веке, по сравнению с XVI веком. Из выше называемого большого массива дворцовых хозяйств в Костромском уезде многие села и деревни уже к концу XVI века оказались в частном владении, главным образом монастырском. Села Никольское на Баране, Покровское-Коробаново на реке Юрчувке, Богословское по жалованной грамоте 1594 года царя Федора Иоанновича и царицы Ирины Федоровны Годуновой – во владении Ипатьевского монастыря; села Павловское, Путилово, погосты Шунга, Самит, Мисково, Ку-

ников, Вежи – у московского Чудова монастыря (9, с. 6, 49, 57-59).

Начиная с XVII века «озабоченное испомещением всех наличных служилых людей и поставленное в необходимость жаловать множество лиц вотчинами за «осадные сидения» и другие заслуги во время войны с Польшей и Швецией Московское правительство производило раздачу дворцовых земель в очень широких размерах». За первые месяцы царствования Михаила Федоровича в Замосковном крае было роздано думным и московским чинам не менее 45 500 десятин дворцовой земли (3, с. 321).

По февральскому указу 1627 года раздача дворцовых земель в больших масштабах была запрещена «для того, что на государев обиход и на всякие дворцовые расходы [...] денег и хлеба не достает много» (4, с. 156, № 151). Однако, несмотря на категоричность со державшегося в указе запрещения раздавать впредь дворцовые земли, он не соблюдался. Раздача дворцовых земель, хотя и не в таком большом объеме, проводилась на протяжении всего XVII века. В 1659 году села Писцово, Цыбино, Сретенское были пожалованы в поместье, а с 1667 года – в вотчину боярину князю Юрию Алексеевичу Долгорукому, возглавлявшему Приказ тайных дел. В 1631 году центр дворцовой Домнинской волости – село Домнино с селом Хрипели, 30-ю деревнями и 15 починками – был отдан в московский Новоспасский монастырь по завещанию матери царя Михаила Федоровича Великой инокини Марфы. В 1677-1678 годах дворцовая Колдомская волость была роздана безпоместным и безвотчинным жильцам: «Из дворцовой Колдомской волости три трети села Новленского отделено Трофиму Никитину Мусину-Пушкину, да Льву Силину Пушкину, да Ивану Анофриеву Цвилленеву» (9, с. 115, 149-151, 196).

Пополнялся же фонд дворцовых земель, главным образом, за счет выморочных част-

новладельческих вотчин, например, боковых ветвей Романовых. При общей тенденции стягивания в ведомство Тайного приказа романовских земель, в 1652 году царь Алексей Михайлович становится наследником родового земельного состояния, после смерти его двоюродного дяди и последнего из рядовых представителей фамилии Романовых – бездетного Никиты Ивановича Романова. В перечне дворцовых сел и волостей на 1705 год, составленном по документам историком Екатериной Иосифовной Индовой, в Костромском уезде значились села Даниловское, Красное, Сидоровское и Фомино (7, с. 319).

* Костромской Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (далее – КГИАХМЗ). КМЗ КОК 4560.

** Целовальник – должностное лицо в таможне, приказной или земской избе и т.д., который давал клятву честно исполнять свои обязанности и, в подтверждение клятвы, целовал крест.

*** «Урочные годы» – пятилетний срок сыска беглых крестьян в Московии, введенный в 1597 году.

Примечания

1. Водарский Я.Е. Дворянское землевладение в России в XVII – первой половине XVIII вв. - М., 1988.
2. Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII вв. - М., 1977.
3. Готье Ю.В. Замосковный край в XVII веке. - М., 1906.
4. Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века: Тексты. - Л., 1986.
5. Заозерская Е.И. У истоков крупного производства в русской промышленности XVI-XVII вв. М., 1970.
6. Заозерский А.И. Царская вотчина XVII века. - М., 1937.
7. Индова Е.И. Дворцовое хозяйство в России: Первая половина XVIII века. - М., 1964.
8. Колычева Е.И. Аграрный строй России XVI века. - М., 1987.
9. Материалы для истории сел, церквей и владельцев Костромской губернии. Отдел третий. XV-XVIII вв. Выпуск 5. - М., 1912.
10. Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Пути развития феодализма. - М., 1972.
11. Описание посада Большие Соли. Исследование священника Евг. Лаговского / Костромская старина. Вып. 5. - Кострома, 1901.
12. Описи документам архива бывших Большесольских посадской избы и ратуши: XVI-XVIII вв. - СПб., 1902.
13. Смирнов П.П. Посадские люди и их классовая борьба до сер. XVII века. Т. II. - М.-Л., 1948.
14. Соборное Уложение 1649 года. Текст, комментарии. - Л., 1987. Глава XI. Статья 1.
15. Шумаков С. Сотницы, грамоты и записи: Костромские сотницы 7068-7076 гг. Вып. 2. - М., 1903.

Светское землевладение в Костромском крае

Первое место по числу владений в Костромском крае в XVI-XVII вв. занимало светское землевладение, которое подразумевало земельные владения служилых людей по Отечеству на вотчинном и поместном праве. Во второй четверти XVII века вотчинники и помещики в Костромском крае владели 56 473 дворами с населением в них 186 852 человека: Костромской уезд – 27 710 дворов, 90 923 человека; Галичский уезд – 28 763 двора, 95 929 человек (9, с. 222).

Московское право XV-XVII веков, не знавшее слово «собственность», право собственности отождествляло с правом вотчинным, владением вотчинным, владением вечным и потомственным.

Костромская земля, издавна входившая в состав Великого Владимирского княжения и тесно связанная впоследствии с Москвой, со времен удельной старины являлась сосредоточением древнейших вотчинных земель. Как писал академик Степан Борисович Веселовский, сила и историческая значимость древнейших великорусских родов основывались на многочисленных вотчинах, разбросанных во многих уездах, в том числе Костроме и Галиче (5, с. 266).

Исторические документы позволяют выявить в Костромском крае в конце XIV-XV вв. землевладение крупнейших боярских родов общерусского масштаба, представители которых образовали крепкое ядро правящей верхушки будущего Московского государства. В Костромском уезде в волости Нерехта село Тетеринское на р. Солонице в XV веке принадлежало боярину великого князя Дмитрия Донского Александру Остею – правнуку Акинфа Великого из рода Ратши – первого из древ-

нейших родов (5, с. 61). Село Поемечье на р. Емстне Нерехтской волости было родовой вотчиной боярина великого Московского князя Ивана III Василия Борисовича Тучко, весьма значительного человека своего времени. Он происходил из второго по значимости русского рода Михаила Прушанина – соратника Александра Невского (1, с. 272, № 374).

Третьим родом общерусского масштаба, по мнению С.Б. Веселовского, был род основателя костромского Ипатьевского монастыря Захарии, потомки которого – Дмитрий Зерно, Константин Шея, Федор Сабур и его сын Михаил – занимали видные места в боярской среде, служа великим Московским князьям, начиная с Ивана Калиты и Дмитрия Донского. Они владели огромными вотчинами на Костромской земле: селами Костенево, Кузьминское в Андроникове стане; Малое Якольское в Мерском стане; Подольское, Астафьевское, Большое Якольское в Плеском стане; селами Коростелево и Наволок в Вятском стане; Колдомскими селами в Козурском стане; селом Исаковское в Плоскинине стане; селом Новинское в Шухомаше; селами Сунгурово, Здемирово, Прискоково в Дуплехове стане (5, с. 162-195).

Правнуки Андрея Ивановича Кобылы – основателя четвертого крупнейшего рода – Захарий Иванович Кошка и Тимофей Александрович Синий Кобылин – имели в Костромском уезде родовые вотчины – села Федоровское в Нерехтской волости и Марьинское в волости Емсна (1, с. 100-101, № 130, 131; с. 364, № 483).

От XV века дошли до нас сведения о представителях костромских вотчинных родов: зажиточного рода Ольговых, во владении которых было село Юринское Нерехтской во-

Боярин великого князя Дмитрия Донского Александр Остей ведет переговоры с ордынским ханом Тохтамышем. Миниатюра Лицевого летописного свода XVI в.

Свадьба великого князя Симеона Гордого на дочери князя А.М. Тверского Марии, привезенной боярином Андреем Кобылой. Миниатюра Лицевого летописного свода XVI в.

лости (1, с. 100, №129); старого рода мелких вотчинников Аминовых, владения которых находились в волости Емстна на р. Солонице (5, с. 521-522); рода костромских вотчинников средней руки Лихаревых, владевших селениями в Андомском стане Костромского уезда (18, с. 1-2, 8-9, 4-5). В Костромском уезде в XV-XVI вв. находились родовые гнезда Бестужевых, в Галичском уезде – Зачесломских, получивших свое фамильное прозвание от реки Челсмы (6, с. 360, 386).

Однако к началу XVI века многие вотчинные земли древнейших русских родов оказались в руках монастырей: в Костромском крае – во владении Троице-Сергиева монастыря: села Поемечье, Марьинское, Федоровское, Юринское; Ипатьевского монастыря – Костенево, Малое Якольское, Кузьминское, Колшево; Переяславского Горицкого монастыря – Тетеринское.

В период складывания единого Русского государства в военно-оборонительных целях, и чтобы «земля из службы не выходила», Московское правительство осуществляет перестройку системы феодального землевладения. Используя издавна существовавшую форму условного держания земель за службу, великокняжеская, а затем царская власть создает государственную поместную систему. С конца XV века начинается массовое ипомещение (наделение землей) служилых людей. В великокняжеских грамотах на землю подчеркивалась зависимость пожалований от службы. Например, в марте 1488 года великий князь Иван III данной и несудимой грамотой «пожаловал Микитку да Юрку Шенуриных, да сына Микиткина Осташа, в Галиче, в Едоском стану, своею великого князя деревнею Шенуринскую со всем с тем, что к ней истарины потягло [...] доколе служит Микитка да Юрка да Ми-

киткин сын мне и моим детям» (1. с. 263-264, № 243). Как отмечал С.Б. Веселовский, «приблизительно ко времени великого князя Ивана III рост вотчинного землевладения остановился почти на полтора года. Поместья становятся господствующей формой землевладения» (8, с. 53; 6, с. 181).

Как пишут исследователи, впервые слово «поместье» появляется в Костромской жалованной грамоте 1533 года Василия III Михаилу Ильину Гиневлю: «Мы [...] государь всея Руси и великий князь пожаловали есми Михаля Ильина сына Гиневля, в Костромском уезде, в Троицкой трети, своими Великого князя деревнями черными [...] в поместье»* (16, с. 154, № 105). В середине XVI века была выработана шкала поместных окладов: пожалования земель от 100 четей производились для новиков из городских детей боярских; до 1000 четей – для бояр и других высших чинов государева двора (8, с. 312). По Уложению о службе 1555-1556 гг. была установлена общая норма службы: «со 100 четвертей доброй земли человек на коне и в доспехе полным, а в дальний поход о дву конь» (12, с. 33). Однако на практике поместные оклады земель были значительно меньше и зависели от территории испомещения. Например, Иван III роздал 300 тысяч десятин, и вся земля пошла в сравнительно мелкие владения от 10 до 50-70 четей в поле. Царь Иван IV Грозный роздал более 1500 тысяч четей земли, размеры пожалований колебались в пределах 100-200 четей на одну фамилию (14, с.274). Правительство требовало, чтобы среди «верстаемых» «не было худых, которых вперед в службу не будет, и поповых, и мужичьих детей и холопей боярских, и слуг монастырских» (23, с. 27).

Каковы же были источники формирования поместной собственности? Первоначально, в результате присоединения Новгорода Великого к Москве, поместная система создавалась и росла за счет земель, конфискованных у новгородских бояр и монастырей. Покончив с частным землевладением новгородцев, московское правительство получило огромный фонд земель для испомещения московских служилых людей. В числе прочно овладевших

новгородской землей двух тысяч отборных служилых людей были представители и костромских родов: из рода Зерновых – Семен Иванович Вислоуха Сабуров, Иван и Петр Григорьевичи Годуновы; Петр Гридин Аминев с сыном Борисом; Григорий Матвеевич Лаптев; Семен Федоров; Андрей с пятью сыновьями Супоневы (8, с. 293-294).

Новгородские же выселенцы сажались на поместья в Центре: «на Москве» и «в Володимери, и в Муроме, и в Новгороде в Нижнем, и в Переяславле, [...] и на Костроме, и по иным городом». С новгородцами Скачельскими сопоставляются упоминающиеся в 1538-1539 гг. костромские дети боярские Афанасий и Третьяк Скачеловские и Семен Нестеров сын Бисерова Качельского, который в 1574-1575 гг. владел в Костромском уезде вотчиной деда (16, с. 161-162). Кроме новгородцев в центральных уездах получали поместья из дворцовых и черных земель и московские служилые люди.

По указу 1575-1576 гг. предписывалось испомещать детей боярских лишь в тех городах, из которых они служат (12, с. 60, № 39). Однако обычным явлением была практика, согласно которой служилые люди, записанные в десятне по одному городу, наделялись поместьями в других городах. На Тверской земле получил поместье Н.Ф. Голоперов, который, по предположению профессора Владимира Борисовича Кобрин, был костромского происхождения. В 1537 году по Костромскому уезду упоминались как помещики его отец (?) и другие родственники (16, с. 169).

На костромской земле владели поместьями служилые люди из рода князей Вяземских (12, с. 60, № 39). В Вязьме же из пришлых родов было много костромских: Вельяминовы-Зерновы – 7 человек; Годуновы – 8 человек; галичские Зачесломские – 3 человека (16, с. 173-174). Выходцами из Костромского уезда в Торопецкий были: Иван Обиняк Андреев сын Сабуров (уже его отец был «на поместье в Торопце»); четверо Чмутовых, в том числе И.Г. Чмутов-Рябинин из рода костромских вотчинников Кишинских-Нелюбовых; Ш.Ф. Аристов, отец и дядя которого Ф.В. и А.В. Аристовы в 1537 году владели вотчиной в Костромском

уезде; семеро Кушелевых, имевших земли в Осецком стане Костромского уезда (16, с. 168-178); четверо Кафтыревых, предок которых Иван Кафтырев по жалованной грамоте великого князя Московского Василия Дмитриевича получил владения в Осецком стане Костромского уезда (1, с. 260, № 239).

Массовые наделения землей за службу были одним из путей дальнейшего распространения поместной системы. Переселенцы не теряли имевшихся у них старых вотчин, добровольно перебирались на новые места и испомещались, главным образом, за счет черного и дворцового землевладения. Крупные владения на вотчинном и поместном праве, а также целые города и волости получили в это время виднейшие представители княжеских литовских, черниговских и смоленских родов, поступавших на московскую службу. В Костромском уезде села Турабьево и Шульгаватое-Палачевское принадлежали Ивану Юрьевичу Патрикееву, потомку великих князей литовских, отец которого был женат на дочери великого Московского князя Василия Дмитриевича (8, с. 146-148). В Костромском крае находились владения литовских выходцев князей Щенятевых и их сородичей Булгаковых и Куракиных (22, с. 210), а также Глинских (18, с. 40), и черниговских выходцев Волконских (22, с. 208).

Во второй половине XVI века, во время опричнины, источником поместного испомещения становится вотчинное землевладение. В 1565 году, на первом году опричнины, из Костромских земель во владение опричных дворцов были приписаны дворцовое село Писцово с 4-мя деревнями, Чухлома, Галич и весь Галичский уезд, богатый солевыми месторождениями. Вследствие этого Галичский уезд не испытал тех экономических потрясений, которые были вызваны выселениями земских служилых помещиков и вотчинников из уездов, взятых в опричину, и испомещением на их землях опричников.

В 1567 году вместе с Переяславским и Ярославским уездами в опричину был взят Костромской. В отличие от Ярославля, где проводилась лишь «переборка людишек»,

Победа князя Ивана Юрьевича Патрикеева, боярина великого Московского князя Василия Темного, над татарами. Миниатюра Лицевого летописного свода XVI в.

костромичи были выселены из своих вотчин и поместий не выборочно, а «всем городом». Вот как описывает эти события в купчей на село Исаковское Плоскинина стана Иван Васильевич Будаев, выселенный из Костромы вместе со своим дядей Григорием Ивановым Синцовым-Вельяминовым: «И ту вотчину дяди моего и мою купленную другую половину села Исаковского с деревнями и с пустошами взял государь на себя с городом вместе, а не в опале, как государь взял Кострому в опричину, а дяде моему и мне государь велел против тое вотчины в иных городех дати, где приищем» (18, с. 106). Сильный гнев Грозного царя вызвала челобитная об отмене опричнины, поданная ему от земских служилых дворян, во главе

**Боярин Дмитрий Иванович Годунов.
Миниатюра из Псалтири 1594 г.**

которых было названо имя князя Василия Рыбина Пронского, несшего службу в Костроме, и владения которого располагались в Костромском уезде. Выселение землевладельцев из Костромского уезда, населенного, по преимуществу, исконными родами, служившими московским государям, имело целью разгром сплоченной поуездной организации костромских служилых людей. Историк Борис Николаевич Флоря писал, опираясь на документы, об особой жестокости к переселявшимся: они «должны были тронуться в путь зимой, среди глубокого снега», а «если кто-либо из горожан в городах или крестьян в селах давал приют больным хотя бы на один час, то его казнили без всякой пощады» (27, с. 217). Выселенцы, как помещики, так и вотчинники, должны были сами разыскивать для себя «порозшие» и подходящие земли, и хлопотать в Поместном приказе об отводе им соответствующих земель. Однако после того как в опричнину были взяты огромные Переяславский и Костромской уезды, и количество выселенцев стало исчисляться тысячами, многим из них приходилось довольствоваться пустыми землями или оста-

ваться совсем без возмещения за отобранные у них владения.

Костромские вотчинники выселялись в разные уезды: на Белоозеро – Федор Никифорович Ольгов и его сородич Михаил Яковлевич Путилов; в черные деревни Едомской волости Ярославского уезда – Василий и Федор Михайловичи Туровы, Богдан Суворов, Евстафий и Федор Захаровичи, Иван и Федор Семеновичи Путиловы, Михаил Яковлевич Путилов и несколько Ольговых (сородичей Адашевых) – Кислый Федоров, Федор Никифоров, Десятый и Василий Федоровы, Пятый Васильев, Василий Семенов, Федор и Константин Васильевы, Василий Злобин сын Тыртов. Перед 1568 годом было роздано в Едомской волости сорока помещикам – выселенцам из Костромы и Суздаля – свыше 200 деревень. Галичан Зачесломских по Писцовым книгам последней четверти XVI века находят в Коломенском, Московском, Каширском уездах; Зубатовых-Федчищевых – на вотчинах в Муромском, Каширском, Коломенском и Нижегородском уездах; Отрепьевых – в Кашире; Крениных и Скобеевых – в Кашире и Кашине. В 1567-1569 гг. кашинские городовые приказчики производили в местных деревнях массовое наделение поместьями и вотчинами выселенцев из Костромы, Ярославля и Суздаля (6, с. 167-184).

По-разному пережили годы опричнины потомки Захария – основателя древнейших родов Сабуровых, Вельяминовых, Годуновых и Ипатьевского монастыря. Если многие из Годуновых были зачислены в опричнину и не потеряли своих костромских вотчин, а Дмитрий Иванович Годунов имел возможность даже покупать вотчины выселенцев (18, с. 106), Вельяминовы лишились своих родовых костромских вотчин, а некоторые представители рода Сабуровых были казнены и попали в Синодик опальных царя Ивана Грозного (6, с. 210-211, 438-440).

После отставки в 1572 году опричнины выселенцы получили право просить о возврате отобранных у них вотчин, если они не успели получить эквивалента в земских уездах и если их вотчины не были никому отданы. Возвращавшимся выселенцам разорительное хозяй-

ничанье новых помещиков-опричников было налицо: «не проча себе» данные им земли, то есть не уверенные в прочности своего положения и владения, они запустошили их. Прежние владельцы получали обыкновенно свои владения в виде пустошей. Дозоры и описания во всех городах в конце XVI века дают картину глубокого разорения и большой убыли населения.

Экономический кризис 70-90-х годов XVI века по-разному отразился на поместье и вотчине. Как отмечал профессор Юрий Владимирович Готье, опираясь на источники, земли вотчинные находились в более благоприятном экономическом положении, нежели земли поместные: «служилый человек чувствовал себя вполне прочно только в своей вотчине, поместье продолжало быть по общим воззрениям владением чисто условным» (11, с. 252). Если запустевшее поместье, бесплатно полученное за службу, оставалось только бросить, «пометать», а после «бродити меж двор» или, в лучшем случае, кормиться случайными заработками, то запустевшую вотчину можно было продать: купчие на вотчины, состоявшие из одних пустошей, как пишет В.Б. Кобрин, – явление заурядное (16, с. 151). В отличие от поместья, и запустевшая вотчина могла принести некоторый доход. В этом сказывалось главное отличие между вотчиной и поместьем – полнота прав владения ими в XVI веке была разной. Среди вотчин различались родовые, купленные, приданные, закладные, а вот продажа поместной земли, дарение, передача ее в монастырь были грубым нарушением закона. Поместные грамоты тем и отличаются от довольно редких в это время вотчинных грамот, что в них отсутствует упоминание о передаче земли «впрок» и о праве продажи, мены, заклада и передачи в монастырь.

Однако, выделяя существенные различия между поместьем и вотчиной, главным образом в праве распоряжения, большинство исследователей считает необоснованным противопоставление их друг другу (13, с. 130-142; 2, с. 57-69). Натуральный тип хозяйства, а он оставался господствующим, неизбежно порождал экономическую самостоятельность фео-

дальных владений, как вотчин, так и поместий, а с ней – возможность и стремление к наиболее полному их закреплению за владельцем. Поместье уже в XVI веке обнаруживало отчетливую тенденцию преобразования в вотчину. Как отмечал В.Б. Кобрин, поместье было с самого начала, если не де-юре, то, по крайней мере, де-факто наследственным (16, с. 152). На условии перехода обязанностей службы поместья не только наследовались, но менялись и закладывались. В 1627-1631 гг. «за вдовою за Офимьей Яковлевою женою Киндырева с детьми Гришкою и Мишкою в поместье по ввозной грамоте за приписью дьяка Ивана Грязева полпустоши, что было сельцо Орлово без жребья, что была та половина в поместье за Игнатием Бородина и Игнатей тою половиною променил вдове Офимье Киндыревой с детьми, а выменил у нея на тою половиною пустоши деревню Савинскую, а другая половина тою пустоши с жеребьем «за Матвеем Тимофеевичем Ротисловским» (18, с. 73-74).

Оснований для деления феодалов на помещиков и вотчинников не могло быть и потому, что одни и те же лица владели и поместьями, и вотчинами. И те, и другие были выходцами из одних и тех же социальных групп господствующего класса. В составе их с самого начала различались два основных верхних слоя: представители московской знати – бояре, окольничие; и дети боярские, составлявшие основную массу служилых землевладельцев. Бесплатное получение поместья было лакомой приманкой для любого вотчинника, а покупка в прибавку к неотчуждаемому поместью вотчины была явно выгодна для помещика. Таким образом, как писали историки Ю.Г. Алексеев и А.И. Копанев, вотчина и поместье – две формы феодального землевладения, отражающие два этапа русского феодализма, постепенно сливались (2, с. 60).

Основное условие поместного владения – обязанность несения службы – по Уложению о службе 1555-1556 гг. была распространена и на вотчину (12, с. 33, № 11). Например, царь Иван IV, жалую в 1560 году Ивана Шереметева вотчиной в Костроме, внес, в интересах службы с земли, существенное ограничение прав

вотчинника: «А ему того села и деревень мимо детей своих сыновей не отдать никому» (8, с. 20). Таким образом, светская вотчина окончательно связывалась со службой, и получить новую вотчину стало возможным только при условии царской службы.

К концу XVI – началу XVII веков относится появление так называемых «выслуженных вотчин». Впервые это понятие употреблено в приговоре 1572 года, где родовой вотчине противопоставлялась «вотчина государева данья» (12, с. 58-59, № 37), распоряжение которой допускалось в пределах, указанных в жалованной грамоте. Поскольку родовой вотчине был нанесен сильный удар опричниной и большинство старых вотчинников утратили связь с теми районами, откуда они происходили, в I половине XVII века формируется новый вотчинный фонд. В это время широко распространяется продажа поросших земель и запустевших поместий в вотчины, с одним условием – без права передачи их в монастыри. По указу 7 февраля 1628 года вводится продажа земли по цене по одному рублю за 3 земельные чети (12, с. 163, № 173). Также устанавливается пожалование поместий в вотчину в виде награды за службу. Более того, в 1610 году в указе царя Василия Ивановича Шуйского была введена определенная норма: в «выслуженную вотчину» обращалась пятая часть поместного оклада – 20 четвертей на 100 окладных четвертей (12, с. 116-117, № 64). Служилые люди могли получать часть поместий в вотчину «за царя Васильево московское осадное сидение» – разгром Тушинского лагеря; «за очищение» – освобождение Москвы в 1612 году; «за московское осадное сиденье королевичева приходу» – после похода польского королевича Владислава на Москву. В 1629-1630 гг. «за окольным чин за князем Семеном Васильевичем, да за стольником за князем Матвеем Васильевичем Прозоровскими в вотчине по государевой жаловальной грамоте [...], что им дано при царе Василье за осадное московское сидение, из их же поместья село, что было сельцо Кочаево на речке Соты» Сотского стана Костромского уезда (18, с. 121). В 1629-1630 гг. «за стольником за Иваном Федо-

ровым сыном Леонтьева в вотчине по государевой жаловальной вотчиной грамоте [...], что ему дано за московское осадное сидение и за Ярославскую службу как он послан был с Москвы из осады с боярином со князем Иваном Борисовичем Черкасским в королевичев приход, из его же поместья с поместного его оклада 800 чети со 100 по 20 чети, село, что была деревня Володимирова на речке Вологдице» Андомского стана Костромского уезда (18, с. 17).

Жалованные грамоты на вотчины из поместных окладов были получены в 1617-1620 годах Иваном Семеновичем Сытиным в Галицком уезде в волости Холм Шалев и Туркове стане; Федором Васильевичем Зузиным; Степаном Ивановичем Жабиным и многими другими. В течение всего XVII века производились пожалования из поместий в вотчины и раздачи выслуженных вотчин. Жалованные грамоты на вотчины из поместных окладов получили за военные заслуги: в период войны с Польшей 1654-1667 гг. Григорий Степанович Жабин – деревню Василево в Плесском стане; в период войны с Турцией и Крымом 1680-1681 гг. Иван Ипполитович Протопопов – земли в Плесском стане; Григорий Ларионович Сытин – жеребей села Денисьева с деревнями в Ровдине стане Галицкого уезда и деревни в волости Усольское Окологородье.

В 80-х годах XVII века, как писал Ю.В. Готье, забота правительства об увеличении в Замоковных уездах служилых людей прекращается. Приостанавливаются и земельные раздачи за военную службу (11, с. 329). Зато раздача боярам, придворным деятелям и царским любимцам достигает огромных размеров. Например, в 1687-1688 гг. на вотчинном праве получил земли в Костромском уезде дьяк Федор Андреевич Тверитинов – 70 дворов в селе Малое (11, с. 332-333).

Кроме целых владений, в XVII веке в раздачу шли жеребьи вотчин и поместий. Общность владения и раздробленность земель в них – широко распространенное явление до конца XVII века. В 1627-1631 гг. «за Панкратом Алексеевым сыном Греченина в поместье по ввозной грамоте полсела Еропкина без жеребья, а другая половина того села с жеребьем

в поместье за Семеном да за Воином Микитиными детьми Овцина, да за князем Федором Збарецким, да за Петром Видановым сыном Федорова, да за Карпом Зайцовым» (18, с. 88).

В 1627 и 1631 гг. «за Петром княж Андреевым Волконским в поместье по ввозной грамоте [...], что было в поместье за Дмитрием княж Даниловым Друцким полсела Ушакова, а другая половина того же села в вотчине Ивана Микитина Саврасова, что ему дано за Московское осадное сиденье в королевичев приход по государевой жаловальной грамоте 1620 года» (18, с. 25).

С переводом поместий в вотчины общая картина светского землевладения существенно изменилась. Численно увеличивается вотчинное землевладение. Если в 1629-1630 годах в 12-ти станах луговой стороны Костромского уезда на поместных землях числилось 2699 дворов, а на вотчинных – 1441 двор, то в 1678 году число дворов на вотчинных землях – 3035 – приближалось к количеству дворов на поместных – 3672 (11, с. 387). В Сущове стане Костромского уезда в 1684-1686 гг. в поместье в среднем числилось 64 десятины в трех полях, в вотчине – 115,4 десятины в трех полях (11, с. 406).

В фонде вотчин выслуженные вотчины становятся преобладающими. Но росло не только количество выслуженных вотчин, увеличивался и объем прав вотчинников. По признанию правительства царя Михаила Федоровича, высказанному в грамоте от 1 ноября 1621 года, «те вотчины по цареву Васильеву уложению написаны не крепко». Эта «некрепкость» состояла в том, что «им те вотчины продать и заложить и в приданные и в монастырь по душе до выкупа дать – и о том ни о чем в царя Васильевых грамотах имянно не написано» (12, с. 133, № 86). Все эти права были введены указом 1618-1619 гг., в котором говорилось, что лица, получившие вотчины «за королевичев приход», а также их дети, внуки и правнуки могут эти вотчины продать, заложить, дать в приданое и вложить в монастырь «по душе» (12, с. 133-134, № 86). Таким образом, согласно указу, право распоряжения вотчинника выслуженной вотчиной приближалось к праву

распоряжения вотчиной родовой. 28 августа 1654 года выслуженная вотчина Кирилла Константина Щетнева, «что ему дано в вотчину за московское осадное сидение в королевичев приход по государевой жаловальной грамоте 135 году, село погост в Плесском стане, отказано дочерям его Микифорове жене Поленова Федоре, да Семенове жене Хлопова Елене пополам в вотчину» (18, с. 95), то есть передана в наследство дочерям.

Если коренным явлением истории служилого землевладения XVI века, как отмечал Ю.В. Готье, был рост поместного владения и подчинение вотчины повинностям, лежавшим на поместье, центральный процесс XVII века – рост вотчинного владения и постепенное восприятие поместьем черт, первоначально свойственных только вотчине (11, с. 381). От разрешенной законом сдачи поместья другому служилому человеку было недалеко до продажи, которую легко было маскировать. От безденежной передачи земли или её замаскированной продажи служилому человеку легко было дойти до дачи или продажи поместной земли в неслужилые руки. Наконец, распространение права распоряжения поместьем легко довести и до возможности его заклада и вклада в монастырь. В 1697 году за стольником Иваном Ивановичем Боборыкиным состоялось поместье в селе Ильинское на речке Тезе Плесского стана, «что дано ему из поместья дяди его Сергея Федоровича Боборыкина». В 1700 году И.И. Боборыкин заложил поместье Алексею Сидоровичу Синявину, «а от последнего в 1701 году перешло по променной записи стольнику князю Василью Юрьевичу Одоевскому» (18, с. 89). Таким образом, развитие поместной собственности на землю в XVII веке шло по пути превращения её в вотчинную. Юридически слияние поместий с вотчинами было оформлено указом Петра I о единонаследии 23 марта 1714 года.

Для XVII века характерно так же создание вновь крупной земельной собственности. Если во время поместных раздач Ивана III и Ивана IV размеры наделов колебались от 10 до 50-70 четей в поле (14, с. 274), то в 20-30 годах XVII века владения в 100 четвертей рассмат-

ривались как мелкие, от 100 до 200 четей, т.е. до годовичного боярского земельного оклада, – как средние и свыше 200 четвертей – как крупные (28, с. 300). Основная масса вотчинной земли сосредотачивалась во владениях думных чинов, стольников, стряпчих и дворян московских. По переписным книгам 1678 года за боярами и думными людьми числилось в Костромском крае 6899 дворов, в том числе в Костромском уезде – 4577 дворов, в Галичском – 2322 двора (20, с. 88-149). За боярами в Костромском уезде состояло: за Петром Михайловичем Салтыковым, троюродным братом царя Алексея Михайловича, – 1010 дворов; князем Юрием Алексеевичем и Михайлом Юрьевичем Долгорукими – 770 дворов; за князем Яковом Никитичем Одоевским – 394 двора; князем Иваном Петровичем Пронским – 376 дворов; за Иваном Богдановичем Хитрово – 296 дворов; за думным дворянином Василием Яковлевичем Леонтьевым – 98 дворов. В Галичском уезде за боярами числилось: за князем Юрием Борисовичем Репниным – 344 двора; князем Юрием Михайловичем Одоевским – 306 дворов; думным дворянином Василием Яковлевичем Дашковым – 61 двор (20, с. 123, 125-126, 127, 129, 135, 145, 143-144).

Экономической основой монопольной земельной собственности светских феодалов и материальным выражением эксплуатации зависимых, а с 1649 года – крепостных крестьян, являлась феодальная рента – определенный круг повинностей и платежей со стороны крестьян. Главными факторами, определяющими земельную ренту, её формы и размеры, были характер и особенности господского и крестьянского хозяйств, степень их вовлеченности в развивавшиеся товарно-денежные отношения. Развитие основных форм ренты представляется исследователям не в виде смены барщины продуктовым оброком, а затем – денежным, или в какой-нибудь другой последовательности, а в виде сосуществования и изменения в зависимости от внешних и внутренних хозяйственных условий. Если в конце XVI столетия, как отмечает историк Ю.А. Тихонов, в пределах одного имения можно наблюдать довольно четкое деление дворов

на барщинные и оброчные, причем барщина и денежный оброк каждый отдельно сочетались с взносом продуктами, то в XVII столетии таких владений нет. Все дворы в пределах одного владения несут одинаковые повинности, и даже в некоторых хозяйствах крестьяне обложены всеми тремя видами феодальной ренты – отработочной, продуктовой и денежной (26, с. 55).

Наиболее территориально распространённой уже в XVI веке была отработочная повинность. В условиях развития рыночных отношений, землевладельцы были поставлены перед необходимостью увеличить товарность своих имений. Однако мелкое крестьянское хозяйство, на котором базировалась помещичья усадьба, не могло вынести увеличение традиционных продуктовых и денежных повинностей. Только заведение барской запашки увеличивало доходы помещиков. Упоминание в документах о барском поле в частнохозяйственных имениях Костромского уезда относится к 1562 году (17, с. 100). Выписи из отказных книг, получившие значение документов на право владения поместьями, вотчинами и крестьянами и стоявшие в одном ряду с жалованными и ввозными грамотами, купчими, содержат указы, подобные этому: «А вышеписанным крестьяном ево Ивана Трифанова сына Манастырева во всем слушать и работу всякую работать на него Ивана Манастырева: пашня пахать, и заделье всякое делать, и доходы ему всякие денежные давать» (4, с. 54).

Рассмотрим несколько примеров имений со смешанной формой ренты – отработочной и натурально-денежной. До 1626 года во владении дьяка Марка Поздеева находилось село Андреевское Плесского стана Костромского уезда. «134 г. (1626 г.) Августа 3 отписано на царя и вел. кн. Михаила Федоровича вотчина дьяка Марка Поздеева за вины и за воровство его село Андреевское с деревнями [...] да в селе двор вотчинниковый, да 7 дворов крестьянских» (18, с. 89-90). В селе с деревнями проживали крестьяне, отбывавшие барщину и вносявшие натуральный оброк – «доходы»: с 4-х дворов – определенное количество ржи, ячменя, хмеля, барана, 30 гривенок мяса сви-

ного, 2 гривенки масла коровьего, курицу, 30 яиц (24, с. 130).

На Костромской земле находились имения князя Юрия Дмитриевича Хворостинина – село Рождественное Нерехтского стана: «125 г. (1617 г.) октября 8 князя Юрьева вотчина Дмитриевича Хворостинина село Рождественное да село Бордаково и деревни» и полсела Деево Городище Корзла стана, которые 13 октября 1622 года «были отписаны на государя и великого князя Михаила Федоровича» (18, с. 44-45, 75). В имениях Ю.Д. Хворостинина были введены все виды ренты – барщина; продуктовый оброк – часть барана, мяса свиного, зайца, тетерева, ведро вина, а также денежный – в селе Рождественное на двор 10 денег, в Деево Городище – 20 денег. Большой денежный оброк в селе Деево Городище, возможно, был связан с местным торжком: «а торгуют съезжаючись из деревень два дни в неделе в воскресенье да в пятницу, а по государеве грамоте собирается тамга на вотчинника» (18, с. 45). Крестьяне этого села, продавая продукты своего хозяйства, могли выручить большее количество денег. Однако, по подсчетам Ю.А. Тихонова, доходность барщины в этих селениях была намного больше денежного оброка, взимаемого с крестьян. При возможной реализации на рынке урожая ржи и овса с засеянных полей, князь получил бы доход с села Рождественное – 66 рублей с озимого поля и 46 рублей от ярового и соответственно 45 и 31 рубль с Деево Городище. Сумма же денежного оброка со всех крестьян села Рождественное равнялась 5 рублей, а села Деево Городище – 11,5 рублям (24, с. 123). Во II половине XVII века размеры полевой барщины существенно увеличились. В результате полного и потомственного закрепощения зависимого крестьянского населения были сняты последние юридические преграды для роста всех повинностей.

Наблюдается стремление владельцев к расширению построек на своих усадьбах. В селе Минском Минского стана Костромского уезда находилась родовая вотчина Глеба Ивановича Морозова (брат Б.И. Морозова – «дядьки» царя Алексея Михайловича), перешедшая затем к его жене Федосье Прокофьевне и сыну

**Пахота. Миниатюра
из Синодика Вологодской церкви. XVII в.**

Ивану Глебовичу, а после раскола, около 1675 года, отказанная в поместье, а затем в вотчину боярину Ивану Богдановичу Хитрову. Согласно описанию отказной книги, в селе находился «двор боярский да во дворе две горницы на подклетах, промеж них сени, горница ж отходящая, две избы, погреб, да ледник, два анбара, у ворот сушило, под ним конюшня, омшеник, житница, двор конюшенной, шесть житниц» (18, с. 62).

В имениях, где существовали разные формы ренты, среди зависимого населения выделялись такие категории, как пашенные крестьяне, платившие и владельческую ренту, и

тянувшие государево тягло; бобыли, не включенные в крестьянское вытное тягло, обложенные особым, более низким владельческим оброком, и до 1679 года не исполнявшие государственных повинностей; холопы, попавшие в зависимость по служилым (служба в счет уплаты долга) и заемным (закабаление в результате просрочки уплаты займа) кабалам и использовавшиеся в хозяйстве на сельскохозяйственных работах в качестве слуг и дворовой челяди. Из вышеперечисленных категорий зависимого населения особенно возрастает в это время бобыльское население. Если раньше рост бобыльства отражал процесс ухудшения материального положения крестьян, то в XVII веке развитие бобыльства отражало процесс отделения промышленного труда от земледельческого, развитие промышленности и торговли в русской крепостной деревне, процесс развития денежной ренты.

Надо отметить, что во II половине XVII века появляются владения с сочетанием денежного и натурального оброков без барщины. Окольничий и воевода царя Михаила Федоровича Артемий Васильевич Измайлов владел в Каликинской волости Парфеньевской осады Галичского уезда 14 деревнями и двумя починками, в которых числилось 98 крестьянских и 31 бобыльский двор. В них проживало 158 крестьян и 39 бобылей. По показаниям старосты, целовальника и крестьян, «пашни они на вотчинника нигде не пахивали и инова никакого доходу не плачивали, а платили...со всей своей Каликинской волости оброк на год за всякие вотчинниковы доходы по 200 рублей» (26, с.54). Если учесть, что бобыли в вытном тягле не состояли, то в среднем с крестьянского двора вносили по два рубля.

В Галичском уезде Нейская волость, пожалованная в 1619 году из черных волостей бо-

**Боярин Никита Иванович
Одоевский. Список с парсуны
XVII в.**

ярину Федору Ивановичу Шереметеву, во II половине XVII века находилась во владении князей Одоевских Никиты Ивановича и его сына Якова Никитича. Никита Иванович занимал высокое положение при царе Алексее Михайловиче, был ближним боярином, возглавлявшим комиссию по подготовке Соборного уложения 1649 года. Центром владения было село Покровское, к которому тянуло 38 деревень и починков с 146 крестьянскими и 75 бобыльскими дворами. В них числилось 346 крестьян, 149 бобылей и 66 захребетников, которые жили в крестьянских дворах в каче-

стве батраков, за чужим «хребтом» (3, с. 48-55). В Покровской вотчине Одоевских велось оброчное хозяйство, о существовании отдельной барской запашки указаний нет. Пахотные земли отдавались в оброк вотчинным крестьянам. Крестьяне платили денежный оброк, который исчислялся с 64 вытей и был равен 325 рублей 19 алтынам с полушкой, т.е. с выти – по пять рублей, а со двора – 2,1 рубля. В пользу вотчинника собирался и натуральный оброк – «вытные оброчные мяса» и мед. В случае недобора мяса вотчинник приказывал взыскивать за него деньгами по московской цене. В XVII веке в селе Покровское был развит вальшно-шерстобитный промысел, изделия которого – войлоки и епанчи (длинное и широкое пальто-накидка без рукавов) – были положены вотчинником в оброк. В грамоте «старостам и выборным крестьяном» от 17 января 1686 года князь сообщал: «Деньги оброшные и мяса свиные, и мед, и воск, и епанчи, и войлоки у крестьян принято все сполна». Первая половина Рождественского сбора 1684 года составила 35 войлоков (18 белых и 17 серых) и 35 епанчей (21 белая и 14 черная) (3, с. 56-57).

В некоторые года в подмосковных вотчинах Одоевских сенокосные работы бывали наемные и тогда с крестьян всех княжеских вотчин, в

том числе с галической, производился особый сбор с крестьянских и бобыльских дворов, по 10 денег с двора. Сбор взимался по тяглу, а не подворно. Из Покровской вотчины в Москву на княжеский двор высылались по выбору односельцев наемные работники, преимущественно плотники «со всею плотничьею снастью». Наемная плата плотникам определялась в 4 рубля на человека, полевым работникам – 3 рубля. Иногда в счет уплаты наймитам зачитывался следуемый с них в пользу вотчинника оброк (3, с. 59).

Сохранившаяся переписка князей Н.И. и Я.Н. Одоевских с галической вотчиной раскрывает некоторые черты из жизни крестьянской общины, дает представление о деятельности «мира» и вотчинной администрации. Если при Ф.И. Шереметеве вотчина некоторое время управлялась выборными старостами, Н.И. Одоевский начал подчинять мир своему представителю – присылавшемуся приказчику, которому были поручены надзор за земельными владениями, за выполнением крестьянами боярских и государственных повинностей и судебные функции. Так, по грамотам, посланным Н.И. Одоевским в 1650 году, приказчику поручался контроль над мирскими представителями, которые обеспечивали выполнение феодальных повинностей. Выбор старост и выборных крестьян осуществлялся под надзором приказчика. Старосты и выборные крестьяне под личную ответственность осуществляли сбор и уплату оброка и других повинностей, в том числе государственных, определяли плотников на барские работы в Москву. Сын Н.И. Одоевского, Яков Никитич, судя по его грамотам 1684 года, несколько изменил порядок вотчинного управления. Учет земельных угодий крестьянского населения и его тяглового обложения, ответственность за исполнением повинностей возложил в равной степени на приказчика и мирских представителей (3, с. 49-53, 58-64). Одоевские избегали решать земельно-тяглые дела без мнения мира. От 1672-1684 гг. сохранилось более трех десятков челобитных, в которых крестьяне просили о снижении тяглых обязательств или о предоставлении им временных льгот по об-

ложению. Эти прошения неизменно рассматривались феодальными владельцами только после того, как мир ответит «мочно» или «не мочно» тому или иному крестьянину нести тягло. Бывали случаи, когда мир вполне определенно утверждал, что «мочно де ему, Оброске, на том тягле быть» (3, с. 105). Льготы по государственным повинностям полностью оставались Одоевскими на усмотрение мира.

В Галическом уезде в Нагатинском стане находилось усадище Варахеево Прокла Лазарева, переданное в 1666 году Ивану Ивановичу Племянникову. Крестьяне его вотчины платили оброчные деньги, хлеб и железо, выплавляемое из болотных руд. На помещичьем дворе проживали холопы, стояло три двора задворных людей** (25, с. 142).

Усадьбы в оброчных селениях несли на себе лишь управленческие функции, без хозяйственных, и назначение господских дворов было иным. В галическом селе Вознесенское в «вотчинниковом» дворе находилась судебная изба, а в скотном дворе поселили приказчика. В сельце Козинское Чухломской волости изба судебная отмечена среди прочих построек боярского двора, в котором жил приказчик. Судная изба отмечена также в «вотчинниковом» дворе села Николаевское (Баки тож) Ветлужской волости Галического уезда князя Михаила Васильевича Львова (25, с. 143).

Косвенным показателем развития господского жилища и хозяйства являются перечни помещичьего имущества. Представление о росте потребностей служилых людей, об их обращении к рынку для устройства быта дает описание 1666 года имущества Прокла Лазарева в его вотчине – усадище Варахеево Галического уезда. Среди господского имущества переписаны: медная и оловянная посуда – братинка выбойчатая, блюда, судки столовые брусчатые, солоницы, тарелки, сковородка, стаканы оловянные, чашка медная, блюдца, кунган (металлический узкогорлый сосуд с крышкой) с полведра, серебряные изделия – ковши, чарки с ножками, стакан, братина, чашки, деревянный ковш, обложенный серебром. Из одежды переписчики указали: шубы лисьи, песцовые, бараньи; опашни суконные, телог-

реи тафтяные (шелковые), атласные, камчатые (узорчатые), дорогильные с серебряными пуговицами; опашни, охабни, однорядки, летники камчатые, кафтаны киндяшные, епанчи; шапки с бобровым и «язвешным» пухом; рубахи полотняные мужские и женские. Упомянуты скатерти, одеяло заячье, перина, «зголовья пуховые». Среди украшений и предметов роскоши – жемчуг, жемчужное ожерелье, серьги с камешками, гребень слоновой кости.

В коробье хранились книги печатные и «писмяные», в том числе: Евангелие, Апостол, служебник, Псалтырь учебная, шестоднев, часослов, грамматика, Книга о вере, книга Кирилла Иерусалимского и две книги киевской печати – зеркало и осмогласник. Из «писчих книг» упомянуты: Пролог во весь год, Псалтырь толковая, Апокалипсис, книга «печавья ирмолой». Были и две книги светского содержания – «Книга письменная прежних царей о войнех» и «Книга летописец главной от Адама». В подголовнике, окованном железом, хранился вотчинный архив – великого государя «жаловальная» вотчинная грамота, вотчинные крепости, 12 заемных кабал и памятей «розных чинов на людей» (25, с. 155). Как видим, среди помещичьего имущества многие предметы могли быть приобретены только на рынке. Вероятно, что и часть продукции помещичьего хозяйства тоже шла на продажу.

Во II половине XVII века частновладельческие крестьяне стали частыми гостями на рынках Москвы, Устюга Великого, Тотьмы, Сибири. Энергично развернули торговую деятельность крестьяне боярина Никиты Ивановича Романова из Унженской осады Галицкого уезда. В январе 1650 года на таможе Великого Устюга «с приезде» платили пошлину приехавшие из Унжи его крестьяне. Но не весь явленный ими товар был предназначен к продаже на Устюге. По продаже 20 шлей и узд ременных, один из них, Конай Яковлев, продолжал свой путь дальше, в Сибирь со своим с остальным «привозным товаром». Другой крестьянин, Яким Васильев, из имевшихся у него товаров – двое киндяков арапских, трое киндяков фириспиревых, 40 вершков шапочных суконных цветных, 50 сковород железных, 90 концов хряпцу – отпустил в Сибирь с унжанином Фомой Павло-

вым. В феврале 1652 года тот же Яким Васильев вместе с волжанином Павлом Григорьевым и галичанином Митрофаном Ивановым платили «проезжую» пошлину на таможе Лальско-го погоста Сольвычегодского уезда (19, с. 154).

Кроме местных деревенских промыслов, продукция которых поступала на рынок, получил развитие промысел, связанный с постоянным отходом. Так, например, крестьяне вотчины Ф.Б. Долматова-Карпова села Дмитриевское выполняли кузнечные работы на отходе в Патриаршем Казенном приказе (19, с. 88). В Сибирском приказе уговорили «плотника боярина А.И. Хилкова Галицкого уезда с товарищи десять человек делать мельнишного дела вешняк». В Заболоцкой волости Галицкого уезда у помещичьих крестьян сел Покровское, Смутово, Зубарево, деревень Хохлово, Бакланово, Березовское, Некрасово было распространено плотничное дело с отходом в Буйгород и Москву.

В расходных книгах Галицкой четверти 1671-1673 гг. зарегистрирована артель каменщиков Дмитрия Иванова «с товарищи» из крестьян окольного Р.М. Стрешнева. В течение трех лет с группой крестьян во главе с Дмитрием Ивановым были заключены различные поручные записи: «...на Посольском дворе, что на Покровке, палаты да крыльцо, да окошки починить...»; «на Мясницкой улице на Борисовском дворе по 3 церкви сделать...». Дмитрий Иванов, подрываясь на большой и разнообразный круг работ, являлся крупным подрядчиком. Денежная оплата работ его артели была значительной, доходя до 1200 рублей (19, с. 92).

Зависимое население феодальных владений кроме владельческих повинностей, выражавшихся в барщине и уплате оброков, несло и государственное тягло. XVI век – время стремительного роста государственных налогов. В период Ливонской войны и опричнины вводятся новые, и резко возрастает величина старых государевых податей. В 80-90-х гг. XVI века основными государственными налогами, взимаемыми с поместных и вотчинных земель, были посошные деньги за наместничий корм, малые ямские и полоняничные деньги. Первый постоянный общий налог – посошные деньги за наместничий корм – в документах называ-

ется по-разному: кормовые деньги, деньги за наместничий белый корм. Эти деньги, положенные на население, стали поступать в государеву казну за кормы наместников после их отставки в 1555-1556 гг. Как видно из грамоты 1615 года из Галицкой чети, оклад денег за наместничий корм был одинаков: «С поместных и вотчинных земель во всех городах по рублю по 9 алтын по 2 деньги с сохи» (7, с. 138).

Второй общий налог – деньги Большого прихода «ямским охотникам на подмогу и на прогоны» – так называемые малые ямские деньги. Во II половине XVI века малые ямские деньги взимаются по разводу, т.е. в изменчивых окладах. Во многих сотных грамотах на владения стереотипной была фраза: «А ямские деньги платить с сошного письма по разводу, как в котором году государь укажет». В конце XVI века из раскладочного налога малые ямские деньги превращаются в окладный и начинают взиматься в определенном размере-окладе – по 10 рублей с сохи, и так весь XVII век, до отмены сошного письма (7, с. 140).

Третий государственный налог – полоняничные деньги, предназначавшиеся для выкупа русских пленных из Крыма, был введен в середине XVI века и взимался долго по разводу, смотря по расходу на выкуп пленных. В конце XVI века полоняничные деньги стали окладным налогом по 2 рубля с сохи (7, с. 141; 17, с. 167).

После Смутного времени частновладельческие земли стали платить еще и новые государственные налоги – большие ямские деньги и стрелецкий хлеб. В отличие от малых ямских денег, поступавших в Приказ Большого прихода, большие ямские деньги шли в Ямской приказ. Оклад больших ямских денег был изменчивым, то понижающимся, то возрастающим. В 1618-1620 гг. взималось 800 рублей с сохи, затем – понижение до 400 рублей в 1628-1633 гг. В 1643-1644 гг. был установлен оклад 784 рубля с сохи, 32 алтына 4 деньги с чети пашни (7, с. 161-162). Этот оклад просуществовал до отмены сошного письма в 1680-х годах. После этого ямские деньги были положены подворно.

Стрелецкий хлеб, или «хлебные запасы ратным людям на жалованье», платили все города с уездами и все сохи «со всех без вы-

бора». С 1620-х годов установился порядок: сбор налога велся «по наряду» из Стрелецкого приказа и поступал туда. При этом в одних городах Стрелецкий приказ собирал хлеб и деньги сам непосредственно, посылая указные грамоты к воеводам, а в случае надобности и нарочных сборщиков; в других – налог собирали приказы, ведавшие эти города и передававшие собранное в Стрелецкий приказ. Для приема и хранения хлеба у приказа в Москве были большие житницы. Кострома и Галич, в числе других крупных посадов с уездами, отправляли стрелецкий хлеб непосредственно в Стрелецкий приказ. Хлеб взимался в равных количествах ржи и овса, оклад сбора выражался техническим термином – юфть, которым называли 2 чети хлеба – четь ржи и четь овса. При замене хлеба денежным платежом Стрелецкий приказ определял, сколько следует заплатить за юфть. В 70-х гг. XVII века поместные и вотчинные земли имели хлебный оклад – 2875 юфтей (7, с. 163-173). По описи 1655 года стольника и воеводы Василия Михайловича Еропкина с поместья Федора Матвеевича Головцына в $\frac{2}{3}$ деревни Елехова, с жеребья деревни Лодыгина и с вотчины его $\frac{1}{3}$ сельца Долматовского Логинова стана Костромского уезда взыскано: «с осмины и пол-пол-третника пашни д. Елехова, с полуосмины д. Лодыгино и с полуосмины по сельцу Долматовскому» московским стрельцам на жалованье – 1 рубль 7 алтын 2 $\frac{1}{2}$ копейки, по расчету 1 рубль 4 алтына и 1 деньга с четверти пашни. Кроме того, взыскано в Костромскую четь полоняникам на окуп по 4 деньги с двора (21, с. 85, № 303). По описи 1630 года боярского сына Федора Киленина с поместья Семена и Честнаго Ратьковых – деревни Высокой и починка Семеновского – взято ямских денег в Большой приход по расчету 10 рублей с сохи (21, с. 82, № 278).

В интересах увеличения экономической власти вотчинников над крестьянами правительство постепенно разрешило землевладельцам самим собирать государственные налоги и вносить их в соответствующие центральные учреждения. Это было отражением объективной закономерности экономического развития в направлении усиления крепостничества. Право землевладельцев самим со-

бирать и вносить важнейшие налоги было, по-существу, как отмечает С.М. Каштанов, источником принципов, положенных в основу финансовой реформы Петра I, который, введя подушную подать, закрепил право дворян самим ведать раскладкой и сбором налогов со своих крепостных крестьян (15, с. 241).

С оброчной Покровской вотчины Н.И. Одоевского государственные повинности – ямские, полоняничные деньги, стрелецкий хлеб – собирались под наблюдением приказчика при посредстве старост и выборных земских целовальников. Эти казенные сборы отсылались в Москву к князю, который сам вносил их в надлежащие приказы, а отписи об уплате повинностей присылал в вотчину для отчетности. Стрелецкий хлеб за крестьян Покровской вотчины князь Одоевский платил обыкновенно своим собственным хлебом в Москве, а с крестьян, взамен того, брал лошадьми или деньгами (3, с. 60).

Кроме вышеназванных основных окладных налогов в XVII веке существовало большое разнообразие других – чрезвычайных, местных, касающихся или всех, или только отдельных групп населения. Стрелецкий хлеб и пришедшие ему на смену стрелецкие деньги, деньги пищальные, городовые, острожные, мостовые, поворотные, ратным людям на жалованье, подъячим на отписки, отставным стрельцам на корм, бортные, лавочные, кабацкие, банные, на житочную поделку, на уголье и приказ ствольного дела, сенной платеж, «немецкий запас», «сибирский запас», подводная повинность. «Эволюция податной системы и сопряженных с ней экономических и социальных институтов развивалась по нескольким линиям, которые то шли параллельно, то пересекались, порождая трудноразрешимые узлы, то взаимопроникали, вызывая непредвиденные последствия» (10, с. 156).

* Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (далее – КГИАХМЗ). КМЗ КОК 37205, 4337, 4315, 10976, 4309, 4340, 4311.

** Холопы, жившие на барском задворье, имевшие свое хозяйство и платившие «выти».

Примечания

1. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV-нач. XVI вв. – М., 1952-1964. Т. I-III.

2. Алексеев Ю.Г., Копанев А.И. Развитие поместной системы в XVI в. / Дворянство и крепостной строй России в XVI – XVIII вв. – М., 1975.
3. Арсеньев Ю. Ближний боярин князь Никита Иванович Одоевский и его переписка с Галицкой вотчиной (1650-1684 гг.) / Чтения в Обществе Истории и древностей Российских при Московском университете. Книга 2. – М., 1902.
4. Архив сельца Корнилова. Документы по землевладению в XVII столетии в одном из уголков Костромской губернии. – СПб., 1913.
5. Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. – М., 1969.
6. Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. – М., 1963.
7. Веселовский С.Б. Сошное письмо: Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. Т. I-II. – М. 1915-1916.
8. Веселовский С.Б. Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. I. М.-Л. 1947.
9. Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII вв. – М., 1977.
10. Воробьев В.М., Дегтярев А.Я. Борьба русского крестьянства с податной политикой феодального государства в XVI-XVII вв. / Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1985.
11. Готье Ю.В. Замосковский край в XVII веке. – М., 1906.
12. Законодательные акты Русского государства второй половины XVI века-первой половины XVII века: Комментарии. – Л., 1987.
13. Зимин А.А. Из истории поместного землевладения на Руси / Вопросы истории. 1959. № 11.
14. Индова Е.И. К вопросу о дворянской собственности в России в поздний феодальный период / Дворянство и крепостной строй России XVI-XVIII вв. – М., 1975.
15. Каштанов С.М. Финансы средневековой Руси. – М., 1988.
16. Кобрин В.Б. Становление поместной системы / Исторические записки. М., 1980.
17. Колычева Е.И. Аграрный строй России XVI века. – М., 1987.
18. Материалы для истории сел, церквей и владельцев Костромской губернии. Отдел третий. XV-XVIII вв. Выпуск 5. – М., 1912.
19. Муравьева Л.Л. Деревенская промышленность центральной России второй половины XVII века. – М., 1971.
20. Новосельский А.А. Роспись крестьянских дворов высшего духовенства, монастырей и думных людей по переписным книгам 1678 г. / Исторический архив. Вып. IV. – М.-Л., 1949.
21. Подробная опись 962 рукописям начала XVII века до начала XIX столетий «Долматовского архива» (Головцынского и Долматовского родов) с приложениями. Сост. членами КГУАК И.Д. Преображенским и Н.А. Альбицким. – СПб., 1895.
22. Рождественский С.В. Служилое землевладение в Московском государстве XVI века. – СПб., 1897.
23. Сахаров А.М. Об эволюции феодальной собственности на землю в Российском государстве XVI века / История СССР. – М., 1978. № 4.
24. Тихонов Ю.А. Помещичьи крестьяне в России. Феодальная рента в XVII – начале XVIII вв. – М., 1974.
25. Тихонов Ю.А. Помещичья усадьба и помещичье хозяйство в России после Соборного Уложения (1649-1679 гг.) / История СССР. 1978. № 4.
26. Тихонов Ю.А. Феодальная рента в Центральной России (конец XVI – перв. пол. XVII вв.) / Вопросы истории. 1972. № 10.
27. Флора Б.Н. Иван Грозный. – М.: «Академический проект». 2019.
28. Шватченко О.А. Размещение и структура вотчинного землевладения в первой трети XVII века / Исторические записки. – М., 1984. № 115.

Монастырское землевладение в Костромском крае

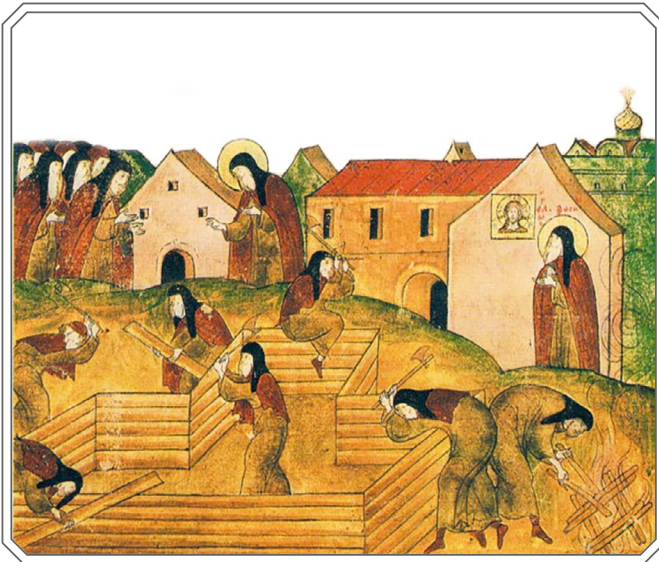
Второе место по количеству владений занимало в Костромском крае в XVI-XVII вв. землевладение духовенства, составной частью которого являлось землевладение патриаршего дома, монастырское и церковное. Самым крупным из них было монастырское землевладение.

Время возникновения первых православных монастырей на Костромской земле относится к XIII веку. Самые древние из них – в

честь Спаса Нерукотворного на Запрудне и Ипатьевский в городе Костроме. В период XIV-XV веков в Костромском крае возникает ряд монастырей, основанных учениками преподобного Сергия Радонежского – преподобными Авраамием Галичским и Чухломским*, Иаковом Железоборовским, Никитой, Макарием Писемским. К этому же времени относится появление Троице-Сыпанова Пахомиева Нерехтского монастыря, Паисьево-Успенского

Ипатьевский монастырь. Акварель нач. XX века.

Строительство деревянного монастырского храма. Миниатюра из Жития преподобных Зосимы и Савватия. XVII в.

и Николо-Староторжского монастырей близ Галича; Макариево-Унженского монастыря, основанного преподобным Макарием Желтоводским и Унженским; Троицкой пустыни преподобного Варнавы Ветлужского; Спасской – святого Александра Вочского и многих других. Возникают, но реже, новые монастыри в крае и позже, в XVI-XVII вв. – Спасо-Геннадьев монастырь на Сурском озере; Николаевский монастырь преподобного Тихона Луховского, Благовещенский Ферапонтов монастырь на реке Монзе, Успенская Княжая пустынь; Богородицкий Игрицкий монастырь. Таким образом, к концу XVII века территория Костромского и Галичского уездов была покрыта сетью больших и малых монастырей. Все они различались между собой по размерам земельных владений; количеству приписанных крестьянских дворов; наличию у немногих иммунитета, благодаря которому обитатели были освобождены от уплаты государственных налогов и от вмешательства в судопроизводство великокняжеских, а впоследствии царских судей; по объему денежных вкладов-пожертвований со стороны светских покровителей.

В Костромском крае были монастыри и пустыни, вотчинами, крестьянами, пашнями и сенокосами не владевшие: Макариево-Решемский (20, с. 3), Нерехтский Богородицкий Владимирский, Плесский Преображенский мо-

настыри. Во владении некоторых монастырей находилось до десятка крестьянских дворов и десятин пахотной земли. Патриаршая грамота 1655 года свидетельствует, что по случаю сбора лошадей на войну с поляками с Воскресенского Солигаличского монастыря взято с 3-х дворов, в 1700 году за этим монастырем было 5 крестьянских дворов. Столько же в этом году числилось дворов за Жуковой Богородицкой Успенской Солдовской пустыней, хотя в 1655 г. считалось за ней уже 9 дворов. Тремя крестьянскими дворами владел в 1655 году Галичский Василия Кесарийского монастырь (37, с. 2-3, 5-8). За Николаевским на реке Волге монастырем в Великосольской волости Костромского уезда числилось в 1627-1631 гг. десять четей в поле (5 десятин), сена на устье р. Солоницы – 40 копен (21, с. 212-213).

Большинство костромских монастырей владело от полусотни до нескольких сот крестьянских дворов, обладало земельными угодьями. По переписным книгам 1678 года числилось за монастырями (24, с. 96-120):

В Костромском уезде: Воздвиженский монастырь – 140 дворов; Спасо-Геннадьев – 352 двора; Настасьин девичий в Костроме – 78 дворов; Шеремский – 52 двора.

В Галичском уезде: Авраамиев Городецкий – 216 дворов; Новоозерский – 234 двора; Зачатьевский девичий монастырь в Галиче – 50 дворов.

Наиболее же крупными вотчинниками в крае были: Ипатьевский монастырь – 3529 дворов; Богоявленский монастырь – 961 двор; Иаково-Железноборовский – 622 двора; Паисьев – 692 и Макарьево-Унженский монастырь – 847 дворов.

Богатствами костромской земли владели не только местные монастыри. Здесь находились вотчины крупнейших московских монастырей: Троице-Сергиева, костромские владения которого, по переписным книгам 1678 года, по объему занимали второе место из 38 уездов, после Переяславль-Залесских, – 2197 дворов; Ново-Спасского – 782 двора – первое место из владений в 12-ти уездах; Чудова монастыря – 730 дворов, также первое место по владениям в 11-ти уездах; Симонова – 176 дворов и Горницкого Переяславского монастыря – 290 дво-

ров. Довольно крупные владения были в крае за патриархом: в 1678 году в обоих уездах – 586 дворов (24, с. 93-120, 91). Наиболее значительная патриаршая вотчина находилась в селе Вятском в Корзле стане Костромского уезда, к которому тянуло, по документам 1562 года, 66 деревень с 224 крестьянскими дворами (40, с. 7-10). Подводя итог, надо отметить, что во второй четверти XVII века духовенство владело в Костромском крае 80 тысячами десятин пахотной земли, что составляло 21% ко всей площади пахотных земель: в Костромском уезде – 59 тысяч – 15%; в Галичском уезде – 21 тысячу десятин – 6% (8, с. 89, 251).

Основными путями складывания и увеличения монастырского землевладения были великокняжеские, а затем царские пожалования черных и дворцовых земель, вклады со стороны светских частных владельцев, купли владений самими монастырями и приобретение земель ими за неуплату долга. Об этом сохранились документальные данные. Рассмотрим некоторые из них.

В 1677 году царь Федор Алексеевич «пожаловали Пречистыя Богородицы Игрицкого монастыря [...] нашими конюшенными санными покосы [...] безоброчно [...] пожню Ефаниху 9 десятин, пожню Зубиху у Долгого озера, 2 десятины с четвертью, пожню подле Коровья озера 2 десятины с четвертью ж» (32, с. 67).

В 1584 году царь Федор Иоаннович подтвердил жалованные грамоты конца XIV века царя и великого князя Ивана III на рыбные ловли на реках Вексе, Святице – «от Чухломского озера до озера Святого и отсюда до Святого болота», в «реках Соне и Мокше, везде с речками и ключами», и сам пожаловал Чухломскому Городецкому монастырю рыбные ловли на реке Юг «на трех прорубях без всякого дележа с царскими подлетчиками» (31, с. 3-5, 32).

Макариево-Унженский монастырь, по жалованным грамотам 1622 и 1625 гг. царя Михаила Федоровича, получил оброчный бортный лес на 200 четвертей, что был за подъячим Семенкою Шумалкиным и по царскому приказу «оброчного меда осьми пудов и осьми гривенок для царского обихода впредь не править с оброчного коряковского леса с бортного ухажья и с черных деревень Андреевской и Иваньков-

ской, принадлежащих монастырю» (38, с. С. 9, № 6).

В 1594 году царь Федор Иоаннович дал московскому Чудову монастырю в Мерском стане Костромского уезда погосты из дворцовых владений: Шунга, Самит, Вежи, Митцкой, Куников с деревнями и всеми угодьями, и крестьянам «вперед велел во всем слушати Чудова монастыря архимандрита Христофора с братьею, и доходы всякие с тех погостов и с деревень ямские и приметные деньги и с мельниц и с рек и с озер за рыбную ловлю оброки и пошлины и медвяной оброк велел платить» (21, с. 57).

По царской грамоте Михаила Федоровича 1614 года, Александрова Спасская на реке Воче пустынь была пожалована черным лесом: «Да к Всемилоствивому Спасу лесу черново от монастыря по реке по Воче вверх по обе стороны до речки до Черные, да до речки до Бобынки, да вверх речкою Черною до старого токовища до речки до Расловки, да речкою Расловкою вниз до Терентьева, да речкою Бобынкою вверх на 3 версты лесу, от Бобынки до реки до Вексы через болото до Середние речки; и велел если на том лесу пашню пахать, и починки ставить и луги росчищать» (30, с. 21).

Земельные владения самого крупного из костромского монастырей – Ипатьевского – стали складываться еще в середине XV века. Одной из первых была данная грамота 1463-1464 гг. чернеца Мисаила Сабурова, в миру – боярина и дворецкого великого князя Василия Темного Михаила Федоровича Сабурова, на сельцо Якольское, деревню Оганинскую, двор в Шунге «с тем, что к ним потягло из старины, и с луги, и с пожнями, и с лесы, и с бортми и с Борисовым озером, да Воловское озеро, и с Якольским бором» (2, с. 251, № 2304).

По жалованным грамотам 1585-1592 гг. царя Федора Иоанновича и его жены царицы Ирины Федоровны Ипатьевский монастырь получил из дворцовых сел село Никольское на Борани с сельцом Богословским, погостом Старые Дворищи, 32 деревнями и 5 починками «живущими» (т.е. населенными); село Солониково с 11 деревнями и починками; село Становщиково на р. Волге с 13 деревнями «живущими» и 12 пустошами; село Покровское Коробаново

Вкладная грамота Д.И. и Б.Ф. Годуновых Ипатьевскому монастырю на сельцо Прискоково
Костромского уезда 1572 года. Хранится в РГАДА.

Вкладная грамота Д.И. и Б.Ф. Годуновых Ипатьевскому монастырю на сельцо Прискоково
Костромского уезда 1572 года. Хранится в РГАДА.

Вкладная грамота Д.И. и Б.Ф. Годуновых Ипатьевскому монастырю на сельцо Прискоково
Костромского уезда 1572 года. Хранится в РГАДА.

Вкладная грамота Д.И. и Б.Ф. Годуновых Ипатьевскому монастырю на сельцо Прискоково
Костромского уезда 1572 года. Хранится в РГАДА.

Вкладная грамота Д.И. и Б.Ф. Годуновых Ипатьевскому монастырю на сельцо Прискоково
Костромского уезда 1572 года. Хранится в РГАДА.

Аз, в сий присельцоприсково
селам и выпачьей ману по
Андреевскому прилофу

Аз, в сий сельцоприсково
селам и выпачьей ману по
Андреевскому прилофу

Аз, в сий сельцоприсково
селам и выпачьей ману по
Андреевскому прилофу

Вкладная грамота Д.И. и Б.Ф. Годуновых Ипатьевскому монастырю на сельцо Прискоково Костромского уезда 1572 года. Хранится в РГАДА.

на р. Юрчковке с 22 деревнями, 3 починками «живущими» и 3 пустошами (21, с. 5-6, 29-30, 48).

Документы указывают на боярина Дмитрия Ивановича Годунова как наиболее крупного вкладчика в Ипатьевский монастырь в последней четверти XVI века. 25 марта 1572 года Дмитрий Иванович Годунов вместе со своим 20-летним племянником Борисом Федоровичем дал обители в совместное владение село Прискоково в Плесскине стане Костромского уезда. Это было родовое владение Годуновых «деревенька вотчинная искони вечная деда нашего и отца нашего». В течение нескольких лет, начиная с 1589 года, боярин Дмитрий Иванович Годунов дал в Ипатьевский монастырь село Исаковское с деревнями и пустоши в Плоскине стане Костромского уезда, купленные им у Ивана Васильевича Будаева; село Рудино с деревнями в Нерехтском стане, приобретенное у Ивана Даниловича Великого (1, с. 125, № 90; с. 131, № 149; с. 132, № 155, 158); села Бяконтово-Кизляково с деревнями в Костромском уезде, село Крутец-Заястребье во Владимирском уезде (16, лл. 12, 13, 14-14 об., 15 об.).

В 1645 году царь Михаил Федорович пожаловал Ипатьевскому монастырю село Семеновское на реке Мере с деревнями и пустошами в стане Немда Костромского уезда. Село это, по духовной стольника Алексея Никитича Годунова, должно было быть продано дядей его окольников Василием Ивановичем Стрешневым «для вкладного колокола в дом Живоначальные Троицы в Ипатцкой монастырь и душевного их помину». Но, по челобитью монастырских властей, были даны те угодья Ипатьевскому монастырю царем (21, с. 200-201).

Вкладчиками в монастыри были не только цари да богатые и знатные бояре, но и неродовитые, владевшие жеребьями (частями) сел, и просто посадские люди. В 1629-1630 гг. в вотчине Спасо-Геннадиева монастыря находилась половина села Григорьевского Осецкого стана, поступившая в монастырь частями от разных лиц: в 1551 году жеребей с. Григорьевского – от Полагеи Левонтлева дочери, жены Микифора Нелюбова; в 1554 году четверть села да пустошь Захарово – от Овдотьи

Григорьева дочери Кафтырева, жены Федора Федоровича Нелюбова Чмутова; в 1581 году выть села Григорьевского да отхожая пожня на р. Костроме – по данной Матвея Федорова сына Бударева (21, с. 81). В 1547, 1549, 1553 и 1558 годах посадские люди Санинский, Ежов, Сотников и Дулов приложили в костромской Богоявленский монастырь три пожни – Щербов, Бебелов и Лукерьян наволоки, общей площадью 15 десятин (15, с. 5). В духовной грамоте посадского человека Соли Галицкой Авраама Скулина 1599 года вклад Троице-Сергиеву монастырю состоял из 8-го жеребья (полчети) соляного Успенского колодца и дровяного кладбища, при этом завещателем добавлено: «а из одного идет росолу 50 цепен». Продажная цена этого вклада равнялась 60 рублям (12, с. 47, 51).

Купля, как путь приобретения земель, использовалась монастырями значительно реже, чем в частном землевладении, так как по царскому майскому приговору 1551 года, состоявшемуся после Стоглавого собора, монастырские сделки на землю могли совершаться только «с доклада», то есть с разрешения царя. В 1630 году Макариево-Унженский монастырь купил у стольника Юрия Сицкого Усть-Нейскую волость Унженской осады Галицкого уезда с 13-ю деревнями, «пашни паханные средние земли 117 четвертей с полуосьминою в поле, а в дву потому ж». Купля эта была утверждена особой грамотой царя Михаила Федоровича (25, с. 115-118).

Как отмечал Ю.В. Готье, в XVI-XVII веках, когда земля была главным нервом экономической жизни Московского царства, монастыри сохраняли значение земельного банка или кассы ссуд (10, 374-375). Весьма распространенным в это время был путь приобретения земель за долги. В 1541 году жена Гневаша Никитича Лихарева Офимия Стефанова дочь заложила за 300 рублей московских денег в Спасо-Геннадьев монастырь вотчину мужа в Костромском уезде Андомской волости – село Фоминское с деревнями Захарово и Василево, починком Нечайково и «со всем с тем, куда к тем деревням и к починку исстари потяглу топор, соха, плуг, коса ходили». «А не выкупим тое свои отчины на тот срок на Ильин день

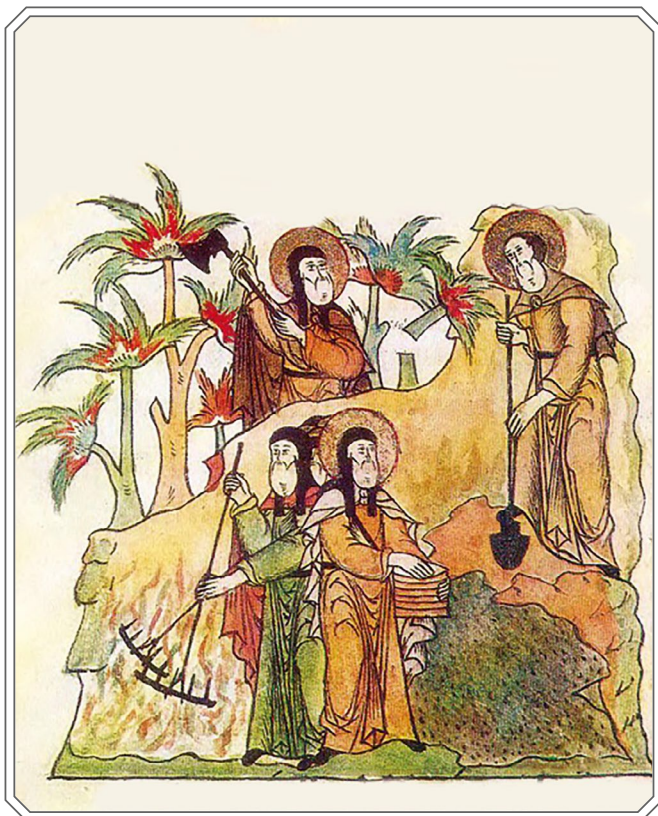
ино ся кабала на ту отчину и купчая грамота, а за рост нам те деревни пахати на монастырь и сено косити». Согласно писцовым книгам 1629-1630 гг. село Фоминское являлось уже вотчиной Спасо-Геннадьева монастыря (21, с. 1-2). В 1539 году посадский костромской человек Мокий Игнатъев Луковицын заложил в Богоявленский монастырь города Костромы за рубль пожню Луковицу, которая по неуплате долга осталась за монастырем (15, с. 5).

Таким образом, письменные источники свидетельствуют, что во владении монастырей находился весь комплекс сельскохозяйственных и лесных угодий – пахотные земли, пожни, леса, рыбные и звериные ловы, бортные ужожи, солеварницы. Несмотря на некоторые попытки правительства ограничить рост монастырского землевладения, церковь и в XVII веке сохраняла за собой огромный земельный фонд. Законодательные акты, принятые на соборах 1580 и 1584 годов о запрете роста землевладения духовенства за счет вкладов, закладов, покупок земли, строго не соблюдались. По мнению Ю. Готье, землевладение ду-

ховных учреждений, достигнув во II половине XVII века своего высшего развития, сохраняется на этой высшей точке до секуляризации XVIII века (10, с. 374). Показательными в этом отношении являются данные о владениях Ипатьевского монастыря. Если в конце XVI века монастырь владел 823 крестьянскими дворами (13, с. 14), то по переписным книгам 1678 года за ним числилось уже 3657 дворов. В это время по числу крестьянских дворов он занимал 4-е место среди православных монастырей Русского государства, уступая лишь Троице-Сергиевой лавре, Кирилло-Белозерской и Спасской Ярославской обителям (24, с. 94, 95, 96, 98).

Жалованные, вкладные, данные и другие виды грамот говорят о том, что главными вложениями в монастыри были села с деревнями как сосредоточие пашенных земель и крестьян. Это не случайно. Ведущее место в хозяйстве всех монастырских вотчин, больших и малых, занимало земледелие. Традиционной являлась формула наказа жалованных грамот: «А вы б все крестьяне тех сел и деревень игумена с братьею слушали, пашню на них пахали и доход им монастырский платили» (25, с. 118). Подробнее описывается цикл работ в монастырском хозяйстве в наказной памяти XVII века приказчикам и старцам Ипатьевского монастыря: «Да [...] будучи в Троицкой вотчине на приказе, ведать монастырская пашня, сев ржаной и яровой, жниво и молотьбу и сенокос и всякое монастырское дворовое строение» (14, с. 218).

О том, что хлеб составлял основное богатство монастырей, особенно крупных, говорит количество хозяйственных построек – житниц, сушил, солодяных дворов, хлебней, и забота о них монастырских старцев. По дозорному описанию 1617 года во владении Троице-Сергиева монастыря селе Федоровском Нерехтского стана, полученном по вкладу боярина Захара Ивановича Кошкина около 1437 года, кроме жилых построек числилось: 2 ледника с нагребницами, омшаник, житница с сушилом, 2 житницы и поварня. За двором в ограде стояло 5 житниц, да возле пруда находилась поварня. К селу Федоровскому, в котором было по дозору 28 дворов, тянуло 10 деревень со

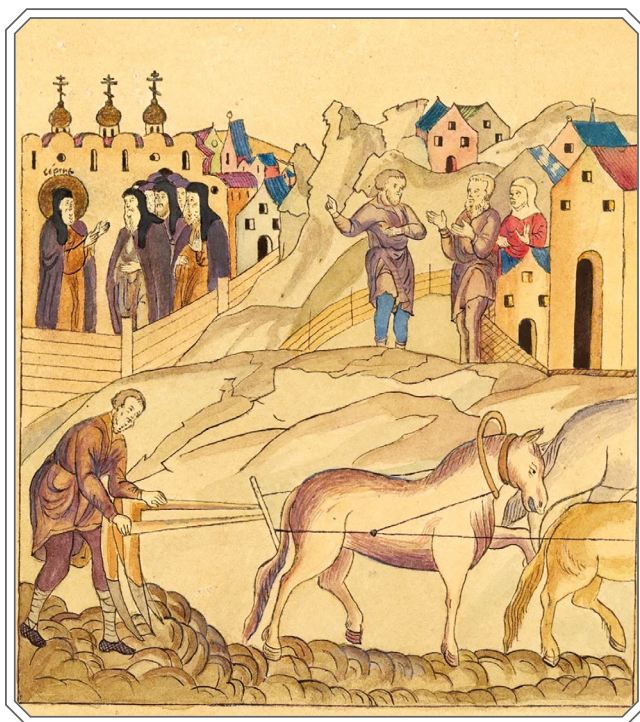
Полевые работы. Миниатюра из Жития преподобного Антония Сийского. XVII в.

162 крестьянскими и бобыльскими дворами (5, с. 118, 122). В Ипатьевском монастыре на черном дворе располагались в конце XVI века такие хозяйственные постройки, как погреба-ледники, поварня, квасоварня, житница, кладовая палата, колодец (14, с. 34). По вкладной грамоте 1581 года Матвея Федоровича Бударева, часть села Григорьевского Осецкого стана передавалась в Спасо-Геннадьев монастырь вместе с двором, «а на дворе изба 3 сажени, да сеник, житница, конюшня, мыльня да овин» (21, с. 82).

Богатый материал о хлебных хозяйствах наиболее крупных костромских монастырей – Ипатьевского и Богоявленского – содержат дошедшие до нас материалы о командировке стольника Назария Михайловича Олфимова в Кострому в 1659-1660 годах для ревизии хлебных запасов в этих монастырях. Документы ревизии – заручные сказки архимандрита Ипатьевского монастыря Тихона и игумена Богоявленского Герасима, «росписи усевному и умолотному всякому хлебу», «росписи расходному всякому хлебу», рисуют картину хлебного хозяйства монастырей в середине XVII века. В это время монастырская пашня распадалась обычно на две части – подмонастырскую пашню, расположенную непосредственно около монастыря, и пашню, находившуюся в селах. У Ипатьевского монастыря было очень небольшое подмонастырское поле, на котором в 1657 году было высеяно 12 четвертей озимой ржи и 11 четвертей яровой; в 1658 году – 11,5 четвертей яровой ржи и 5 четвертей пшеницы (35, с. 48, 50). Если учесть, что на десятину высевалось в XVI-XVII веках две четверти ржи (17, с. 48; 10, с. 456), то поле под Ипатием не превышало 12 десятин. У Богоявленского монастыря, расположенного на костромском посаде, в документах подмонастырской пашни не упоминается. Но в Костроме монастырь владел, по жалованной грамоте 1621 года царя Михаила Федоровича, слободкой Пищальной, за которой числилось 10 четвертей (5 десятин) худых земель в одном поле и в которой проживали монастырские детёныши, которые «пашут на монастырь» (18, с. 31).

Основной хлеб поступал в монастыри с сельской пашни, у Ипатьевского монастыря – с 14

Пахота на монастырь. Миниатюра из лицевого Жития преподобного Сергия Радонежского. Около 1592 года.

хлебных сел с деревнями; у Богоявленского – с 9 хлебных сел с деревнями (35, с. 8-12, 23-25). Преобладающими видами хлебов были овес и рожь, озимая и яровая. Гораздо меньшее значение по сравнению с первыми имели ячмень и пшеница. Согласно записям Расходной книги Ипатьевского монастыря середины XVI века монастырские старцы старались держать в порядке сельскохозяйственный инвентарь, ремонтируя его вовремя, приобретая новый на рынке. Довольно часты записи «острил двои железа плужные да двои сошки», «наваривал двои железа плужные», «передельывал 10 кос наново», «передельывал 5 серпов наново», «7 серпов подзубил», «острил пятеры сошники, а шести на новы передельывал», «купил 10 кос новых», «купил на монастырь 10 серпов» (26, с. 7, 11, 12, 13).

Собираемый хлебный урожай был рассчитан, главным образом, на внутреннее потребление и монастырский обиход: в Ипатьевском монастыре на обиход смолото – 50 четей яровой ржи, 50 четей пшеницы, «обращено на солоды на братью» ржи 1610 четей, на солоды, на крупы и толокно и монастырским лошадям

скормлено 1685 четей овса (35, с. 12-13). В Богоявленском монастыре в 1657 году «на брацкой обиход» смолото 1022 четей ржи; овса сделано на крупу и на толочно 300 четей; ячменя в солод обращено и смолото на квас 117 четей с осминою; овса 300 четей. «Да лошедем монастырским скормлено [...] и на московские поездки изошло овса 300 чети» (35, с. 26). Несмотря на то, что хлебного урожая собиралось достаточно для монастырского обихода, Расходная книга Ипатьевского монастыря и другие документы пестрят записями о покупке калачей для монастырской братии (26, с. 6, 8, 9). Да и для нового посева обычно заимствовали семена из старых запасов и из других источников. Упоминается также, что покупали семена и на рынке (35, с. 26). Возможно, это объясняется неурожаем в отдельные годы.

Наряду с земледелием, важной отраслью в системе многих монастырских хозяйств Костромского края являлось скотоводство. Скот содержался при самих монастырях, так и в монастырских селах. В дозорном описании 1617 года вотчины Троице-Сергиева монастыря в селе Федоровском названы: рубленая конюшня с сенником, денник для лошадей, особо стоящий большой конюшенный двор с рубленными конюшнями, избой для дворника, двумя клетями. На обоих дворах стояла монастырская скотина – 41 лошадь с 9 жеребцами, 8 голов рогатого скота, 34 овцы, 19 свиней, 14 кур с петухом (5, с. 122). В описаниях других монастырей мы находим упоминания о дворах конюшенных, коровьих, скотных. Например, в вотчине Спасо-Геннадьева монастыря в селе Павловском Осецкого стана в 1629-1630 гг. жили коровники. При самом монастыре 2 двора – конюшенный и коровий. У Богоявленского монастыря в селах Шахово Андомского стана, Васильевское Котгорского стана, Груздево Чижова стана упоминались «двор конюшенной», «двор скотей» (21, с. 83, 15, 47, 134).

У обители святого Ипатия за монастырскими стенами «на реке на Костроме» располагались «двор конюшней, двор коровей» (29, с. 327), а также сеновал с сушилом, сушило для поклажи конюшенных и конских уборов, сараи для поставки телег, саней, роспусков; а также при скотном дворе погреб и сеновалы (14, с. 231-

234). В Расходных книгах Ипатия имеются записи о покупке в Москве на монастырь коней – «кон сер», «мерин голуб», «мерин ворон», а также конской упряжи – 10 хомутинов, 10 дуг, приступа «да гвоздей на 2 деньги к седлу». Делались закупки скота и в монастырские села: «Купил корову в Корзлу на монастырский двор, дал на ней 20 алтын с гривною» (26, с. 5, 10, 13). Речь идет, вероятно, об Ипатьевской вотчине в селе Бабино на реке Касть в Корзле стане, где имелся монастырский скотный двор. Конюшенные и коровьи дворы были также в селе Прискоково на реке Стежере в Дуплехове стане, селе Покровское в Логинове стане (21, с. 31, 48).

В какой мере в монастырских вотчинах Костромского края было развито огородничество, говорить трудно, поскольку сведения об этой отрасли хозяйства сохранились лишь по Ипатьевскому монастырю. За конюшенным двором к западу от Ипатия находился огород для посадки овощей с постройками – погребом с напоребицею и ямником для поклажи овощей (14, с. 232-233). В Расходной книге мы находим записи о приобретении на рынке для монастырского огорода «насады чесноку да луку на 9 денег», «семяни росадного и родковного, и свекольнаго, и огурешнаго и всяких семян огородных на полчетверта алтына». И в то же время куплено «капусты вилые на братью и на гости 300 кочней, дал 4 гривны»; «в капусту чабры, мяты и луку на 5 денег, потомушто капуста и мята в монастыре не родила» (26, с. 8, 9, 15).

Кроме владения значительными сельскохозяйственными угодьями, монастыри в Костромском крае ещё с XV века укрепились в важнейших промысловых районах с месторождением и добычей соли и железной руды. Древнейшим видом промыслового и торгового производства – солеварением – занимались в XVI-XVII вв. на Костромской земле крупнейшие московские монастыри – Троице-Сергиев и Симонов; из костромских – Авраамиев Покровский Городецкий монастырь. Почти во всех пунктах солеварения в Костромском и Галичском уездах они имели варничные места, варницы и колодцы.

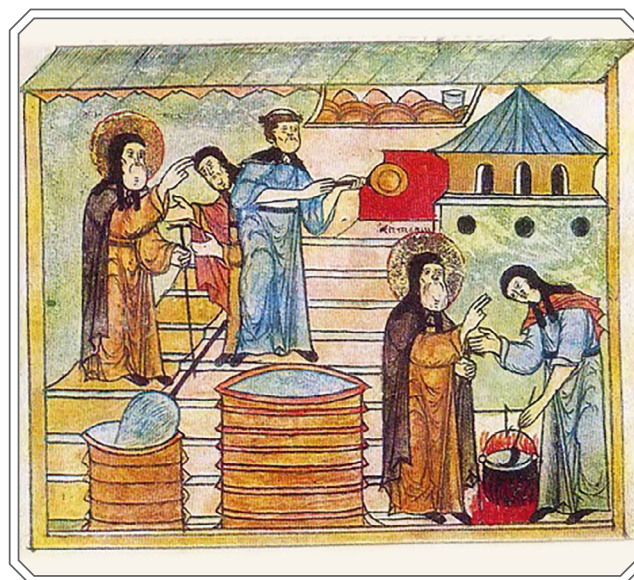
В Нерехте, известной своими соляными промыслами по реке Солонице, четвертую часть населения которой составляли крестьяне Троице-Сергиева монастыря, о монастырских варницах в Книге письма и меры Третьяка Вельяминова 1591-1592 гг. не упоминается. Я.С. Крживоблоцкий дает сведения о наличии здесь в начале XVII века двух монастырских действующих варниц (19, с. 587). Во владении Троице-Сергиева монастыря находились варницы и в Соли Малой. По сведениям Писцовой книги 1593-1594 гг., за монастырем значились 2 варницы, полученные им по данным грамотам конца XVI века. По первой грамоте 1567 года от родственников умершего Бахтеяра Андреева варница «Ватага» «нова и цренов» передавалась в монастырь «со црены и с колодами и со всем варничным нарядом». В 1590 году вторую варницу «Волокиту» пожертвовала в монастырь Федосья Семеновна Загорская «с цренами и колодами и с росолом и со всею варничною снастью да анбар варничной». Насколько активно эксплуатировались обе варницы монастырем в XVII веке, сказать трудно, но к переписи 1690 года обе они в руках монастыря значатся запустевшими, как и бывшие здесь варницы посадских людей. Причина запустения промыслов обозначена в тарханной грамоте Троице-Сергиеву монастырю 1625 года как «хлебный недород и лихое поветрие» (12, с. 24-26).

Таких хозяев, как Троице-Сергиев и Симонов монастыри, привлекал своими богатыми соляными промыслами другой район – Соль Галицкая. Уже к XVI веку во владении обеих монастырей находилось по 2 варницы (2, с. 27, № 3; с. 60, № 65; с. 61, № 66; с. 112-113, № 149; с. 160-161, № 225. Т. II. С. 346, № 351). Монастырские власти и «старцы-солевары» не отказывались ни от малых, ни от крупных приобретений, покупая варницы и получая их по данным грамотам. В годы Смуты начала XVII века, воспользовавшись запустением Соль Галицкого посада, Троице-Сергиев монастырь начал скупать промыслы у посадских людей, расходуя на это довольно крупные суммы. Например, посадскому человеку Тимофею Касаткину троицкий солевар Черкас Бабаевский заплатил 190 рублей за половину запустев-

шей варницы, половину горелого црена и 1/3 пустой варницы «Позорихи». Уже по Сольгалицкой Писцовой книге 1628 года монастырю принадлежали 4 варницы «с прикупными» (12, с. 52).

Расширил свое хозяйство в XVII веке и Симонов монастырь. Используя свои связи в Москве, он выиграл несколько тяжб с солигалицкими посадскими людьми. В Сольгалицкой Писцовой книге 1628 г. за монастырем значились «2 колодезя целых с росолом», «да ис посадских прикупных и данных четъ и полполчети и полполполчети колодезя», к колодцам 3 варницы – «владеют по государеве жалованной грамоте за приписью дьяка Прокофья Пахирева», да «четъ варницы прикупная ис посадских», т.е. всего было 3¼ варницы (12, с. 54).

Беднее двух своих собратьев был Авраамьев Городецкий монастырь. Еще в середине XV века монастырю принадлежало в Соли Галицкой одна соляная варница, полварницы на т.н. «великом колодезе» и ¾ в других варницах. По жалованной грамоте 1540 года великой княгини Марии Ярославны, жены великого Московского князя Василия Васильевича Темного, монастырские варницы освобождались от всякой пошрины и, чтобы «волостели Усольские, их тиуны и доводчики у сих варниц дров не брали [...] и давали в одной из варниц

Выпечка хлеба в монастыре. Миниатюра из Жития преподобного Антония Сийского. XVII в.

варить соль в продолжении всего года без очереди и остановок». В 1613 году царь Михаил Федорович освободил два прикупленные монастырем жеребья в усольских варницах от пудовых и таможенных пошлин и дани, которые платили посадские люди (31, с. 3-5, 11, прим. 2). Тяжелый период Смутного времени отразился на экономическом состоянии монастыря. Нуждаясь в деньгах, монастырские власти в 1614 году были вынуждены продать Троице-Сергиеву монастырю за 40 рублей разные жеребья в варницах – «Сутяге», «Позорихе», последнюю четверть варницы «Распопиной» и к ним рассол в разных колодцах. В 1628 году за Авраамьевым монастырем было записано «полколодезя и полполчети колодезя и на полполтрети варницы», да варница с цреном, 2 амбара и дровяное кладбище. Таким образом, всего за тремя монастырями в 1628 г. было 5½ действующих колодцев и 8¼ варниц (12, с. 52-54).

В Костромском крае во владении монастырей находились места добычи и обработки железа. В бассейне притока реки Костромы – Андобы – находились вотчины московского Троице-Сергиева монастыря: села Сухоруково, Кишино, Богородицкое, крестьяне которых имели «дутье горны». В 1592 году власти монастыря жаловались в Москву на костромских таможенных целовальников, приехавших в села за таможенными пошлинами с железа: «дмут в горнех руду железную» крестьяне на монастырский обиход, а пошлин раньше не брали. Государев указ был о проведении сыска: на монастырь или на продажу «дмут» кричное железо монастырские крестьяне, но «до указа нового пошлины не брать» (12, с. 204). В Бугородской осаде Костромского уезда в волости с выразительным названием Железный Борок, по рекам Тебза и Векса находилась вотчина Железноборовская обитель. В 1570-х годах в монастырских селениях числилось три крестьянские домницы и три кузницы (36, с. 207).

С добычей железной руды был тесно связан кузнечный промысел в крае. Ведущее место среди селений в этом промысле принадлежало патриаршему селу Вятскому, расположенному на запад от Костромы. В отличие от дру-

гих мест уезда, где кузнечный промысел в XVII веке имел укоместное значение, в селе Вятском он достиг высокого уровня развития и был направлен на широкий сбыт изделий на рынке. Вятские ремесленники были искусными специалистами по выделке ножей. На Большой таможене в Москве ножи патриаршего села имели определенное название – «вятские ножи». Это были средние, малые и большие ножи с медной оправой и «костяными череньями». На московском рынке в это время имели хождение вятские ножи и с художественной обработкой. Вятские крестьяне «делали разное кузнечное дело» и торговали ножами, постоянно проживая в Москве. Документы содержали такие записи: «безоброчно Сенька Алексеев торгует на Москве ножами», «Андрюшка Гаврилов делает стремяна», «Ивашка Арефьев делает кузнечное дело за Тверские ворота». Пользовался услугами вятских кузнецов и Патриарший Казенный приказ, чтобы «оне делали на Патриаршем дворе для церковного дворцового строения всякое кузнечное дело» (22, с. 88-89).

Напротив села Вятского за рекой Вахтомой стояла приписанная к нему непашенная слободка, где в 1562 году, по описанию В.И. Наумова, в 17-ти дворах жили торговые и ремесленные люди, в том числе кузнецы – Иванко Филипов, Онтипо и другие. В самом Вятском существовал по четвергам торжок, где торговали «хлебом и солью и всяким мелким товаром» (40, с. 7). Вятские крестьяне не ограничивались только занятием кузнечным делом. Имелись данные, как отмечают исследователи, о мастерах каменных дел Иване Федорове и Федоте Осипове, участвовавших в подрядном ведении строительных работ (22, с. 89).

Плотничное дело, связанное с постоянным отходом, было важным подсобным занятием сельского населения вотчин Железноборовского монастыря, находящихся в Галичском уезде в деревнях Поповка и Малахово Корезской волости, а также Бичугино Сележской волости. Интересные цифры о торгово-промысловом населении Галичских вотчин этой обители приведены в сказке стряпчего Донского монастыря начала XVIII века, к которому Железноборовская обитель была приписана

Солеварение. Рисунок из «Альбома Э. Пальмквиста». 1674 год.

с 1685 по 1700 годы. В подмонастырской слободке, деревнях Пилатово, Вахрино, Поповка и других было записано 536 дворов иконников, портных, сапожников, кузнецов, плотников, гвоздарей, рыбных ловцов и «прочих всяких мастеров». Подмонастырская слободка Железоборовской обители являлась крупным местным торговым центром (23, с. 178-179). В одной из грамот 1670 года по поводу сбора с торговых лавок на земле монастыря записано: «Приезжают де в монастырь на праздники Рождества Иоанна Предтечи и на память чудотворца Иакова торговые люди на монастырской земле ставят лавочки и шалаши». На этом торге деятельное участие в сбыте своей продукции и большие обороты имели крестьяне сел Буяково, Головинское и близлежащих деревень, принадлежавших Троице-Сергиеву монастырю. В челобитной 1696 года архимандрит этой обители жалуется, что «Донского монастыря служки и крестьяне учинили бесчестье и увечье костромских наших вотчин крестьянам 85 человекам, да грабежу на 651 рублев» (22, с. 127, 128). Выручка от торгового промысла у отдельных крестьян колебалась от 40 алтын до 40 рублей. Появлялись среди торговавших монастырских крестьян и скупщики, занятые скупкой и торговлей сырья и промы-

словой продукции. Например, энергичным скупщиком и торговцем был крестьянин вотчин Железоборовского монастыря Михаил Волк из пригорода Буй: «А в сказке его, Мишкиной, и в сыску обыскных людей записано: торгует он де Мишка, приезжая в Буй в наемном шалаше мелкими и иными всякими товары и по отъезжим торгам ездит для торгу мелкого ж товару».

Важнейшими центрами сосредоточения крестьянских и бобыльских промыслов являлись слободки Ипатьевского и Богоявленского монастырей. Непосредственно у стен Ипатия располагалась Богословская слобода. Проведение чрезвычайного правительственного налога в 1632 году – пятинного сбора – выявило в слободе основное население бобылей-ремесленников. Пятинное обложение торгового промыслового населения слободы было выражено в значительной сумме – 180 рублей 28 алтын 2 деньги. По переписным книгам 1678 года в Богословской слободе насчитывалось 35 сапожников, 11 кузнецов, 10 шубников, 8 скорняков, 6 портных мастеров, 3 холщевика, 2 красильника, 2 каменщика, рукавишник, шапочник, кожевник, овчинник, сыромятник, строгалечник, золотарь, бочар, плотник, дранечник, «образценик» (22, с. 84-85). Оброчно-денежные отношения с монастырем позволили

многим из них развить хозяйственную самостоятельность и выйти в сферу торгово-промышленной деятельности. Большею частью это были самостоятельные дворовладельцы, другие – дворами не владели и жили в «соседстве», имея с хозяевами родственные связи. В переписной книге 1678 года, как отмечают историки, сохранились такие записи: «бобыль Мишка Софонов сын шубник», «бобыль Ивашко Морозеев, у него в соседстве живет Ивашко Андреев сапожник», или «бобыль Сенька Меркурьев, у него племянники Якушка, да Андришка, да Гришка, да Васька Федоров дети Скорняки». Видимо, главным занятием населения Богословской слободы был промысел по обработке животных продуктов. Об этом говорит факт существования ученичества у скорняков и сапожников: «бобыль Ивашко Семенов с братом Оскою сапожники, да у него же ученик Артюшка Гаврилов», «бобыль Ивашко Никифоров сын скорняк, у него сын да ученик Ооска Артемьев». Среди слободских ремесленников этих специальностей развивалось отходничество: «бобыль Ивашко Прохоров, у него дети: Семка да Ивашко сапожники, живут в Москве» (22, с. 85-86). Проживание в слободе 3-х холщевников, наличие у монастыря 4-х лавок – в суконном и красильном костромских торговых рядах, указывает на развитие в слободе местного текстильного дела.

В 1649 году в стрелецких книгах Дмитрия Волинского и подъячего Григория Горяинова упоминается вместе с Богословской слободой другое вотчинное владение Ипатьевского монастыря – слободка Спасская, расположенная на правом берегу реки Волги в Дмитровцовом стане. В 1595 году она была пожалована в монастырь царем Федором Иоанновичем вместе с селом Солониковым и называлась тогда «пустышью Голядиною, что бывшая деревня Демина». Как «слободка Спасская, Голядиново тож» Ипатьевского монастыря, она называется в книге письма и меры В.А. Вельяминова и П.Д. Усова 1598 года (21, с. 29, 30). В это время в числе её жителей в 21 непашенном дворе упоминаются кожевник, холщевник, 2 кузнеца, 3 мошеника (изготовители кошелев – мошон) и мясник (4, с. 109). В 1649 году в обеих слободах – Богословской и Спасской «торго-

вых и промышленных, и ремесленных, и работных и с теми, которые ходят по миру, в 185 дворах 384 человека, да монастырских служб и служебников, и конюхов, и стрельцов, и всяких мастеровых людей 81 человек» (21, с. 55).

Ремесленное население вотчин Ипатьевского монастыря было тесно связано с рынком, многие промышляли на посадах Костромы, Ярославля, Москвы. В Костроме у монастыря и его крестьян было 29 торговых лавок и 3 места лавочных: в мясном, рыбном и солодяном рядах – по пять лавок; в шубном и рукавишном – шесть; в красильном – три; в суконном, сурейном, сапожном, железном и крашенинном – по одной (29, с. 195-236). В Ярославле монастырь имел двор «за большим острогом за Семеновскими воротами на Взвиженском враге»; в Москве – в Китай-городе в Ипатском переулке, между Ильинской и Варваринской улицами – подворье с двумя погребами и кладовой (14, с. 229). В Москве «у попа Алексея в подклете живут мужского Костромского Ипатского монастыря крестьяне Галко да Якимко Ивановы, делают золотое и серебряное дело»; «церкви великой Мученицы у попа Якова на дворе живут Костромского Ипатского монастыря крестьянин Гришка Ефремов, делает сапоги» (22, с. 86-87).

Еще в конце XVI века примером появления отдельного поселения городского типа была принадлежавшая Богоявленскому монастырю слободка, «что была деревня Андреевская». В 1599 году население бывшей деревни состояло из крестьян-оброчников. Из 20 дворов – 19 принадлежало нетяглым мастеровым людям: кузнецам, портным мастерам, рукавишникам, сапожникам, клюшникам (22, с. 87). По переписным книгам 1678 года в Андреевской слободе жили «всякие мастерские служебные работники: купчина, кожевники, скорняки, рыбные ловцы, плотники, монатейники – «на братию манатьи и ряски шьют», сапожники, служебники, иконные деревщики, епанечники, войлошники, печники, всего 24 двора, в них 51 человек» (21 с. 55).

Другая костромская слобода Полянская принадлежала, по данной грамоте 1579 года костромского пушкаря Григория Полянского, московскому Троице-Сергиеву монастырю.

По данным 1613 года, в ней числилось 29 бобыльских дворов с населением 32 человека (34, с. 118). При распределении пятинных денег в 1632 году эта слобода вошла в число промышленных центров Костромского уезда. У крестьян костромских вотчин Троице-Сергиева монастыря сел Буяково, Головинское, Костома большое значение приобрел торговый промысел (22, с. 87, 91).

За рекой Волгою, на берегу, находилась патриаршая слобода Никольский погост, в которой в середине XVII века числилось 42 двора торговых и промышленных людей с населением 94 человека. Подмонастырские слободы имел в Костромском уезде Переяславский Горичский монастырь в Вятском и Дмитровцеве станах. В слободках проживали сапожники, кузнецы, серебряники, красильник, горшечники, плотник (22, с. 87).

Хозяйственная направленность монастырских вотчин, их промысловая специализация, укреплявшаяся связь с рынком, определяли состав населения монастырских сел, слобод, деревень; способствовали росту в них торгово-промысловых людей. Основным населением монастырских владений были зависимые крестьяне. Судя по материалам командировки стольника Н.М. Олфимова в Костромские Ипатьевский и Богоявленский монастыри – «Росписям усевному и умолотному всякому хлебу» – без помощи крестьян монастыри были бы не в состоянии силами только своих служебных и наемных людей поднять и обработать большие монастырские запашки. Именно к крестьянам, как к основному населению, были обращены слова наказной памяти Ипатьевских властей, чтобы они «старца чтили и слушали и во всем повиновались, и под суд давались, и ни в чем не огурялись». Содержание наказной памяти свидетельствует о том, что жизнь крестьян находилась под постоянным наблюдением, контролем посельских старцев. О правовом положении крестьян говорят такие строки: «А кои крестьяня выдадут из Троицкой вотчины за чьего крестьянина за муж, а кои крестьяня похотят женитца в иных волостях на крестьянских дочерях, и они б имали у помещиков и у вотчинников или у приказных людей отпускные, а без отпускных же-

нитца и священником венчать не велить, о том учинить заказ крепкой»; «тем же приказщиком велеть сказывать, чтоб они крестьяня с женами и с детьми в Воскресные дни и в праздники Господские к церкви Божией приходили и в Великий пост и в прочие посты говели, и на покаяние к отцам своим духовным приходили, и в бесовские игры, в сопели и в гусли, и в гудки, и в домры, и во всякие игры не играли и в домех у себя не держали». С провинившихся же указано было «вынимать и править пени по пяти рублей на человека, а кто гораздо беден, пенных денег взять не на ком, и его во сходный день перед всем миром бить батоги нещадно, что б на то смотря иным так плутать не повадно» (14, с. 215-218). По мнению исследователя В.А. Александрова, в монастырской деревне XVII века было сочетание вотчинного и мирского управления, при явном приоритете вотчинного начала (3, с. 78). В решении важных вопросов жизни общины в монастырской деревне участвовали не все члены «мира», а выборные – «по тем делам с старостою и с выборными крестьянами оговаривать вправду». Но существовали сходные дни, в которые на монастырский двор должны были придти все крестьяне: «а кои крестьяня на сходы ходить не станут и учнут огуряться, и на них править за их непослушание на монастырь по 10 денег с человека, а кто беден, и его смирать монастырским смирением» (14, с. 215-217).

Крестьянский мир заботился о сохранности массива надельных земель, защищая его от посягательств чужих землевладельцев и собственного вотчинника. Крестьяне имели свои наделы, которые состояли из земель разного типа – «мякотной» полевой пашни, во всех трех полях; пустошей; лугов; огородов. В указе архимандрита Донского монастыря Антония наместнику Железоборовского монастыря Исаяе от 1691 года, ограничивающем крестьянские разделы, состав крестьянского жеребья определен так: «А буде которому прилучится от кого отделиться за какими мерами, и те б брали особые жеребьи в полях, и в лугах, и в пустошах, и в огородах, а с дворов бы отнюдь не сходили» (9, с. 51).

Каковы были размеры реального земельного крестьянского надела? В 1562 году в Ко-

стромском уезде на крестьянский двор приходилось: во владениях Троице-Сергиева монастыря – 13,6 десятины пашни в 3-х полях (111 крестьянских дворов владело 1005,5 четвертями пашни в одном поле); во владениях Симонова монастыря – 22,1 десятины пашни в 3-х полях (42 крестьянских двора владело 618 четвертями пашни в одном поле); во владениях Новоспасского монастыря – 24,7 десятины пашни в 3-х полях (80 крестьянских дворов владело 1317 четвертями пашни в одном поле); во владениях Ипатьевского монастыря – 11,3 десятины пашни в 3-х полях (285 крестьянских дворов владело 2147,5 четвертями пашни в одном поле) (39, с. 53). В XVII веке размеры крестьянской запашки сократились, и в 1684-1686 гг. в Костромском уезде Сущове стане в монастырских вотчинах на 228 крестьянских дворов приходилось 4220 четвертей пашни в 3-х полях, т.е. 18,4 четверти на крестьянский двор, или 9,2 десятины (10, с. 510).

Тяглый надел монастырских крестьян являлся тем минимумом, который обеспечивал жизнь крестьянской семьи и уплату оброка монастырю-вотчиннику. Крестьянский мир распределял земли между тяглецами, производил общий передел земли (один раз в течение 10-15 лет) в результате оскудения и запустения части жеребьев; ежегодно – частичные поравнения отдельных дворохозяйств, следя, чтобы земля не запускалась, а повинности и платежи посилено распределялись среди членов общины.

Другой категорией сельского населения в монастырских вотчинах были бобыли, одни из которых, проживавшие в пашенных селах, занимались сельским хозяйством; большинство же бобылей монастырских промысловых сел и слободок, как свидетельствуют выше приводимые документы, были заняты промыслами и торговлей. Во всех дошедших до нас документах крестьянские и бобыльские дворы подсчитаны вместе. Кроме этого зависимого населения монастыри использовали наемный труд, главным образом монастырских детёнышей. Основными поставщиками рабочей силы являлись вольные «гулящие люди», разорившиеся крестьяне и бобыли, потерявшие возможность самостоятельно существовать.

Расходные книги Ипатьевского монастыря говорят о детенышах уже в середине XVI века: «Купил сермягу, дал 4 алтына, дана детенышу Блохе Осееву»; «купил рубашку, дал алтын, а дана детенышу Олексию» 26, с. 9, 11). Термин «детеныш» имел не возрастное, а социальное значение. Им обозначались в монастырских вотчинах взрослые люди, вынужденные из-за разорения поступать на любую работу. Монастырские детеныши или служебники, составлявшие низшую категорию монастырских людей, пахали монастырскую пашню и использовались в качестве подсобных работников на многочисленных внутренних монастырских службах: «поваренный детёныш Пяток», «хлебный Ларивон», «трапезный малый Добрынка», «трапезный детина Огафонец» (26, с. 5, 6, 8). В середине XVII века в Ипатьевском монастыре было 32 служебника, 20 из которых занимались работами в монастыре, 12 проживали в селе Солониково и сельце Ларионково, «кои пашут монастырскую пашню» (35, с. 14).

В то же самое время в Богоявленском монастыре «монастырских служебников, которые за столом с братьею хлеб едят братской: крылосных людей дьячков 10 человек, конюхов 11 человек, хлебных 7 человек, трапезных 4 человека, кузничных работников 6 человек, портых мастеров 5 человек, на огороде 6 человек, пономарев 3 человека, сторожей 7 человек» (35, с. 30). В 1629-1630 гг. в вотчине Спасо-Геннадиева монастыря сельце Павловском на р. Павловке Осецкого стана «5 дворов монастырских, а в них живут коровники и монастырские детёныши» (21, с. 83). Расходные книги Ипатьевского монастыря середины XVI века выделяют такие категории монастырских людей, как служебники («детеныши»), слуги и дети деловые: «Да шиты шубы новые на служебников, и на [...] слуг, и на детей на деловых» (26, с. 5-6). По мнению историков, детьми деловыми называли детенышей, которые занимались ремеслами, а также дворовыми и сдельными работами (27, с. 209). Среди детёнышей исследователи выделяют тех, кто попал в монастырь с малолетства и превратился в зависимого человека; и наёмных на определенный срок, обычно на год (11, с. 147-163; 27, с. 200-215; 28, с. 129-171). Расходные

книги Ипатьевского монастыря середины XVI века содержат отметки о выдаче наемной платы монастырским детенышам за целый год: «От збора до збора на год детенышу Гаврилку Фёдорову дано найму сем алтын, да ему же дано на рубашки, и на рукавицы, и на нагавицы на год четыре алтыны»; «от Евдокеина дни до Евдокеина дни на год детёнышу Первушке Иванову дано ему на год найму полосма алтына, да ему же дано на рубашки и на нагавицы, и на рукавицы на летние полпята алтына». В расходных книгах имеются данные, что кроме денег детёнышам выдавалась одежда – сермяги, рубашки, сапоги: «а сапоги даны поваренному же детёнышу Пятку»; «сермяга дана Гаврилу коровнику, а другая дана Саве детенышу, а третья дана Степанку Пузику детенышу» (26, с. 5, 7, 8-9).

В середине XVII века ипатьевские и богословские монастырские служебники получали из монастырской житницы на год хлеб «для прокорму»: «Да служебникам 20 человекам дано на год ржи по 6 чети человеку, итого 120 чети; да им же овса по 4 чети человеку, итого 80 чети. И всего им служебникам ржи и овса 200 чети. Да солониковским и ларионковским служебникам 12 человеком, кои пашут монастырскую пашню дано на год ржи по 6 чети человеку, итого 72 чети, да им же овса по 4 чети человеку, итого 48 чети. И всего им дано ржи и овса 120 чети» (35, с. 13-14, 29). Кроме найма на год, монастыри привлекали работников на короткие сроки. В расходной книге Ипатьевского монастыря имеется такая запись: «Наймывал гребцов на пожни, дал найму пятнатцат алтын от гребли» (26, с. 13).

Сферой применения наемного труда являлись в Костромском крае монастырские соляные варницы. В конце XVI века Троицкие старцы, стоявшие во главе монастырских промыслов Соли Галицкой, в составе расходов отмечали «наем козаков». В 1649 году между посадскими людьми Соли Галицкой и Симоновым монастырем возник спор из-за одного человека – плотника Афанасия Иванова, работавшего на монастырских варницах. Первоначально он был записан с посадскими людьми, но монастырь стал доказывать, что этот «наш монастырской» плотник прислан из

монастыря в Соль Галицкую «к монастырской варнишной службе», а «с посадскими людьми в посаде не живал». Но то, что Афанасий Иванов получал «месячину» – по четверти ржи и овса – и, кроме того, годовое денежное жалование в размере 7 рублей, говорит за то, что он был наемным работником, которого хотел закрепить за собой монастырь (12, с. 63-65).

Хозяйственная специализация монастырских вотчин определяла формы повинностей и платежей зависимого крестьянского населения. В XVI-XVII вв. в большинстве монастырских хозяйств Костромского края были распространены как барщина, так и оброк. В XVI веке работы в поле, включавшие весь цикл сельскохозяйственных работ: от унаваживания земли и пахоты до размещения обмолоченного зерна в монастырских житницах, преобладали над продуктовым оброком. Чаще всего монастырское поле было отделено от крестьянской запашки и находилось в селе, куда съезжались для отработочной повинности земледельцы окрестных деревень. «Весьма знаменательно, – пишет исследователь Наталья Александровна Горская, – что монастырские крестьяне в XVII веке почти никогда не жалуются на барщину – по-видимому, оказавшись наиболее строго фиксированным типом ренты, она была в силу этого и относительно менее обременительна для крестьян (9, с. 342-344). Помимо полевой барщины, в монастырской вотчине существовали разные повинности: повозная – предоставление крестьянами подвод под монастырские товары и сопровождение их в другие города; сенокосная – «пожни косить и сено возить», дровяная – «дрова хлебные, угольные, овинные сечи и возити» (17, с. 92, 81).

Барщину и повинности дополняли натуральные платежи. По жалованной грамоте 1584 года Авраамьеву Чухломскому Городецкому монастырю царь Федор Иоаннович повелел монастырским крестьянам давать в монастырь на праздник Покрова по кади мёду в 10 пудов, по овчине с деревни, а с братчины по 10 хлебов, по меху овса, по насатке пива, по 100 яиц, на подъемную куницу или 5 белок, «да ежегодно для усольских монастырских варниц

по 200 саженой дров, да в монастырь с дымом по 2 воза, да луг косят» (32, с. 31-36).

XVII век, особенно вторая его половина, стал периодом нарастающего значения денежной ренты, перевода на деньги ряда натуральных поборов. В 1697 году слуги и крестьяне Железноборовского монастыря, приписанного в конце XVII века к московскому Донскому монастырю, жаловались в челобитной Патриарху Адриану на его наместника, который «наложил великие дани и оброки, не против нашей мочи, чего изначалу в Боровском монастыре не бывало, и чего в наших странах не ведется: орехи и ореховое масло, и конопляное. А прежде братье на пропитание не сбирывали, а работали монастырскую работу: пахали пашню в монастыре и по селам, и разное строение и мельницы делали. А он, наместник, наложил оброку деньгами на год по 648 рублей, а столовых запасов за орехи и ореховое, и конопляное, и за ольняное масло, и за малину, клюкву и бруснику и можжевеловые ягоды деньгами по 50 рублей на год, да грибов сухих малых по 5 пуд на год, да крупных грибов по 25 четвертей, соленых грибов и груздей, и рыжиков по 200 ведер в год, масла коровья 15 пуд, хмелю по 300 четвертей, да сукон сермяжных и холстов, и новин по 648 аршин на год, да по 150 бараньих овчин деланных, по 5 пуд шерсти [...] да за дрова и за дровяную возку в Донской монастырь деньгами по 67 рублей, за копенное сено и за государские лошади денег по 85 рублей на год, да по 8 человек в Донской монастырь годовых работников»; всего «с вотчинных дворов оброку берут по 1 рублю с двора да столовых запасов». Власти Донского монастыря, таким образом, за 10 лет, с 1685 по 1697 год, увеличили денежные платежи крестьян с 8 копеек до 1 рубля (9, с. 314-318).

Барщина и оброки крестьян в пользу обителей дополнялись государевым тяглом. Однако надо отметить, что до 1580-х годов большая часть огромных земельных владений русского духовенства была отарханена, т.е. изъята из общей подданности и подсудности. Духовный суд над всеми монастырскими людьми осуществляли власти обителей: «Наместницы наши Московские и Костромские и волостели и их тиуны Архимарита з братьею и их слуги и

крестьян не судят ни в чем и приставов своих на них не дают и не всылают к ним ни почто, oprич душегубства и разбоя и татьбы с поличным, а ведает и судит тех своих монастырских людей и крестьян Архимарит з братьею или кому прикажет» (14, с. 202).

Но тарханные грамоты подразумевали и освобождение монастырей от основных государевых податей и повинностей: полоняничных и приметных денег, посошной службы, а главное — от таможенной пошлины-тамги. Во всех царских тарханных грамотах традиционной была формулировка: «И по городам воеводам нашим и наместником и таможенным головам и целовальником и помытом мытчиком и по перевозом перевозчиком и всяким пошлинником с тово с монастырскаго с покупнова запаса с возов и с судов и с людей пошлин наших никаких и с людей головщины не имати» (14, с. 204-205).

По грамоте царя Михаила Федоровича 1623 года Ипатьевскому монастырю таможенные, мытные и прочие пошлины не взимались с покупки и привоза на «монастырской церковной годовой обиход» «воску на свечи 15 пуд да ладану 5 пуд, вина церковного 5 ведр; да рыбы 500 осетров и белуг, 50 пуд семги, 50 пуд икры черные; да бочечные всякие рыбы 50 бочек да соли 20 рогож; да меду преснаго 200 пуд да хмелю 200 чети да свежие всякие рыбы 10 возов; да [...] железа, укладу и рогож, и мехов рогозных и саней и телег и судов погребных на 200 рублей, да хлеба ржи и овса и ечмени и пшеницы и гороху купити 500 четвертей, да [...] лошадей и всякие животины на 100 рублей» (14, с. 201-207).

По жалованной грамоте 1622 года царя Михаила Федоровича, подтверждавшей грамоты царя Федора Иоанновича, Чухломской Авраамиев Городецкий монастырь имел право беспошлинного провоза продуктов на 20-ти возах в год: на годовой обиход воску и ладану и вина церковного на 15 рублей, на братию и на слуг и на служебников сукон чернеческих и мирских и всякого платья на 35 рублей, рыбы, икры на 12 рублей, всего на 62 рубля (31, с. 11). Костромской Макариево-Унженский монастырь был пожалован беспошлинным провозом для обители разных запасов на 150 рублей из Ниж-

него Новгорода, Балахны и Юрьевца (38, с. 9, № 8).

Кроме беспошлинного провоза товаров, многие монастыри по жалованным грамотам обладали правом самим собирать торговые пошлины. Так, Макариево-Унженский монастырь имел право «сбирать не в государственную казну, а в монастырь в домовую казну [...] пошлины с лошадиных продажи на ярмарке, бывающей при монастыре» (38, с. 9, № 9). В патриаршем селе Вятском, где по четвергам бывал торжок, от продажи хлеба, соли и всякого мелкого товара собирали на Патриарха «тамги в год [...] до 1,5 рубли, а иногда болши, а иногда менши» (40, с. 7).

После Смутного времени государевы налоги начинают ежегодно собирать с ранее отарханенных монастырских земель, и большие ямские деньги, и стрелецкий хлеб – «хлебные запасы ратным людям на жалованье», и деньги «отставным стрельцам на корм», и сенные деньги.

* Основаны Авраамием Галичским и Чухломским: Новозаозерский (Новоезерский) Успения Пресвятой Богородицы монастырь, Авраамиева Ризположенская Великая пустынь, Авраамиева Верхняя пустынь Собора Пресвятой Богородицы на р. Виге, Авраамиев Городецкий монастырь в честь Покрова Пресвятой Богородицы на северном берегу Чухломского озера. Иаковом Железноборовском: Иоанно-Предтеченский Иаково-Железноборовский монастырь. Никитой: Богоявленский монастырь города Кострома. Макарием-Писемским: Макариево-Писемский Спасо-Преображенский монастырь.

Примечания

1. Акты Костромских монастырей и церквей / Русский дипломатический. Выпуск первый. М., 1997.
2. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – нач. XVI вв. – М., 1952-1964. Т. I-III.
3. Александров В.А. Сельская община в России (XVII-нач. XIX вв.). – М., 1976.
4. Бахрушин С.В. Очерки по истории ремесла, торговли и городов Русского централизованного государства XVI – начала XVII вв. // Научные труды. Т. I. – М., 1952.
5. Веселовский С.Б. Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV – XVI вв. – М.-Л., 1936.
6. Веселовский С.Б. Сошное письмо: Исследование по истории кадастра и посешного обложения Московского государства. – М., 1915. Т. I.
7. Веселовский С.Б. Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. I. – М.-Л. 1947.
8. Водарский Я.Е. Дворянское землевладение в России в XVII – первой половине XVIII вв. – М., 1988.
9. Горская Н.А. Монастырские крестьяне Центральной России в XVII веке. – М., 1977.
10. Готье Ю. Замосковский край в XVII веке. – М., 1906.
11. Греков Б.Д. Крестьяне на Руси. Книга 2. – М., 1954.

12. Заозерская Е.И. У истоков крупного производства в русской промышленности XVI-XVII вв. – М., 1970.
13. Захаров А.Н. Крупная феодальная вотчина Костромского края в XVI – XVII вв. (По материалам Костромского Троицкого Ипатьева монастыря). Автореферат диссертации... кандидата исторических наук. – М., 1997.
14. Историко-статистическое описание Костромского первоклассного кафедрального Ипатьевского монастыря. Сост. Прот. П. Островским. – Кострома: Типография Андроникова. 1870.
15. Историческое известие о Костромском второклассном Богоявленском монастыре с XV по XIX вв. – М., 1887.
16. Книга вкладная Живоначальныя Троицы Ипацкаго монастыря / ЦИАМ БВП 250, КМЗ КОК 24010.
17. Колычева Е. И. Аграрный строй России XVI в. – М., 1987.
18. Костромской Богоявленско-Анастасиин женский монастырь. Исторический очерк И. Баженова. – Кострома, 1895.
19. Крживоблоцкий Я. Материалы для географии и статистики России. Костромская губерния. СПб., 1861.
20. Макариев Решемский монастырь Костромской епархии. Сост. И. Баженов. – Кострома, 1906.
21. Материалы для истории сел, церквей и владельцев Костромской губернии. Отдел третий. XV-XVIII вв. Выпуск 5. – М., 1912.
22. Муравьева Л.Л. Деревенская промышленность Центральной России второй половины XVII века. – М., 1971.
23. Муравьева Л.Л. Материалы писцовых, переписных и приходо-расходных книг о торгово-промышленном населении русской деревни второй половины XVII века / Археографический ежегодник за 1962 год. – М., 1963.
24. Новосельский А.А. Роспись крестьянских дворов высшего духовенства, монастырей и думных людей по переписным книгам 1678 г. / Исторический архив. Вып. IV. – М.-Л., 1949.
25. Описание Макарьево-Унженского Костромской епархии третьеклассного мужского монастыря. – М., 1835.
26. Отрывок из расходных книг Костромского Ипатьевского монастыря (около 1553 г.). Изд. Н.П. Лихачева. – СПб., 1895.
27. Панкратова А.М. Наймиты на Руси в XVII в. / Академику Б.Д. Грекову ко дню 70-летия. Сборник статей. – М., 1952.
28. Петров В.А. Слуги и деловые люди монастырских вотчин XVI в. / Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII-XVII веков. – М.-Л., 1960.
29. Писцовая книга г. Кострома 1627/28 – 1629/30 гг. Кострома-издат-850. – Кострома, 2004.
30. Подробная опись 108 рукописей XVII и XVIII вв., принадлежащих церкви с. Коровнаго Солигаличского уезда Костромской губернии. Сост. Членом КГУАК А.И. Соловьевым / Костромская старина. Вып. 5. Кострома, 1901.
31. Прилуцкий Д.Ф. Историческое описание Городецкого Авраамиева монастыря в Костромской губернии. СПб., 1861.
32. Рукописи Богородицкого Игрицкого монастыря, что на р. Песочне / Костромская старина. Вып. 3. Кострома, 1894.
33. Скрынников Р.Г. Россия после опричнины. Л., 1975.
34. Смирнов П.П. Города Московского государства в I половине XVII века. Т. I. Вып. 1. Киев, 1917. Смирнов П.П. Посадские люди и их классовая борьба до сер. XVII века. Т. II. М.-Л., 1948.
35. Сторожев В.Н. К истории сельскохозяйственного быта костромских Ипатьевского и Богоявленского монастырей. М. 1894.
36. Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М., 1962.
37. Упраздненные монастыри Костромской епархии. Кострома, 1909.
38. Херсонский И.К. Описание старинных рукописей, хранящихся в архиве Макарьево-Унженского монастыря Костромской губернии. Кострома, 1887.
39. Шапиро А.Л. Русское крестьянство перед закрепощением (XIV-XVI вв.). Л., 1987.
40. Шумаков С. Сотницы, грамоты и записи: Костромские сотницы 7068-7076 гг. М., 1903. Вып. 2.

Черное землевладение в Костромском крае

Важной формой земельных владений в Русском государстве XVI-XVII вв. было черное землевладение. До середины XVII века черная волость сохранялась на значительной территории Замосковского края. Под названием «черная земля», «черная волость», земли «очерненные» юридически подразумевались в Русском государстве того времени земли «тяглые волостные становые», то есть несущие в полном объеме государево тягло, выражавшееся в уплате денежных налогов в пользу государя и выполнении государевых служб, в отличие от «белых земель», освобожденных от тягла.

Костромской край издавна был местом сосредоточения черного крестьянского землевладения. Документы позволяют выявить расположение в XV веке в Костромском уезде черных земель – в Минском стане; в волостях Плесской и Залесский Березовец, в Нерехтской волости – деревень Гилево, Дубовица, Волосцево, Пупково, Синцово, Окулово, Рязанцево, Тарасцево, Завражное и других (3, с. 72).

Обширной областью расположения черного землевладения был Галичский уезд. Дозорные книги начала XVII века называют 8 черных волостей Сольгалицкой осады; 10 волостей и 2 стана Чухломской осады; 4 черных Ветлужских стана; 3 волости Парфеньевской осады; 8 волостей по Унже; 1 волость Судайской осады и 8 волостей Кологривской осады. На этой территории числилось 2023 волостные деревени «живущих», с населением в них крестьян и бобылей: крестьянских дворов – 5082, бобыльских – 977 (5, с. 341-342).

Среди исследователей нет единой точки зрения по вопросу, являлись ли черносошные

крестьяне, проживавшие на черной земле, владельцами или просто держателями этих земель. По мнению историка Юрия Георгиевича Алексева, крестьянин являлся не временным держателем, а собственником черной земли. В подтверждение он приводит ряд документов об отчуждении – продаже этой земли или передаче ее по наследству: например, крестьянин Нерехтской волости Протас Мартынов сын Чернобесов продал свою землю – пустошь Гилево – некоему Ивану Кузьмину; или крестьянин Гаврило Лягавин 20 лет косил пустошь Станилово, которая «сказывал ми отець мои, что та пустошь Станилово деда нашего была, а тянул дед наш к Залесью всеми потуги» (3, с. 74).

Сторонник противоположной точки зрения исследователь Николаевич Николаевич Покровский считал, что крестьяне не имели права продавать, дарить, менять черные земли – собственность великого князя и государя: «немногочисленные случаи сделок на черные земли» рассматривались уже в то время как незаконные и «как захват черных земель» (6, с. 113, прим. 79). Признавая за черносошными общинами лишь «незначительные права по распоряжению черной землей», Н.Н. Покровский тем не менее отмечал, что «ни в одном из дошедших документов Центра России не упоминается о том, что волостные власти докладывали представителям княжеской администрации» о своих распоряжениях черной землей. «Мало того, – писал историк – есть прямые доказательства, что в некоторых случаях подобные действия черной волости противоречили распоряжениям княжеской администрации, которые были известны волостным властям» (6, с. 105, 113).

При делении Костромского и Галичского уездов на станы и волости черные земли имели традиционно волостное устройство. Перед лицом внешнего мира черная волость выступает как единое целое, во главе с органами общинного самоуправления, избранными на сельском сходе, и должностными лицами – старостами и соцкими. Должности эти были не наследственные, но на них могли последовательно выбираться представители одних и тех же, видимо, влиятельных семей несколько десятилетий подряд. Документальные материалы Галичской волости Залесский Березовец рисуют некоторые черты старосты Осташа Панина, который в самом конце XV века – древний старик, помнивший события за 70 лет: «Отец мой, господине, старостил в Залесье от сих мест за 70 лет, а яз по батьке 5 лет старостил, а уж тому шестесят лет» (1, т. I, с. 481, № 590). Он хорошо помнит земли своей волости и их владельцев: «Яз [...] помню за 60 лет; на той земле Буракове жил Бурак, а тянул тягло к Залесью, а яз был староста и помет есмь на него метал»; «жил [...] тут Мичко, и потуги метали столца»; «яз, господине, на ту землю,

на Носково, метал пометы и дань и проторы поводитил»; «та, господине, земля Стременникова, тянула к Залесью к столцу» (1, т. I, с. 464, № 583; с. 467, № 585; с. 468-469, № 586; с. 487, № 593).

Владение своей землей, по мнению Ю.Г. Алексеева, необходимое условие существования волости как территориальной общины (3, с. 76). Одна из главных существенных прерогатив волостной общины – право раздачи земель под жилые участки. Волость в лице своих представителей – «староста со крестьяны» – наделяли волощанина землей: «дал яз со крестьяны пустошь Кашино тому Лавроку да Торопцу» – говорил залесский староста Андрейко (1, т. I, с. 399, № 523).

Именно в принадлежности к волости – источник прав волостного человека на землю. Основной ячейкой черной волости была крестьянская деревня – владение волостного человека – «волощанина». «А нынече [...] на той земле хрестияне великого князя Феодотка, да Михаль Жировкин, да Микитка Феодотов сын поставили три деревни, а в деревне по двору» (1, т. I, с. 419, №. 540). В частном владении

Русская деревня XVII века. Рисунок из «Альбома Мейерберга». 1661 год.

**Князь Федор Юрьевич Ромодановский –
наместник и воевода в царствование Алексея
Михайловича и Федора Алексеевича.**

крестьянина находились двор с постройками и земля под этим двором, определенное количество пахотной земли и сенокосные угодья – пожни, луга, наволоки. Вот как об этом рассказывают нам документы: «на той земле Буракове жил Бурак»; «земля Шипулино Залеская волостная жил туту Шипуля» (1, т. I, с. 464, № 583; с. 489, № 594). Все это могло принадлежать как одному хозяину, но могло находиться и в совместном владении крестьянской семьи: в Плесской волости в 1505 году Ивашко и Федько Петелины дети Солонина, ведя общее хозяйство, «покосили пожню на 30 копен да лес посекали и ярью посеяли к своей деревни к Зубзову» (1, т. III, с. 70, № 48). Совместно могли вести хозяйство не только братья. В 80-х годах XV века крестьяне волости Залесский Березовец Лаврок Фалелецков сын и Торопец Степанов сын Понафидина вместе «поорали* да и посеяли пустошь Кашино» (1, т. III, с. 399, № 523).

В общем владении всех крестьян волости, в распоряжении мира, находилась часть волостных земель: леса, часть сенокосных угодий,

воды, рыбные ловли. Кроме того, именно общинные власти, а не отдельные крестьяне, распоряжались запустевшими землями волости. В этом заключалась важнейшая обязанность и в то же время право волостной общины – следить, чтобы земли не пустовали, охрана пустых земель, которые быстро становились объектами захвата чужаками. Кроме того, волостной мир имел право сажать на свободные земли крестьян или сдавать пахотные земли и сенокосные угодья волости посторонним крестьянам в наём.

Исторические документы свидетельствуют, что свою землю волость предоставляла только тому, кто являлся ее членом, кто нес свою долю во всех волостных обязанностях – «тянул» с волостью «в столец». В этом заключалась еще одна важная обязанность волостной общины – раскладка и сбор между членами общины всевозможных податей.

Черносошные крестьяне в XVI веке, особенно со второй его половины, были обложены многими государевыми поборами. Они платили в государеву казну главным образом всевозможные денежные налоги – «наместничий окуп», ямские, ямчужные** и другие деньги. Натуральные поборы – хлебом, медом, рыбой – были невелики. На черносошных крестьян, в отличие от владельческих, падала львиная доля всевозможных чрезвычайных платежей.

Волостная община должна была поддерживать порядок на своей территории, следить за правильным размежеванием земель. Представители волости обязательно присутствовали на всех межеваниях земель волости и соседних владельцев. Под наблюдением волостных властей были не только земли, находившиеся в общем пользовании волости, но и все земли волости, в том числе – владения отдельных дворов. Неусыпное наблюдение над тем, чтобы земля из волости не выходила, не попадала каким-либо путем в руки частных владельцев, защита представителями волости – старостами, сотскими, выборными «мужами» – волостных земель на различных судебных процессах – важнейшие обязанности черной волости.

Документы показывают, что насильственный захват монастырями и землевладельцами

запустевших черных земель и хозяйственное освоение их стало в конце XV – начале XVI веков обычным явлением. Вот несколько примеров: в середине XV века Иев Оберучев захватил 8 пустовавших земель черной волости Залесский Березовец Костромского уезда и передал их затем Троице-Сергиеву монастырю (1, т. I, №№ 213, 523, 583, 586, 588, 592, 593); около 1463 года митрополичьим домом были насильственно присоединены 17 деревень и 5 починков в черных землях Минского стана Костромского уезда, запустевшие от «великого поветрия», в 1491-1492 гг. – ещё 12 черных земель того же стана (2, №№ 254, 258).

Процесс захвата черных земель митрополичьим домом раскрыли на суде крестьяне Ликуржской волости Галицкого уезда. Они свидетельствовали: «Волость, господине, Ликуржская, запустела от великого поветрея, а те, господине, деревни и пустоши волостные розоймали бояре и митрополиты, не ведаем которые, за себя тому лет с сорок, а волостных, господине, деревень Ликуржских тогда осталось одна шесть деревень с людьми, и нам, господине, тогда было не до земель, людей было мало, истати некому; а митрополичьих, господине, земель было исстарини три сельца: Заднее, да Переднее, да Середнее, и нам, господине, до тех и дела нет». На захваченных землях митрополичий дом поставил 16 деревень и 5 починков (2, № 254).

В I половине XV века черная земля Иконниче Костромского уезда в результате захватов и переходов из рук в руки также попала в митрополичий дом. Соседние чернососшные общины, ослабленные эпидемиями, видимо, не претендовали на эту землю. Около 1473 года волостные крестьяне возвратили её, поставили на ней мельницу и несколько лет косили луга. Около 1477-1478 годов суд вернул землю митрополиту, но через несколько лет черные крестьяне опять стали косить эти луга. В 1488 году митрополичий посельский староста получил бессудную грамоту на черных крестьян, по которой черная земля снова возвращалась митрополиту. Но через 10 лет черный крестьянин Иван Избин опять захватил эти земли и покосил их, и суд в 1498 году, в третий раз,

вернул земли митрополиту. На всех судах крестьяне заявляли, что митрополит владел этими землями лишь до тех пор, пока пустовали соседние деревни. Но как только эти деревни заселялись, новые черные крестьяне вновь пытались вернуть земли себе (2, № 259).

Защита земель по суду была для крестьян довольно трудным делом, требовала предварительной подготовки. Между 1495 и 1499 годами волость Залесский Березовец предприняла попытку вернуть по суду 11 волостных земель, захваченных в разное время Троице-Сергиевым монастырем. Волость заранее готовилась к борьбе с монастырем на суде, свидетелями на нем были бывший волостной староста Осташ Панин и крестьяне, живущие на этой земле или хорошо знавшие волостных

Князь Федор Иванович Мстиславский – боярин, наместник, воевода в царствование Михаила Федоровича и Алексея Михайловича. На миниатюре из Книги избрания на царство Михаила Федоровича изображен осыпающим царя деньгами.

крестьян, живших на ней ранее. Однако все попытки крестьян вернуть свои земли окончились неудачей.

Между 1488-1490 годами Нерехтская волость попыталась вернуть захваченные тем же монастырем волостные земли. Был найден крестьянин Иван Федотов, который раньше жил на этих землях, а также свидетели, подтверждавшие его показания. На суде Иван Федотов выступал «во всех крестьян место Нерехотские волости». Несмотря на то, что захват некоторых из земель монастырем был очевидным, земли по суду были оставлены все-таки за ним (1, т. I, №№ 537, 538, 539, 583-594). Проиграли дело и крестьяне черных земель Минского стана, попытавшиеся вернуть весьма обширные территории, захваченные у них в разное время митрополичьей кафедрой (2, № 254, 258).

Перед нами процесс постепенного уничтожения свободного крестьянского землевладения, процесс феодализации волостной земли и превращения её владельца в зависимого человека в хозяйстве светских и духовных землевладельцев. Дальнейшим продолжением этого процесса в период образования Русского государства и создания поместной системы явились государевы пожалования черных земель в поместья за службу, а с начала XVII века – и в вотчину.

Как отмечал профессор Юрий Владимирович Готье, опираясь на дозорные книги 1614-1617 гг., черные земли с несколькими сотнями деревень и несколькими тысячами дворов занимали в начале правления царя Михаила Федоровича не последнее место среди других видов земель Галицкого уезда. Однако и здесь дни черного землевладения были сочтены.

В первые месяцы 1613 года было пожаловано в поместья и вотчины думным и московским чинам до 14 000 десятин из черных волостей, преимущественно Вологодского и Галицкого уездов. Остатки черных земель Галицкого уезда были розданы в 1619-1620 годах за «московское осадное сидение в королевичев приход». В эти годы черные земли получили

в поместья и вотчины: князь Федор Юрьевич Ромодановский и князья Леонтьевы в волостях Доровской и Шарицкой Галицкого уезда; боярыня вдова княгиня Урусова в Водской волости; князь Федор Иванович Мстиславский – Ветлужские черные станы; стольник князь Юрий Петрович Буйносов-Ростовский – волость Тормановскую; боярин Федор Иванович Шереметев – Нейскую волость; стольники Голенищев, Бороноволоков, Зюзин – в Жоховской волости и многие другие (5, с. 340-344).

Ко II четверти XVII в. черных земель в Костромском крае не осталось. Этот вывод правомерен не только для Костромы, но и для всего Замосковского края. Историк Ярослав Евгеньевич Водарский, занимавшийся вопросами численности населения Русского государства в XVII веке, приводит данные лишь о черносошных крестьянах Севера и Поморья (4, с. 102-103). С исчезновением в центральной части страны черной волости с её относительно свободным крестьянским населением, аграрная и социальная история России вступает в новый этап – этап безраздельного господства феодального поместья с его развитой системой крепостнической эксплуатации.

* Орать землю – пахать земледельческими орудиями: сохой, плугом, косулей.

** «Наместнич окуп» – государев налог в виде сборов натурой и деньгами с населения, шедший на содержание наместников. Ямские деньги – государев налог, собираемый в Ямской приказ на содержание ямской гоньбы и ямов – почтовых станций: «деньги ямским охотникам на пригон и на подмогу». «Ямчужные деньги», или «селитренные» – государев сбор, введенный в связи с развитием артиллерии в России, на эти деньги закупался порох для армии.

Примечания

1. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – нач. XVI вв. – М., 1952-1964. Т. I-III.
2. Акты феодального землевладения и хозяйства XIV-XVI веков. Часть 1. – М., 1951.
3. Алексеев Ю.Г. Черная волость Костромского уезда XV в. / Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. – Л., 1967.
4. Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII вв. – М., 1977.
5. Готье Ю.В. Замосковский край в XVII веке. – М., 1906.
6. Покровский Н.Н. Актовые источники по истории черносошного землевладения в России XIV – нач. XVI вв. – Новосибирск, 1973.

Кострома в царствование первых царей династии Романовых

Царствование Михаила Федоровича имело тяжелый старт. «Московское государство [...] разорилось до конца. Дворцовые села и черные волости, и пригородки и посады [...] запустошены, [...] служилые люди бедны, сокровища царские и их царское всякое достояние Литовские люди вывезли. И чем служилых людей жаловати, и свои государевы обиходы полнити, и против своих недругов [...] стоять?» – трудно подыскать более верные слова для описания разорений, чем те, которые высказывала мать будущего царя великая старица Марфа, отказываясь здесь, на Костромской земле, в Ипатьевском монастыре, благословлять сына Михаила на государев трон (21).

Однако, несмотря на все трудности, старт этот оказался успешным. «Личность царя Михаила как нельзя более способствовала укреплению его власти: мягкость, доброта и чистота этого государя производила на народ самое выгодное для верховной власти впечатление», – отмечал крупнейший русский историк Сергей Михайлович Соловьев (15, с. 248).

Заключение мирных договоров со Швецией и Речью Посполитой, разгром казацких отрядов Заруцкого, политика всеобщего согласия и единения вокруг царской власти создавали условия для постепенного, порой трудного, восстановления разоренного хозяйства. Этому должна была способствовать своеобразная программа об «устроении и исправлении земли», принятая на Земском соборе 1619 года, скрепленная печатями уже двух «Великих Государей всея Руси» – царя Михаила Федоровича и только что возведенного в Патриархи Московские Филарета.

Портрет царя Михаила Федоровича на коне.
Неизвестный художник.
Вт. пол. 1670-х – перв. пол. 1680-х (?) годов.

Программа, предусматривавшая новые дозоры и переписи земель, возврат на свои прежние места жительства беглых посадских людей и закладчиков (посадских людей, ушедших с посада и «заложившихся» за бояр, дворян, монастыри, спрятавшись, таким образом, от государевых повинностей), покровительство развитию русской торговли, ремесла и предпринимательства, имела цель увеличения

населения посадов, платившего государевы налоги, и пополнения государственной казны.

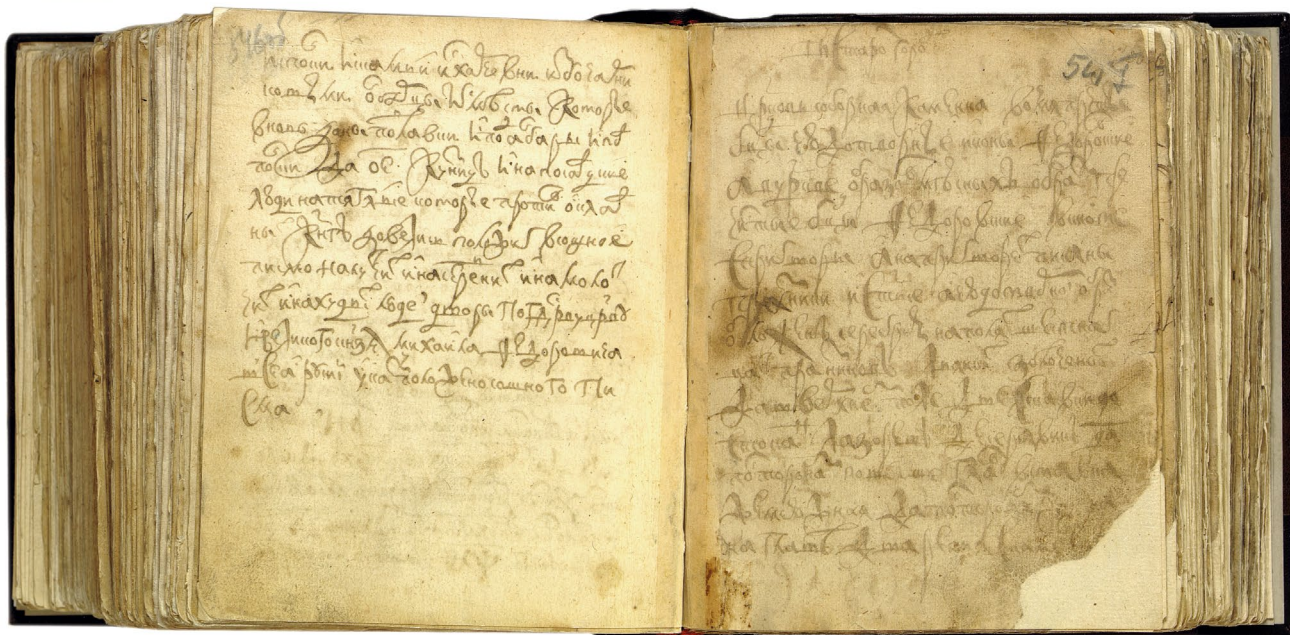
Осуществление в первой половине XVII века этой программы, медленное и не всегда последовательное, привело в итоге к увеличению численности посадского населения, росту в городах удельного веса ремесла, постепенному превращению его в мелкотоварное производство. Углубление общественного разделения труда и товарной специализации между областями, развитие купечества и усиление влияния торгового капитала способствовало складыванию всероссийского рынка. Уже во времена царя Михаила Федоровича закладывались основы тех перемен, которые нашли развитие при его сыне государе Алексее Михайловиче и далее утвердились в реформах его внука Петра Великого.

В отличие от дозоров первых лет царствования Михаила Федоровича, в ходе которых определилась степень бедствий, причиненных Смутой, и которые велись поспешно, бессистемно и сопровождались злоупотреблениями, описания, начатые в конце 20-х годов XVII века, были обстоятельными, последовательными, с обязательной разработкой наказов для писцов, предоставлением им приправочных книг – документов предыдущих земельных описаний,

проведением писцами обхода и объезда всех территорий – «всех пересмотреть налицо», измерений и межеваний всех земель, составлением черновиков, а затем «белых книг письма и меры», с подачей их в приказы, утверждением их царем и превращением Писцовых книг в официальные документы.

По Дозорным книгам Дея Чередова 1614 года в Костроме насчитано всего 312 дворов. Среди исследователей нет единства по вопросу о названии этих дворов: были ли они просто посадскими или тяглыми, т.е. способными нести государево тягло. Можно согласиться с историком Павлом Петровичем Смирновым, что это были тяглые дворы, т.к. при дозоре выявляли и подсчитывали посадские дворы, способные тянуть тягло, в том числе платить государевы подати (14, с. 108).

Собор 1619 года определил, что одной из первоочередных задач по возрождению страны должно стать проведение нового описания всех русских земель с целью введения единообразия и справедливости при распределении податей, для устранения такого положения, когда налоги «емлют с ыных по писцовым книгам, а с ыных по дозорным книгам, а иным тяжело, а иным лехко» (5, с. 94). Кроме того, царское правительство Михаила Федоровича

Писцовая книга г. Костромы, 1627/28 – 1629/30 годы.

стремилось содействовать восстановлению законных прав землевладельцев, в значительной степени нарушенных во времена опричнины царя Ивана Грозного и Смутного времени. Причину новых описаний можно усмотреть и в утрате документального фонда приказа Костромская четь, куда входила и Кострома, в результате пожара в Москве 1626 года.

Первое писцовое описание в XVII веке Костромского уезда, его луговой и нагорной половины, границей которых была река Волга, осуществлено в 1627-1644 годах: нагорную половину описывали с 1627 по 1631 год писец П.И. Волынский и подьячие Ю. Шевелев и П. Тепляков; луговую половину, куда входил и город Кострома, в 1627-1644 годах – начинал описание Иван Бутурлин, Василий Волконский заканчивал его, с ними работали подьячие Евстафий Колюпанов и Иван Злобин. По документам известно, что князь Волконский в 1644 году съезжался на спорные межи с галицкими писцами (4, с. 103).

Писцовая книга письма и меры по городу Костроме 1627/28 – 1629/30 годов в подлиннике до наших дней не дошла, в двух российских архивах она сохранилась в списках: в Государственном архиве Костромской области (ГАКО) – в списке третьей четверти XVII века, в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) – списке XVIII века (11, с. 4). Писцовую книгу города Костромы, как писцовые книги других городов, можно назвать энциклопедией русской жизни первой половины XVII века. Трудночитаемые, написанные скорописью страницы этого документального памятника рассказывают нам, как выглядел город, из каких частей он состоял, сколько в нем было дворов и чем занимались их владельцы, каково было их имущественное положение, чем славился город и чем торговал.

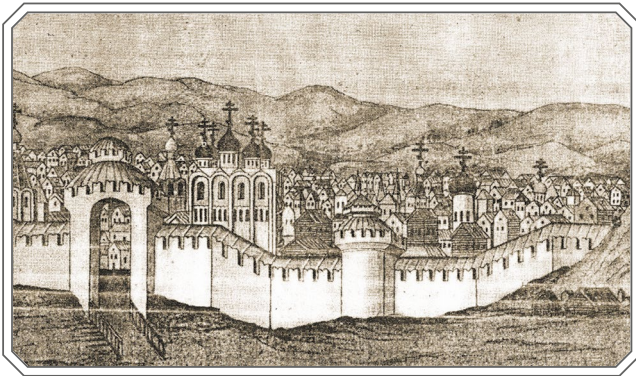
Понятие «город» в XVI-XVII веках, как и в древности, включало в себя многие составлявшие его части: укрепленную, называемую по-разному, – кремль, детинец, острог, город, и неукрепленную территорию, в которую входили посад, слободы и земли, прилегавшие к ним. Несмотря на то, что о Костроме мы узна-

ем из документов первой половины XVII века, начиналась она на новом месте значительно раньше – в начале XV века. Согласно сообщениям Тверской летописи от 30 июня 1413 года, первое Костромское поселение, расположенное при впадении рек Костромы и Сулы в Волгу и состоявшее из деревянной крепости и ремесленно-торгового посада, сгорело во время большого пожара: «Того же месяца в 30 день погоре град Кострома и згоре церковей 30» (9, стб. 486). Троицкая же летопись уже в 1416 году сообщала: «Того же лета град Кострома заложен бысть» (20, с. 235). По грамоте великого Владимирского и Московского князя Василия Дмитриевича, крепость стала возводиться на высоком песчаном крутояре над Волгой. Она стала композиционным центром, вокруг которого вырос новый посад и слободы.

Средневековая Кострома, как и другие русские города, принадлежала к типу «живописных» городов. Она имела изогнутые улицы и переулки, сложные по конфигурации площади. Над низкой, плотной жилой и общественной застройкой царили свободно расставленные и в то же время занимавшие самые красивые и высокие места храмы и колокольни, башни костромских крепостей. С далеких и близких расстояний, с улицы и из дворов, почти из любой точки города хорошо просматривались эти высокие ориентиры. Город плавно ложился на рельеф местности, легко входил в окружающую его природу. Он повторял естественный ландшафт – низкие и высокие места, косогоры и овраги, огибал естественные водоемы. Это был свободный по планировке, нерегулярный город.

В обеих костромских крепостях и на посаде насчитывалось 31 костромская улица и 49 переулков, а также 22 места без названий, с уточняющей топографией. Посадское население проживало во дворах, в состав которых входили деревянные жилые дома с хозяйственными постройками, огороды и даже сады. Застройка проводилась согласно нормам и правилам, разработанным Приказами для всех русских городов. Располагался посадский двор узкой полосой, тянувшейся в глубину

Город Кострома XVII века. Фрагмент миниатюры из «Книги об избрании на царство великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича», 1672-1673 годы.

квартала, на линию улицы или переулка выносились только жилые постройки. Все строения обносились забором – частоколом. Тип жилища представлял простейшую избу-клеть с сенями, часто дополненный прирубом. Между дворами имелись специальные промежутки – прозоры, которые должны были уберечь деревянные постройки от пожаров. Имеются сведения, что некоторые края улиц и переулков на ночь запирались решетками. Вокруг посада и слобод простирались пашни, выгоны, луга, леса и другие всякие «ухожи», принадлежавшие посадской общине. Город Кострома был красив, удобен и живописен.

В то же время Кострома в XVII веке – это сложный социально-экономический организм, развивавшийся по собственным другим русским городам законам, с пестрым по своему составу городским населением, как уездный центр – с развитой системой административных органов. И если в первые века существования Костромского Кремля он был надежной защитой для жителей посада от набегов, прежде всего казанских татар, то в XVII веке Старый город стал важным административным и духовным центром Костромы. Здесь были сосредоточены учреждения местного управления. Главой города и уезда, правомочным наместником царя, являлся воевода. Еще в XVI веке, наряду с полковыми и ратными воеводами, появились местные или годовые воеводы. В начале же XVII века, после Смуты, когда выявилась необходимость иметь в каждом городе

военную власть и органы управления, воеводы появляются повсеместно. В Старом городе близ северного вала стоял большой деревянный воеводский двор, где жил воевода, и съезжая изба с сенями – воеводская канцелярия.

В руках воеводы находилось управление всей жизнью города и уезда: он набирал дворянское войско-ополчение; ловил воров, разбойников, то есть осуществлял надзор над внутренним порядком и безопасностью; решал гражданские дела, боролся с пожарами, расколом, болезнями; раздавал хлебное и денежное жалование служилым людям; контролировал соблюдение крепостного режима и законов. Не случайно в съезжей избе хранились царские грамоты, печать, приправочные и писцовые книги, а также собираемая с уезда государева казна.

Вместе с воеводой в съезжей избе служили его товарищи – вторые, третьи воеводы. Все они с главным воеводой назначались из бояр и дворян Разрядным приказом и утверждались царем и Боярской думой. Всего штат воеводской канцелярии вместе с дьяком и подьячим состоял из 2-5 человек. Писцовая книга Костромы имен воевод не называет, но по спискам воевод, опубликованным А.П. Барсуковым в начале XX века, известно, что в 1628-1630 гг., когда составлялся документ, воеводами на Костроме были Матвей Федорович Стрешнев в 1626-1628 годах и князь Петр Федорович Волконский в 1630-1631 годах (16, с. 113-114). В посаде, на черной и белой земле, стояли дворы подьячих съезжей избы Ивана Семенова сына Завязошниковова, Григорья Савина и Ивана Григорьева. В Старом городе жили приставы съезжей избы – Филка Михайлов и Гришка Чернцов. Бирич Демка Иванов кликал царские и думские указы на торгу (11, с. 140, 138, 18, 29, 152).

Видной фигурой местной администрации, второй после воеводы, был губной староста. Функции его были четко определены Соборным Уложением 1649 года: «А ведати в городех разбойные и убийственные и татинные дела губным старостам и целовальникам по наказом из Разбойного приказу». Таким обра-

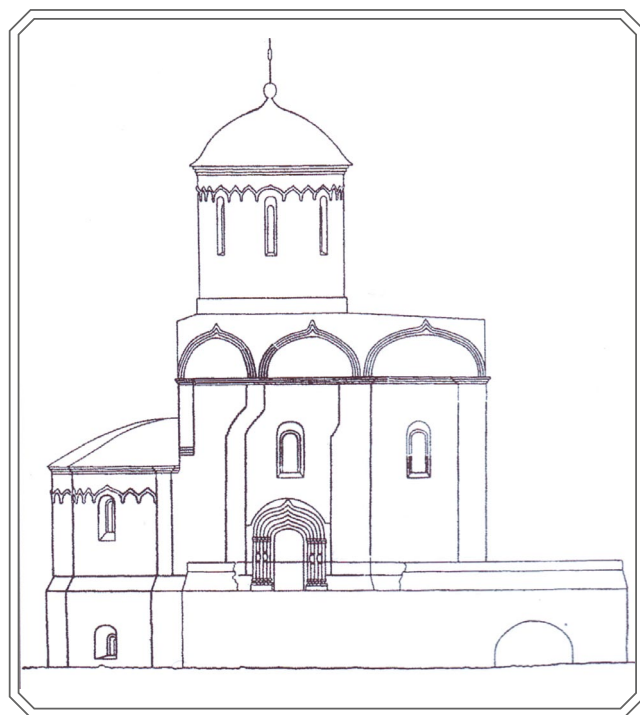

зом, в руках губных старост сосредоточивалась почти вся уголовная юрисдикция. Видимо, и название старосты было связано с его деятельностью – борьбой с теми, кто «губил» души человеческие. В отличие от воеводы, который назначался, губной староста избирался из дворян и детей боярских всеми людьми уезда, в том числе и посадскими. В выборах не участвовали только крепостные крестьяне и низшие слои городского населения, занимавшиеся наемным физическим трудом – рабочие люди, наймиты, ярыжки и нищие. Местом присутствия губного старосты, где сосредотачивалось все губное управление, введенное еще в XVI веке по Судебнику Ивана Грозного, была губная изба. В костромском Кремле она стояла рядом с воеводским двором и съезжей избой. В 1628 году губным старостой в Костроме был Неждан Усов, проживавший на улице Николы Ратнова, ему помогал губной подьячий Постничко Некрасов, владевший двором в посаде «на наместничьем на дворовом месте», расположенном между двумя улицами – Русиновой и Никольской (11, с. 127, 121). Из других казенных зданий в кремле были тюрьма, 4 государевых житницы, казенная кузница, осадный колодец, дворовое пушкарское место и караульная изба.

Особое значение Кремль имел как духовно-религиозный центр. Здесь, в Старом городе, находился главный соборный храм Костромы «Пречистые Богородицы чудотворныя иконы Феодоровские», где хранилась костромская святыня и покровительница города – чудотворная Феодоровская икона Божией Матери, во имя которой собор был освящен. Реконструировать облик костромского соборного храма позволили сохранившиеся в Государственном музее архитектуры имени А.В. Щусева материалы натуральных обследований его, проведенных до и после уничтожения в 1934 году. Собор был одноглавым, двустолпным, трехапсидным, с позакомарным покрытием и на высоком сводчатом подклете. Внешние стены храма делились вертикальными лопатками на три прясла, которые завершались разновеликими килевидными закомарами. «Косые» уступча-

тые лопатки имели разную ширину и большой вынос за гладь стены. Древние оконные проемы были выполнены в форме раструбов. Архитекторы при обмерах 1934 года выявили и некоторые конструктивные особенности древнего соборного храма – систему деревянных брусчатых связей кольцевого типа, заложенную в толщу стен на уровне пят сводов и связывавшую все стены здания в продольном и поперечном направлениях. Дверные проемы в собор были выполнены в виде белокаменных порталов (8, с. 5-9).

Собор служил летним храмом, рядом стоял теплый трапезный, видимо, деревянный храм в честь «Похвалы Пречистые Богородицы». Феодоровский Богородицкий храм имел придельную церковь во имя великомученика Феодора Стратилата, устроенную в одной из апсид, скорее всего, правой. О времени строительства главного соборного храма Костромы «во имя Пречистые Богородицы чудотворныя иконы Феодоровские» говорить трудно, поскольку документов об этом до нас не дошло. Можно только предполагать, что в начале XV

Соборная церковь во имя чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери. Реконструкция.

века, когда возводились крепостные постройки Кремля, церковь или уже стояла на этом волжском холме, тогда данные «Сказания о явлении и чудесах Феодоровской чудотворной иконы Божией Матери» можно рассматривать как достоверные; или строилась одновременно с крепостью.

Из церковных построек в Кремле названы также собор каменный «Живоначальные Троицы» с приделом преподобного Сергия Радонежского, как отмечено в Писцовой книге церковь «розвалилась», видимо, требовала ремонта. Вблизи находилась трапезная деревянная клецкая церковь, посвященная московским святителям Петру, Алексею и Ионе (11, с. 268). Известно, что образы этих великих чудотворцев были принесены в Кострому посольством Земского собора 1613 года. Перед их святыми ликами в Ипатьевском монастыре был «умолен», а затем наречен русским государем Михаил Федорович Романов. Кроме храмов в Кремле находился мужской Крестовоздвиженский монастырь, обращенный в 1681 году, после пожара, в женский.

Старый город оставался крепостью, выполнявшей военно-оборонительную функцию. Крепостные сооружения должны были обес-

печивать жителям Костромы покой и безопасность. Кремль, или Старый город Костромы к 1627 году – времени начала составления Писцовой книги – просуществовал уже два столетия. Вал со рвом и стеной на востоке проходил по современной улице Чайковского, поворачивая на северо-востоке к Воскресенской площади, где позже были возведены Масляные ряды. На юге стена возвышалась над Волгой, а на севере с 1619 года Кремль имел общую стену с Новым городом.

Старый город имел форму неправильного четырехугольника, был укреплен деревянной стеной на земляном валу с 16 башнями, двумя воротами и рвом. Стена крепости по окружности немного превышала один километр. Кремлевские стены были выполнены по старинке, в виде частокола из заостренных деревянных свай высотой в пять с половиной метров. Писцовая книга 1628 года сообщает, что «меж башен тых острог оставлен без тарасов в борозду» (11, с. 16], подчеркивая, что «тарасов» не было. По внутренней стороне стены были устроены палаты для боя и с бревнами для сбрасывания их на противника. Стены кремля, выполненные в виде острога «в борозду» – частоколом в одну линию, были менее прочны-

Русские бояре на гравюре XVI века.

ми по сравнению с «тарасами» и соответствовали времени, когда на Руси еще отсутствовало огнестрельное оружие. На начало XVII века конструкция стен кремля была устаревшей.

Трудно сказать, сколько раз за время своего существования передельвались, ремонтировались укрепления Кремля. В период составления Писцовой книги усиление укреплений шло по пути переделки ворот в башни. Например, в восточной стене «от Каткины горы» документ называет глухую Ильинскую башню, «что бывали Ильинские ворота». Возможно, заделка ворот произошла после Смутного времени, во время которого Кострома, в том числе и Кремль, неоднократно подвергались разгрому. Вероятно, после известных в истории Костромы пожаров 1654 и 1679 годов крепостные сооружения ремонтировались и перестраивались. Дополнительные сведения о Старом и Новом городе дает «Постатейная роспись Костромского Кремля 1678 года», составленная при царе Федоре Алексеевиче. Из этого документа мы узнаем о починке Спасского моста в 1677 году; о ремонте уездными людьми в 1678 году моста через ров у Ильинской уже воротной башни; о поломке караульных чердаков у некоторых башен – «пошибло бурей»; об осыпании земли под стенами и башнями, также и у тайника, который «сгнил, потолок и стены рушатся и земля сверху сыплется» (12, с. 31-40).

Защитное назначение Кремля сказывалось и в размещении на его территории осадных дворов, которые держали на случай военной опасности владельцы земель в Костромском и Галичском уездах. На двух кремлевских улицах – «улице подле осыпи от Спаских ворот», «Большой к Водяным воротам» – и в переулке между ними стояло 202 строения – дворы осадные жилые и пустые, избенки жилые и

**Стрелец.
Рисунок из «Альбома
Э. Пальмквиста».
1674 год.**

пустые, места дворовые жилые и пустые. Жилых построек всего было 173, где в мирное время жили дворники, а в военное – могли собираться их владельцы с родичами, челядью и имуществом. Осадные дворы в Кремле имели князь Петр Андреевич Волконский, Иван Семенович Куракин, Роман Гагарин, князь Козловские, Борятинские; бояре Салтыковы, Шереметевы; стольники Глеб Иванович Морозов, Алексей Николаевич Годунов, Василий Алексеевич Третьяков; окольные, городские дворяне, дьяки. Самой знаменитой владелицей осадного двора в Кремле была «великая государыня инока Марфа Ивановна» – мать царя Михаила Федоровича. Осадные дворы и «на приезд» имели в Старом городе и монастыри, как костромские, так и московские:

Богоявленский монастырь – 2 двора, Ипатьевский, Троице-Сергиев, Новоспаский, Чудов, Новинский – по одному. Писцовая книга 1628 года называет несколько осадных дворов, владельцами которых были иностранцы, в основном немцы – Юрья Палтов, Арист Фаменди, Ортемий Голбярхов и другие.

Оборонительное назначение Старого города проявлялось не только в его крепостных сооружениях и осадных дворах, но и в наличии в крепости штата военных служилых людей по прибору – стрельцов, пушкарей и воротников, которые служили «з жалованья», получая денежный оклад и деньги, выплачиваемые за хлебное жалованье. Они осуществляли оборонительные и караульные функции. В 1628 году по царской грамоте Михаила Федоровича костромской гарнизон из 100 стрельцов был уменьшен до 50 человек и им были выделены земли под две государевы слободы для проживания: «в длину по двенадцати сажень, а поперег по шти сажень под двор и под огороды» (11, с. 338). Первая Стрелецкая слобода для 25 человек расположилась выше Старого го-

рода по течению Волги «от мытной избы у Георгея Стратотерпца». Это место находилось в нижнем посаде близ мыта, где останавливались возы и лодки, ниже Никольских ворот Нового города, ведущих к Волге. Здесь в Десятильничей улице стоял храм «великого чудотворца Николы», трапезная церковь которого и была посвящена «стратотерпцу Христову Георгию» (11, с. 282-283). Вторая слобода, тоже для 25 стрельцов, была устроена с другой стороны Кремля, у его стен, ниже по течению Волги, там, «где бывали немецкие тюрьмы». Все стрельцы этих двух слобод в Писцовой книге названы по именам. Кроме караульной службы в крепости, они осуществляли «отъезжую» службу, были курьерами, отвозя в Москву и другие города разные документы. В Старом городе осадным двором владел стрелецкий сотник Степан Иванович Жабин, который в 1620 году по царской жалованной грамоте Михаила Федоровича был пожалован землей в вотчину в Костромском и Галичском уездах за «осадное сиденье» в Москве во время прихода польского короля Сигизмунда (11, с. 25. КГИАХМЗ, КМЗ КОК № 10976).

Служилыми людьми по прибору являлись пушкари, обслуживавшие оружие и выполнявшие поручения воевод, а также воротники, следившие за исправностью ворот в крепости. Например, в 1653 году пушкарь Афанасьев собирал в Костромском уезде новиков, уклонявшихся от военной службы. По сметным книгам 1686 года вооружение костромской крепости состояло из 59 пищалей, 535 ядер, зелья ручного и пушечного. Царь Алексей Михайлович пожаловал в Кострому большие чугунные пушки. Стрельцы, пушкари и воротники служили, видимо, и дворниками в осадных дворах: Писцовая книга называет среди дворников стрельцов Акимку, Петрушку, Мишку да Васку, Омелку Гаврилова; пушкарей – Ивашку Беса, Тимошку Марушкина, Пронку Третьякова и Левку. А стрелец Федка Посников имел в Кремле «от Волских Воденых ворот налево подле осыпи» свою осадную избенку с сенми (11, с. 22-27).

Служилых людей, особенно «отставленных», то есть закончивших службу, бывало,

наделяли на посаде землями для устройства двора. Это могли быть белые или черные земли, владельцы которых или освобождались от государевых налогов или несли их в полном объеме вместе с посадским миром. Например, пушкари Наумка Ондреев и Федка Ошурков имели дворы в Богоявленской улице; а Семейка Нечаев и Ивашка Зомин Шила – в переулке из Колачной улицы в Златоустинскую. Из стрельцов на посаде жили в Ивановской улице Оревка Клементьев, в Гатилове улице – Васка Посников, на Медном пруде – Савка, а рядом, в Колачном переулке со всполья, – Шестунка Иванов. Пушкарь Гаврилка Перфильев приобрел двор в Чулкове переулке по купчей грамоте за свои деньги. Писцовый документ называется в Костроме четырех воротников, один из которых, Кондрашко, был дворником у братьев Овцыных в осадном дворе на левой стороне улицы Большой в Кремле; второй, Завьялка Васильев, владел двором на белой земле в Чулкове переулке, а у третьего, Гришки Васильева, проживавшего на Каткиной горе, двор находился на черной земле. Еще одного воротника Семейку Иванова мы находим среди торговцев, получивших места под полку «меж колачных полков» (11, с. 151, 116, 140, 144, 148, 92, 23, 93, 114, 242).

Надо отметить, что военная служба не мешала служилым людям заниматься разными промыслами и торговой деятельностью. Кроме воротника Семейки Иванова, в торговых рядах замечен стрелец Гришка Иванов, получивший тоже место под полку у Воскресенских ворот Нового города, среди торговавших маслом и калачами. Поручителем его в новом торговом месте и в оброке был тоже колачник посадский человек Герасимка Васильев. Есть сведения еще об одном пушкаре Сенке, ранее владевшем семью местами среди колачных полков, но в 1628 году розданных другим людям (11, с. 247, 242).

Вторая Костромская крепость – Новый город – была возведена в 1619 году, на случай осады, когда польский королевич Владислав пошел на Москву. Реальная угроза захвата столицы заставила царя Михаила Федоро-

вича созвать Земский собор, на котором был принят план защиты Москвы и других городов. Сооруженную крепость, ставшую дополнительным оборонительным рубежом, так и назвали – Новый город, после чего в документах Кремль стали именовать Старым городом. Новая крепость была возведена на посадской земле костромскими посадскими людьми на свои средства, что и отметили писцы в своем документе – «ставили посадские люди собою» (11, с. 17). Новый город на юго-востоке имел общую стену с Кремлем и тянулся на северо-запад от него до Анастасьина девичья монастыря (современный квартал между улицей Островского и проспектом Текстильщиков) и имел более внушительный вид: укреплен деревянными стенами с 13-ю башнями, 5 из которых были воротными, а 8 – глухими.

Таким образом, в начале царствования Михаила Федоровича сложилось своеобразие Костромы: укрепления города состояли из двух частей – Кремля или Старого города и Нового города, слившихся в единый оборонительный комплекс из крепостных деревянных стен с земляным валом и рвом, с 29 башнями и 6 воротами. Крепости были построены в разные исторические периоды и выполняли разные функции. К сожалению, время и люди не сохранили до нас даже остатков некогда сильных крепостных сооружений, и можно согласиться с краеведом Иваном Васильевичем Баженовым, писавшим еще в начале XX века, что «затруднительно начертать точную топографическую картину Кремля времени Писцовых книг».

Общая длина стен Новой защитной крепости была равна 1214 метров, или чуть более 1,2 км, и это всего на 110 метров больше, чем протяженность стен Кремля. Карта 1781 года, на которой обозначены обе крепости, позволяет визуально сравнить их и отметить, что, несмотря на разную форму, по площади Старый город лишь немного уступал Новому. Одна из стен Нового города проходила посередине Воскресенской площади, оставляя за стеной церковь Воскресения на площадке.

Деревянные крепостные стены Нового города, по сравнению с Кремлем, были устроены уже по-новому: они имели конструкцию «тарасов» – «орублен тарасы косые как ставитца острог лежачей». Тарасами называли систему деревянных стен, ставшую в XVII веке основным типом конструкции крепостей. Эта конструкция состояла из клеток, образованных двумя параллельными, на расстоянии 3,5-4,5 метра друг от друга, рублеными стенами и поперечными стенками – перерубами. Клетки делились на узкие и широкие: узкие, в 2-4 метра, заполнялись «хрящем» – землей и камнями, а широкие в 3-4 метра, оставались полыми и предназначались для защитников крепости. В каждой из них обычно были сделаны дверь и две бойницы. Внутренние и наружные стены были цельными по всему пряслу. Название «тарасы косые» означало устройство внешней деревянной стены с наклоном во внутреннюю сторону. Кроме того, Писцовая книга называет Новый город, как «острог лежачей», имевший в документах того времени и такие наименования – «заплот» и «лежачей город». Все эти названия означали плотный прочный забор из бревен или жердей, расположенных горизонтально между столбами, в отличие от «стоячего города» – вертикальной тыновой стены, частокола.

Новый город окружал защитный ров: «А около ево веден был ров», свидетельством существования которого было наличие у воротных башен одного или двух мостов, перекинутых через этот ров. Но поспешность строительства крепости перед военной опасностью привела к печальным последствиям: после 10 лет существования «и город во многих местех розвалился и ров поосыпался» (11, с. 17). Постатейная роспись Костромского Кремля 1678 года дополняет наши сведения об укреплениях Нового города, отмечая, что воротные проездные башни – Никольская, Предотеченская, Благовещенская и Воскресенская – были «о шести стенах», а все остальные глухие башни – «об осми стенах». Кроме того, документ фиксирует проведенные в 1676 году в Новом горо-

де ремонты – мостов через ров у Никольских и Предотеченских ворот. (12, с. 31-40).

Новый город тоже служил убежищем в случае военной опасности. Здесь стояли двory двух видов: осадные двory «дворян и детей боярских и приказных людей и посадских людей осадные ж» и посадские тяглые двory. Осадные двory принадлежали дьякам Марку Поздееву и Григорью Олтуфьеву, а также владельцам, чьи фамилии стали хорошо известными в костромской истории XVII-XVIII вв. – Кафтыреву, Безтужеву, Красовскому, Грамотину, Сумороковым (11, с. 31-32).

Бывшие здесь до 1619 года двory посадских людей были частично оттеснены, и на их месте возникли осадные двory и избышки. Так как Новый город строился на территории посада, в нем сохранились две прежние улицы, одна из которых имела продолжение в посаде – это Брагина улица. Стеной Нового города она была разделена на две части, одна из которой тянулась в Новом городе от северо-западных Предотеченских ворот к храму Рождества Иоанна Предтечи; а вторая часть лежала на посаде за стенами крепости, с западной стороны Анастасиина монастыря и тоже тянулась от Предотеченских ворот, но к реке Суле. Эту улицу можно идентифицировать с началом современной ул. Островского от начала Больших Мучных рядов до перекрестка с ул. Пятницкой. Всего в Новом городе писцами названы 4 улицы – Исакова, Брагина, Воскресенская и «Большая»; а также 4 переулка – «Мылной», «Подошевной», «Новой» и переулоч с таким названием – «На переулоч две сажени дано».

Главным назначением Нового города была его торгово-ремесленная функция. Здесь была сосредоточена торговая жизнь костромского посада, здесь располагались главные торговые заведения города. Главной площадью в Новом городе была таможенная площадь, расположенная к востоку от Никольских западных ворот, почти напротив них. Она была «учинена» в 1628 году по государеву указу Михаила Федоровича Романова и грамоте святейшего Патриарха Московского и всея Руси Филарета.

Площадь не случайно называлась таможенной, главным заведением, стоявшим на ней, была таможенная изба на подклете. В ней действовали таможенные головы и целовальники, сбиравшие «государеву таможенную пошлину», то есть пошлину со всех товаров, продаваемых в Костроме на торгу. Здесь же «ставятца приезжие торговые люди с болшими и со всякими товары и з хлебом». В таможенной избе хранились государевы документы по торгам, печати, все собираемые денежные средства. Подклет таможенной избы использовался для держания «кабацкого питья». Таможенная изба была построена на государевы деньги.

Рядом с таможенной, напротив ее, стояла важня (вага – вес, сила) – сооружение для городских весов – «везят в ней всякой вещи товар». Для этих целей в важне были «терези вещи» (по Далю, это весы большие торговые коромысельные, то есть в виде коромысла) и «гири железные».

У Гостиной крепостной башни Нового города был устроен Гостин двор для приезжих торговых людей, состоявший из двух изб, 4-х амбаров для привозимых товаров и двух сараев для складывания соли. Ставился Гостиный двор таможенными головами и целовальниками из государевых таможенных доходов (11, с. 251).

Кроме торговых заведений в Новом городе находилась земская изба, «где сходятся посадские люди для земского дела». В этом учреждении земского самоуправления старосты и целовальники ведали раскладкой и сбором разных государевых доходов с посадского тяглого и оброчного населения Костромы. Кроме того, здесь распределяли общинные земли, льготные места под двory, записывали в тягло, следили за исполнением повинностей. Выборными всем посадским населением Костромы на 1628 год являлись земские старосты «средний» человек Гаврила Семенов сын Могутов и «лутчей» человек Иван Гаврилов сын Баландин; целовальниками – «средние» люди Петр Гатиллов и Оника Лаврентьев. Среди выборных людей, помогавших старостам в

их земской службе, названы принадлежавшие к посадской верхушке Иван Хохол и Тит Гатилов, Родион Березин и Михайло Сохин, Федор Щепихин и Перфилей Бабин, всего 20 человек (11, с. 362, 35, 362). Кроме того, служащими земской избы были подьячие, рассыльщики и сторожа, которые получали жалованье и подчинялись земским старостам. Например, «розсылщиками» земской избы служили Ивашка Лаврентьев «прожитком добре худ», проживавший в Чулково переулке, и бобыль Богдашка Мокеев из Спасского переулка. В переулке «за стеной» двором на белом месте владела вдова Лукерья Хотеновская жена Ухова – «земсково подьячево» (11, с. 93, 174, 126).

Рядом с земской избой была устроена «из таможи» кабацкая изба со мшеником, а также квасница и сусленица, где хранилось «питье кабацкое всякое» (11, с. 252). У Никольских ворот в Новом городе стояла «избушка пицкая на откупу, где пишут площадные подьячие». Площадные подьячие были особым родом вольных письменных дельцов, действовавших под надзором правительства на городских площадях. «Промышлять площадью» значило в старину «кормиться пером», то есть на городских площадях, часто в «палатках» или «избушках», площадные подьячие составляли всякие письменные частные акты и крепости, писали челобитные, купчие, меновые. Часто они жили на белой земле и освобождались от тягла. Например, в Костроме на белой земле дворами владели площадные подьячие: в переулке «за стеной» – Ортюшка Иванов Копылов; а в Чулково переулке – Илейка Гаврилова сына Пушкирицын. На черной земле жили подьячие: в Никольской улице – Калинка Прокофьева сына Жаворонков; в Всехсвятцком переулке – Ондрюшка Кузмин Карачев. Один из площадных подьячих по имени Четвертка имел осадный двор на черном месте в Новом городе в Брагине улице (11, с. 126, 93, 124, 187, 33).

Главным храмом, стоявшим на площади в Новом городе, была деревянная клецкая церковь с двумя престолами – во имя великого Чудотворца Николая и в честь «Усекновения Честные главы Иоанна Предтечи». Это был теплый

трапезный храм, рядом с которым когда-то стояла главная церковь тоже с двумя престолами – «Всемилоствигаго Спаса происхождение Честнаго креста да Рождество Пречистые Богородицы», ныне, в 1628 году, числившаяся как церковное место (11, 270-271).

Внутри Нового города кроме Никольского храма на таможенной площади, стоял еще один церковный комплекс из двух деревянных храмов: холодная церковь в честь Рождества Иоанна Предтечи с 2-мя престолами «Пречистые Богородицы Казанские да Иоанна Богослова». Главный храм был пятиглавым, с кровлей в виде сводов и декоративных закомар – «верх, на каменное дело закомары», то есть с полукружием закомар, известных в каменной архитектуре, но здесь рубленных из бревен. Вторая трапезная церковь с двумя престолами была посвящена «великому чудотворцу Николаю и Семи отрокам» (11, с. 271).

Самым большим количеством торговых заведений, расположенных в Новом городе, были торговые ряды, состоявшие из лавок, полоков, прилавков, скамей, шалашей и амбаров. В число посадских торговых заведений входили и харчевные избушки. В Писцовой книге был сделан подсчет всех торговых заведений Костромы: 489 лавок и амбаров; 84 полки, скамьи и харчевные избушки; 155 мест торговых новых. Всего с новыми местами писцы сосчитали 739 лавок, амбаров, скамей и других торговых заведений (11, с. 257).

Все торговые ряды Нового города можно разделить на продовольственные и непродовольственные. Торгов съестными продуктами велся в мясных, колачных, соляных, рыбных, солодяных, житных, масляных рядах и харчевниках. Промысловые и ремесленные товары продавали в сырейных и мыльных, скорнячных, красильных и крашенных, сурских и суконных, москательном и шубных, сапожных и горшечном, железном и серебряном рядах.

Самыми многочисленными по количеству торговых заведений были мясные ряды, в них числилось более 90 лавок и полков; за ними можно назвать рыбные ряды с более чем 75 торговыми заведениями; и третье место де-

лили между собой хлебные и солодяные ряды, где находилось почти по 60 торговых точек. Из непродовольственных рядов выделялись сапожные – более 67 лавок, а также красильные и крашеннинные – более 50 лавок и мест лавочных.

Новый город можно разделить на несколько торговых зон, где располагались продовольственные и непродовольственные ряды, смешение которых почти не происходило. Местом сосредоточения Рыбных рядов были Предотеченские ворота. Это было не случайно: через Предотеченские ворота, далее по Брагиной улице, ведущей к Суле, по берегу реки, был ближайший путь к Рыбной государевой слободе. Кроме того, в улицах и переулках на берегу Волги проживало самое большое число и посадских рыбников, рыбных прасолов и торговцев рыбой.

У Никольских и Воскресенских ворот шла активная торговля калачами, маслом и мясом, то есть съестными продуктами. В части Нового города, где находилась Таможенная площадь, вокруг нее – к северу, югу и востоку – располагались мясные, соляные и солодяные ряды, среди владельцев которых было много костромских богатых торговых людей: «лутчей» человек «Обрам – сырейщик», переведенный «оброком к Москве в гостиную сотню», но продолжавший торговать в Костроме; «средней» человек Порфирей Семенов сын Бабин, проживавший тут же в Новом городе в Брагине улице и торговавший «в лавке болшим крупным товаром», «средний» человек Дружинка Лутошкин, о котором писцы записали – «торгует, отъезжая, болшими свальными товары».

Непродовольственные ряды – сапожные, красильные, суконные, сырейные, мыльный,

Лавка сапожника из книги Олеария «Описание путешествия в Московию». Середина XVII века.

железный и другие, были сосредоточены в Новом городе в торговой зоне, расположенной между Брагиной улицей и Исаковой, там, где сейчас находятся Большие Мучные ряды.

Торговля продолжалась и за пределами Нового города, за Никольскими воротами, ведущими к Волге. На берегу ее находились государев двор Большой «кабатцкий», где отпускалось питье на все кабаки. Кабаки были государевы и отдавались на откуп посадским людям. Здесь же находились квасница, поварня пивная, бани, перевоз через реку, тоже отданные на откуп посадскому человеку Луке Ежеусову. Берег Волги тоже был довольно бойким местом, где продолжалась

оживленная торговля (11, с. 252).

Укрепленную часть Костромы, Старый и Новый город, от реки Костромы на западе до реки Волги на юге, как бы полукольцом охватывал, окружал костромской посад. Границами посада были на западе – река Кострома; на севере – Кирпичная слобода; на востоке – Гашеева слобода и Медный пруд; на юго-востоке – Ямская слобода; на юге – река Волга.

Насколько велика была Кострома в XVII веке? Согласно Писцовой книге 1628 года, в городе числилось 1540 посадских дворов. Из 254 городов, бывших в Русском государстве в XVII веке, только 15 насчитывали более 500 дворов. Кострома среди городов Замосковного края занимала третье место после Москвы и Ярославля.

В составе городского населения посадские люди составляли большую часть. О пристальном внимании к данной категории населения свидетельствует посвящение ей в Соборном Уложении 1649 года целой 19 главы, включав-

шей 40 статей, в отличие от Судебников 1497 и 1550 годов, в которых не было ни одной специальной статьи о посадских людях. Такое внимание к посадским людям, или как их часто называли «городчанам», в царствование первых Романовых объясняется еще одним названием посадских людей – «тяглецы», то есть выполнявшие, «тянувшие», как писали в документах, государево тягло.

Кто же такой был посадский человек и какое место он занимал в социальной иерархии того времени? Население русского государства делилось на чины – сословные группы: служилые и жилецкие чины. В первую группу входили служилые люди по отечеству – вотчинники и помещики: и служилые люди по прибору – стрельцы, пушкар и воротники. Посадские люди вместе с крестьянами составляли жилецкие чины. В понятие «посадский человек» включалось обязательное наличие нескольких признаков: проживание на государевой земле, «посадская старина», т.е. происхождение из посадской среды, и, самое главное, род занятий – наличие торгов, промыслов или ремесленных заведений на посаде.

Для увеличения собираемых с посадских общин налогов правительство царя Михаила Федоровича проводило политику сыска покинувших тягло посадских людей, поиска таких закладчиков, возвращения и прикрепления их к своим посадам. Далее Соборное Уложение 1649 года узаконило крепостное право не только в деревне, но в своеобразной форме и в городе: посадские люди были прикреплены к государеву тяглу и посаду с запретом покидать его. Если в первой половине XVII века законным выходом тяглеца с посада признавался лишь выход по «мирскому отпуску», то есть с доброго согласия посадского мира, то после 1649 года любой ушедший с посада рассматривался как беглец, подлежал сыску и принудительному возвращению обратно в свой посад. Несколько позже появились еще две причины возвращения тяглецов – посадское родство и посадская близость, то есть проживание близ посада. Причем законодательство о сыске и прикреплении посадских людей, как

исследовал историк Павел Петрович Смирнов, опережало законодательство о сыске и прикреплении крепостных крестьян. Если в 1619 году срок сыска посадских людей был 10-летним, а в 1637-1638 гг. был доведен до 25 лет, то соответственно срок сыска беглых крестьян был увеличен с 5-ти до 10-ти лет (13, с. 54-60).

И все же правовой статус посадских людей был значительно выше, чем крестьян. Городчане могли участвовать в работе сословно-представительных органов – Земских соборов, как, например, было в 1613 году, когда избрали царем Михаила Федоровича Романова, или в 1648-1649 гг., когда принимали Соборное Уложение. Наряду с городскими дворянами (дворяне провинциальных городов) и детьми боярскими (низший разряд служилого дворянства) посадские люди принимали участие в выборах губных старост. Также имели право занимать должности голов (выборный или назначенный человек, стоящий во главе дела) и целовальников (выборное должностное лицо, при присяге целовавшее крест и обещавшее честно исполнять свою должность) в таможах, кабаках, перевозах, мытах (мыт – место, где взималась пошлина за проезд и провоз товаров). Посадские люди имели право брать на откуп таможи, кабаки и другие объекты, связанные с поборами. Но самое главное – посадские люди владели посадскими дворами и торгово-ремесленными заведениями при монопольном праве на землю под ними Великого государя, за что и взимались с тяглецов государевы подати. Городчане могли продавать, закладывать, наследовать, сдавать в наем свои дворы, торговые и ремесленные заведения, при условии, чтоб государевы налоги с них платились исправно.

Конечно, посадские люди занимали место, близкое к концу сословной лестницы, но, как свидетельствуют статьи Соборного Уложения о бесчестии, это место было выше крестьянского. За бесчестие крестьянина полагался штраф в сумме 1 рубль, посадского «лучшего» человека – 7 рублей, «среднего» – 6 рублей, «молодшего» – 5 рублей. Деление посадских людей на «лучших», «средних», «худых» и

«добре худых» отражало разницу в их имущественном положении. Дворы «лучших», «средних», «молодших» и «худых» посадских людей относились к категории тяглых, то есть несущих в полном объеме государственные повинности и подати. Таких дворов в Костроме было 636. «Добре худые» и бобыльские дворы, как наиболее бедные, тягло «тянуть» не могли, считались оброчными: в земскую избу с такого двора собиралось по 2 гривны (20 копеек) в год. Их насчитывалось на посаде 824 двора (11, с. 254).

Особое положение занимали люди, получившие льготные места из числа тяглых запустевших дворов. Льготчики освобождались от тягла от двух до пяти лет, и по истечении этого срока должны были поставить «двор со всем» и в полном объеме вместе со всем посадским миром нести тягло. Преобладание оброчных дворов над тяглыми свидетельствовало, что на посаде в Костроме проживали наименее обеспеченные категории посадского населения.

Основным занятием костромских городчан, которых Писцовая книга называет «костромичами» и «костромитинами», была ремесленная и промысловая деятельность. Как и в других русских городах, здесь преобладали, и это видно из числа занятых в этих отраслях ремесленников, занятия, которые обеспечивали жизнедеятельность костромского люда, а именно – производство продовольственных товаров, выработка шерстяных, льняных тканей и пошив одежды из них.

Но не эти занятия определяли ремесленную специализацию Костромы в XVII веке, характеризовали ее лицо. Чем же был знаменит наш город не только в пределах Российского государства, но и за границами его?

Самым значительным промыслом костромского посада, промыслом, продукция которого была известна даже иностранцам, было кожевенное производство. Англичанин Ричард Ченслер говорил о выделке кож в Костроме уже в XVI веке. Шведы Иоганн де Родес и Иоганн Филипп Кильбургер, писавшие о России II половины XVII века, отмечали, что больше

всего и лучшего качества кожи выделываются в Ярославле и Костроме. Производство кож в Костроме было одним из крупнейших по числу занятых в нем дворов. В 1628 г. в этом ремесле работало 177 посадских дворов, что составляло 17,6% всех ремесленников города (19, с. 152). Процесс выделки кож был длительным и трудоемким, включал в себя ряд дробных операций: вымачивание кож, строгание, дубление, вытягивание и разглаживание, окраску. Это способствовало выделению узких специалистов в кожевенном производстве – дуботолков, строгальников, красильников, мастеров, делавших «белые кожи», «красные бараны», овчины. Много в Костроме было и мастеров широкого профиля – просто кожевников. Более 20 разновидностей телячих (опойка), бараньих (ирхи), козловых (сафьяны), кониных кож высокого качества и разных размеров – от больших до малых – производили костромские кожевники.

«Кожевенной» слободой Костромы можно было бы по праву назвать Чулков переулочек, расположенный в посаде на Дебре. Он был в Костроме самым крупным, не только среди переулочков, но и среди улиц. В переулочке стояло 102 посадских дворов, из них 66 дворов были связаны с кожевенным ремеслом: 41 кожевник, 10 «строгалников», 3 дуботолка, 5 сапожников, 3 подошвеника и 3 рукавишника. Чулков переулочек находился в непосредственной близости от Волги, чуть выше Нижней Бережной улицы, тянулся параллельно Волге почти до реки Черной, отдельными своими участками выходя непосредственно к Волге. Примеряясь на современную карту Костромы, Чулков переулочек располагался параллельно улицам Лесной и Нижней Дебре, между ними.

Потребности растущего ремесла в сырье удовлетворялись за счет скупки необработанных кож и «животины» в Костромском уезде и привозом из других городов – Устюга Великого, Соли Вычегодской, Астрахани. Первые сведения о приобретении крупных партий сырых кож в Великом Устюге содержались в таможенных книгах 20-х годов XVII века. Среди покупателей кож были отмечены 17 костромичей: Ни-

кифор Сергеев купил 552 сырые кожи, Сергей Корнильев – 390 кож, Трофим Комар – 200 кож и 90 овчин. Костромитин Осип Коржавин был отмечен в 6 таможенных книгах Устюга Великого (17, с. 170. 18, с. 277). Позднее, в середине XVII века, костромичи купили в Устюге Великом и Соли Вычегодской 2267 штук и 14 саней сырых яловичных кож, 60 ворванных кож; в 1642 году костромской торговый человек Корнильев купил в Устюге Великом 300 сырых кож и овчин, столько же было куплено и в 1650 году (19, с. 154).

Первоначально основная часть сырых кож выделялась в небольших ремесленных мастерских, но развитие товарного производства способствовало их укрупнению, возникновению кожевенных дворов или, как их называли, кожевенных заводов. От середины XVII века сохранились упоминания о кожевенном дворе В. Панкратьева, во второй половине XVII в. их насчитывалось в Костроме уже 5 – Е.И. Посникова, И.К. Фомина, В.Е. Исакова, В. Панкратьева и Всячениковых (19, с. 156).

Документы говорят о том, что уже в это время в кожевенном производстве Костромы использовался наемный труд. «Кожевенное» делали и торговали «большим свальным товаром» около половины «лучших» – наиболее состоятельных людей посада – семьи Рубцовых, Мудростиных, братья Емельян и Кирилл Исаковы, Иван Савостьянов сын Хохол и Кондратей Опалихин. И в то же время основная масса костромских кожевников – узких специалистов – относилась к категории «худых» и «добре худых» посадских людей.

Работало костромское кожевенное производство на внешний и внутренний рынок. В Костроме имелся Сырейный ряд. Материалы Таможенных книг других городов свидетельствуют о широком распространении выделанных костромских кож на огромной территории. Зимой по санному пути везли из Костромы на Устюжскую и Вологодскую ярмарки, на торги в другие города кожи красные и белые, бараны зеленые и красные, козлы красные и черные, сапоги, башмаки, поршни, рукавицы-верхницы. Эти товары составляли одну из основных

экспортных статей, причем иностранцы их покупали как в самой Костроме, так и у костромских торговых людей в Астрахани и Пскове, Новгороде Великом и Устюге.

С кожевенным производством было связано и изготовление изделий из кожи – седел, хомутов, уздечек, кошелеев, мошен. Массовыми ремесленными специальностями были в Костроме сапожники и рукавишники. Мастера этих ремесел удовлетворяли потребности местного городского и сельского населения. Изделия эти обязательно присутствовали в перечне товаров, вывозимых купцами разных городов из Костромы. Ещё в 1597 году Николо-Карельский монастырь близ Холмагор купил 108 костромских рукавиц. В XVII в. костромские сапоги и рукавицы встречаются на огромной территории от Белева на севере до Мезени на юге, от Смоленска до Сибирских городов. В Вологду в 1634 году было привезено для продажи 11061 пара сапог и 12068 рукавиц, в частности, Василий Устинов привез 200 сапог, Назар Иванов за два привоза – 2140 рукавиц, Макар Офонасьев – 800 рукавиц (22, с. 18).

Другим ремеслом, прославившим наш город даже за русскими пределами, было костромское мыловарение. По данным историка Сергея Владимировича Бахрушина, костромское мыло было известно уже в середине XVI века. Шведский дипломат Петр Петрей, живший в Московии при государях Борисе Федоровиче Годунове и Василии Ивановиче Шуйском, характеризовал костромское мыло как «лучшее во всей стране». Уроженец Курляндии Якоб Рейтенфельс и участник шведского посольства в Россию Иоганн Кильбургер в середине 1670 годов писали, что мыло «наилучшее варится в Костроме», «оно бурое и довольно твердое». Документы называли костромское мыло – «мыло Кострома» и добавляли мыло «доброе» или «доброе большое».

Основой мыла было говяжье сало, которое давало твердость и цвет. Костромское мыло отличалось бурым, серым цветом, возможно, из-за частичной замены сала ворванью – тюленьим салом, или темными растительными маслами – конопляным, льняным. Это улуч-

шало некоторые свойства мыла. По мнению исследователей Николая Владимировича Устюгова и Людмилы Валериановны Даниловой, костромское мыло было самым известным и распространенным на русских рынках XVII века. О популярности его свидетельствуют Устюжские таможенные книги: в 1633 году привоз костромского мыла на рынок Устюга Великого составил 610 косяков (косяк – основная торговая мера мыла, средний вес которого составлял 14-16 кг) или 52,5 % от общего привоза мыла. Костромское мыло было выше по качеству мыла ярославского «белого» и стоило дороже. В 20-е годы XVII века цены на костромское мыло колебались от 45 до 60 копеек за косяк (6, с. 176).

Систематически покупали костромское мыло русские монастыри: Волоколамский, Николо-Карельский, Кирилло-Белозерский и даже такие далекие, как северный Соловецкий и западный Болдин-Дорогобужский. Закупалось костромское мыло и в царский дворец – «в государев обиход», «к царице в хоромы», «в государеву мыленку», «для мытья государева белого платья» и просто в портомойню. В составе имущества патриарха Филарета кроме «грецкого» – туалетного – и составного мыла «с разными травами» числилось и костромское мыло (6, с. 181).

По Костромской Писцовой книге 1628 года мыловарением на посаде занималось около 10 человек. «Промысли во мыло варит», – сказано про «молодших» людей Андрея Михайлова зятя Бычкова, Ананьичу Архиповскую жену с сыном Лучкой, Ивана Меньшого сына Обрамова Сырейщика; про «средних» людей Олешу Скрипилова и братьев Любимку и Михалку Бузуновых, а также «лучшего» человека Федора Щелихина с сыном Мишкой (11, с. 37, 63, 118). Часть из них торговала мылом в костромском Мыльном ряду, некоторые занимались «отъезжим торгом». Несмотря на то, что количество дворов, занятых мыловарением в Костроме, было невелико, размеры производства были довольно крупными. Кроме того, промысел этот был развит и в уезде. Например, село Туровское в окрестностях г. Галича

часто называли селом Мыльным, «по бывшим в нем мыльным заводам».

В середине XVII века в костромском мыловарении, как и в других ремеслах, наблюдается укрупнение производства и начало применения в нем наемного труда. По Дозорной книге 1664-1665 гг. в Костроме в Качалкине переулке у «лучшего» человека Григория Бабина был двор «мыльного промыслу», где по найму работали мыльные резальщики – рабочие определенной специальности. К концу XVII века костромское мыловарение резко сокращается в связи с развитием тобольского мыловарения, которое начало снабжать мылом все сибирские и другие города. Потеря обширного рынка, конечно же, отрицательно сказалась на объеме мыльного производства не только в Костроме, но и в соседнем Ярославле.

Важной отраслью костромского ремесленного хозяйства был кузнечный промысел. Посадские кузнецы проживали в Костроме в районе под названием Кузнецы. Но это была не обособленная слобода и не государева. Ни одного записного государева кузнеца подьячие не внесли в Писцовую книгу. На черной земле посада проживали и трудились только посадские тяглые кузнецы. В район Кузнецы входило несколько улиц – Козмодемьянская, Гатилова, Стрелина, Златоустинская и ряд близких переулков. Здесь жили замочники, гвоздари, ножовщики, скобочники, подковники, лемешники и даже один бронник, который делал кольчуги и панцири. Широкий ассортимент изделий на любой вкус могли изготовить они: скобы и петли для дверей и окон, шила и сковороды, светцы и ножницы, серпы и косы, не говоря уже о самых бытовых предметах – ножах, замках, гвоздях и топорах.

Писцы сосчитали в Костроме 75 кузниц (11, с. 257), оборудованных всем необходимым инструментом: горном и наковальней, клещами и молотом, зубилом и бородкой. Как в древние времена, кузницы работали на местной болотной руде, но использовали и привозное сырье, например, карельский уклад – низколегированную сталь, а также кричное железо, привозимое из Устюжны Железнопольской. В работе

кузнецам помогали молотобойцы. Ими часто работали члены семьи, но были и наемные из числа «худых» и «нетяглых» людей посада. В Писцовой книге 1628 года о них сказано: «наймутся по кузницам, молотом бьют».

С металлообработкой было связано меднолитейное и оловянное производства, в которых работало небольшое количество ремесленников. Они изготавливали оловянную посуду, нательные кресты, пуговицы, медные котлы для приготовления пива и кваса.

Работали в Костроме и мастера по обработке дерева. Жили плотники, возводившие жилые, хозяйственные постройки и храмы; щепетинники, делавшие деревянную посуду; гребенщики, изготавливавшие деревянные гребни для чесания льна.

Писцовая книга 1628 года не упоминает мастеров по изготовлению мебели. Это и понятно. Как правило, она мастерилась вместе со строительством жилья искусными высококвалифицированными мастерами-плотниками. В Брагине улице Нового города проживал единственный в Костроме «Родионко-зеркальник» (11, с. 33).

Деревянные рамы для окон домов – окончины – делали мастера-оконешники, которых на костромском посаде во второй половине XVII века было двое. На окончины натягивали прозрачный материал – слюду, или вставляли редкое в то время стекло.

Дробная специализация сложилась в очень важной отрасли посадского хозяйства – в выработке льняных и шерстяных тканей и шитье одежды из них. Писцовая книга 1628 года называет холщевников, белильников (отбеливали готовые ткани), крашенинников (окрашивали готовые ткани), колотильщиков (отдельвали ткани), суконников, сермяжников, шерстобоев, портных, шапошников, рукавишников и даже одного «шолковника» Куземку (11, с. 31). Насчитывалось 10-14 специальностей по выделке, крашению холста и обработке шерсти, а также до 18 специальностей в пошиве разнообразной одежды (19, с. 161). В основном городские ремесленники обрабатывали готовый холст, который скупали и привозили в Костро-

му из сельских окрестностей. Торговля тканями была широко распространена в Костроме и обогнала даже продажу всех других видов ремесленных изделий, кроме продуктов питания.

Но не только костромичи заказывали, покупали, носили ткани и одежду местного производства. Документы говорят о широчайшем вывозе из Костромы в другие русские города и за границу холста, крашенины, сермяжного сукна. Приходо-расходные книги Москвы сообщали о покупках в Гостином дворе холста, полотна, крашенины у торговцев из Костромы. Посадский человек Костромы Филипп Андреевич, вероятно, скупщик, только в государеву мастерскую палату за время с 20 июня по 2 ноября 1672 года продал 3000 аршин холстов белых и 555 аршин полотен белых. В сибирские города в 1690-е годы костромские торговцы вывезли чуть более 25 тысяч аршин холста и около 3,5 тысяч крашенины. В Устюг холст и крашенину вывозили Андрей Прокопьев, Федор Петров, Григорий Федоров; в Вологду – Семен Романов и другие (22, с. 19).

На внутригородских торгах Вологды, Устюга, Сибири можно было купить костромские зипуны и однорядки (верхняя широкая одежда длиною до пят без воротника с рукавами, суживающимися к запястью); кафтаны крашенинные, сермяжные, овчинные; сарафаны кумачевые и крашенинные; рубахи хрящевые, пестрядинные; порты и сукманы (аналог верхнего кафтана). Костромские мастера по производству одежды работали и на заказ. В 1666 году они выполнили крупный государственный заказ по пошиву шубных кафтанов для русской армии. В Костроме было сшито 1500 изделий и отправлено в Полоцк.

Работало в Костроме несколько человек, занимавшихся иконописным и серебряным делом. «Иконное писали» братья Илийка да Ивашка Микифоровы», проживавшие в Покровской улице, иконнику Данилке Гаврилову возвратили у Никольских ворот место под торговую лавку – «старое ево лавочное место». В Игнатовой улице двором владел серебряник «худой» человек Офонка Данилов сын Небесников. Среди торговых рядов Писцовая книга

называет Иконный и «Серебряной» ряды. В Серебряном ряду вели торг Любавка Селивановская вдова серебряника; «худой» человек Любимка Кованицын сын Боковин, который «делает серебряное» и жил на соборной земле, а «тягло тянет в посад», а также братья Олешка и Арефка Небесниковы (11, с. 130, 202, 136, 203, 214, 84, 54, 215).

Несмотря на малое количество названных в документе иконописцев, 20-30 годы XVII века – это время становления и развития костромской художественной традиции, которая рождалась в тесной связи с культурой других русских земель. Кроме того, пути развития костромского иконописания были в значительной степени предопределены вкладами в церкви и монастыри Костромского края и, прежде всего, в Ипатьевский монастырь представителей боярского и царского рода Годуновых, а затем царей династии Романовых. Костромская икона рождалась с ориентацией на лучшие образцы первоклассных московских мастеров, работая с которыми в одних артелях по росписи хра-

мов и созданию икон, костромичи накапливали опыт и повышали уровень профессионализма. Уже с 1640-х годов костромских мастеров – Любима Агеева Елепенкова, Василия Ильина Запокровского – постоянно приглашали на работу в столицу, а Кострома стала самостоятельным художественным центром с ярко выраженными стилистическими особенностями и живописными приемами. В середине – второй половине XVII века в Костроме появляется созвездие блистательных мастеров, украшавших храмы и монастыри Москвы, Ярославля, Суздаля и других городов России, – Гурий Никитин, Сила Савин, Сергей Рожков, в творчестве которых соединялись изысканная нарядность, декоративность, виртуозность рисунка с продуманной конструктивностью построения композиции и формы, идущей от школы царских изографов.

Выдающийся мастер Гурий Никитин Кинешемцев родился в Костроме, жил в Брагине улице во дворе своего отца Никиты Григорьевича Кинешемца, владевшего лавкой в Новом Суконном ряду (11, с. 83, 210) и умершего в моровое поветрие 1654 года. В Костроме проживали двоюродные дяди Гурия Никитина: в соседнем доме в Брагине улице – «средний» человек Мишка Иванов сын Кинешемец, торговавший в Шубном и Сапожном рядах (11, с. 83, 216, 217, 236); а в Богоявленской улице, проходившей рядом с монастырем, жил «лучший» человек Федор Иванов сын Кинешемец – владелец торговых лавок в Рыбном и Шубном рядах (11, с. 74, 209, 211, 216). В Костромской Дозорной книге 1664 года, которая тоже хранится в Государственном архиве Костромской области, упоминается бобылица вдова Соломония и ее дети – Гурий-иконописец и Лука-сапожный кропач. В это время братья владели наследственными после дядей четырьмя лавками в Соляном и тремя – в Рыбном рядах. Искусствовед Вера Григорьевна Брюсова писала, что свое мастерство Гурий Никитин мог постигать в артели Василия Ильина Запокровского. Уже в 1660 году Гурий Никитин аттестуется в Московской Оружейной палате как горо-

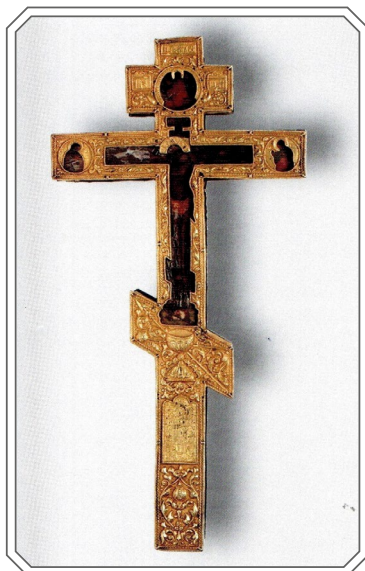

Гурий Никитин. Феодоровская икона Божией Матери, со сказанием. 1680-е годы.

довой иконописец первой статьи и в последующие годы он участвовал в росписи Архангельского собора Московского Кремля, Успенского собора в Ростове Великом, храма святого Пророка Илии в Ярославле, Троицкого собора Ипатьевского монастыря и Преображенского собора Спасо-Евфимиева монастыря в Суздале. В «Повести о построении Николо-Пенской и Феодоровской церквей» о нем говорится: «Муж благочестив и бояйся Бога, жительствуя в девстве даже до кончины своей». Запись в Ландратской книге 1709 года сообщает о кончине Гурия Никитина: «Двор пуст иконописца Гурья Никитина, он умре во 199 (то есть 1691) году, был бездетен» (1, с. 253-256). Данных о том, где был похоронен Гурий Никитин нет. Можно предположить, что это мог быть погост рядом с одной из древнейших церквей Костромы во имя «великого чудотворца Николая» в Десятильничьей улице, проходившей вдоль Волги на нижнем посаде. Возможно, иконописец был прихожанином именно этого храма, стоявшего ближе всех других к Брагине улице. Известно, что именно сюда вложил знаменитый иконописец и изограф Гурий Никитин напрестольный крест с надписью: «Лета 7194 (1686) года июня в 30 день состроися сей святейший крест во славу Божию на Костроме во храм Чудотворца Николая, что у десятильничьяго двора, при пресвитере Дмитриии Георгиеве, подаянием зографа Гурья Никитина и иных приходских людей и верующих, во спасение душ своих. Аминь» (7, с. 156).

Первое место в Костроме, как и в других русских городах, занимало производство продовольственных товаров. Это не случайно, так как этим обеспечивалась жизнедеятельность костромского населения. Даже по сравнению с соседним Ярославлем, городом крупнее и

Напрестольный крест, вложенный в 1686 году Гурием Никитиным в Никольский храм города Костромы.

значительнее в экономическом отношении, в Костроме удельный вес торговли продуктами питания был значительно выше.

Самая большая группа ремесленников перерабатывала зерновые культуры, занималась обработкой мяса, приготовлением молочных продуктов. Потребность и спрос на разнообразные съестные товары способствовали появлению именно в этой отрасли самой значительной ремесленной специализации. Масленники и мясники, хлебники, калашники и квасники, рыбные ловцы и сусленники, порожники, блинники и огородники – мастера более 28 специальностей проживали в Костроме. Многие из них занимались только изготовлением продуктов питания,

другие промысловики и торговали – «масло бьют и торгуют», «хлебы печет и торгует». В Новом городе торг съестными припасами велся в мясных, мучных, масленых, хлебных, солодяных, калашных и многих других рядах. Но были скупщики, которые, сами ничего не производя, занимались торгом хлеба, мяса, масла, рыбы и крупы. В конце 20-х годов XVII века их насчитывалось около 15 человек.

Костромские продукты питания были известны в других городах и даже иностранцам. По сообщению Иоганна де Родеса, костромское сало шло на экспорт через Архангельск. В 1635 году в Устюг Великий было вывезено и продано 1148 пудов костромского сала, в Вологду – 170 пудов и 2 каравая сала. Так, Микифор Тимофеев привез воз сала, Петр Ильин — 2 воза. В Вологде и Устюге находило широкий сбыт и костромское коровье масло.

Еще одним продуктом была известна Кострома – это волжской рыбой. Ассортимент Рыбного ряда поражал разнообразием – от подлещиков и щук до красной рыбы, осетров, стерляди, белорыбицы, красной и чер-

ной икры. На берегу Волги, в районе бывшего Успенского переулка (современная улица 1 Мая), находилась государева Рыбная слобода с «рыбным садом», «а сажают в нево рыбные ловцы живую рыбу [...] Да у Волги ж ледник. А держат в нем на леду свежую рыбу для государева обихода» (11, с.253). Полпуда паюсной икры привез из Костромы в Устюг Иван Игошин, Микита Клементьев в Вологду – 2 лукошка (22, с. 20).

Возами привозились орехи, лук, яблоки; кадками – мед. Так, Никита Павлов привез в Вологду 4 воза орехов, Семен Гаврилов – 2 воза орехов, Яков Иванов – 3 воза лука и воз орехов, Илья Дмитриев – телегу яблок, Василий Оникин – 2 кадки меда. В продаже были гуси, квашеная капуста. Предметом вывоза из Костромы были семена. Так, Антип Тимофеев и Никита Микифоров привезли на телегах в Москву по 3 мешка семени лукового (22, с. 20).

Особо значительна была роль Костромы как важного центра хлебной и соляной торговли. Конечно, природные условия на Костромской земле не способствовали выращиванию в значительном объеме зерновых культур, но хлеб из более южных поволжских земель через Кострому в результате торговли шел далее на север и северо-восток: в Вологду, Тотму, Устюг Великий. Не случайно в 1630 году шведский посол получил разрешение купить в Костроме, Ярославле и Галиче 50 тысяч четвертей хлеба; а в 1653 году, отправляясь в шведские города, ярославец Л. Лаптев закупил хлеб и просо в своем городе и Костроме (19, с. 183).

В значительных количествах продавалась в Костроме и соль. В крае издавна славились своими соляными месторождениями Нерехта, Соль Великая и Малая, Чухлома и Соль Галицкая. Соль из этих мест, а также из Астрахани, Соли Вычегодской, свозилась в Кострому и отсюда расходилась по другим городам. Например, в 1674 г. приказчик «москвитина Гостиной сотни» Семена Харламова торговал солью в Костроме.

Для развития торговых отношений в Костроме XVII века было характерно все, что и для всей российской торговли. Торговая дея-

тельность здесь так же, как и в других русских городах, разворачивалась в двух направлениях: розничная торговля на месте и «отъезжий торг» в другие города. Но в отличие от многих крупных русских городов – Новгорода Великого, Пскова, Устюга Великого – экономику которых определяла привозная и транзитная торговля, торговлю нашего города Костромы питало местное ремесленное производство.

Почти каждое сделанное мастером изделие являлось товаром. Начинала рушиться крепкая броня натурального хозяйства, когда все производившееся внутри его им и потреблялось. Об ассортименте и разнообразии товаров, продаваемых на костромском торгу, можно судить по названию торговых рядов: калашный, мясной, мучной, хлебный, масляный, соляной, рыбный, солодяной, железный, мыльный, санный, тележный, горшечный, свечной, суконный, красильный, серебряный, иконный и многие другие. Все что производилось в Костроме, чем славен был наш город – продукция местных ремесел и промыслов – все можно было встретить и купить в городских торговых рядах. Кроме изделий местных производителей, на городском рынке продавалась продукция ближайшей округи, в основном продукты земледелия и скотоводства, а также товары из других русских городов.

В торговые отношения был вовлечен не узкий круг торговых людей, но большинство посадских людей, многочисленные непосредственные производители товаров. Им принадлежало 80 % всех торговых помещений в Новом городе Костромы. Для этого периода характерно господство торговли над ремесленным производством, когда купец, или, как называют его документы XVII века, «торговый человек», заставлял работать на себя ремесло. Были в Костроме и крупные торговые люди, члены привилегированных купеческих корпораций – гости Гостиной и Суконной сотен – Иван Второв Озеров, братья Могутовы, Исаковы, Сидневы и другие. Торгуя большим свальным товаром, развозя костромскую продукцию, костромские торговые люди доезжали до Архангельска на севере, Астрахани на юге,

Енисейска на востоке. Они имели довольно обширный «отъезжий торг» в 16 русских городах.

Конечно, не во всех направлениях торговые поездки были регулярными и отличались большим размахом. Наличие удобного водного пути обусловило связь Костромы с волжскими городами – Нижним Новгородом, Казанью, Астраханью. В Казани даже был отдельный костромской ряд. Вместе с ярославцами костромичи составляли более половины всех иногородних торговых людей и имели самые крупные партии товаров. Шире и разнообразнее, чем на волжском пути, были торговые связи Костромы с Вологодой, Устюгом Великим, Тотьмой, Архангельском и Солью Вычегодской. Для многих костромичей это направление было приоритетным. Постоянные торговые связи имела Кострома, особенно во II половине XVII века, с Москвой. Именно здесь, в Москве, с костромскими товарами – мылом, кожами, тканями – могли познакомиться иностранцы, писавшие о них. Но в дальние поездки – в Сибирь, Великий Новгород, Псков, Белоозеро – костромские торговые люди не стремились.

Из нашего города костромские купцы вывозили почти во всех направлениях холст и крашенину, кожи и изделия из них, мыло, продукты питания. А везли домой предметы восточного импорта – галантерею, шелковые и бумажные ткани, сукно; а также – сырые кожи, соль и рыбу, меха, воск. В отличие от иностранных купцов, которые в Костроме не имели торговых заведений и не торговали (хотя Писцовая книга 1628 году называет несколько осадных дворов в Костроме иностранцев – Христа Дамедна, Зенгера, Гольберга), костромские торговые люди имели случай выезжать в заморские страны. В 1670-1671 годах костромич К. Исаев вывез в Ригу юфти (кожа сапожная, выделанная на чистом дёгте) на сумму 400 рублей. В 1687 году костромитин А. Ворошенин вместе с другими русскими купцами поехал в Персию и повез с собой 8 половинок голландского сукна и 25 пудов меди. (19, с. 180).

Кроме посада в неукрепленную часть Костромы входили и слободы – обособленные

пригородные поселения. В Костроме это были государевы и монастырские слободы. Из государевых, прежде всего, надо назвать «Кирпишную и Каменшиковую слободу», существовавшую в Костроме еще со времен царя Ивана Васильевича Грозного. Не случайно слобода называлась «Кирпишой» и «Каменшиковой». Проживали в ней как кирпичники, так и каменщики. На первый взгляд, разницы между ними не было. В действительности, каменщиками на Руси называли строителей, производящих различные работы из камня и кирпича, а кирпичниками – непосредственных изготовителей кирпичей. Слобода была государевой, дворы мастеров стояли на белой земле, и с конца XVI века, по царскому указу, костромские посадские кирпичники и каменщики были освобождены от посадского тягла и переведены в разряд записных ремесленников. Они делали в Москве и в других русских городах «каменные царские строения» по вызову Приказа каменных дел. Располагалась слобода «по конец посаду к убогому дому», т. е. в конце современной улицы Симановского. В 1628 году в слободе писцы записали 18 дворов, дворовых мест и мест, данных под дворы. В них проживало 15 кирпичников и 8 каменщиков, всего названо 23 слобожанина (11, с. 333-334).

В копийном списке XIX века до нас дошел уникальный документ – «Грамота жалованная костромским каменщикам и кирпичникам об отделении их земли от посадской, об освобождении от посадского тягла, о льготах в пошлинах торговых и проезжих, о подсудности их Каменному приказу 1624 года», определявший права и обязанности государевых кирпичников и каменщиков, ежегодно участвовавших в строительных работах в разных городах Российского государства. В грамоте, выданной костромским «кирпищикам» и «каменщикам» – Тихонку Олексееву «с товарищи», определены условия их проживания на посаде, особенности передвижения по сухопутным и речным дорогам Московии, а также царские меры наказания для лиц, «кто изобидит» каменщиков и кирпичников: «тому быть в опале от царя». По пути государевых мастеров, «как они пой-

дут к нашему каменному и кирпичному делу», запрещалось брать с них пошлины мостовщикам и перевозчикам; местным властям запрещалось взимать с их дворов какие-либо подати: оброки, мостовщину, «пищальные», «на городские дела», «в ямскую подмогу» деньги. Воевода подавал списки мастеров в приказ Большого дворца и нес ответственность за отправку их весной в Москву, в сопровождении приставов. Трудились каменщики и кирпичники на государственных работах до поздней осени, и за срыв работ получали наказание в виде штрафов (2, с. 126-129).

В отличие от каменщиков и кирпичников, жители другой костромской государевой слободы – Рыбной – на работы в другие города не вызывались, а постоянно проживали на берегу реки Волги, в районе Успенского переулка и Бережной улицы (современная улица 1 Мая). Здесь на белой земле стояло десять дворов, принадлежавших Козме Кованицыну, Ромашке Артемьеву, Сенке Васильеву, Первушке Филипову, всего 15-ти жителям Рыбной слободы. Называет их Писцовая книга «рыбными ловцами», которые промышляли «про государя царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси в реке в Волге красную рыбу, осетры и стерляди, и белую рыбицу» (11, с. 337-338). Здесь же у реки Волги находился и «государев рыбный сад», а сажают в него рыбные ловцы живую рыбу про государев обиход осетры, и стерляди, и белые рыбицы», а также «ледник», где «держат в нем на льду свежую рыбу для государева обихода» (с. 253). Число рыбных ловцов в Костроме в течение XVII века увеличивалось с 9 человек в 1620-х годах до 20 человек в 1690-х.

Государевыми были и две Стрелецкие слободы, расположенные рядом с Кремлем (11, с. 338).

В конце города, за Осташевой поляной (конец современной улицы Дзержинского, вблизи ул. Овражной), на черной посадской земле находилась Ямская государева слобода, в которой жили ямские охотники – костромские ямщики, занимавшие в 1628 году 33 двора. Среди владельцев дворов документы называ-

ют 27 ямщиков, 9 оставленных ямских охотников, 4 ямских бобыля и 58 человек их родичей. По сравнению с другими центральными городами Замосковского края, в Костроме было значительно меньше ямщиков, что объясняется географическим положением нашего города, больше связанного с водными путями, чем с сухопутными дорогами (19, с. 93-94).

Владельцами другой категорией костромских слобод были монастыри, стоявшие на посаде или вблизи его. Ипатьевскому монастырю принадлежали две слободки – Богословская (ныне Ипатьевская слобода) и Спасская (современная Нижне-Набережная улица за рекой Волгой). Обе эти слободы в XVII веке были важнейшими центрами развития крестьянских и бобыльских промыслов. Здесь жили сапожники, кузнецы, скорняки, портные мастера, рукавишники, шапочники, кожевники, овчинники и другие промысловики. В 1649 году в обеих слободках – Богословской и Спасской, «торговых и промышленных, и ремесленных, и работных и с теми, которые ходят по миру, в 185 дворах 384 человека, да монастырских служб и службников, и конюхов, и стрельцов, и всяких мастеровых людей 81 человек» (10, с. 55).

Богоявленскому монастырю принадлежали, как и Ипатьевскому, две слободки: Андреевская, расположенная за рекой Костромой (современная улица Рабочая слобода) и названная по посвящению храма во имя святителя Андрея Критского, и стоявшая за посадом к северу от Калачной улицы (ныне улица Комсомольская, между улицами Ленина и Козуева) Пищальная слобода. Последняя дана была обители вместо «вкладных полянок» в 1621 году по жалованной грамоте царя Михаила Федоровича за приписью дьяка Андрея Степанова. В 1628 году в обеих слободках проживали монастырские детеныши, пахавшие землю на монастырь, а в Андреевской еще и нищие, которые «кормятца по миру Христовым именем».

К юго-востоку от Пищальной слободки лежала другая монастырская слобода – Гашеева – владения девичьей Анастасиной Ризположенской обители: «за посадом от города напра-

во по Вологодской дороге, а в ней 27 дворов». Слободка располагалась за Медным прудом, здесь начиналось всполье, а также огородная и «выпускная» земля костромских посадских людей. Эти места соответствуют территории современной Костромы к востоку от улицы Маршала Новикова. Гашеева слободка была дана костромскому Анастасиину монастырю, расположенному на посаде, по жалованной вотчинной грамоте царя Михаила Федоровича 1627 года. В ней стояло 27 бобыльских дворов с проживавшими в них 47 непашенными людьми.

Межевалась Пищальная слободка Богоявленской обители с Полянской монастырской слободой: «на Костроме ж за посадом слободка» Троице-Сергиева монастыря по грамоте царя Михаила Федоровича 1613 года и «по да- ной костромского пушкаря Григорья Полянско- ва» (современная улица Полянская). Во владении Московского монастыря костромская слободка находилась с 1579 года, где поставлен был монастырский двор и проживал дворник, а в 1590-х годах выросла непашенная слободка, где проживали бобыли, переселенные «изо многих сел» Троицких вотчин. Писцы в 1628 году сосчитали в Полянской слободке 29 дворов жилых бобыльских и семь дворов пустых (11, с. 291-295).

За рекой Волгой, рядом со Спасской слободой Ипатьевского монастыря, находилась Никольская слободка, приписанная к патриаршим владениям (район современной улицы Низовой за рекой Волгой). В ней проживали монастырские служки, детеныши, крестьяне и бобыли, посадские люди-закладчики. Здесь стояли два деревянных храма – главная шатровая церковь Николы Чудотворца и клетская теплая Козьмы и Домиана, в храмах службу вели священники Павел Емельянов и Матвей Петров, а также дьячок Федка Омельянов.

В государево правление Михаила Федоровича Кострома превратилась в крупный торгово-ремесленный центр, третий по числу посадских дворов в Замосковном крае Русского государства. Писцовая книга дает цифры по

количеству посадских дворов в разы больше, чем дозор 1614 года, – 1535 посадских дворов, из них: 636 тяглый двор, 824 оброчных и 75 льготных (П/к, с. 254). Историк Ярослав Евгеньевич Водарский определял общую численность посадского населения Костромы в 1627-1628 годах немного больше четырех тысяч человек (3, Приложение 1. 19, с. 81).

Примечания

1. Брюсова В.Г. Гурий Никитин. – М., 1982.
2. Варенцова Л.Ю. Пути минимизации риска по царским жалованным грамотам XVII века о городской повинности дворцовых крестьян и посадских людей / Юридическая техника. – М., 2019. № 13.
3. Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII века. – М., 1977.
4. Готье Ю.В. Замосковский край в XVII веке. – М., 1906.
5. Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. – М.: Изд-во «Наука», 1986.
6. Ключевич А.С. Из истории материальной культуры и народного хозяйства России. Моющие средства, переработка жиров. – Казань: Изд-во Казанского университета, 1971.
7. Костромские святыни. – Кострома, 2004.
8. Кудряшов Е.В. К вопросу о первоначальных формах Успенского собора в Костроме / Художественная культура Костромского края XVI-XIX вв. – Кострома, 2004.
9. Летописный сборник, именуемый Тверской летописью / Полное собрание русских летописей. Том 15. – СПб., 1863.
10. Материалы для истории сел, церквей и владельцев Костромской губернии. Отдел третий. XV-XVIII вв. Выпуск 5. – М., 1912.
11. Писцовая книга г. Костромы 1627/28 – 1629/30 гг. – Кострома: Костромаиздат, 2004.
12. Постатейная роспись Костромского Кремля 1678 года / Костромская земля. Краеведческий альманах. Выпуск 5. – Кострома, 2002.
13. Смирнов П.П. Города Московского государства в I пол. XVII века. – Киев, 1917.
14. Смирнов П.П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. Т.1. Вып.2. – М., 1947.
15. Соловьев С.М. Сочинения. Книга V. Т. 9. – М., 1990.
16. Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам / Составил Александр Барсуков член Археогр. ком. – СПб., 1902.
17. Таможенные книги Московского государства. Т. 2. – М., 1951.
18. Таможенные книги Московского государства. Т. 3. – М.-Л., 1951.
19. Тимошина Л.А. Ярославль и Кострома в XVII веке / Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М.: МГУ, 1987.
20. Троицкая летопись / Полное собрание русских летописей. Т. 1. – СПб., 1846.
21. Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова / с предисл. С.А. Белокурова. – М.: Типогр. Общества распространения полезных книг, 1906.
22. Шахова М.Д. Приказчики, «люди» и «малые». Торговые связи Костромы в XVII веке / Губернский дом. 1999. № 5-6.

Комментарии к Писцовой книге города Костромы 1627/1628 – 1629/1630 гг.

Введение

Писцовая книга Костромы была составлена в 1627/1628 – 1629/1630 годах. Ее начинал Иван Бутурлин, а заканчивал описание и межевание Василий Волконский с подьячими Евстафием Колюпановым и Иваном Злобыным.

Документ описывает Кострому, расположенную на луговой левой стороне реки Волги, в противоположность правому берегу, который считался нагорной половиной.

Описание Костромы проходило по определенному плану, который нашел отражение в Писцовой книге. (Страницы указываются по изданию: Писцовая книга г. Костромы 1627/28 – 1629/30 гг. / Археограф. подгот. Л.А. Ковалевой. Сост.: Л.А. Ковалева, О.Ю. Кивокурцева. – Кострома: ООО «КОСТРОМАИЗДАТ-850», 2004. – ISBN 5-94948-004-X. – 432 с.: ил.)

Первым дано описание укреплений Старого и Нового города – башен, стен и ворот (с. 15-17). Все измерения строений в Костроме писцы производили в сажнях – наиболее древней мере длины. В эпоху Московского государства, до Соборного Уложения 1649 года, основной являлась казенная трехаршинная сажень, равная 213 см.

Далее подьячие описали улицы и переулки Старого города и все строения в нем – жилых 172 осадных двора, избенок и места дворовых; пустых – 30 дворов, избенок и мест дворовых, а также 1 келью. Из государевых заведений названы двор воеводский и съезжая изба, губная изба и тюрьма, караульная изба и кузница казенная, колодец осадный и житницы государе-

вы (с. 17-31). Старый город в Писцовой книге назван и Кремлем, причем с заглавной буквы.

В Новом городе указаны имевшиеся улицы и переулки, на которых описано 38 осадных дворов и избенок жилых, 6 дворов пустых; 26 тяглых посадских дворов, 2 кельи и изба нищих. В этом разделе из государевых служб в Новом городе названа только земская изба (с. 31-36).

После Старого и Нового города следует характеристика костромского посада (с. 37-193).

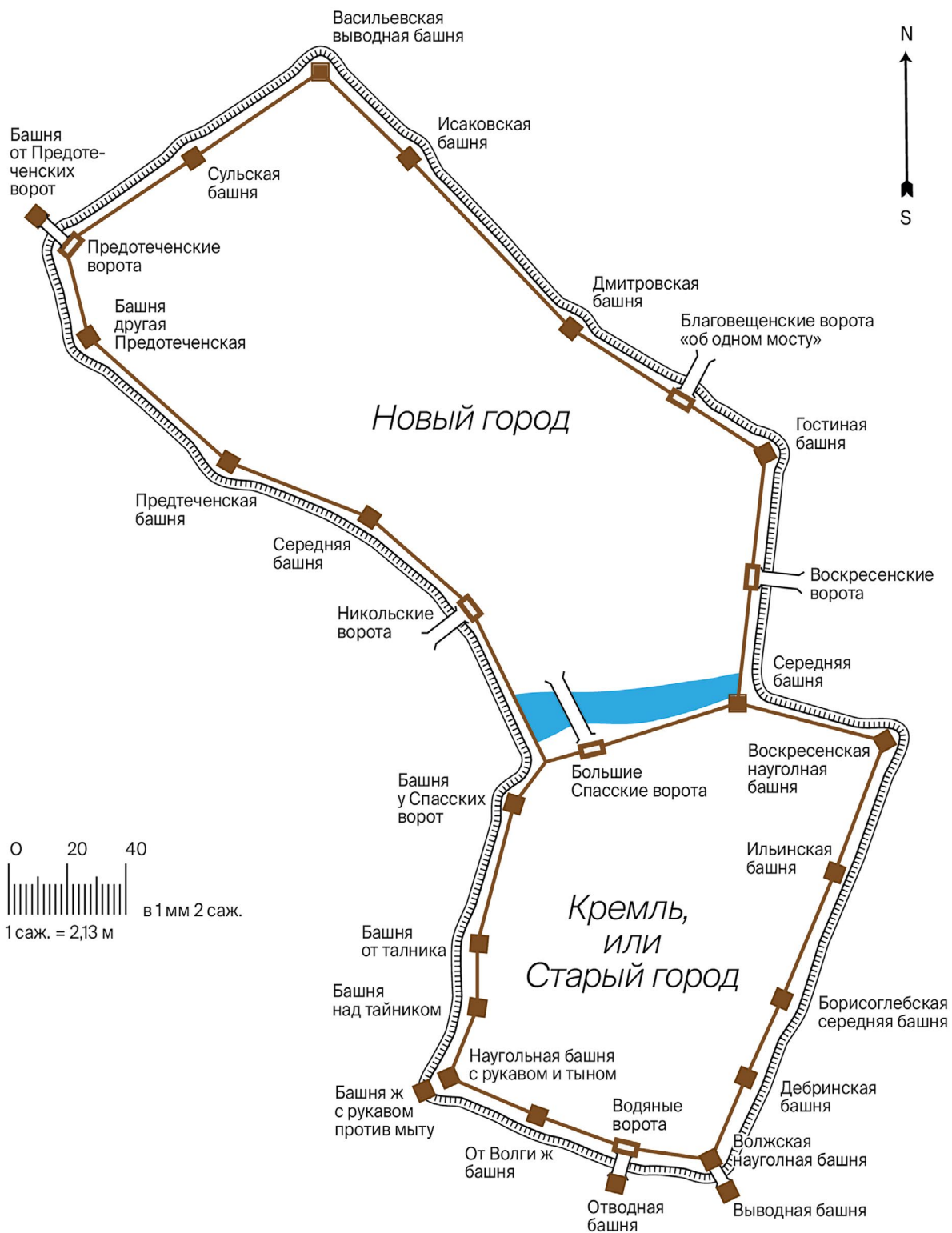
В основе описания посадской территории Костромы использован топографический принцип: работа начиналась с посада на Дебре, расположенного вдоль берега Волги ниже Кремля по течению реки, далее маршрут продолжался по костромским улицам и переулкам, делая полукруг вокруг двух крепостей, стоявших на берегу Волги, и заканчивался нижним посадом на Волге, выше Кремля по течению реки.

В описании посадских черных дворов можно выделить два маршрута, что связано, видимо, с работой двух подьячих, между которыми были распределены все костромские дворы. Подьячие проходили по близко расположенным, а иногда по одним и тем же улицам и переулкам по направлению к крепостям и от них, четко следуя своему маршруту. Первый подьячий описал 36 улиц и переулков, а второй – 83. Непонятен принцип деления участков улиц и переулков для их описания между писцами.

В Писцовую же книгу материалы этих двух маршрутов внесены по очереди, сначала – полное описание посадских дворов одного подьячего, затем – другого, от чего ложно создается впечатление о одновременности работы

КОСТРОМА

Карта костромских крепостей XVII века

Карта костромских крепостей XVII века по Писцовой книге 1628 года.

писцов, как будто бы второй писец шел вслед за первым, по его стопам, описывая то, что первый пропустил. Однозначно подьячие работали одновременно, каждый на выделенном ему участке. Причем каждый имел свой узнаваемый прием в описании посадских дворов: первый подьячий описания дворов начинал так – «Во дворе...»; второй писал «Двор...».

Удивительно интересно продвигаться вместе с писцами по улицам и переулкам костромского посада, считая описанные ими дворы, огороды, редкие сады; выписывая ремесленные, промысловые и торговые занятия костромичей; стараясь разобраться в расположении средневековых улиц и переулков, понять, почему они получили свои названия и какие современные улицы проложены на их месте.

Для некоторых районов посада в Писцовой книге были зафиксированы устоявшиеся названия – «посад на Дебре», «на Кадкине горе», «в Кузнецах», «на нижнем посаде». Но в характеристике посада не прослеживается стремление писцов выделить главные или второстепенные улицы, подчеркнуть особую значимость некоторых из них.

Сразу же за костромским посадом начиналось описание торговых заведений – «На Костроме ж в Новом городе лавки» (с. 193-257).

Кроме лавок в торговых рядах назывались полки, прилавки, скамьи, шалаши и амбары. В отличие от описания дворов костромского посада, где можно проследить пути двух писцов, при описании торговых рядов определить систему в их работе довольно трудно. Сложно сказать, что стоит за повторением торговых рядов с одним и тем же названием, но записанных в Писцовой книге в начале, середине или конце общего описания торговых заведений. Непонятно, располагались ли они в отдалении друг от друга, или это был один ряд, но описанный разными писцами; как стояли ряды по отношению друг к другу – параллельно, перпендикулярно или в ряд, продолжая друг друга. Несмотря на видимое отсутствие принципа описания торговых рядов, изучение Писцовой книги все же позволяет реконструировать объемно-про-

странственную торговую структуру Нового города, выделив в ней несколько торговых зон.

Характеристика торговых заведений заканчивается подсчетом общего числа их «на Костроме ж в Новом городе».

Кроме того, в этом разделе дается характеристика всем главным торговым заведениям Костромы, расположенным в Новом городе: таможенной избе, важне и Гостину двору. Здесь же описаны торговые строения на берегу реки Волги – «государев двор Большой кабацкой», мыт и перевоз через реку.

Далее писцы уделили внимание церковным и монастырским постройкам, в рассказе о которых они следовали принятому в Костроме порядку общего описания: первоначально говорилось о храмах и обителях в Кремле; затем – в Новом городе, а потом – на посаде (с. 257-284).

В Старом городе описание было начато с соборной каменной церкви «во имя Пречистые Богородицы чудотворные иконы Феодоровские» и продолжено данными о втором соборном Троицком храме и кремлевском «Здвиженском» монастыре. Информация по Новому городу содержит материалы по двум церквям – трапезной Никольской и Усекновения Честные главы Иоанна Предтечи на таможенной площади, и Рождества Иоанна Предтечи в Брагине улице.

В описании приходских храмов прослеживается два маршрута. Первый из них, начинаясь на Дебре, четко следовал по пути продвижения писцов по костромскому посаду, по его улицам и переулкам, и заканчивался территориально полукольцом улиц, лежащих справа от крепостей. Если первой церковью в посаде на Дебре был записан Вознесенский храм с теплой церковью Сретения Владимирской иконы Божией Матери, то последним храмовым комплексом этого маршрута названы церкви «Козьмы и Домьяна» и трапезная Параскевы Пятницы в Кузнецах.

Второй маршрут в описании храмовых построек Костромы охватывал полукольцом слева от костромских крепостей, начинаясь с

окраинной Власьевской церкви «в Кирпишной и в Каменшиковой слободе», а затем следовал по своему пути, совершенно не совпадавшему с маршрутом дворовых описаний.

В основе этого деления лежало, видимо, разделение посадской территории на присуды костромских монастырей. Вся правая часть посада, храмы которой стояли по первому маршруту, относилась к присуду Крестовоздвиженского монастыря, расположенного в Старом городе. Левая часть посада с церквями второго маршрута делилась на участки, над населением которых простиралась духовная и судебная власть трех костромских обителей – Спаса-Запрудненской, Богоявленской и Анастасиинской.

Все костромские храмы, внесенные в Писцовую книгу, подтверждают существовавшую на Руси древнюю традицию приходской системы «двух церквей» – холодной и теплой. В холодном храме, согласно христианским канонам – главным, богослужение проводилось с ранней осени до поздней весны, а в отапливаемой церкви, называемой часто зимней и трапезной, служили в холодное время года. Писцовая книга 1628 года часто не упоминает рядом с храмами колокольницы, но среди церковной утвари называет колокола. Поэтому можно сказать, что в церковный комплекс входила колокольница и расположенное рядом, обязательно упоминаемое в документе приходское кладбище.

Кроме посадских храмов в Писцовую книгу входило описание костромских монастырей (с. 284-333).

Кроме монастырских строений и церковной утвари в храмах обителей, писцы составили описание подмонастырских слободок:

«Девича Настасеина» монастыря и Гашеевой слободки (с. 284-291);

Костромской Полянкой слободки московского Троице-Сергиева монастыря (с. 291-294);

Богоявленского монастыря и двух принадлежавших ему слободок – Пищальной и Андреевской (с. 295-326);

«Ипацкой Живоначалные Троицы» обители и ее двух слободок – Богословской и Спасской (с. 327-333).

В Писцовую книгу включена информация о костромских слободах:

О Кирпичной государевой слободе, расположенной на белой земле (с. 333-334);

О дворах церковных сторожей собора «Пречистые Богородицы Федоровские», проживавших на белой земле в разных улицах Костромы (с. 334-337);

О Рыбной государевой слободе, расположенной на белой земле (с. 337-338);

О двух государевых Стрелецких слободах, расположенных на белой земле (с. 338);

О бывшей Арыповой слободке, приписанной к посаду (с. 339).

В конце Писцовой книги можно найти данные о костромской посадской земле и ее межевании:

О полянках в посадской земле во владении тяглых людей (с. 339-345);

О дворовых и огородных местах в посаде тяглых людей (с. 345-346);

О меже костромской посадской земле (с. 346-359);

О меже посадской земле и земле «Здвиженского» монастыря (с. 359-360);

О меже посадской земле и земле Спаса-Запрудненского монастыря (с. 360-361).

В отличие от Писцовой книги, в которой описание Костромы дается по топографическому принципу, комментарии к документу будут опираться на комплексно-тематический принцип, объединяя все данные по главным объектам – Кремлю, Новому городу, посаду и слободам. Соответственно в каждый из этих разделов будут помещены все материалы по крепостным сооружениям, административным, торговым и церковным постройкам.

Несмотря на то, что годы составления Писцовой книги продолжались с 1627 по 1630, в комментариях документ будет чаще всего датироваться общепринятой датой – 1628 год.

КРЕМЛЬ, ИЛИ СТАРЫЙ ГОРОД

«Город Кострома по старой осыпи на реке на Волге на Луговой стороне»

Укрепления Кремля (с. 15-16)

Писцовая книга 1628 года начинала описание Костромы с древней укрепленной части, которая в документе называлась по-разному – Кремль, Старый город, старая осыпь и просто город. Время возведения Старого города в Писцовой книге не указано.

Первыми названы главные Большие Спасские ворота: «У города ворота Большие Спасские из Нового города от торгу». Они соединяли в это время две крепости – Старый город и Новый. И хотя Большие Спасские названы просто воротами, размещались они, конечно же, в воротной башне. Ведь именно башни являлись надежной защитой для ворот – наиболее слабого места в ограде, и требовали особо усиленной обороны. О наличии башни говорят, прежде всего, размеры ее в ширину и поперек – 4,5 на 2,5 сажени, что равнялось 9,6 на 5,3 метра. Название Спасских ворот происходило от посвящения их Спасителю по церкви во имя «Всемиловитоваго Спаса происхождение Честнаго креста», стоявшей ранее на посаде, а затем, с 1628 года, на таможенной площади Нового города (с. 270-271).

Далее описание крепостных сооружений шло по левой стороне от Спасских ворот. В прясле северо-восточной стены находилась небольшая Средняя башня размерами 5,3 на 4,8 метров. Уточнение «от торгу» говорило о том, что башня была общей с Новым городом, в котором располагались торг и главные торговые заведения Костромы.

Северо-восточная наугольная башня называлась Воскресенской: за стеной на «площадке конной» стояла церковь Воскресения Христа. Эта башня была не проездной, глухой с размером сторон в 6,4 метра.

Повернув к Волге, стена на востоке была укреплена тремя башнями – Ильинской и Борисоглебской, получившими названия по расположенным близко посадским храмам; и Дебринской, за которой начинался посад «на

Дебре». О дополнительном укреплении этой самой протяженной восточной стены говорит ликвидация ворот в одной из башен: «От Каткины горы башня, что бывали Ильинские ворота», что произошло, вероятно, после страшного «костромского погрома» в период Смутного времени.

Размеры двух последних башен – Борисоглебской и Дебринской, и следующей «Волской» наугольной башни, а также описание всего южного рубежа вдоль Волги ярко свидетельствовали об особой уязвимости этого участка крепости и наибольшей его укрепленности. Башни здесь были крупнее остальных, в ширину и поперек по 8,5 метров; а возвышавшиеся над рекой имели и дополнительные Выводную (ширина – 10,6 метра) и Отводную башни (почти 14 на 7,5 метров) – самые мощные из всех. Выводная башня отстояла на некотором расстоянии от южной Волжской наугольной и защищала ее, а Отводная башня затрудняла подход к Водяным воротам, устроенным «От Волские Косые башни к реке Волге».

Далее в стене, между Водяными воротами и западной Наугольной башней, возвышалась еще одна башня, названная просто «от Волги ж башня», с размерами 7 на 7 метров.

Следующую по волжской линии западную Наугольную башню, кроме того, что она сама была защищена «рукавом», обведенным тыном, дополнительно укрепили еще одной башней «с рукавом против мыту», расположенной по направлению к стоявшему на берегу реки Волги мытному двору. «Рукав», называемый еще «захабом», происходящим от древнерусского слова «охабень», что и означало рукав, был оборонительным коридором в древнерусских крепостях периода активной осады. Он хорошо просматривался и простреливался сверху и затруднял подход к башням. К сожалению, размеры «рукавов» у этих костромских башен Писцовая книга не называет, но сами башни по размерам не уступали соседним и приближались к 8-ми метрам.

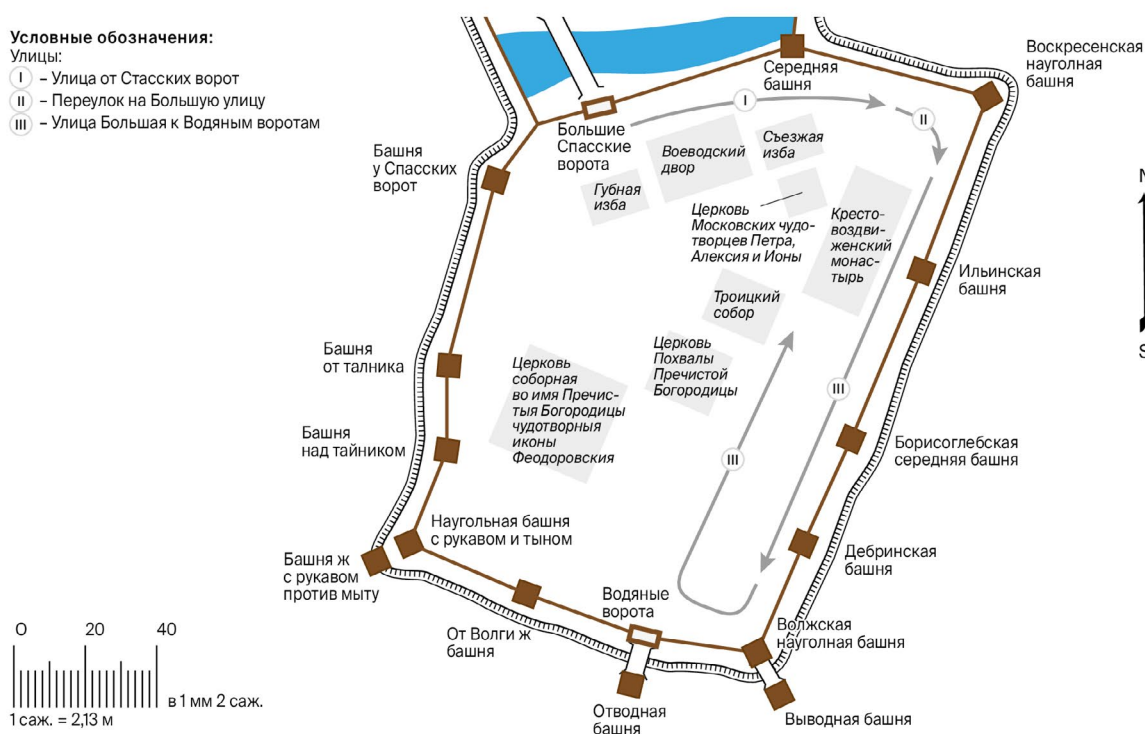
КОСТРОМА

Кремль, или Старый город

Условные обозначения:

Улицы:

- Ⓘ – Улицы от Спасских ворот
- Ⓜ – Переулок на Большую улицу
- Ⓢ – Улицы Большая к Водяным воротам

Кремль, или Старый город Костромы по Писцовой книге 1628 года.

Зато мы имеем точные данные по тайнику, который проходил под «башней над тайником», расположенной «в той же стене», то есть западной. Тайник – устройство для водоснабжения – тянулся «от воды в город до улицы», и в длину составлял 13 сажень – 28 метров, поперек – две с четвертью – около 5 метров, а в «вверх» – 1,5 сажени, то есть чуть более трех метров. Это был, видимо, подземный коридор, поднимавшийся от волжской воды, вдоль склона кремлевского холма, до башни, размеры которой равнялись 8,5 на 7,5 метров.

Далее, «против Соборной церкви» тоже в западной стене возвышались башня «от талника», то есть от тайника, со сторонами в 7,5 метров; и последняя башня, «что у Спасских ворот», которая стояла, не доходя до них 15 метров.

Таким образом, Старый город был укреплен 16 башнями, две из которых на 1628 год были воротными: в Кремль можно было попасть

через главные Спасские ворота и со стороны Волги – через Водяные. Остальные 14 башен числились глухими.

О башнях из Писцовой книги мы узнаем совсем немного: «Башни рублены все клетками, бои выводные за город о дву мостех», что означало, что башни были рублены из дерева в виде клеток с 2-мя перекрытиями для ведения боя, возможно, верхнего и нижнего. О высоте башен, подробности об их внутреннем устройстве, форме наверший, наличии караульных чердаков или сторожевых вышек, конструкции бойниц документ сведений не давал. Лишь «Постатейная роспись Костромского Кремля 1678 года» содержит информацию, которая применима для времени составления Писцовой книги, – о форме башен. «О шести стенах» была Спасская башня и башня над Тайником; «об осми стенах» – Средняя, Воскресенская наугольная, Борисоглебская и Волжская наугольная; «о четырех стенах» – Водяная.

Между башен защитными рубежами были стены: «А меж башен тых острог оставлен без тарасов в борозду». Это свидетельство того, что стены Старого города представляли собой срубную однорядную стену, в виде вертикального частокола из деревянных свай. Писцы подчеркивали, что «тарасов» не было. Эту новую систему деревянных крепостных стен мы рассмотрим на примере устройства Нового города. В высоту стены Кремля составляли «две сажени с полусаженью», то есть возвышались над землей почти на пять с половиной метров. Протяженность всех стен равнялась чуть более одного километра, а площадь Старого города приближалась к 7 гектарам.

На стенах «под верхом были палаты з боем и под котками», что говорило об устройстве вдоль стены с внутренней стороны крепости полатей – боевых площадок, выполнявших разные функции: они служили подпорками для частокола и, главное, использовались для организации обороны с «верхнего боя». Такие палаты были простыми по конструкции, удобными и потому – довольно распространенными. Здесь же под кровлями палат были устроены «котки», так назывались бревна, укладываемые на крепостных стенах и, во времена штурма, сбрасываемые на противника.

Указание Писцовой книги о расположении Старого города «по старой осыпи на реке на Волге» говорит о наличии земляной насыпи, на которой возвышалась крепость, так как «осыпью» обычно называли вал в оборонительной системе русских крепостей. О вале и рве писцы упоминают в тексте документа: «По конец Ивановской улицы за рвом у Кремля города» (с. 117), или «От Волских Воденых ворот налево подле осыпи», и это свидетельствует в пользу того, что земляным валом Кремль был окружен со всех сторон, даже и вдоль Волги. К сожалению, писцы не оставили данных о высоте земляного вала, на котором стояла крепость, о размерах рва и точных мест, где он проходил.

Таким образом, все данные о защитных укреплениях Кремля, выполненных в виде острога «в борозду», говорили о строительстве стен и башен по старине и соответствии

тому времени, когда на Руси отсутствовало еще огнестрельное оружие. Действительно, Старый город Костромы, возведенный, согласно летописям, в 1416 году, к началу XVII века просуществовал уже два столетия и имел довольно устаревшую конструкцию.

Улицы и переулки Кремля (с. 17-31)

Внутри Старого города было расположено всего две улицы и один переулок – «Улица подле осыпи от Спаских ворот по левой стороне», «Улица Большая к Водяным воротам» и «Переулок на Большую улицу» между ними (с. 17-31).

Начиналось описание с улицы «подле осыпи от Спаских ворот по левой стороне». Улица проходила вдоль северной внутренней стены, общей с Новым городом, по направлению к Воскресенской наугольной башне Кремля, мимо Средней глухой башни. На улице находилось 49 жилых осадных дворов и избенок, пустых 10 дворов, избенка и одно место дворовое. Дворы в Кремле были значительно меньше посадских дворов, так как размеры последних исчислялись с огородами, а бывало и с садами. Но главное отличие посадских дворов от осадных заключалось в том, что в первых постоянно жили большие семьи посадских людей, осадные же дворы были предназначены для временного проживания их владельцев в периоды военной опасности. В мирное время в кремлевских дворах жили дворники, следившие за их состоянием и занимавшиеся различными промыслами и ремеслами, составляя в этом конкуренцию посадским людям. Среди дворников Писцовая книга называет промысловиков разных специальностей – плотников, сапожников, холщевников, хлебников, иконников, торговцев и многих других. Владельцами дворов на этой улице были князь Василий Иванович Туренин, Иван Семенович Куракин, Федор Петрович Барятинский, Василий Федорович Морткин; боярин Федор Иванович Шереметев. Один из дворов принадлежал московскому Новинскому монастырю.

Следующим был «Переулок на Большую улицу к Водяным воротам», довольно небольшой, на нем числилось всего 14 дворов, из них

13 жилых и один пустой. Переулок располагался между двумя улицами и, вероятно, мог быть локализован в северо-восточном участке старой крепости. Самой знаменитой владелицей осадного двора в этом переулке была «великая государыня инока Марфа Ивановна» – мать царя Михаила Федоровича. Интересно, что часть земли ее двора, стоявшего четвертым в переулке, и часть последнего двора, принадлежавшего думному дьяку Федору Лихачеву, были в споре с «Здвиженским монастырем», причем Лихачевский участок находился «позади от Здвиженского монастыря». Вероятнее всего, Крестовоздвиженский кремлевский монастырь был расположен не у южной стены, как указано на карте к изданию Писцовой книги (с. 14), а близ восточной стены. Это подтверждает план города Костромы 1775 года, на котором указаны сгоревшие строения во время пожара 18 мая 1773 года. Под буквой «В» на нем значится «Крестовоздвиженской девичей монастырь, которой ныне отдан под строение преосвященному Симону». Таким образом, строения обители занимали место близ Ильинской башни, некогда проезжей, а затем закрытой и ставшей глухой. Можно предположить, что причиной ликвидации ворот в башне явились события Смутного времени, когда в декабре 1608 года карательный отряд полковника Александра Лисовского, захватив Кострому, разорил не только Богоявленский монастырь, но и Крестовоздвиженский в Старом городе, где погибло 10 человек монастырской братии во главе с настоятелем архимандритом Геннадием. Возможно, именно через Ильинские ворота каратели ворвались в Кремль.

Второй улицей в старой крепости была «Улица Большая к Водяным воротам». На этой улице писцы описали осадные дворы по обеим сторонам ее: сначала левую сторону – идучи «к Водяным воротам», а затем – «на правой стороне улицы». На левой стороне стояло 25 дворов – 24 жилых и один пустой. Правая сторона улицы была застроена плотнее, на ней числилось 98 дворов, из них жилых 79 дворов, две избенки и два места дворовых; пустых же было 11 дворов, одна избенка и два места дворовых. Разница в количестве дворов по сторо-

нам одной улицы объяснялась, возможно тем, что в начале ее левой стороны лежали земли Крестовоздвиженского монастыря.

На улице Большой, по левой ее стороне, стояли дворы трех монастырей: Московского Чудова и двух Костромских – Богоявленского и «Живоначалной Троицы Ипацково монастыря». На этой улице владели осадными дворами двое из Годуновых: стольник Алексей Никитич и Иван Андреевич, имевший осадный двор в доле с окольниковым Львом Ивановичем и Федором Борисовичем Долматовыми Карповыми. Здесь же были дворы у костромского губного старосты Неждана Усова, земского старосты Гаврилы Могутова и «московского гостя» Ивана Второва сына Озера.

На правой стороне улицы Большой, кроме дворов, принадлежавших монастырям – Костромскому Богоявленскому и Московскому Троице-Сергиеву; высшей знати – боярам Борису Михайловичу и Михаилу Михайловичу Салтыковым, окольниковому Федору Леонтьевичу Бутурлину, стольнику Глебу Ивановичу Морозову и другим; стояли и казенные здания – государевы житницы, кузница казенная и «колодезь осадной». Кроме осадных дворов и избенок на двух улицах и в одном переулке, писцы сосчитали еще, «подле осыпи», налево от Волжских Водяных ворот, жилые – две избенки и двор, и несколько пустых дворовых мест.

Всего же в Старом городе насчитывалось 203 осадных двора, избенки, мест дворовых и келий, среди которых было 173 жилых и 30 пустых. Владельцами осадных дворов в Кремле писцы назвали и 14 иноземцев, среди которых особо выделили «немчин» – Юрья Палтова, Ариста Фаменди, Ортемья Голбярхова и других.

Старый город: постройки духовного (с. 257-270) и административного назначения (с. 30-31, 26, 28)

Если взглянуть на карту-схему Кремля, важно отметить, что все осадные частные сооружения были сосредоточены вдоль северной и восточной крепостных стен, освобождая цент-

ральную часть Старого города под постройки административного и духовного назначения.

Главным храмом Костромы названа соборная каменная церковь «во имя Пречистые Богородицы чудотворныя иконы Феодоровские», где хранилась костромская святыня и покровительница города, давшая посвящение собору (с. 250). Церковный придел во имя великомученика Федора Стратилата находился в это время внутри храма, вероятно, в восточной его части, поскольку в приделе названы двери, обращенные на запад, и «другие двери», видимо, южные (с. 267). Рядом стояли теплая церковь в честь Похвалы Пречистые Богородицы и колокольница, двухсотпудовый благовестный колокол на которой был вкладом государя Михаила Федоровича (с. 267-268).

К сожалению, описаний соборных церквей – их внешнего вида, размеров земли под строениями – писцы не оставили. Но место расположения главного храма можно определить, используя данные Писцовой книги и «Постатейной росписи Костромского Кремля 1678 года». По Писцовой книге известно, что одна из башен в западной стене – «башня от талника» стояла «против Соборной церкви» (с. 16). Но расстояния от этой башни до более южной «Наугольной с рукавом и тыном» и до более северной башни у Спасских ворот документ не определяет. На помощь приходит «Постатейная роспись», в которой башни получили новые имена, но легко узнаются по их местоположению. Роспись 1678 года дает протяженность стен не только между угловыми башнями, как Писцовая книга, но и между всеми башнями по периметру крепости. Нужная нам башня «от талника», которая стала называться Чудовская, стояла от Наугольной башни на расстоянии 85,5 метров, а от главных Спасских ворот – около 155 метров. Значит, и соборная каменная церковь «во имя Пречистые Богородицы чудотворныя иконы Феодоровские» находилась от Спасских ворот к югу на расстоянии около 155 метров, то есть храм от центра Кремля был несколько смещен к юго-западу.

Внутреннее убранство соборного храма «во имя Пречистые Богородицы чудотворныя иконы Феодоровские», согласно Писцовой книге

Костромы 1628 года, было очень богатым. На 42 листах этого исторического документа идет перечисление образов в серебряных и золотых окладах, шитых пелен, покровов, риз, Евангелий на престольных, колоколов, среди которых можно выделить церковную утварь, связанную с чудотворной Феодоровской иконой Божией Матери – это иконы, пелены, хоругви, посвященные костромской святыне, великомученикам Параскеве Пятнице и Феодору Стратилату. Собор был сокровищницей духовных реликвий, драгоценной утвари, вкладчиком которой часто назван царь Михаил Федорович Романов (с. 257-268). Переосвящение соборного храма города Костромы в честь Успения Пресвятой Богородицы произошло, видимо, во второй половине XVII века, вероятнее всего, при восстановлении собора после пожара 1654 года.

К северо-востоку от соборного храма, по направлению к Крестовоздвиженскому монастырю, располагался второй церковный ансамбль – каменный собор «Живоначальные Троицы» с приделом преподобного Сергия Радонежского, но храм был ветхий, как отмечено в Писцовой книге, церковь «розвалилась». Рядом стояла трапезная деревянная клецкая церковь во имя московских святителей Петра, Алексея и Ионы и «на паперти рубленая» колокольница с тремя колоколами. (с. 268-269). Оба храма имели свои кладбища. Церковные земли Троицкого собора (24,5 на 21,5 метра) соседствовали с Крестовоздвиженской обителью и тянулись на запад от монастырских Святых ворот (с. 269). Деревянная теплая церковь находилась немного дальше от кремлевского монастыря и стояла между ним и съезжей избой: «А под деревяною церковью и с кладбищем в длину от съезжие избы, что воеводы сидят, к Здвиженскому монастырю в длину 17 сажень, поперег 11 сажень», т.е. церковные земли занимали пространство между съезжей избой и монастырем в длину на 36 метров, а в ширину на 23,5 метра (с. 269).

Крестовоздвиженская мужская обитель находилась, как мы выяснили, у восточной городской стены близ Ильинской башни. В Крестовоздвиженском монастыре, или как он назван

в Писцовой книге «Здвиженской», проживало малое количество братии – «пять братьев черноризцев», возглавляемых архимандритом Корнилием и черным попом Тихоном. Кроме того, на посаде в Строеве переулке «на пречистинской земле», то есть земле, принадлежавшей соборному Феодоровскому храму, двором владел священник Воздвиженского монастыря Иван Тимофеев (с. 335).

Монастырские храмы были деревянными, главный в честь «Здвижения Чеснаго креста» – шатровый, уже ветхий; а теплый трапезный Введения Пречистой Богородицы – «клецки». Рядом с церквями возвышалась колокольница с шестью колоколами (с. 269-270). Крестовоздвиженский мужской монастырь соединяла с собором «во имя Пречистые Богородицы чудотворныя иконы Феодоровские» дорога шириной чуть больше 4-х метров, ведущая от расположенных в западной стене Святых ворот обители, «промеж кладбища», по церковным землям каменного Троицкого и деревянного московских святителей храмов (с. 269).

Неподалеку от деревянной церкви московских святителей Петра, Алексея и Ионы и в 36 метрах на северо-запад от Здвиженской обители (с. 269) стояли главные административные постройки Костромы – «воевоцкой двор», съезжая и губная избы (с. 30-31). Ближе всех к храму находилась съезжая изба «с сенми» – воеводская канцелярия: «где сидят воеводы и приказные люди». «Места под нею длина 10 сажен, поперег 5 сажен», или около 21 на 11 метров.

Писцы высчитали расстояние от съезжей избы до церковной колокольницы и городской стены: между избой и колокольницей было 3,5 сажени, или около 7,5 метров; от городской же стены съезжая изба отстояла в длину на 6 сажен – 13 метров, здесь было «порозжее место», то есть не занятое ничем, а просто заросшее травой или кустарником, в поперечнике оно составляло 4 сажени – около 9 метров. Воеводский двор, стоявший рядом со съезжей избой, был значительно более крупных размеров: в длину почти 50 метров, а поперек – 36 метров. «А строен тот воевоцкой двор городом Костромою и уездом» (с. 30).

За описанием воеводского двора и съезжей избы следовали довольно скромные данные о стоявшей рядом губной избе: лишь размеры места под ней – «длина 5 сажен без чети», или чуть более 10 метров, а «поперег 3 сажени», или 6,5 метров (с. 30-31).

Если локализовать расположение всех костромских административных зданий, то, видимо, они стояли близ северной стены, разделявшей Старый и Новый город, близ улицы, тянувшейся от Спасских ворот «подле осыпи». Тут же рядом, у Спасских ворот, «у осыпи» находилась «изба караулная», занимавшая место «полтрети сажени, поперег то же», или 5 на 5 метров (с. 31).

В Старом городе стояли и другие государственные постройки: тюрьма где была, не названо, но даны размеры «места под нею 10 сажен, поперег 10 же сажен без четверти», или 21 на 20 метров (с. 31). Здесь же, в Кремле, на улице Большой, ведущей к Водяным воротам, в осадном дворе Ипатьевского монастыря дворником проживал тюремный сторож Семенка Оксенов (с. 22).

На правой стороне улицы, ведущей к Водяным воротам, находился «колодезь осадной» – «места длина 3 сажени, поперег тож», или 6,4 на 6,4 метров; кузница казенная пустая – 3 на полтрети сажени: 6,4 на 5,3 метра; и четыре житницы, две из которых – государевых пустых, размером 6 на 3 сажени, или 13 на 6,4 метра, и две другие меньшей площади – 5 на 1,5 сажени, или 11 на 3 метра (с. 26, 28).

НОВЫЙ ГОРОД

*«А поставлен был тот
Новый город для осаднова
времени во 127-м году»*

Новый город получил свое хронологическое название «Новый» по отношению к Старому городу, или Кремлю. Укрепления Нового города были построены к 1619 году (7127 год от сотворения мира) во время похода польского королевича Владислава на Москву. Новая крепость

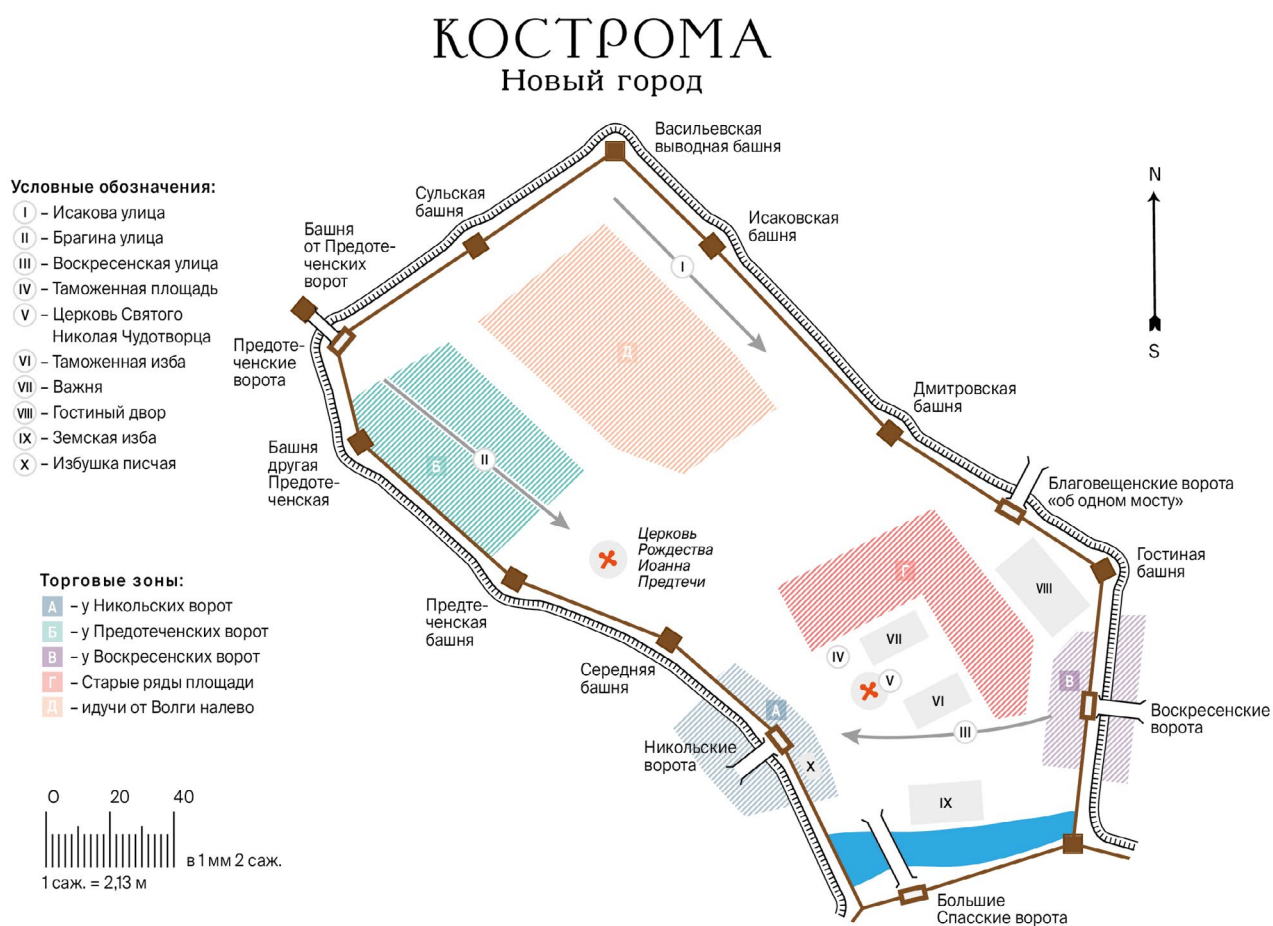
была возведена на посадской земле костромскими посадскими людьми на свои средства, что и отметили писцы в своем документе – «ставили посадские люди собою» (с. 17). Новый город, как и Старый, был выстроен полностью из дерева, но для его укреплений были применены более совершенные конструкции.

Укрепления Нового города

Описание Нового города, как и Кремля, писцы начали с главных Больших Спасских ворот, соединявших две крепости, а точнее с моста, перекинутого через ров, окружавший Старый город. После возведения новой крепости кремлевский защитный ров с водой оказался внутри ее. Мост, устроенный «на клетках» в сторону торгова, в длину составлял 15 сажен с полусаженью, или почти 33 метра, а в ширину – 5 сажен, что равнялось 10,7 метра.

Далее писцы продолжили описание стен и башен Нового города по левой «волской» стороне от Спасских ворот. Первыми в стене были названы «Никольские» ворота, устроенные, конечно, как и Спасские, в башне. По своим размерам – 8,5 на 7,5 метра (4 на 3,5 сажени) – Никольская башня не намного уступала одной из самых укрепленных Волской наугольной башне Кремля. Свое название ворота получили по стоявшему неподалеку, на главной торговой площади Нового города, храму во имя «великого чудотворца Николы» (с. 270-271). Никольские ворота были устроены «об одном мосту» и вели к Волге.

Следующей в западной стене стояла Средняя башня со сторонами в 5,3 метра – «ширина полтрети сажени, поперег тож». За ней в этой же стене шли, на расстоянии друг от друга, две башни почти с одинаковым названием: одна башня называлась Предтеченская, а вто-

Новый город Костромы по Писцовой книге 1628 года.

рая – «другая Предотеченская». Первая – со сторонами в 4,8 метра – «две сажени с четвертью, поперег тож»; а вторая – в семь метров – «три сажени с четвертью, поперег тож».

Затем крепостная стена делала небольшой поворот на север и здесь, при Предотеченских воротах, была устроена оборонительная система из двух башен и двух мостов для защиты въездных ворот: первая называлась в Писцовой книге Предотеченскими воротами, а вторая как «башня от Предотеченских ворот». Башня с Предотеченскими воротами была одной из самых мощных в Новом городе – 9,1 на 8,5 метра; а башня «от Предотеченских ворот», то есть выведенная за крепостную стену – со сторонами по 5,3 метра. Здесь, на северо-западе Нового города, у Предотеченских ворот, мы видим похожую систему защиты, как и на южной волжской стороне Старого города, где Водяные ворота прикрывала Отводная башня. Понятно, что все названные Предтеченские башни и ворота получили свое название по стоявшей в этой части Нового города церкви в честь Рождества Иоанна Предтечи (с. 271).

От Предотеченских ворот вдоль «девица Настасеина монастыря» проходила северо-западная стена крепости. В ней писцы отметили две башни – «Сулскую», названную по протекавшей поблизости реке Суле, размерами «три сажени без четверти, поперег полтрети сажени», или 5,9 на 5,3 метра; и «Васильевскую выводную» башню 5,3 на 4,8 метра, поворотную к юго-востоку. Она получила название по церкви великого святителя Василия Кесарейского, стоявшей за стеной, «на Суле у Нового города» (с. 284).

Северо-восточная крепостная стена тянулась от Васильевской до «Гостиные» башни, а затем, делая резкий поворот на юг, доходила до Средней башни Кремля. Первой восточной башней можно назвать Исаковскую башню со сторонами в 5,3 метра, получившую название по улице Исакова, проходившей внутри крепости, вдоль этой стены (с. 31-32, 34). Далее стояла «Дмитровская» башня со сторонами по 4,7 метра. Называлась она по стоявшей за стенами Нового города деревянной трапезной

церкви во имя «страстотерпца Христова Дмитрия Селунского чудотворца» (с. 277).

Поворотной к югу была мощная, с длиной стен в 9,1 метра, Гостиная башня, название которой было связано со стоявшим рядом в Новом городе Гостиным двором, «где ставят торговые приезжие люди со всякими товарами» (с. 251). Между Дмитриевской и Гостиной башнями находились Благовещенские ворота «об одном мосту». Башня над воротами – со сторонами почти шесть метров. Башня и ворота назывались по Благовещенскому храму, стоявшему на посаде «у Нового города против Благовещенских ворот» (с. 276-277). И последней в восточной стене, между башнями Гостиной и Средней, была устроена Воскресенская воротная башня, с семиметровыми стенами. И башня, и ворота получили свое название по Воскресенской церкви, расположенной «за Новым городом на площади» (с. 274).

Писцы вымерили, вычислили и записали протяженность всех стен Нового города между воротными башнями: «от Кремля города от осыпи от Спаских ворот в волскую сторону стены до Предтеченских ворот двести тридцать сажень», или 490 метров; «от Предотеченских ворот городовые стены [...] и до Благовещенских ворот двести двадцать сажень», что равнялось почти 470 метров; «а от Благовещенских ворот [...] и до Кремля города до осыпи сто двенадцать сажень», или 239 метров. Таким образом, общая длина стен Новой защитной крепости была равна 1199 метров, или около 1,2 км, и это всего метров на 200 больше, чем протяженность стен Кремля. Карта 1781 года, на которой обозначены обе крепости, позволяет визуально сравнить их и отметить, что, несмотря на разную форму, по площади Старый город лишь немного уступал Новому.

Деревянные крепостные стены Нового города, по сравнению с Кремлем, были устроены уже по-новому: они имели конструкцию «тарасов» – «орублен тарасы косые как ставитца острог лежачей» (с. 17). Основой стены были рубленные из дерева клетки – узкие и широкие. Узкие, заполненные землей и камнями, укрепляли стены, а в широких клетях воины могли защищать крепость. «Острог лежачей» озна-

чал плотный прочный забор из бревен, расположенных горизонтально между столбами, в отличие от «стоячего города» – вертикальной тыновой стены или частокола.

Новый город был внушительной крепостью, укрепленной деревянными стенами новой конструкции с 13-ю башнями, 5 из которых были воротными, а 8 – глухими. Как и Кремль, Новый город окружал защитный ров: «А около его веден был ров», свидетельством существования которого было наличие у воротных башен одного или двух мостов, перекинутых через этот ров. Но в 1628 году писцы отметили, что «и город во многих местех розвалился и ров посыпался».

Улицы и переулки Нового города

В Новом городе писцами названы 4 улицы – Исакова, Брагина, Воскресенская и «Большая»; а также 4 переулка – «Мыльной», «Подошевной», «Новой» и переулок с таким названием – «На переулок две сажени дано».

Первая названная в документе **улица Исакова** проходила вдоль северо-восточной стены Нового города, где возвышалась Исаковская башня. Если определять ее местоположение на современной карте города Костромы, то занимала она небольшой участок около Больших Мучных рядов со стороны Сусанинской площади. На улице Исакова стояли дворы двух видов: осадные дворы «дворян и детей боярских и приказных людей и посадских людей осадные ж» и посадские тяглые дворы.

12 осадных дворов занимали как белые места, так и черную посадскую землю. Они принадлежали дьякам Марку Поздееву и Григорью Олтуфьеву, а также фамилиям, известным в костромской истории XVII-XVIII вв. – Кафтыреву, Безтужеву, Красовскому, Грамотину, Сумароковым (с. 31-32). Как и в Кремле, владельцы этих осадных дворов держали их на случай военной опасности. В мирное же время здесь жили тоже дворники, занимавшиеся разными ремеслами: плотник, торговец «по деревням щепетиньем», «шолковник», портной мастер, судовой «ярышка». Из жителей Костромы три осадных двора здесь имели земский староста Гаврила Могутов, кожевник Микитка Сухоплеч-

ко и священник храма Николы Мокрого Алексей с братом (с. 32).

На улице 13-ю дворами владели посадские тяглые люди, занимавшиеся разными промыслами и торговлей: Ивашко-калачник, Овдокимко-блинник, Гаврилко-ржаник, Серега-мясник; а также – шапочник Осипко Кононов сын, Гаврилко-мыльник, торговец лыками и корьем Герасимко Иванов, Артюшка Дементьев сын Дешевуня, торговавший хлебом, рожью и овсом (с. 32-33, 34).

Следующей улицей, проходившей вдоль западной крепостной стены, писцами названа **Брагина улица**. Стеной Нового города она была разделена на две части, одна из которых тянулась внутри Нового города от северо-западных Предотеченских ворот к храму Рождества Иоанна Предтечи; а вторая часть лежала на посаде за стенами крепости, с западной стороны Анастасиина монастыря и тоже тянулась от Предотеченских ворот, но к реке Суле. Единство посадской улицы было нарушено возведением в 1619 году укреплений Нового города.

На улице Брагина внутри крепости стояло три осадных двора – Тимофея Линева, «площадного подьячево Четвертки» и Настасьина девичья монастыря, в котором проживало 8 бобылей (с. 33-34). На улице владели дворами и жили в них служители костромских храмов: поп Тихон и дьякон Григорий из церкви чудотворца Николы в Десятильничей улице (с. 33); священники храма Рождества Иоанна Предтечи в Брагине улице Аврамей и Самсон. Причем сведения о дворе попа Самсона, расположенного «по другую сторону Брагины улице против церкви», позволяет нам говорить о двусторонности Брагиной улицы (с. 271).

В 10 посадских дворах на улице проживали медник Семейка Микитин сын, Родионко-зеркальник, Богдашко-свечник, Оринка-колпашница, рукавишник Афонка Микифоров (с. 33-34), красилник Филка Красноличка (с. 90). Из зажиточных представителей посадского мира здесь владели дворами два «средних» человека, два брата – Фторой и Порфирей Бабины, которые торговали «болшим крупным товаром» в Новом Суконном, Москатилном, Скорнячном,

Соляном, Старом Красилном и Сапожном рядах (с. 90, 210, 212, 225, 200, 227, 234-235).

Рядом стоял обширный двор единственного в Костроме «московского гостя» Ивана Фторова сына Озерова. Размеры двора выделяют его среди всех посадских дворов, стоявших внутри Новой крепости: «В длину 29 сажен, поперег 26 сажен, да заднева двора 30 сажен, поперег 11 сажен без чети, да огороду 30 сажен, поперег 15 сажен с полусаженью» (примерно от 55 до 64 метров). Тянулся этот огород от улицы Брагина к Исаковой улице «в длину 30 сажен без чети, поперег осмнатцать сажен с полусаженью, а в уском месте 10 сажен без чети» (с. 33). Иван Фторов Озеров, согласно статусу «московского гостя», вел обширную торговлю в других русских городах, но не обходил и Кострому своим вниманием: имел три лавки, амбар и прилавочек в Суровском ряду, по лавке в Мыльном и Шубном рядах, и «место онбарное» в Свежем Рыбном ряду (с. 205, 208, 217, 245). Кроме основного двора, Ивану Фторову Озерову принадлежали еще два посадских двора с огородами близ Кремля, в переулке под названием «За стеной переулок», и в Богоявленской улице, «идучи со всполья от убогих дому» (с. 126, 157).

Иван Озеров, вместе со своим отцом Фторым, были строителями двух церковных комплексов, первый из которых стоял в Новом городе, рядом с местом их жительства в Брагине улице – деревянные храмы в честь Рождества Иоанна Предтечи с 2-мя приделами «Пречистые Богородицы Казанские да Иоанна Богослова» и трапезный тоже с двумя престолами – «великого чудотворца Николы и Седми отрок». Главный храм стоял пятиглавым, с кровлей в виде сводов и декоративных закомар – «верх, на каменное дело закомары», то есть полукружие закомар, известных в каменной архитектуре, здесь было рублено из бревен (с. 271). Вторые две деревянные клетчатые церкви находились «в посаде на Дебри» – храм чудотворца Николы с двумя приделами: Авраамия Ростовского чудотворца и преподобного Сергия чудотворца, и второй трапезный в честь Рождества Христова (с. 272). Церковная утварь этих храмов – образы местные, книги, свечи, ризы,

на колокольнице колокола – были вкладными отца и сына Озеровых и приходских людей.

Между улицами Исакова и Брагина «за Сапожным рядом» тоже стояли осадные и посадские дворы. Место это названия не имело. Среди 15-ти осадных названы дворы и дворишки, избы и «избенки с сенми». Они принадлежали посадским людям, священникам костромских приходских храмов, немногим представителям дворянства. Из посадских это были «лутчий» человек мыловар и торговец Федор Щепихин (с. 34, 63-64); торговец мясом «средний» Ивашка Безсолицын (с. 35, 87). Оба принадлежали к посадским выборным людям (с. 35, 362). Осадные дворы имели костромские кузнецы Ивашка Олифа и Любимко Клементьев, владевшие пополам жилым двором в Стрелиной улице (с. 34, 35, 65); вдовый священник Олексей из Благовещенского храма (с. 36, 277); поп Микифор Нестеров с братьей из храма святителя Василия Кесарейского (с. 36, 284). На черной земле осадным двором владел дьяк Ондрей Подлесов.

Получил здесь место под осадный двор и стольник Григорий Образцов, вместо взятого у него и сломанного двора «по государеву указу» для устройства главной торговой площади в Новом городе. Новое осадное место было выделено стольнику «по государеву указу и по сыску» и зафиксировано в «данной» грамоте. История нового места стольника довольно интересна: по сыску представителей посадского мира – земского старосты Ивана Баландина, целовальника Оники Лаврентьева и выборных людей – это место было «истари болотина», которую в осадное Смутное время «загати», или осушил, посадский человек «прянишник Серешка Вавулин», «поставил на том месте хоромишка, пожил в осаде, и как осада миновала, [...] хоромишко свез на посадской свой двор, а то место покинул впусте». И теперь в 1628 году на месте этом, размером 8 сажень в длину и 7 сажень с полусаженью поперег (17 на 16 метров), получил осадный двор стольник Григорий Образцов (с. 35).

Здесь же, между улицами Исакова и Брагина, находились и посадские тяглые дворы, в которых проживали рукавичники Занка и Мер-

кушка Логинов, ржаник Олешка Пиминов, мясник Сенка Густыцев, владевший лавкой в Мясном ряду, а огород которого лежал по другую сторону стены Нового города, «идучи от Сульского врага к Благовещенским воротам подле рву» (с.36, 192, 193).

Писцовая книга называет в Новом городе **улицу Воскресенскую**. Проходила она от восточных Воскресенских ворот по направлению к западным Никольским воротам. «Через Воскресенскую улицу» писцы считали расстояние от таможи, стоявшей на площади в Новом городе, к Кремлю «до рву». Улица, как и Брагина, была двусторонней: «А по другую сторону Воскресенские улицы [...] лавки ж, и скамьи, и земская изба» (с. 252). Анализ описания торговых рядов в Новом городе позволяет говорить о расположении близ Воскресенской улицы одного из Мясных рядов, тянувшегося от Воскресенских ворот к таможе (с. 254); лавок и полков Колашного ряда (с. 197-199).

Единственным упоминанием еще об одной улице в Новом городе – **«Большой» улице** – являются сведения о лавке Ипатьевского монастыря в Новом Суконном ряду: у лавки был «прилавок на Большую улицу лицом» (с. 209). На основе таких кратких данных невозможно определить, где и как проходила эта улица. Можно говорить лишь о примерном ее расположении «от Волги на левой стороне», то есть там, где стояли Шубный и Москатильный ряды.

Два переулка в Новом городе – Мыльный и Подошевной – располагались примерно в одной торговой зоне – близ северо-западных Предотеченских ворот и к северо-востоку от проходившей здесь улицы Брагина. Оба переулка были небольшие. Если считать по длине находившихся в них лавок, то Мыльный переулок не превышал «три сажени с пядью», или семи метров; а Подошевной переулок был немного меньше – три сажени, или 6 метров (с. 208, 229).

В этом же районе находился переулок без названия, который писцы обозначили просто по ширине его – «на переулок две сажени дано». Кроме одной лавки горшечника Ивашки Васильева, в нем было выделено три торговых места для рыбников. Таким образом,

при ширине переулка чуть больше 4-х метров длина его равнялась более 17 метров. Тянулся переулок от Рыбных рядов к Шубному ряду, так как при описании одного места была дана подсказка – «идучи от Волги налево в Шубной ряд» (с. 247).

Еще один **переулок под названием «Новой»** был «учинен» «на вымле», то есть на вымоине, у Никольских ворот, где стояли скамьи и полки ряда Колачного. Подле последнего полка Онички Одинцова и был организован Новой переулок «в ряд», длина которого исчислялась «в сажень с полусаженью», или чуть больше трех метров. Писцы отметили, что тянулся переулок «от Ивановы лавки Боландина да к Богдановой лавке – шапочника». Для создания переулка у воротника Семейки Иванова была «взято сажень», а ему, «против того места», было дано новое рядом «меж колачных полков» (с. 242).

Таким образом, всего в Новом городе находилось примерно 33 осадных двора и дворешек, изб и «избенок». Кроме этого, за земской избой стояли, без указания количества, «посадских нищих людей кельи и осадные избышка» (с. 252). Посадских тяглых дворов в Новом городе писцы насчитали 31. Здесь же было пять дворов и мест пустых, а также две кельи и изба нищих.

Торговые заведения в Новом городе

Какими же постройками была занята территория Нового города? Где находился его центр, что стояло в новой крепости, кроме многочисленных осадных и посадских дворов?

Главной площадью в Новом городе была таможенная площадь, расположенная к востоку от Никольских западных ворот, почти напротив них. Она была «учинена» в 1628 году по государеву указу Михаила Федоровича Романова и грамоте святейшего Патриарха Московского и всея Руси Филарета за приписью дьяка Микифора Спиридонова. Для ее создания был сломан осадный двор стольника Григория Образцова, который в возмещение получил новое осадное место «за Сапожным рядом меж Исаковы и Брагины улицы» (с. 35, 251-252).

Главным храмом, стоявшим на площади в Новом городе, была деревянная клецкая церковь с двумя престолами – во имя великого Чудотворца Николы и в честь «Усекновения Честные главы Иоанна Предтечи». Это был теплый трапезный храм, сохранившийся на 1628 год от посадского церковного комплекса, в котором главная церковь посвящалась «Всемилоостиваго Спаса происхождения Честнаго креста да Рождество Пречистые Богородицы», превратившаяся в это время в церковное место. Не случайно главные кремлевские ворота, находившиеся в непосредственной близости от этих древних церквей, назывались Спасскими.

В трапезном храме вся церковная утварь – «образы месные, и свечи, и книги, и ризы, и на колокольнице колокола, и всякое церковное строенье мирское приходных людей и попово». Из церковных служебников названы поп Тимофей, проживавший на черной посадской земле в улице Десятильничей (с. 178), поп Оникей и пономарь Данилка. Всего храмовой земли с находившимся рядом кладбищем числилось в длину 19,5 сажень (42 метра) и 17 сажень в ширину (36 метров) (с. 270-271). Таким образом, общая площадь церковных земель составляла 1512 м².

На таможенной площади Нового города стояла таможенная изба, возвышавшаяся на подклете. Она занимала место размером три на три сажени, то есть была квадратная со стороны почти в 6,5 метров и площадью около 42 м². Подклет таможенной избы использовался для держания «кабацкого питья». Таможенная изба была построена на государевы деньги «из таможенные избы доходы». Отстояла таможенная изба от Спасских городских ворот, расположенных к юго-западу от нее, согласно указу, на 50 сажень, или на 107 метров. В другую сторону, к юго-востоку, «ко рву», через Воскресенскую улицу, писцы насчитали от таможи 46 сажень, или около 98 метров (с. 251-252). Писцовая книга упоминает двух подъячих таможенной избы: Володю Остафьева, жившего во дворе «от Сулы к Брагине улице» (с. 177), и Иванка Петрова, владевшего двором «по Суле» (с. 162). Низшими служащими таможи были сторожа, один из которых Да-

**Принесение присяги целовальником.
Рисунок из книги Олеария «Описание
путешествия в Московию». Середина XVII века.**

нилка Александров имел двор на посаде в Стрелине переулке (с. 141).

В девяти сажнях, или чуть более 19 метров, от таможи «с лица», напротив, стояла важня. Слово «важня» происходит от древнеславянского слова «вага», имевшего значение «вес», «сила». Важня была сооружением для городских весов и занимала место размером «4 сажени с полусаженью, поперег три сажени с полусаженью», или 9,6 на 7,5 метров, исходя из этого, площадь важни достигала 72 м², что превышало площадь таможенной избы. Назначение важни – «везят в ней всякой вещи товар». Для этих целей в важне были «терези вещие» (весы большие торговые «кормысельные») и «гири железные: семь гирь трехпудовых да семь гирь двупудовых, четыре гири пудовых, гиря полупудовая, три гири четвертных» (с. 251-252).

Еще одним важным торговым заведением в Новом городе был Гостин двор, в котором «ставятца торговые приезжие люди со всякими товарами». Стоял Гостин двор к востоку от таможенной избы, «к городской стене Нового города», у Гостиной крепостной башни. В состав Гостиного двора входили две избы, одна из которых – «на мшанике»; 4 амбара – «два онбара об осми замках, да онбар о дву замках, да онбар об одном замке». Эти амбары – строения для хранения товаров, костромские

таможенные головы и целовальники сдавали приезжим торговым людям, а «онбарщину», то есть подать за использование амбаров, собирали, по государеву указу, в таможду.

Рядом с избами и амбарами стояли и два сарая для кладки в них соли. Иногородним торговым людям было удобно складировать и хранить привезенный товар близ мест, где они останавливались на ночлег. Постройки Гостиного двора занимали площадь около 2625 м², со сторонами в длину «35 сажень, поперег 16 сажень с четью», что составляло 75 на 35 метров. Строился Гостин двор таможенными головами и целовальниками из государевых таможенных денежных доходов (с. 251).

Кроме торговых заведений в Новом городе находилась земская изба, «где сходятся посадские люди для земского дела» и в которой ведали раскладкой и сбором государевых податей с торгово-ремесленного населения Костромы. Стояла земская изба «против Спаских ворот у мосту» и по площади превышала таможду более чем в три раза: «места под нею восьм сажень, поперег пять сажень», или более 17 метров в длину и в ширину почти 11 метров, а площадь равнялась около 187 м². От земской избы путь к таможде лежал в северном направлении через Воскресенскую улицу. Рядом с земской избой была устроена «из таможни» кабацкая изба со мшеником (утепленное мхом помещение), а также квасница и сусленица, где хранилось «питье кабацкое всякое». У Никольских ворот в Новом городе стояла «избушка пицкая на откуп, где пишут площадные подьячие», помогавшие посадским людям составлять разные документы (с. 252).

Самым большим количеством торговых заведений, расположенных в Новом городе, были торговые ряды, состоявшие из лавок, полков, прилавков, скамей, шалашей и амбаров. В число посадских торговых заведений входили и харчевные избушки. В характеристике всех их указывался владелец, размер заведения в сажнях в длину и поперег, взимаемый годовой оброк; для лавок и амбаров дополнительно писали сведения о форме владения: по старине, то есть по наследству; по грамотам – по купчей, по государевой грамоте,

по данной, по закладной, по рядной, по духовной, по вкладной, по суду и по сотной, «по изусной».

Когда торговое место выделялось под лавку или полкок, указывались дополнительно поручители «в оброке и в лавошном поставленьи». Размер годового оброка зависел от многих обстоятельств. Писцовая книга позволяет проследить лишь два из них: размер торгового заведения и количество замков в нем увеличивало оброчный сбор. Влияние имущественного положения владельца на размер оброка почти не прослеживается. Все «лутшие» и «средние» люди посада – братья Исаковы, Бабины, Рубцовы, члены семейства Могутовых и многие другие – платили за лавку 4-5 алтын в год (12-15 копеек), как и «худые» и «добре худые» люди.

Оброк с лавки, имевшей от двух до семи замков, взимался с каждого замка, чаще всего также по 4-5 алтын. И даже костромские торговые люди, взятые в торговые корпорации Гостиную и Суконную сотни, но продолжавшие лавочную торговлю в Костроме, – Обрам-сырейщик, Кирилл Григорьев сын Исаков, Илья Иванов сын Могутов и даже московский гость Иван Фторов Озеров, платили оброк в пределах этих сумм.

Кроме размера земли, занятого торговыми заведениями, Писцовая книга не указывает никаких подробностей их устройства. Встречаемое в документе название «лавка на два лица» или «лавка на три лица» означает не количество их владельцев, а число «лиц» – фасадов лавки, обращенных в тот или иной торговый ряд. Это одна из подсказок, помогающих частично выстраивать пространственную структуру торговых рядов.

Тщательный анализ расположения торговых заведений, использование тех небольших подсказок, которые дает документ, позволяет реконструировать лишь объемно-пространственную торговую структуру Нового города, разделив ее на несколько торговых зон. В расположении рядов в этих торговых зонах прослеживается группирование их по продовольственному и непродовольственному признаку. Эти зоны условно названы или по сосредото-

чению их около важных защитных объектов новой крепости – башен, ворот; или используя обозначения самой Писцовой книги.

Какие же торговые зоны можно выделить в Новом городе? Первая зона, следуя за порядком описания крепости, может быть названа «У Никольских ворот». Она располагалась у западной Никольской башни и ворот в ней, как на территории Нового города, так и за его стенами.

Вторая торговая зона сосредотачивалась близ северо-западных Предотеченских ворот, ее можно назвать «У Предотеченских ворот», здесь торговые ряды стояли только внутри крепости.

Следующая, третья торговая зона «У Воскресенских ворот» находилась у восточной башни и ворот с этим названием. Торговые заведения здесь занимали места внутри Нового города и на выходе за воротами.

Четвертую торговую зону можно было бы назвать Центральной, но лучше использовать название, данное этим торговым рядам писцами – «Старые ряды площади». Они обрамляли таможенную площадь с северной, восточной и южной сторон.

Для последней, пятой торговой зоны можно подобрать несколько характерных для этого района названий: «На вымле у Брагиной улицы» (с. 236); «За Сапожным рядом» (с. 34); «Идучи от Волги налево» (с. 219). Этот последний ориентир, упоминаемый для многих торговых рядов этой зоны, и выбран как общее название ее.

Перейдем же к знакомству с этими торговыми зонами, рассмотрим какие ряды входили в них, какие особенности имел каждый торговый район.

«У Никольских ворот»

В первую торговую зону входили, прежде всего, торговые ряды, стоявшие в Новом городе, с такими названиями: «У Никольских ворот» (с. 202-203), «Подле Ивановы лавки Ознобихина скамьи, а торгуют на них крупами, идучи к Никольским воротам направо» (с. 240-241), «Ряд Колачной» (с. 241), «На вымле от Никольских ворот» (с. 241-242), «Меж колачных пол-

ков» (с. 242), «Подле Ивановы лавки Боландина по сторон» (с. 243), «Харчевные избушки у Никольских ворот» (с. 243-244), «В Новом же городе подле Никольских богоделен» (с. 250), «У Никольских ворот по сторон богоделен» (с. 253).

Как мы видим, большинство торговых рядов здесь имело длинные названия, среди которых выделяются Колачный ряд и колачные полки. На подходе к Никольским воротам, «направо», находилось 8 скамей посадских людей: «а торгуют на них крупами», две из скамей принадлежали орешникам (с. 240-241). Здесь же тянулся небольшой Колачный ряд из трех скамей и одного полка, все владельцы их – Елфимка Федоров, Сенка Шишкин, Омелка Степанов и Ивашка Исаков – названы «колашниками». Продолжением этого ряда были устроенные «на вымле у Никольских ворот» 6 полков тоже для колачников – «торгуют на нем хлебы да колачи». Среди их владельцев указаны не только посадские люди – Офонка Васильев, Назарей Лазарев, Оничко Одинцов, но и крестьянин московского Троице-Сергиева монастыря Ивашка Мокеев и два сторожа Федоровского соборного храма Пречистой Богородицы (с. 241). Единственной «на вымле» у Никольских ворот названа лавка «о четырех замках» «среднего» человека Богдана-шапошника, которой он владел с племянником Куземкою Онаньиным по двум грамотам – по государевой и по данной (с.84, 202).

Близ этой лавки Богдана-шапошника был «учинен новый переулоч» шириной «сажень с полусаженью», или немногим более трех метров. Вел переулоч в ряд новых колачных полков, места под которые были даны шести посадским людям – хлебнику Стенке Савельеву, Васке Крылову с сыном Федкою, Давыдке Игнатьеву, а также дворнику Данилку Иванову, «извощику Стенке Иванову» и соборному сторожу Ивашке Титову. Воротник Семейка Иванов получил полоч в этом ряду взамен места, отобранного у него для создания переулка (с. 242). Вблизи были розданы места под полки еще 4-м хлебникам – Якушке Павлову, Ивашке Красноличке, Ондрюшке Иванову и Кондрашке Ульянову «прозвище Козадаву» (с. 243, 242).

У Никольских ворот в Новом городе, где находились богадельни, стояли лавка и полк Савки Степанова – дворника у стольника Алексея Никитича Годунова, известного в истории Ипатьевского монастыря вкладчика, по заказу и на средства которого была построена четырехъярусная колокольня, предназначенная для 600-пудового колокола, вложенного в обитель им же. Здесь же находился полк дворника Куземки Григорьева, служившего у стольника Ивана Фомича Огарева (с. 250). «По сторон» богаделен, то есть рядом с ними, было дано два места под полки посадским людям луковникам братьям Васке и Федке Григорьевым (с. 253).

Дважды при описании торговых заведений в Новом городе у Никольских ворот упоминаются харчевные избушки. В первом случае они стояли внутри крепости возле ворот, а во втором – «за городом к Волге». Внутренних харчевных избушек насчитывалось 9, из них 8 принадлежало посадским людям – харчевникам Матюшке Микитину и Офонке Елизарьеву, пирожникам Якушке Воронину и Демке Федорову; «короваяшникам» Семейке Осипову и Пятунке Исаеву, а одна – стрельцу Федке Емельянову. Кроме того, здесь стоял шалаш сусленой – «а торгуют суслон из таможенные избы по приказу кабацких верных целовальников» (с. 243-244).

Пять харчевных избушек «с сенми», расположенные за Никольскими воротами, по направлению к Волге, принадлежали посадским людям – Демке Матвееву, Лучке Тимофееву, Патрекейке Обросимову и другим. По своим размерам они превышали внутренние харчевники в длину и поперек на одну сажень (2,13 метра), но обходились владельцам их значительно дешевле: годовой оброк на харчевные избушки внутри Нового города был равен 10 алтынам, или 30 копейкам, с харчевников за стенами крепости брали всего 1 гривну, которая приравнивалась к 10 копейкам. Вероятно, повышенная плата взималась за безопасность заведений, стоявших внутри крепости.

За Никольскими воротами к первой торговой зоне можно отнести полоки и скамьи, расположенные в рядах под такими названиями: «У Спасского монастыря бывал старой Иконной

ряд» (с. 202-203); «Позади Иконново ряду» (с. 203); «Полки против Ивановы лавки Ознобихина подле Спаского монастыря, идучи к Волге нелеве» (с. 238-239); «Идучи к городу налеве» (с. 239-240); «На вымле у Спаского монастыря» (с. 240); «Против города полки масляные у Спаского монастыря» (с. 240); «За городом же за Никольскими вороты к Волге харчевники» (с. 250).

Торговые заведения стояли здесь справа и слева за Никольскими воротами. Справа от ворот, по направлению к Волге, девятью полками для продаж владели посадские люди Степанко Офанасьев, Олешка Драницын (с. 78, 226), Посничка Бородулин (с. 71), Ивашко Фадеев (с. 32), а также скорняк Кирилка Минин (с. 184), масленик Захарка Максимов и торговец рыбой Ивашка Домовников (с. 90). Три полока принадлежали частновладельческим дворникам, причем дворники князя Василия Туренина и Юмрана Пасынкова получили полки «в мясном порядке против Никольских ворот» (с. 239-240).

Особым местом скопления торговых заведений была территория около Спасского монастыря, стоявшего от Никольских ворот, «идучи к Волге нелеве». Еще одной характеристикой месторасположения этой обители было – «на вымле», то есть на вымоине, вероятно, образовавшейся от близости рва под мостом у «Болших Спаских ворот» между Старым и Новым городом. Именно к западу от главных ворот Кремля и стоял Спасский монастырь, а самой ближней улицей к Новому городу, тянувшейся от этой обители вдоль западной крепостной стены, была «Спаская улица» в нижнем посаде.

У Спасского монастыря, где бывал раньше старый Иконный ряд, как отметили писцы, амбаром и торговыми местами владел и отдавал в оброк «самоволством без государеву указу» Мосей Панов. Все у него было отобрано, и роздано в оброк 6 мест под полки костромичам посадским людям, среди которых названы Олешка Ватагин, проживавший на улице Исакова в Новом городе (с. 34); Офонка Федоров, Федка Ефимов Ширяй, плотник Ивашка Хапуга (с. 157), иконник Данилко Гаврилов, крупеница вдова Матренка (с. 202-203).

Здесь же, «позади Иконново ряду», было дано место под лавку «лутчему» человеку Кондратею Семенову сыну Опалихину, который «торгует, отъезжая, болшим свальным товаром и кожевное делает» (с. 44, 203). Подле обители стоял ряд торговых полков, семь из которых принадлежало посадским людям Микифорке Тимофееву, Григорью Усову, Семейке Ондрееву, орешникам Ивашке Седову и Степанке Офонасьеву (с. 51, 174); а один – крестьянину Тихона Мошкова Илейке Гаврилову. Он, занимавшийся написанием икон, владел этим местом по старине (с. 238-239).

У Спасского монастыря были расположены и масляные полки и скамьи, ими владели Первушка-масленик; Ивашка Мурсавик, о котором было записано: «масло бьет и торгует им» (с. 59); Куземка Михайлов, проживавший чуть ниже к Волге, в Десятильничей улице (с. 84); Ондрюшка Тюрюкин (с.38); с одной скамьи вел торг крестьянин Анастасьина монастыря масленик Агейка Михайлов (с. 240).

Обобщая данные по торговым заведениям первой зоны у Никольских ворот, надо отметить, что для нее характерна активная торговля съестными припасами – хлебами, колачами, крупами, маслом и мясом. Здесь было малое количество лавок, всего 2 лавки и 1 место лавочное, данное под лавку; преобладали полоки, их было 52, и скамьи – 19.

Сведений по источникам владения полоками и скамьями писцы не давали. В отличие от среднего размера лавки 3 на 2 сажени (6,4 на 4,3 метра), размер полоков и скамей был значительно меньше и колебался в пределах сажени (2,13 метра), плюс-минус пядь (0,2 м) или четь (0,25 м). Оброк же был напротив довольно высок – от 3 алтын 2 денег (10 копеек) до 10 алтын (30 копеек), по сравнению с лавочным оброком в 4-5 алтын, или 12-15 копеек. Вероятно, объясняется это тем, что все эти полоки и скамьи были сосредоточены у Никольских ворот, ведущих к Волге, на берегу которой находились государев двор Большой «кабатцкий», кабак, квасница, поварня пивная, бани, перевоз через реку, то есть довольно бойкое место, где продолжалась оживленная торговля.

«У Предотеченских ворот»

Вторая торговая зона располагалась внутри Нового города и была сосредоточена близ северо-западных Предотеченских ворот. Здесь стояли ряды с такими названиями: «Свежей Рыбной ряд» (с. 204); «К Рыбному ряду на вымле» (с. 207); «Ряд Рыбной» (с. 207-208); «Ряд Рыбной» (с. 208-209); «Ряд Рыбной же» (с. 210-211); «Даваны места под онбары и под лавки, где бывал Старой Рыбной ряд, по Брагине улице к Предотече» (с. 244); «Под Свежей Рыбной ряд от города к Предотеченским воротам налеве» (с. 245); «В том же Рыбном ряду, идучи от Предотеченских ворот налеве» (с. 246); «На перулок две сажени дано» (с. 247).

Все названия говорят о том, что у Предотеченских ворот были сосредоточены все рыбные ряды. Складывание здесь своеобразного рыбного рынка было не случайно: через Предотеченские ворота, далее по Брагиной улице, ведущей к Суле, по берегу реки, был ближайший путь к Рыбной государевой слободе. Кро-

Принесение присяги целовальником.
Рисунок из книги Оlearия «Описание
путешествия в Московию». Середина XVII века.

ме того, в улицах и переулках на берегу Волги проживало самое большое число и посадских рыбаков, рыбных прасолов и торговцев рыбой.

Мы видим, что в Писцовой книге среди рыбных рядов можно выделить Старый Рыбный ряд, Свежий Рыбный ряд и просто Рыбные ряды. Как они соотносились друг с другом? Были ли они едины, продолжали друг друга или стояли на расстоянии? Попробуем разобраться.

Старый Рыбный ряд на Брагине улице, которая шла от Предотеченских ворот по направлению к храму Рождества Иоанна Предтечи, ко времени работы писцов был, видимо, не главным среди рядов, где торговали рыбой: торговых лавок здесь не было, действовавшим издавна, «по старине», оставался лишь амбар посадского «среднего» человека Олешки Скрыпкова, который «мыло варит и оъезжая торгует» (с. 63, 244).

Новые места под лавки были выделены трем посадским людям: двум рыбакам – Ивашке Лаврентьеву и Неустройке, а также «лутчему» человеку Емельяну Григорьевичу Исакову, делавшему «кожевное» и торговавшему большим свальным товаром. Кроме того, здесь было дано место под «запасные онбары» двум посадским людям, известным своей торговой деятельностью, – земскому старосте Ивану Боландину и «среднему» человеку Ивану Ознобихину: «местом им владеть пополам и оброк платить пополам жа, по пяти алтын человеку с онбара» (с. 49, 89, 244).

Свежий Рыбный ряд назван в Новом городе как расположенный справа и слева от Предотеченских ворот (с. 204, 245-246). Ряд насчитывал 31 торговое заведение, в состав которого входило: 5 лавок посадских людей – торговца рыбой Ивашки Домникова (с. 90, 204), Якушки Исаева (с. 204), иконника Левки Васцына (с. 204); одним местом лавочным владел по данной грамоте Ипатьевский монастырь (с. 204).

Из вновь выделенных мест под торговые лавки, одно дали крестьянину-рыбнику Богоявленского монастыря (с. 246) и 22 места – посадским людям, среди которых многие названы рыбаками, рыбными прасолами и торговцами рыбой – Степанка и Любимка Китаевы (с. 89,

245); Ивашка Иванов сын Боландин (с. 186, 246), Ивашка Давыдов (с. 245), Пашка Кубасов (с. 190, 204, 245), владевший здесь же и амбаром. Но лавочные места здесь получили и торговцы москательным товаром Федор Спиридонов и Иван Грязной (с. 88, 50, 204).

Среди новых рыбных лавок находилось и «место онбарное» гостя Ивана Фторова сына Озерова, превосходившее по своим размерам не только лавочные места, но и лавки: «в длину на сторонние стены по 4 сажени, поперег на переднюю по улице и на заднюю стену по три сажени» (8,5 на 6,4 метра) (с. 245).

Кроме этого, в Писцовой книге Рыбные ряды упоминаются еще 4 раза (с. 207-209, 210-211). Документ дает небольшие подсказки о расположении этих рядов: первый Рыбный ряд стоял «на вымле», или на вымоине. Первая лавка во втором Рыбном ряду, принадлежавшая Ипатьевскому монастырю, тоже стояла «на вымле, идучи к Волге налево». Если учесть, что выход к Волге, как видно из текста Писцовой книги, осуществлялся через Никольские ворота, место двух названных Рыбных рядов находилось, вероятно, по дороге к этим воротам, слева от Брагиной улицы, недалеко от вымоины, образованной от бывшей здесь когда-то болотины (с. 35).

В следующих двух Рыбных рядах тоже отмечены лавки «на вымле», но есть и более важная подсказка: в четвертом Рыбном ряду одна вымолная лавка крестьянина Якушки Горшкова была «на два лица» – одним лицом она была обращена в Рыбный ряд, а вторым – «в мыльной ряд» (с. 211). И хотя о Мыльном ряде будет сказано ниже, надо отметить, что находился он, вместе с Мыльным переулком, как раз слева от Предотеченских ворот, если идти по направлению к Никольским воротам. Следовательно, и названные Рыбные ряды стояли вблизи левой стороны Брагиной улицы при проходе к Никольским воротам.

Всего в этих 4-х Рыбных рядах стояла 41 торговая лавка, в том числе: 33 лавки посадских людей; три – Ипатьевского монастыря и его крестьян; одной лавкой владел дворник Троице-Сергиева монастыря Сенка Гласков, в двух лавках вели торговлю частновладельчес-

кие крестьяне Васка Онисимов и Савка Бакшенцов, приобретшие их по купчим.

Из известных людей, относившихся к верхушке посадского общества, в Рыбных рядах владели лавками «лутчей» человек, член Гостиной сотни «Обрам-сырейщик» (с. 91, 207); «лутчей» человек Федор Иванович Кинешемец, имевший две лавки «по старине, по купчей» и «по закладной» (с. 74, 209, 211); «средний» человек Иванко Засухин (с. 52, 210); из «средних» семейство Могутовых (с. 51, 208, 209). Из «худых» людей в лавках Рыбных рядов торг вели рыбники Юрья Суровцов (с. 39, 208, 210), Ивашко Федоров сын Железный Колпак (с. 38, 208), Гришка Павлов (с. 38, 208), Савка и Ивашка Мухины (с. 89, 208) и многие другие.

Рыбникам и торговцам рыбой – Гришке Большому, семье Мухиных, Венедикте Микифорову – были выделены места в новом переулке без названия. Писцы просто записали «на переулоч две сажени дано». Действительно, все три торговых места и одна лавка горшечника Ивашки Васильева по ширине не превышали двух саженей – 4,3 метра. При описании одного торгового места был дан ориентир – «идучи от Волги налево в Шубный ряд» (с. 247). По тексту Писцовой книги известно, что Шубный ряд стоял «от Волги на левой стороне» и соседствовал с Москотилным и Серебряным рядами. Видимо, этот переулок, по длине чуть более 17 метров, тянулся от Рыбных рядов к Шубному ряду.

Таким образом, мы видим, что вторая торговая зона «у Предотеченских ворот» тоже, как и первая, была связана с торговлей продовольственными товарами. Это был район по продаже волжской рыбы. В 9-ти рядах, в названии которых упоминается рыбный продукт, основным торговым заведением была лавка: здесь стояло 77 лавок и лавочных мест, в это же число входили новые места, розданные под лавки. Кроме того писцы записали и находившиеся в этих рядах 4 амбара. Ни полоков, ни скамей, ни шалашей в этой торговой зоне не было. Большая часть лавок в рыбных рядах принадлежала их владельцам по купчим – 13; немного меньше было лавок по данной грамоте – 11; 10 посадских людей получили лавки

по старине, то есть от родичей; и всего владение двумя лавками писцы называли «по закладной». Размеры лавок, в длину и поперек, почти не превышали привычные для костромского торгового двора 3 на 2 сажени (6,4 на 4,3 метра); а годовой оброк колебался между 4 и 5 алтынами (12 и 15 копеек).

«У Воскресенских ворот»

Третья торговая зона была расположена у восточной проездной Воскресенской башни и ворот, ведущих к церкви Воскресения Христова на площадке, а также к Русиновой и Ивановской улицам. К этому району можно отнести следующие торговые ряды: «От Гостиного двора, идучи к Воскресенским воротам подле городовые стены лавки» (с.196-197); «В том же Мясном ряду полки» (с. 197); «У Воскресенских ворот в Мясном ряду» (с. 253); «В Новом городе у Воскресенских ворот в Мясном ряду к таможене» (с. 254); «Ряд Колашной» (с. 197-198); «У Воскресенских ворот» (с. 198-199); «За Новым городом за Воскресенскими вороты даваны места под лавки и полки» (с. 247-248); «За теми ж Воскресенскими вороты по той же стороне даваны места под лавки мясником за Колашным и за Масленным рядом» (с. 248-250); «За Воскресенскими ж вороты, идучи из города налево» (с. 250); «За Воскресенскими вороты онбары из дворов бочарниковы, збивают кади, и бочки, и тчаны» (с. 251-252); «За Воскресенскими вороты» (с. 253). Названия торговых рядов говорят о расположении их как внутри Нового города около Воскресенских ворот, так и в непосредственной близости от них за стенами крепости.

Начало третьей торговой зоны можно определить от Гостиного двора, вдоль городской стены, «идучи» к Воскресенским воротам. Здесь, слева от ворот, стояли мясные лавки и полки, которыми владели 14 посадских людей и один крестьянин московского Чудова монастыря Савка Лазарев. Среди владельцев этих торговых лавок и полоков можно назвать «среднева» человека Олексея Михайлова сына Скрыпкова, про которого записано, что «мыло варит и, отъезжая, торгует». Проживая в Благовещенском переулке, здесь, «подле городо-

вой стены» он владел по старине и купчей 2 лавками (с. 63, 197).

Имели лавки «молотчие» люди Будаика Халезев – мыльник и мясник Ивашка Беяев, оба проживавшие в Чулкове переулке (с. 38, 40, 196-197). Иван Беяев владел лавкой по купчей вместе с племянником Максимкой Наумовым. «Добре худой» человек Пиминка Хлебная Завезь, имевший промысел торговли хлебом и проживавший в Якиманской улице, владел 3 лавками по купчим и по закладным и 2-мя полоками в этом же Мясном ряду (с. 87, 197). Лавку и полок «против ево же лавки» имел по купчей «отставленный ямщик» Гришка Халезев, живший во дворе «на черной земле» в Русиновой улице (с. 120, 196, 199).

Свободные места в Мясном ряду были розданы для поставления торговых лавок, их получили «костромитины» посадские люди: Пронка Кошкин – «подле» второй в ряду лавки мясника Ивашки Беяева (с. 253); Тараска Лаврентьев и свечник Федка Дементьев – «в Мясном ряду к таможене» (с.254). Им выделили места почти 2 на 2 сажени (4,3 на 4,3 метра) с годовым оброком в 2 гривны (20 копеек).

Видимо, справа от Воскресенских ворот, внутри Нового города, располагался Колачный ряд (с. 197-198). Он был небольшим, писцы насчитали в нем всего 5 лавок посадских людей, и против одной лавки мельника Пятунки Алексеева сына – три полока. Среди владельцев лавок можно назвать также калашников Васку Евтифеева (с. 37) и Томилку Павлова; рыбников братьев Китаевых – Беянку и Пятунку (с. 190); Федку Микифорова сына Шали, который «торгует рыбою и в Мясном ряду» (с. 89).

Здесь же, по правую сторону Воскресенских ворот, у Колачного ряда располагалось еще 14 торговых заведений – 2 лавки, 8 полоков и другие. Обе лавки принадлежали земскому старосте Гавриле Семеновичу Могутову. Из посадских людей полоками и новыми местами под полоки владели калачники Тимошка Иванов (с. 93) и Грязка Истомина сын (с. 178), вдова Матренка Коренева с сыном Сенкою, Терешка Кузмин и Бориска Кондратьев. Двумя полоками владели сторож соборного храма Пречистой Богородицы колачник Нечайка Петров и дворник Григория Кафтырева Васка Яковлев.

Здесь же у Воскресенских ворот стояла харчевная изба «с сенцы», которую на оброке держал посадский человек Овдокимка Гаврилов, имевший с братом в этом же торговом ряду полк (с. 198). Со скамьи вел торг масленик Степанка Захарьев с годовым оброком в 10 денег, или 5 копеек (с. 199).

Места за Воскресенскими воротами Нового города, справа и слева от них, так же активно использовались для торговой деятельности. На выходе, вдоль городской стены, места были розданы под полки колачникам и масленикам. Их получили 8 посадских людей – Ортюшка и Ивашка Максимовы, Герасимка Васильев и Ивашка Вавилов, Третьячок Офонасьев, Оничка Гаврилов, Пронка Моисеев и другие. Кроме того, здесь получили место под полок костромской стрелец Гришка Иванов, вместо сломанного полока в Колачном ряду; и крестьянин Анастасина монастыря колачник Макарка Микитин (с. 247).

За этими рядами «колашных» и масляных полоков были устроены новые лавочные ряды для 17 посадских мясников. Размеры лавок и годовой оброк за них были четко определены: «сторонне стены по полутрети сажени, передние и задние стены по две сажени», и платили за такую лавку по гривне, то есть по 10 копеек (с. 248-250). Лавка здесь обходилась ее владельцу дешевле, чем место такого же размера в Мясном ряду Нового города с оброком от 4-х алтын до двух гривен, что равнялось 12-20 копейкам на год (с. 194-195).

Кроме лавок и полоков, за Воскресенскими воротами, как и за Никольскими, стояли харчевные избышки. «Идучи из города налеве» два посадских человека Данилка Гребенев и «извощик» Степанка Иванов получили места под харчевные избышки (с. 250, 253), оброк с которых размером в гривну равнялся оброку, взимаемого и со стоявших здесь трех «онбаров» бачарников, которые сбивали «кади, и бочки, и тчаны», причем одним из амбаров владел монастырский бочар Мишка Васильев (с. 251).

Третья торговая зона, расположенная у восточных Воскресенских ворот, по названию рядов и торговых заведений перекликалась с первым районом «У Никольских ворот». Здесь

также шла активная торговля калачами, маслом и мясом, то есть съестными продуктами. Здесь тоже было достаточно много полоков – 30, стояли харчевные избышки. Но количество лавок и мест, выделенных под лавки, – 42 – превышало число полоков. Размеры лавок равнялись средним в костромских рядах и не превышали 3 на 3 сажени, а полоков – 1,5 на 1,5 сажени. Оброк же в год колебался в пределах: за лавку – от 4 алтын до двух гривен, за полк – 1 гривна.

Как и в других торговых зонах, сведения по источникам владений писцы давали только по торговым лавкам, исключая информацию по полокам, скамьям и харчевным избышкам. В третьей торговой зоне 6 лавок было приобретено по купчим, 6 – по данным грамотам; 4 лавки владельцы получили по старине, то есть по наследству, а 3 – по закладным документам.

«Старые ряды площади»

Так можно назвать четвертую торговую зону в Новом городе, расположенную вокруг таможенной площади, к северу, востоку и югу от нее. В этом районе могли быть сосредоточены такие ряды: «Мясные ряды» (с.193-196; 206); «Против таможи ряд Новой» (с. 199), «Ряд Новой» (с. 204-205); «За Новым рядом лавки» (с. 199); «Ряд Соляной» (с. 199-201), «В Соляном ряду» (с. 206-207); «Ряд подле важни Солоденой» (с. 207), «Ряд Солоденой, что бывал старой Соленой ряд» (с.218-219), «Ряд Солодяной» (с. 220-221), «Ряд Солоденой» (с. 221), «Ряд Солоденой» (с. 221-222), «Ряд Солодяной» (с. 225-226), «Ряд Солоденой» (с. 226-227); «Ряд Житной, идучи от Мясново ряду к Волге по левой стороне» (с.226), «Ряд Мучной» (с. 229-230), «От Мясново ряду, идучи Волге по левой стороне» (с. 230-231), «В том же Хлебном ряду от Сапожново ряду» (с. 231), «Хлебный же ряд, идучи от Мясново ряду к Волге налеве» (с. 231-233); «Ряд Ветошной» (с. 209); «Ряд Сапожной от Благовещенских ворот, идучи налеве» (с. 234-236).

Четвертый торговый район можно начать с данных о Мясном ряду, ведь именно с него подьячие начали описание костромских торговых рядов (с. 193). Мясной ряд в составе «старых

рядов площади» стоял к северу от таможи на расстоянии 9 сажень, или около 19 метров (с.252), и тянулся он к Благовещенским воротам и далее к Гостину двору. Об этом свидетельствует то, что восьмое от конца ряда место под лавку было дано «от Благовещенских ворот налеве подле Гостина двора». Размеры этого места, данного Васке Чорту Меньшому, исчислялись так: «вдоль к Гостину двору три сажени, поперег сажень с четью». Последняя же лавка в этом ряду селищенского крестьянина Ганки Милютина располагалась «идучи на Гостин двор» (с. 196).

В Мясном ряду стояло 56 торговых заведений, среди которых можно отметить: 39 лавок посадских людей; 4 лавочных места, данных посадским людям; 1 лавка Ипатьевского монастыря; 3 лавки крестьян Ипатьевского монастыря; 3 лавки крестьян частновладельческих; 1 лавка церковная – храма Ильи Пророка; 3 лавки, принадлежавшие соборному сторожу, ямщику и «отставленному» ямщику; 2 лавки «мирские». Среди владельцев лавок и лавочных мест названы торговцы, мясники, иконники, шубники, но часто занятие лавочников не названо.

Среди владельцев торговых лавок в Мясном ряду можно назвать: «лутчево» человека Федку Щепихина с сыном Мишкой, который «мыло варит и, отъезжая, торгуют всяким товаром». Здесь он имел 4 лавки – две по старине и две по купчим (с. 63-64, 193-194). Одной купленной лавкой владели «лутчие» люди «Кирил да Омельян Григорьевы дети Исаковы», проживавшие в посаде на Дебри (с. 45-46, 195). Многим «средним» людям принадлежали в Мясном ряду лавки: Мишке Григорьеву сыну Сохину – три лавки, по старине и по купчим (с. 73, 193, 195); Ивашке Безсолицыну – лавка по купчей (с. 87, 195); вдове Варваре Могутовой с детьми Илейкой и Михалкой – лавкой по данной (с. 52, 206). Мясниками названы торговавшие в этом ряду Сенка Густышев (с. 36, 193), братья Ивашка и Павлик Беляевы (с. 40, 194; 51, 195), Тихонка Карпов (с. 114, 194), Федка Шали, имевший здесь две лавки (с. 89, 194, 196).

Размеры мясных лавок и лавочных мест не превышали обычных 3 на 2 сажени, годовой

оброк был чаще всего 4 алтына с лавки (12 копеек), изредка встречается 2 гривны (20 копеек). Большинство лавок были купленными – 24, 12-ю владели по данной грамоте, 9-ю – по старине и лишь одной лавкой «по рядной» грамоте.

В северном же направлении от таможи, «против таможи», на расстоянии «шесть сажень с четью», или около 13 метров от нее, стоял, судя по названию, «ряд Новой» (с. 252). В нем 6 лавок из 8 получили «по государеве грамоте и по данной» члены самых богатых семей Костромы: Исаковы Кирилл и Омелян вместе со своей матерью вдовой Екатериной 3 лавки, а также земский староста Иван Гаврилович Боландин тоже 3 лавки (с. 35, 89, 199, 204). Все они занимались активной торговлей «болшим свалным товаром» на костромском торге и «отъезжая» в другие города, а Кирилл Григорьевич Исаков «был переведен к Москве в гостиную сотню» (с. 45-46, 199, 205).

Лавку в этом ряду имел и «средней» человек Богдан Салтамашев, проживавший с братьями в Стрелиной улице и торговавший, сидя «в лавках за мелким товаром за щепетиньем» (с. 65, 205). Рядом расположенная лавка медника Семейки Никитина сына была «на два лица»: «одно лицо к городу, а другое в ветошной ряд» (с. 205). Это свидетельствовало, что Новый ряд был обращен своей лицевой стороной «к городу», то есть к Кремлю, а Ветошной ряд, на который смотрело второе лицо лавки, стоял поблизости. О нем мы скажем немного ниже.

За Новым рядом был устроен еще один ряд, который писцы называли просто «За Новым рядом лавки». Лавок было всего 5, причем только две из них принадлежали посадским «худым» людям: Богдану Денисову (с. 55, 199) и Ивашке Молафееву, который с братом Гришкой владел двором и кузницей на левой стороне Русиновой улицы (с. 53, 199). Одной лавкой «по данной» грамоте владел поп Анастасиина монастыря Артемий, а двумя – крестьяне, принадлежавшие «дияку» Михаилу Данилову – Дружинка Федоров и Дружинка Селиванов (с. 199).

«Против таможи» находился и Соляной торговый ряд, поскольку именно здесь стоя-

ли «сени да онбар на мирских лавках земских людей [...] А торгуют из них солью». Вероятно, этот Соляной ряд тянулся к Гостину двору, где, тоже кроме двух изб и 4 амбаров, было и два сарая, которые предназначались для хранения соли (с. 251). В Соляном ряду числилось 29 разных торговых заведений, из них 20 лавок и мест, данных под лавки, 3 полока и 2 амбара принадлежали посадским людям; две лавки числились за крестьянами бояр Бориса и Глеба Ивановичей Морозовых – Ивашкой Емельяновым и Марфуткой Васильевой с сыном Куземкой (с. 200, 201); одну лавку имел крестьянин костромской Богоявленской обители Матюшка Олексеев и один амбар держал московский Новинский монастырь.

Среди владельцев соляных лавок было много богатых торговых людей: «лутчей» человек «Обрам – сырейщик», переведенный «оброком к Москве в гостиную сотню», но продолжавший торговать в Костроме и владевший лавкой по купчей (с. 91-92, 207); выборный посадский «средней» человек Порфирей Семеновичн Бабин, проживавший тут же в Новом городе в Брагине улице и торговавший «в лавке болшим крупным товаром» (с. 35, 90, 200). В Соляном ряду владел лавкой по купчей и «средний» человек Дружинка Лутошкин, о котором писцы записали – «торгует, отъезжая, болшими свальными товары» (с. 49, 207). Здесь же имели лавки и амбары «соленики» из числа «худых» и «добре худых» людей Ондрюшка Михайлов и Минка Милютин (с. 54, 200), Ондрюшка-скорняк, кожевники Ортюшка Скорняков (с.39, 200) и Гришка Толстой (с. 42, 200), строгальник Федка Целенин (с. 42, 200), овчинник Яков Самойлов, «промысле ево – солью и мылом торгует» (с. 128, 199). Большинство лавок в Соляном ряду было роздано «по государеве грамоте и по данной».

Близ другого торгового заведения, стоявшего на таможенной площади, – важни – размещались Солоденые ряды. В них торговали солодом, служившим основой для производства пива и кваса. В Писцовой книге названо 7 рядов с названием Солоденый. И хотя только один из них имеет точную ориентировку – «подле важни», можно предположить, что стояли они все рядом. Всего в Солоденых рядах стояло 57

торговых заведений, из них 39 лавок, мест лавочных, амбаров и полоков имели посадские люди; 13 заведений – крестьяне Костромских Ипатьевского, Богоявленского монастырей и Московских Троице-Сергиева и Чудова; 5 лавок и лавочных мест было у частновладельческих крестьян.

Традиционно, что большая часть владельцев лавок из посадской среды принадлежала к зажиточным слоям, это были «лутчие», «средние» и «молотчие» люди. Например, к «лутчим» людям относились – Василий и Александр Мудростины, которые торговали, «отъезжая, болшими свальными товары и кожаное» делали (с. 45, 219), «вдова Полагая Ивановская жена сына Скорнякова» (с. 52, 218); из «средних» людей можно назвать земского старосту Гаврилу Могутова (с. 51, 221); Горшковых Ондришку да детей его Макарку да Обросимку – «торгуют хлебом и солод растут» (с. 57, 218); Олешку Яковлева (с. 65, 218, 222), Васку Белогубова (с. 41, 218); Онику Лаврентьева — воцешника (с. 79, 218), Ортишку Камкина (с. 90, 220), Обросимку-холщевника (с. 82, 220), Митку Ермолина – солоденика (с. 37, 221).

Из «молотчих» людей лавки в Солоденном ряду имели: Левка и Гришка Бородавкины (с. 64, 221, 226), Ивашка Загосткин (с. 70, 222), Исачка Еремеев (с. 58, 225, 226). Причем многие посадские люди владели не по одной лавке в Солоденых рядах. Торговали здесь не только солоденики Меркуша Трифонов (с. 218) и Наумка Самсонов (с. 225), но и Фомка кисельник (с. 84, 207), Оника воцешники (с. 184, 219), сапожник Илейка Герасимов (с. 85, 221) и даже мельники – крестьяне Богоявленского монастыря Гришка и Ивашка Федоровы (с. 226).

По своим размерам и годовому obroку лавки в Солоденых рядах не отличались от торговых заведений в других рядах: при размере 3 на 2 сажени с них взималась плата в 4-5 алтын. Как и в Мясном ряду, большинство лавок здесь было приобретено по купчим – 33; 7 получено по наследству; одна – по закладной; владение двумя лавками по духовной грамоте (с. 218) и по вкладной (с. 219) было связано с костромскими монастырями.

С южной стороны таможенной площади располагались ряды, в которых шел торг мукой и хлебом. Назывались они Житный ряд, Мучной, Хлебный. У всех у них были одинаковые ориентиры, все стояли, «идучи от Мясново ряду к Волге по левой стороне», то есть ряды тянулись от Гостиного двора, до которого доходил Мясной ряд, по направлению к Волге по левой, или южной, стороне от таможенной избы.

В Хлебных рядах из 59 торговых заведений посадским людям принадлежало 35 лавок, мест лавочных, амбаров и полоков; монастырским крестьянам – 14 лавок и амбаров, а частновладельческим крестьянам – 10. Каких же монастырей крестьяне промышляли здесь? Прежде всего, Костромских Ипатьевского (две лавки), Богоявленского (4 лавки и один амбар) и Анастасиина (одна лавка); а также Московских – Чудова (два амбара и лавка), Троице-Сергиева (две лавки) и Новинского (один амбар).

Из «средних» посадских людей торговали в Хлебном ряду солоденик Митка Ермолин (с. 37, 230); Мишка Сохин с братом Калинкою (с. 73, 231), три лавки которых в Мясном ряду стояли рядом; выборный посадский человек Ивашко Безсолицын (с. 87, 231); из «молотчих» – Ивашка Гаврилович Ярыкалов, владевший тремя лавками по старине и довольно обширными по площади огородами в улицах Глазове (74 на 31 сажень, или 1,07 га) и Подгородной (30 на 24 сажени, или 0,3 га) (с. 79, 171, 232, 233).

Однако преобладали среди владельцев лавок «худые» и «добре худые» люди из посада: «колашники» Микитка Иванов (с. 229) и Ивашка Дуб (с. 232); Семейка-мучник (с. 64, 230); Ганка Олферьев, промысел которого «извозничает» (с. 88, 230); Ивашка Зобенин (с. 68, 231), Исачка Губин (с. 68, 232), братья Карпунка и Максимка Зигины (с. 76, 233); Пиминка Хлебная Завезь, о котором записано «торгует хлебом» (с. 87, 229). И даже вдова Соболка Алексеевская жена Слинкина – нищая, которая «кормитца Христовым именем», в Хлебном ряду имела лавку по старине (с. 142, 231). В Житных рядах всех больше было лавок и амбаров по купчим – 27, немного усту-

пало количество наследственных лавок – 22, по две было закладных и данных лавок.

В четвертой торговой зоне «Старые ряды площади», как и в первых трех, наблюдалась продуктовая специализация, торговля мясными, мучными, хлебными и солодяными товарами.

Но в этой торговой зоне названы два ряда, в которых шел торг непродовольственными товарами. Это был Ветошный ряд, на который смотрело «второе лицо» лавки небольшого Нового ряда, расположенного на таможенной площади. Из этого можно сделать вывод, что Ветошный ряд стоял неподалеку от таможни. В нем числилось семь лавок, среди владельцев которых названы в основном ветошники – Фомка Третьяков (с. 38, 209), Агейка Ондриев, Васка Есипов. Первую лавку в ряду имела мать лучших людей Костромы Ивашки и Овдокимки Рубцовых – вдова Катеринка (с. 40, 209), а две последние – «молотчий» человек Сава Надежин. Обращает на себя внимание, что всеми лавками в Ветошном ряду посадские люди владели «по старине», то есть по наследству.

Вторым торговым рядом здесь, не связанным со съестными продуктами, был Сапожный ряд. Сапожных рядов в Новом городе было несколько, и они располагались в следующей пятой торговой зоне «меж Исаковы и Брагины улицы», но про этот ряд подъячий в документе записал: «Ряд Сапожной от Благовещенских ворот, идучи налево». Налево же от этих ворот стояли мясные и далее хлебные ряды. И вот один из хлебных рядов и тянулся как раз «от Сапожново ряду» (с. 231). В Сапожном ряду 26 лавками, лавочными и амбарными местами владели посадские люди. Здесь вели торг «лутчие» люди «Ивашко Матвеев сын Рубцов да брат ево Овдокимка» – торгуют, «отъезжая, болшими свалными товары» (с. 40, 234); «средний» человек «Родивонко Березин», который «кожевное делает и, отъезжая, торгует крупным товаром» (с. 47, 234); три «средних» человека Шишкины «Митка, да Павлик, да Якунка» – «в Сапожном ряду сидят в лавках за сапогами» (с. 55, 234); также «средние» – Бабины Перфирий с братом Фторым (с. 90, 234-235); Куземка да Федка Шапошниковы

(с. 84, 235); вдова Варварка Степановская жена Заболотново (с. 162, 235) и многие другие.

Владельцы лавок имели их в большинстве по старине – 9, и по купчей – 6, и лишь трое – по рядным грамотам. В других же случаях владение не было обозначено. Из непосадских людей здесь имели лавки отставленный ямщик Васка Ондриев (с. 234), кирпичник Тихон Епимахов с сыном «Ывашком» (с. 235) и крестьянин Богдавленского монастыря Матюшка Олексеев (с. 236).

«Идучи от Волги налево»

Так условно называется пятая торговая зона внутри Нового города. К ней можно отнести торговые ряды со следующими названиями: «В Сапожном ряду от Волги, идучи налево на вымле у Брагиной улицы» (с. 236-237); «За Сапожным рядом» (с. 237-238); «Ряд Крашенинной» (с. 227-228); «Ряд Крашенинной же, идучи з Брагины улицы по левую сторону» (с. 228-229); «Переулок Подошевной» (с. 229); «Ряд Красилной» (с. 219); «Ряд Красилной старой, идучи от Волги налево» (с. 219-220); «Ряд Красилной» (с. 224); «Старой Красилной ряд» (с.227); «Старой Красилной ряд» (с.229); «Ряд Шубной» (с. 214); «Ряд Шубной от Волги на левой стороне» (с. 215-217); «Ряд Москатилной» (с. 212-213); «Новой Суконной ряд» (с. 209-210); «Ряд Серебряной» (с. 214-215); «Старой Сырейной ряд» (с. 223); «В том же в Сырейном в ряду, идучи от Волги налево» (с. 223-224); «Скорнячный ряд» (с. 224-225); «Ряд Рукавишной старой» (с. 222-223); «Ряд Суроской» (с. 201-202); «Ряд Суроской же» (с. 203); «Ряд Суровской же» (с. 205-206); «Ряд Мыльной» (с. 208); «В Мыльном переулке» (с. 212); «У Мыльного ряду на вымле» (с. 217); «Ряд Железной» (с. 211-212); «Ряд Железной же» (с. 217).

В пятой торговой зоне было самое большое количество рядов, и характеризовались они своей непродовольственной направленностью. Большинство из них было связано с широко распространенным в Костроме коженным промыслом – скорнячные, сырейные, сапожные, шубные, рукавишный и другие ряды.

Где же концентрировались ряды этого торгового района? Какие подсказки о расположении этой зоны дает нам Писцовая книга?

Самым первым ориентиром является указание на расположение Сапожного ряда, который стоял «меж Исаковы и Брагины улицы» (с. 34). Есть еще более ясная подсказка для этого ряда – «от Волги, идучи налево на вымле у Брагиной улицы» (с. 236), которая означала, что стоял Сапожный ряд в левую сторону от Никольских ворот, ведущих от Волги; и на той стороне Брагиной улицы, которая «на вымле», то есть на вымоине, или старинной болотине, «загаченой» в осадное время Сережкой Вавулиным (с. 35). И эти ориентиры, данные писцами, – «з Брагины улицы по левую сторону» или «от Волги на левой стороне» - относились ко многим рядам этой торговой зоны. Кроме того, именно в этих торговых рядах писцы часто указывают, куда обращены «лица» - фасады лавок, что помогает выстраивать цепочку торговых рядов. Если определять место пятой торговой зоны на современной городской карте, то оно совпадает с расположением Больших Мучных рядов.

В этом пятом торговом районе документ называет два Сапожных ряда: сам Сапожный ряд и ряд «за Сапожным рядом», где торговали тоже изделиями этого ремесла. В них из 39 торговых мест посадские люди владели 33 лавками и лавочными местами. Крестьянам Костромских Ипатьевского и Богоявленского монастырей, а также Московской Новинской обители принадлежали одна лавка и два места лавочных. Лавку здесь имел сторож соборного храма в Кремле Лучка Хромов (с. 238), а лавку с половиной – кирпичник Тихон Епимахов, получивший место под двор в Кирпичной слободе «у Власья ж святаго к убогому дому» (с. 334, 236).

Почти все посадские – владельцы лавок в этих рядах – имели сапожный промысел или занимались торговой деятельностью. Из жителей Костромы в Сапожном ряду вели торг «средний» человек Мишка Иванович Кинешемец, проживавший рядом в Брагине улице за стенами Нового города (с. 83, 236); земский староста Гаврила Могутов (с. 51, 237); «средний» человек Иванко Засухин с сыном Захар-

кой: «торгуют в сапожном ряду, сидят в лавке за сапогами, и отъезжая, всякими свалными товарами» (с. 52, 237); три «средних» человека Шишкины Митка, Павлик и Якунка: «торгуют в Сапожном ряду сидят в лавках за сапогами» (с. 55, 238); три «молотчих» – Фторушка Жидовинов с сыновьями Ваской и Ондрюшкой (с. 67, 237); «молотчий» человек Мишка Крохин, владевший «по старине» лавкой и местом лавочным (с. 85, 236), Ивашка Большой Посадников (с. 81, 235, 236) и братья Гришка и Дениска Шалгачевы (с. 78, 235, 237), торговавшие здесь и в Сапожном ряду у Благовещенских ворот. Половиной лавки владели на двоих ярославский посадский человек Спирка Савельев и костромитин Ивашка Сергеев (с. 237). Сидели в лавках из беднейших – Наумка Лукьянов – кожевник (с. 47, 238); Васка Устинов, который «делает сапожное» (с. 88, 237); Левка Семенов – подошевник (с. 38, 238).

Неподалеку находился «Подошевной» переулок, названный по стоявшему в нем небольшому, всего в 2 лавки, «Подошевному» ряду. Одна из лавок «на вымле» принадлежала земскому старосте Гавриле Могутову, которой он владел по старине (с. 51, 229). Второй лавкой «по купчей» владел Ивашка Костицын.

В Подошевный ряд было обращено одно «лицо» лавки «о четырех замках» красильника Давыдки Онтипина из Крашенинного ряда. Второе «лицо» этой лавки выходило на Красильный ряд. Эти данные позволяют говорить о соседстве Крашенинного и Красильного рядов с Подошевным и Сапожным рядами. Подтверждает вывод и уточнение для Крашенинного ряда, данное в Писцовой книге, – «идучи з Брагины улицы по левой стороне» (с. 228).

Всего в ряду располагалось 18 торговых заведений, в числе которых можно назвать 11 лавок и мест лавочных, один амбар и 6 выделенных новых мест под лавки посадских людей; одна лавка – крестьянина Ипатьевского монастыря Сережки Семенова и лавка частновладельческого крестьянина Кирилки Купреянова «з братьею Микифорком да с Ывашком» (с. 228). Кроме того, писцы называли в этом ряду три места лавочных «лежат в пусте». Владельцами лавок и прочих мест были «красильники» Филка (с. 90, 227), Первушка Шестопер, Да-

выдка Онтипов, скорняк Калинка Архипов, живодеры Левка Харитонов с братом Ортюшкой и многие другие (с. 228-229).

Среди Красильных рядов названы три «Старых Красильных ряда» и два просто Красильных. В них стояло 29 торговых заведений, из них 17 с половиной лавок и мест лавочных принадлежало посадским людям, из которых можно назвать «среднева» человека Порфирия Семеновича Бабина, о котором сказано – «торгует в лавке большим крупным товаром» (с. 90, 227); его племянник «молотчий» человек Иван Фторов сын Бабин, имел лавку «по рядной» (с. 190, 219).

Тремя лавками по старине владела вдова Варвара Могутова с детьми Михаилом и Ильей, да внуком Ивашкой (с. 51, 219, 220). Рядом стояло место лавочное «бывало Милюты – красильника, а ныне владеет зять ево Софонко Ильин, человек Могутова, по рядной» (с. 227). Торговал, «отъезжая всяким крупным товаром» и сидел в лавке «молотчей» человек Федор Савельевич Ожегин (с. 89, 224). «Худой» человек Пронка Салтамышев имел здесь поллавки по старине вместе со служкой Ипатьевского монастыря Григорием Ивановым, владевшим второй половиной лавки «по даной» (с. 64, 219-220). Промышляли в Красильном ряду кожевник Бориска Жерин (с. 43, 220), рукавичник Васка Рымжин (с. 220) и шапочник Пospel Александров (с. 220).

Кроме того, здесь стояло 7 лавок и лавочных мест монастырских крестьян Ипатьевской и Чудовой обителей (с. 219, 220, 224, 227, 229); две лавки частновладельческих крестьян сел Селище и Минского (с. 220); а также два места лавочных священника Прохора из Иоанно-Богословского храма на Каткиной горе (с. 219).

В этой же торговой зоне, «от Волги на левой стороне», находился и Шубный ряд, который был разделен на две части. Всего здесь было 28 лавок посадских людей и 4 лавки, принадлежавшие Ипатьевскому монастырю.

Многие представители верхушки посадской среды владели в Шубном ряду торговыми заведениями: московский гость Иван Озеров, имевший здесь лавку «по закладной» (с. 33, 217); земский староста Иван Гаврилович Баландин (с. 89, 217); Маврутка – дочь «лутчего»

человека Ждана Сваткова (с. 176, 215); «лутчий» Федор Иванович Кинешемец (с. 74, 216), родной брат которого «средний» человек Мишка Иванович Кинешемец владел в Шубном ряду двумя лавками «по старине» и «по купчей» (с. 83, 216, 217).

Из «средних» имели в этом ряду лавки Петр Гатиллов, который вместе со своими четырьмя родичами торговал, сидя «в лавках за всякими товары и в отъезд ездят, торгуют же» (с. 54, 214); Богдан Александров – шапошник (с. 84, 215); а также тремя лавками «по старине» владела вдова Варвара Могутова со своим семейством (с. 51, 215-216).

«Худые» люди тоже активно торговали в Шубном ряду, чаще всего они названы овчинниками, шубниками или войлочниками: Юрка Семенов (с. 178, 214), Смирка Григорьев (с. 113, 215), Васка Опара (с. 113, 215), Данилка Иванов (с. 214), Гришка Микитин (с. 214).

Близ Шубного ряда стоял Москатильный ряд, так как одна из его лавок одним «лицом поперечиною» была обращена в Шубный ряд (с. 213). В Москатильном ряду в 16 посадских лавках и одной крестьянской частновладельческой велся торг красками, воском, мылом. Здесь торговали «всякими товары» «средние» люди – братья Гатилловы Тит и Петр (с. 54, 213); Фторой Семенович Бабин (с. 90, 213); а также «вдова Варвара Ивановская жена Могутова з детьми с Ылюшкою да с Михалком да со внуком Ывашком Микифоровым сыном» (с. 51, 212). В Москатильном ряду «вдова Еуфросинья Дмитриевская жена Ларионова да ее дети Офонка да Васка да Иевка» владели лавкой «о пяти замках» (с. 176, 213). Из 17-ти лавок в Москатильном ряду писцы называли пять лавок «на вымле», то есть на вымоине.

За Москатильным рядом следовал Новой Суконной ряд, поскольку последняя лавка в Москатильном ряду была обращена «одним лицом» своею «длиною Суконного ряда в перекресток» (с. 213). В Новом Суконном ряду стояло 9 лавок и мест лавочных посадских людей, лавка частновладельческого крестьянина Юдки Петрова и лавка Ипатьевского монастыря. Она числилась третьей в ряду и, как записали писцы, имела прилавки, обращенный «на Большую улицу лицом» (с. 209). Больше об

этой улице в Писцовой книге нигде не упоминается, поэтому трудно сказать, как она проходила, что еще стояло на ней. Одно важно, что находилась эта улица в пятой торговой зоне.

Из посадских в Новом Суконном ряду владельцы лавками «лутчие» люди братья Кирилл и Емельян Григорьевичи Исаковы (с. 45, 46, 210); «средней» человек Фторой Семенович Бабин, который «торгует, в лавке сидит за крупным товаром: сукнами, и киндяки, и дорогами» (с. 90, 210); вдова Варвара Могутова с детьми и внуком (с. 51, 210). Из «худых» и «добре худых» в документе были названы: Микитка Григорьевич Кинешемец – отец знаменитого костромского иконописца и изографа Гурия Никитина (с. 83, 210); орешник Ивашко Седов (с. 51, 209); Степанка Родионов (с. 63, 209); Ивашка Половинкин, владевший местом лавочным «по изусной» (с. 138, 209); Лука Ежусов (с. 85, 210).

Поблизости от Шубного ряда назван «Серебряной» ряд: лавка Васки Опары в Шубном ряду значилась «на два лица, одно в Серебряной ряд, а другое в Шубной ряд» (с. 215). В Серебряном ряду из 9 торговых заведений числилось за посадскими людьми – 5 лавок и мест лавочных, один амбар и два шалаша; за крестьянином Ипатьевского монастыря Лучкой Халявиным – одна лавка.

«По старине» здесь владели лавками Любавка Селивановская вдова серебряника (с. 214); «худой» человек Любимка Боковин, который «делает серебряное» и жил на земле кремлевского собора Пречистой Богородицы, а «тягло тянет в посад» (с. 84, 215). Гришка Юдин с Ивашкой Воиновым владели лавкой совместно (с. 52, 67, 215), а место лавочное Савки Надежина, проживавшего в Варварской улице, числилось пустым (с. 86, 215). Кроме лавок здесь стояли амбар Кубаски Макарьева (с. 85, 214) и шалаша Федки Юдина (с. 52, 215) и братьев Олешки и Арефки Небесниковых (с. 54, 215).

В этом же районе Нового города, расположенном «идучи от Волги налеве», то есть в левую сторону от Никольских ворот, стоял и Сырейный ряд. Всего в нем насчитывалось 12 торговых заведений, в числе которых было 7 лавок, лавочных мест и амбаров посадских

людей; а также 5 лавок, амбаров и мест лавочных Костромских монастырей и их крестьян – Ипатьевского и Богоявленского. Здесь стояла лавка Ивашки-дехтеря (с. 224), место лавочное и амбар «по старине» «вдовы Лукерьицы Тренкины жены – сырейщика Расторгуя з детьми с Тихонком да с Тимошкой» (с. 223, 224); место лавочное Ромашки Гаврилова – овчинника, проживавшего в Шишеловом переулке на Дебри (с. 111, 223).

О расположении Скорнячного ряда в Писцовой книге подсказок нет. Но исходя из того, что описание этого ряда следовало за Сырейным и Красильным рядами, а также учитывая специфику ремесленной специализации скорняка, связанную с выделкой кож, можно наверняка сказать, что ряд стоял в той же торговой зоне, где располагались Сырейный и Красильные торговые ряды – «идучи от Волги налеве».

Из 15-ти лавок в Скорнячном ряду 13 принадлежало посадским людям, а две – «человеку» Ивана Салтыкова Петрушке Тихонову (с. 225). Владелец лавок в Москательном, Скорнячном и Старом Красильном рядах «средней» человек Фторой Семенович Бабин и здесь имел две лавки (с. 90, 225). «Лутчие» люди Костромы – вдова Онисья Офонасьевская жена Мудрустина да дети ее Василий да Олександро Мудрустины владели лавкой «по старине» (с. 45, 225). Из «молотчих», «худых» и «добре худых» посадских слоев вели торг в Скорнячном ряду Ивашка Фокин (с. 44, 225), Ортемка Дешевые Ржи (с. 142, 224), Нефедка-рукавишник (с. 60, 225), Мосей Панов, у скорнячной лавки которого были устроены два полка «колашных» (с. 225).

Видимо, здесь же находился и «Рукавишной старой ряд», хотя Писцовая книга ничего не говорит нам о точном его месте. Рукавицы изготавливались в это время из кожи, поэтому в своем расположении он тяготел к рядам Шубному и Сапожному, стоявшим «от Волги на левой стороне». В ряду числилось 18 торговых лавок, из них было 14 посадских и 4 лавки крестьян Ипатьевского и Чудова монастырей.

Из посадских людей торговали здесь «лутчей» человек «Иван Савостьянов сын Хохол», который «торгует, отъезжая, болшими свальными товарами и кожевное делает» (с. 47, 222);

семейство Салтамашевых, владевшее 4-мя лавками – «торгуют, сидят в лавках за мелким товаром за щепетиньем» (с. 64, 65, 222, 223); овчинник Гришка Иванов (с. 59, 222); рукавишник Фалелейка Власьев (с. 76, 222); кожевники – Куземка Прибылово с сыном Ермолкой (с. 40, 222), Ортюшка Скорняков (с. 39, 222). Владела здесь лавкой и «вдова Офросиньица», прозвищем Шумиха, «Микитская жена Ларионова», торговавшая с сыновьями Офонкой, Ваской и Иевкой и в соседних Москотилном и Шубном рядах (с. 176, 223, 213, 216).

К пятой торговой зоне относились еще два ряда – Мыльный и Железный. Мыльный ряд, стоявший в «Мыльном» переулке, располагались в левую сторону от четвертого Рыбного ряда и Брагиной улицы: здесь вымолная лавка крестьянина Якушки Васильева сына Горшкова была «на два лица» – одним лицом она стояла в Рыбный ряд, а другим – «в мыльной ряд» (с. 211). Торговых заведений в Мыльном ряду было немного, всего 6 лавок: по одной лавке владели гость Иван Фторов Озеров (с. 33, 208) и «молотчей» человек Фадейка Блинов, про которого писцы отметили «торгует солью и маслом коровьим, и медом, и мелким товаром» (с. 63, 212); по две же лавки принадлежали «добре худому» человеку Григорию Хаимину (с.38, 208) и Неустройке Бузунову «с сыном Ываном». Последние устроили перед своими лавками три полки, где вели торг «свечами вощеными» (с.48, 217).

«Железной» ряд стоял рядом с Мыльным, поскольку на лавку Фадейки Блинова в Мыльном переулке лицом была обращена «вымолная» лавка ряда Железного Петрушка Земцова (с. 212). В Железном ряду числилось 8 посадских лавок, одна лавка принадлежала крестьянину Ипатьевского монастыря кузнецу Левке Олферьеву (с. 217), а две – частновладельческим крестьянам Якушке Горшкову и Ивашке Зуе (с. 217). Некоторые из владельцев лавок в Железном ряду имели кузницы, стоявшие в улицах по месту их жительства: «добре худой» человек Тихонка Онцыфоров (с. 67, 211); «средний» человек Федор Спиридонов вместе с братьями торговал «москотилным» (с. 88, 212), а владелец двух посадских дворов и двух кузниц «худой» человек Мокейка Михайлов имел

промысел торговли хлебом (с. 58, 140, 217). При некоторых лавках были устроены прилавочки, а «добре худой» Петрушка Земцов имел кроме лавки с прилавком еще три полки для торговли «свечами вощаными» (с. 82. 212).

Из всего многообразия торговых заведений в Новом городе трудно определить местоположение Суроского и Горшечного рядов и одного места, выделенного под лавку «на луже». Рассмотрим, что известно о них.

Суроской, или Суровской ряд упоминается трижды: первое описание его шло после Соляного ряда, стоявшего, как мы выяснили, в четвертой торговой зоне (с. 201-202); второе – после выделенных торговых полков у Никольских ворот (1-ая зона) (с. 203); а в третий раз писцы составили описание – после Нового ряда, относившегося к 4-му району (с. 205-206). Внутри Суроского ряда названы лавки «на два лица» и «на три лица», фасады которых были обращены в другие ряды, но в какие, к сожалению, не названо. Определенную помощь может оказать ассортимент товаров, торг которыми велся в русских суроских рядах. Согласно «Толковому словарю живого великорусского языка» Владимира Ивановича Даля, в этих рядах торговали шелковыми, бумажными и легкими шерстяными изделиями, в первую очередь, вероятно, тканями.

Наименование торгового ряда с буквой «в» внутри – Суровской – дает более конкретное объяснение, происходившее от слова «суровьё», или суровой ткани, изготавливаемой на ткацком стане без окраски и отделки. Эта суровая, небеленая пряжа сохраняла следы крахмального клея, волокон пуха, земли, жира животных и требовала дальнейшей очистки и окраски. Вероятнее всего, что располагались Суроские ряды там же, где и ряды Красильные, Крашенинные и Суконные, то есть в 5-ой торговой зоне.

Всего в Суроском ряду стояло 16 лавок посадских людей, им же было отдано 3 лавочных места и одно место под торговую скамью. Первые три лавки названы как «вымолные», то есть стоявшие на вымоине. Среди владельцев лавок в Суроском ряду писцы назвали, прежде всего, костромского торгового человека московского «гостя» – Ивана Фторова сына Озеро-

ва, который имел три лавки – «о трех замках», «о четырех замках» и «о семи замках», а также «амбар кладной да прилавочек о дву замках» (с. 33, 205). Лавка в Суроском ряду «по государевой грамоте и по данной» принадлежала двум «лутчим» людям – Ивашке Матвееву сыну Рубцову да брату его Овдокимке, проживавшим в Чулкове переулке и торговавшим, «отъезжая, болшими свалными товары» (с. 40, 201).

Из «средних» людей в этом ряду вели торговля братья «Куземка да Федка Шапошниковы» (с. 84, 206); «Петрушка Ознобихин да сын ево Ивашко», которые «торгуют сидят в лавках за москотильным и иным мелким товаром» (с. 49, 201). Из «худых» людей в Суроском ряду «место дано скамейка ставить» Дмитрею Соколову для торговли «щепетиньем» (с. 52, 201). Здесь же лавочные места выделили иконникам Данилке и Дружинке Семеновым (с. 203).

Торговый ряд под названием «Горшечной» (с. 244) стоял, возможно, близ Никольских ворот внутри Нового города. Описание его идет после данных о расположенных здесь харчевных избушках. Горшечный ряд был небольшим, в нем числилось всего две лавки: сторожка соборного храма Пречистой Богородицы в Кремле Гришки Васильева, проживавшего в Строеве переулке (с. 336, 244), и каменщика Наумки Федорова. Он же делил соседнее место лавочное с другим каменщиком Левкой Григорьевым (с. 244).

И третьим торговым местом, по расположению которого трудно что-то сказать, является место, данное под лавку «костромитину посадцкому человеку Ортюшке Олексееву Однорядочникову», расположенное «в Новом городе на луже»: «в длину две сажени, поперег сажень». Судя по фамилии посадского человека, он, возможно, имел промысел пошива одежды, а конкретнее однорядок – верхней широкой одежды длиною до пят, без воротника с рукавами, суживающимися к запястью. Тем более что поручителем «в оброке и в лавочном поставленьи» выступал у Ортюшки портной мастер Павлик Борисов сын (с. 254).

Единственным местом в новой крепости, подходящим под описание «на луже», было место на улице Исакова: «Двор Лаврентья Красовского, что бывал Ивана Внукова, а преж

того бывала лужа» (с. 32). Другой ориентир для этого «места под лавку» – «подле Кондрашка Опалихина» не вносит ясности. «Лутчей» человек Кондратей Семенович Опалихин, проживавший в Манихине переулке на Дебри, о котором сказано – «торгует, отъезжая, болшим свальным товаром и кожевное делает» (с. 44), в костромских торговых рядах имел всего лишь одно лавочное место, данное ему «позади Иконново ряду» (с. 203). Иконный же ряд «старой» упоминается в Писцовой книге «у Спассково монастыря», который стоял за Никольскими воротами слева по направлению к Волге. Выходит противоречие: лавочное место Кондратея Опалихина находилось за Новым городом, а Ортюшка Олексеев Однорядочников получил место под лавку в Новом городе, но рядом с местом Опалихина. Разрешить это противоречие без дополнительных данных очень трудно.

Таким образом, обобщая данные по торговым заведениям Нового города, можно отметить, что все их можно разделить на продовольственные и непродовольственные. Торг съестными продуктами велся в мясных, колачных, соляных, рыбных, солодяных, житных, масляных рядах и харчевниках.

Промысловые и ремесленные товары продавали в сырейных и мыльных, скорнячных, красильных и крашенинных, суроских и суконных, москательном и шубных, сапожных и горшечном, железном и серебряном рядах.

Самыми многочисленными по количеству торговых заведений были мясные ряды, в них числилось более 90 лавок и полков; за ними можно назвать рыбные ряды с более чем 75 торговыми заведениями; и третье место делили между собой хлебные и солодяные ряды, где находилось почти по 60 торговых точек. Из непродовольственных рядов выделялись сапожные – более 67 лавок, а также красильные и крашенинные – более 50 лавок и мест лавочных.

Знакомство с расположением торговых заведений в Новом городе, с торговой деятельностью жителей города Костромы показывает, насколько широк был круг ремесленников и промысловиков, вовлеченных в торговлю и обеспечивавших жизнедеятельность Костромы и костромского населения.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО КОСТРОМСКОМУ ПОСАДУ

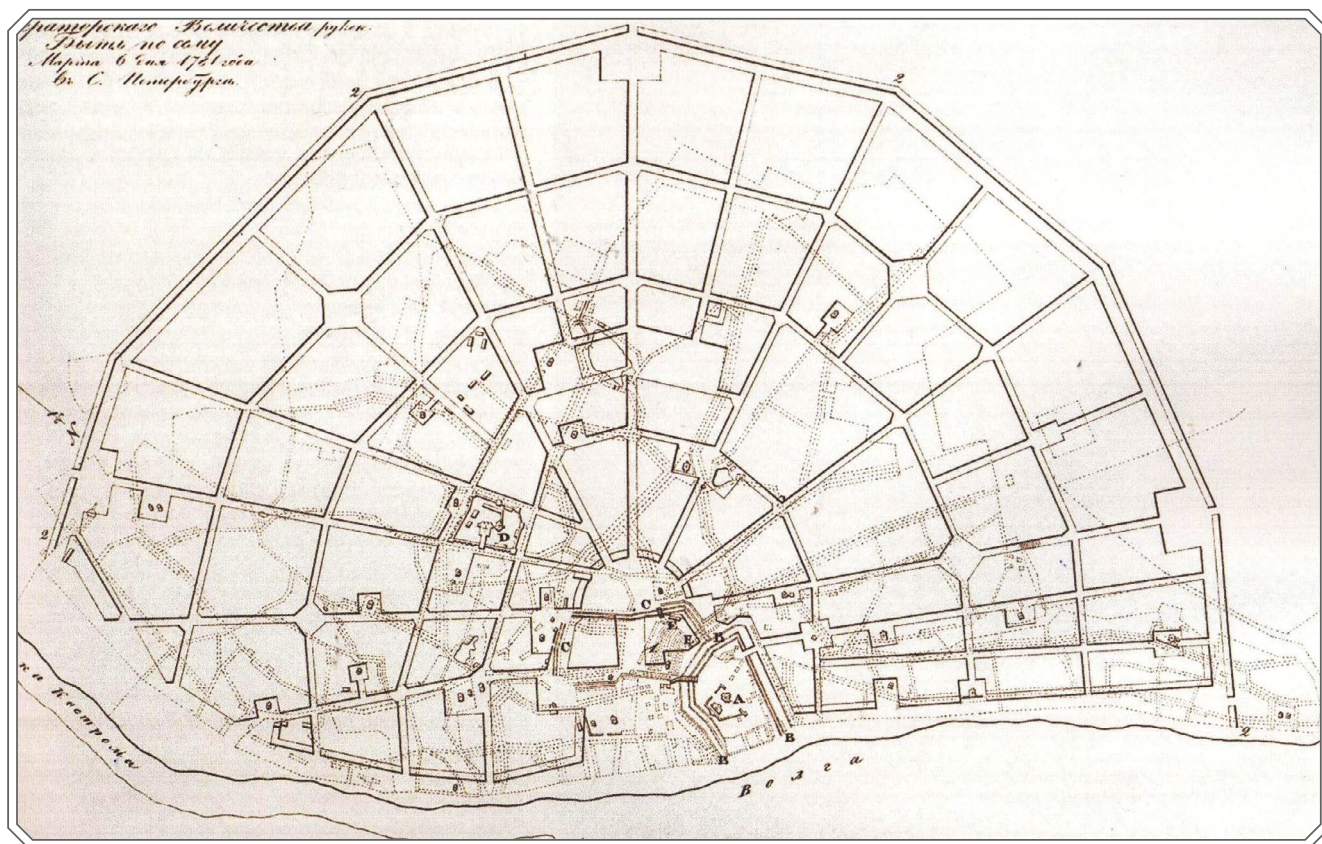
Познакомившись с укрепленной частью Костромы – Старым и Новым городом, мы переходим на посадскую территорию, описание которой занимает почти половину Писцовой книги 1628 года. Это говорит нам о том, что посадские или, как их называли черные люди составляли значительную часть городского населения.

Посад охватывал, окружал полукольцом – от реки Костромы до Волги – обе крепости. Несмотря на то, что Кострома в XVII веке относилась к нерегулярным, «живописным» городам, ее планировка уже в это время тяготела к радиальной системе улиц, большая часть которых в виде лучей сходилась к композиционному центру – двум крепостям, занимавшим высокий берег Волги.

Трудность в изучении Костромского посада XVII века заключается в отсутствии карт города Костромы того времени. Только тща-

тельный анализ текста Писцовой книги, постепенное изучение маршрутов писцов, работавших в Костроме, сопоставление их данных, внимание ко всем, даже мелким, подсказкам документа позволяет воссоздать топографию древних улиц Костромы. Большую помощь в этом вопросе оказывает «План Губернскому Городу Костроме» 1781 года (ПСЗРИ, 159, № 142), на который, кроме новых улиц, раскинутых в виде веера, нанесены пунктирами направления старых костромских средневековых улиц и переулков. Этот план 1781 года будет часто упоминаться в ходе нашего путешествия по посадским улицам и переулкам Костромы.

Кострома традиционно была разделена на улицы и переулки. В описании города мы встречаем в Писцовой книге указание на три посадских территории, назовем их районами – «посад на Девре», «Кузнецы» и «нижний посад». Никаких других названий, например,

«План Губернскому Городу Костроме» 1781 года.

«верхний посад», не встречается. Но чтобы путешествие по Костромскому посаду было удобным и интересным, можно разделить его территориально на пять условных районов, например: первый район мы назовем как он

обозначен в Писцовой книге – «Посад на Дебре»; второй – «К востоку от Кремля»; третий район – «В Кузнецах», четвертый – «У Богоявленского монастыря» и пятый – «Нижний посад».

«ПОСАД НА ДЕБРЕ»

Как уже отмечалось, в описании посада Костромы выделяется два маршрута, связанных с работой двух подъячих-писцов, между которыми были распределены все костромские дворы. В обоих случаях это описание начиналось с посада в районе Дебри – местности, лежавшей к юго-востоку от Старого города, вниз по Волге. Слово «дебря» означает густой непроходимый лес, чащу леса. В начале XVII века, как следует из Писцовой книги, эта часть Костромы была заселена, обжита, здесь стояли дома посадских людей, возвышались деревянные храмы. Непроходимого леса здесь уже не существовало, поэтому название «дебря» для этой местности сохранилось с более ранних времен, вероятно с XIII-XV вв., когда ранняя Кострома и первая крепость располагались вдали от этих мест, при впадении в Волгу рек Костромы и Сулы. До нас дошло предание о том, что первый Костромской князь Василий Ярославич (1241-1276 гг.) любил охотиться в густых лесах-дебрях по реке Черной и построил здесь псарни, где жили псары и собаки.

Дебринский посад, охватывая нижнюю террасу Волги, тянулся от стен Кремля до реки Черной. По протяженности это был самый длинный участок костромского посада. Изучение расположения улиц и переулков в этой части города – «ниже Кремля города на Дебри» – позволяет первой назвать Большую улицу, которая шла от города, то есть от крепости, и вела к решетке. Пройдем по улице вслед за вторым подъячим, который составил описание обеих ее сторон. Первоначально он прошел по правой стороне улицы, а затем – по левой, внося в Писцовую книгу материалы под двумя названиями: **«Дебрь улица Большая по правой стороне, идучи от города к решетке»**

(с. 90-91) и **«От города, идучи в Бережную улицу в решетку налево»** (с. 97-98). Сравнение этих названий и позволяет говорить о двух сторонах одной и той же Большой улицы.

Название улицы «Большая» свидетельствует о ее размерах. Но поскольку на правой стороне стояло всего 12 дворов, а на левой – 9, возможно, название относилось не к длине, а к ширине улицы. Если обратиться к плану Костромы 1781 года, мы видим, что почти от Ильинских ворот Кремля к Волге, в Нижнюю Бережную улицу, направлена прямая, вероятно, именно Большая улица. Справа от нее, у стен Старого города, согласно Писцовой книге, находилась 2-ая Стрелецкая слобода (с. 338).

На улице проживали беднейшие представители посада – 1 «худой» человек, 9 «добре худых» и 5 «бобылей». Они занимались разными ремеслами: сапожным – Любимка Деев и Богдашка Кучин, рукавишным – Федка Иванов, плотницким – Ивашка Михайлов. «Животинным пастухом» был Минка Стареченин, извозчиком – Ондрюшка Жагря, четверо промышляли работой. Все дворы в улице числились на черной земле, кроме одного – на белой земле жил дьякон церкви святого Ильи Пророка в Русиновой улице Алексей Григорьев. Черным двором владел здесь и служба кремлевского Крестовоздвиженского монастыря Сысойка Овдокимов. На улице ютились две кельи нищих Демки Тиханова и вдовы Огафьицы Бузуновой, которые «кормятца Христовым именем».

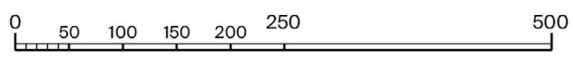
На Большой улице дворами владели выходцы из других городов: «любимец» Харка, то есть выходец из Любима – города, который являлся в то время пригородом Костромы; крестьянин «с Пеня» Антипко Прокофьев; а также «плесенин» – житель тоже костромского

КОСТРОМА

Топография улиц и переулков XVII века

Масштаб в дюймах 250 саж.
в 1 мм 10 саж. 1 саж. = 2,13 м

План улиц и переулков посада на Дебре.

Плеса – Сидорко Андреев, который «солод растит». Первые двое были взяты посадским миром «на поруку» с указанием – «двор продать тяглу человеку», а самим «итти» жить в родных местах. Посадская община строго следила, чтобы дворы не пустовали и ими владели не «чужаки», а «костромитяне», тянувшие со всем «миром» общее государево тягло. Примером такого посадского двора, возвращенного в тягло, был двор на левой стороне Большой улицы мясника Мишки Иванова (с. 97). Хозяин двора Елистратка овчинник «сшол к Москве в 135-м году» (1627 год), затем здесь жили «стрелцы Митка да Ивашка Микитины», и тогда этот двор, как стрелецкий, был изъят из общих государевых податей костромского посада. Но в 1628 году братья стрельцы получили землю под дворы и огороды в 1-ой Стрелецкой слободе (с. 338), а двор в Большой улице был продан мяснику.

О том, что улица Большая находилась на возвышенности – горе, говорит следующее за ней название местности – **«Идучи из решетки з горы на Дебрю»** (с. 91), то есть от решетки, которой заканчивалась Большая улица, спустившись с горы, можно было попасть в Дебринский посад. Длина этого перехода составляла около 50 саженей, то есть чуть больше 100 метров. В 1628 году на спуске к Дебре стояло всего 2 двора, но размеры их с огородами были значительными – 29 на 26 саженей (62 на 55 метров) и 21 на 15 (45 на 32 метра). В од-

ном дворе был даже «садок». Оба владельца дворов относились к категории «добре худых» людей, один из которых Гаврилка Сергеев был «красилником», т.е. был связан с покраской кож.

Из Большой улицы можно пройти в Нижнюю Бережную, само название которой говорило о ее расположении вдоль Волги, по бечевнику (пространство земли по берегу реки для бечевой тяги судов и плотов). Волга в то время была более узкая, чем в настоящее время, и бечевник широкой песчаной полосой тянулся вдоль реки. Описание под названием **«Ниже Кремля города на Дебри в Нижней Бережной улице»** (с. 37) дополнялось несколькими небольшими местечками, расположенными на берегу реки и называемыми просто **«У Волги на берегу»** (с. 94-95, 95, 96-97).

В Нижней Бережной улице, видимо, односторонней, располагалось 12 дворов, по протяженности она была небольшой, чуть больше 500 метров. Большинство владельцев дворов занимались производством съестных продуктов: мясник Кондрашка; калачники Богдашка и Назарко; калачник Васка Евтифеев не только пек калачи, но и «по старине» владел половиной торговой лавки в Калачном ряду (с. 198). Здесь же жил рыбак Васка Сопя, а также семейство Ермолиных солодеников, растивших солод, применявшийся в винокурном и пивоваренном производствах. Главный из Ермолиных – Митка – имел торговую лав-

ку в Солоденом ряду Нового города, которой владел по купчей; а «по старине» ему принадлежал в Мучном ряду «онбар», перед которым находился «полок» для торговли калачами (с. 221, 230). Ермолины и три члена семьи Бузуновых – торговцев солью, принадлежали по своему имущественному положению к наиболее состоятельной категории посадского населения – к «средним» людям. Остальные жители улицы относились к «худым» и «добре худым» людям. Среди ремесленников других специальностей названы три «шапошника» – Аристок Семенов да отец с сыном Харитоновы, и два мыльника братья Ивашка и Любимка Бузуновы.

Далее на берегу Волги было описано три участка, где стояло 14 дворов с огородами, числился один «огород отхожей», купленный Федкой Вавиловым, проживавшим рядом в Широком переулке (с. 48), и одно место пустое, владелица которого вдова Домница Фокина жила у своего племянника Ивашки Фокина в Манихине переулке на Дебре (с. 44). Жилыми дворами владели промысловики «добре худые» люди, в большинстве своем связанные с кожевенным производством: дуботолки Гришка Артемьев, Ивашка Заглатка и Якушка Ларионов; строгальники Родионка Кособрюхо, Исайка Якимов по прозвищу Спорыш и Куземка Иванов, торговавший с полока в Мясном ряду, расположенном «от Гостиного двора, идучи к Воскресенским воротам подле городские стены» (с. 197).

На берегу Волги проживали многие «приходцы», то есть пришедшие из других городов: «любимец» Гришка Артемьев и «ржевитин» Якушка Ларионов, «торопченин» Исачка Лукьянов, но им посадский мир не предписал уходить в свои города. Видимо, они прижились и платили «всякие государевы подати и мирские розметы и службы с посадскими людьми в ряд». Одним двором владел выходец из костромских земель «красноселец» Якимка Сергеев, который «портное делает», а трем – бобыли, кормившиеся в миру работою.

Один из дворов на берегу реки Волги принадлежал «молотчим» людям братьям «Иванке, да Назарке, да Богдашке Сидневым», кото-

рые были «переведены к Москве в суконную сотню», и потому «тягла по государове грамоте с того двора с посадом не тянут». В Костроме торговыми заведениями они не владели. Суконная сотня относилась к привилегированной корпорации торговых людей, третьей по значению и богатству, после гостей и гостиной сотни. Членов ее не случайно называли суконниками, поскольку они занимались внутренней торговлей сукном, освобождались от общепосадских податей, но не имели права покупать вотчины и свободно выезжать за границу.

В непосредственной близости от Волги, вторым рядом выше Нижней Бережной улицы, параллельно Волге почти до реки Черной, тянулся **Чулков переулочок** (с. 38-43, 91-94). Он описан обоими подьячими и назван ими то «Чюлков», то «Челков». Переулочок был двусторонним, о чем говорят владения мыльника Будайки Халезева: его «огородное местечко» лежало напротив его двора с огородом – «против его ворот в длину по переулочку 11 сажень».

Первый писец прошелся по левой стороне переулочка по направлению к реке Черной и начал описание с первого двора Халезева, а второй писец – по правой, ближней к Волге. Некоторыми своими участками правая сторона переулочка выходила непосредственно к реке, о чем свидетельствуют данные Писцовой книги. Например, здесь стоял мирской двор: «на нем ставятца приказные люди и посланники», с погребницей (кладовая над погребом или ледником, предназначенная для хранения продуктов, требующих прохладного, но сухого помещения) и огородом, длина которого измерялась «с краю от Волги». Причем стоял мирской двор рядом с «огородным местечком» Будайки Халезева. Через три двора после мирского, жил шелковник Дружинка Калинин сын, огородишко которого находился «у реки у Волги на берегу». Кроме того, в середине переулочка вторым писцом названа «винокурня государева», стоявшая «у Волги на берегу, а места под нею 23 сажени, а поперег 6 сажень с четвертью». Невдалеке, на месте дворовом, стоял еще и государев кабак – «изба да онбар».

Любой переулочок по сравнению с улицей имел второстепенное и соединительное зна-

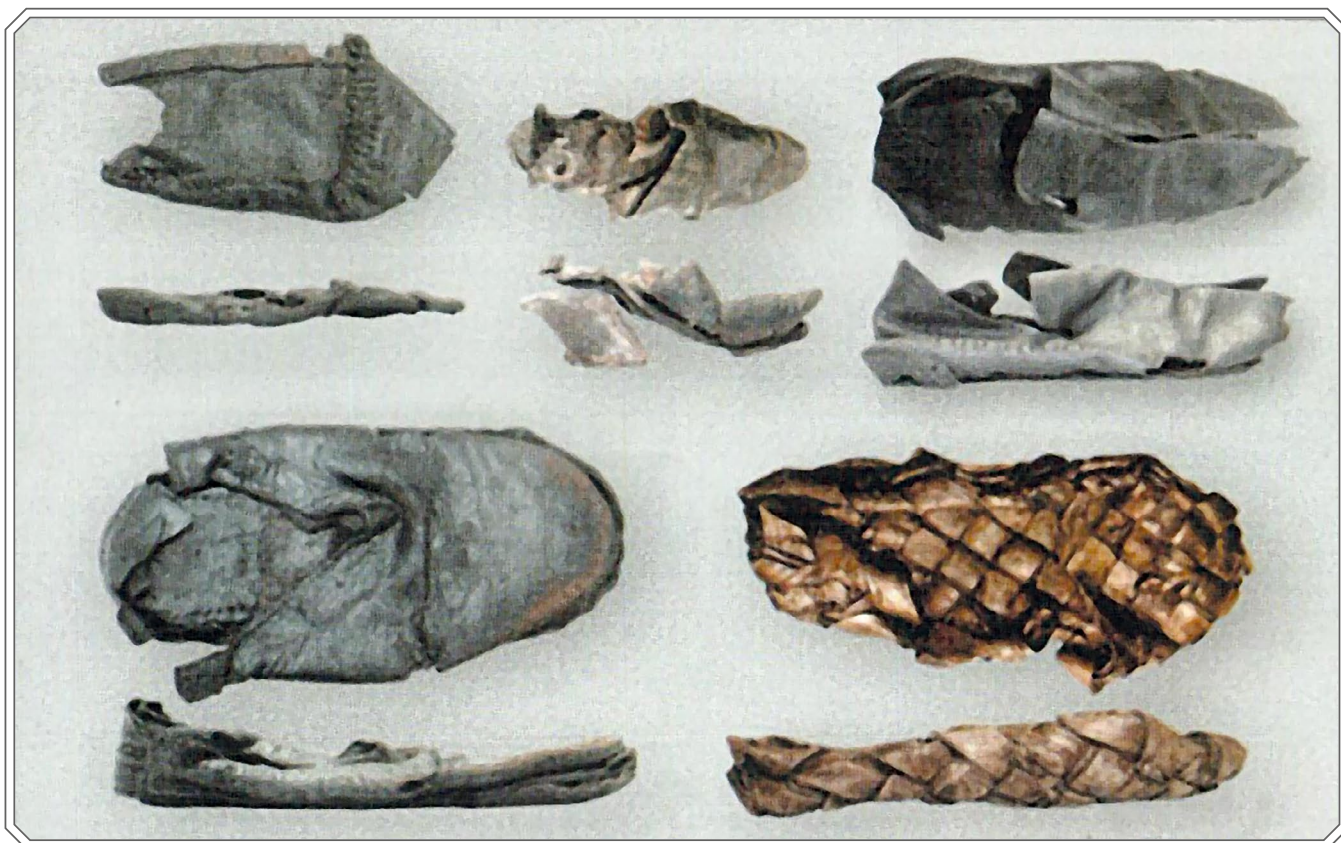
чение, но Чулков переулочк выделялся не только среди переулочков, но даже и среди костромских улиц: по протяженности и по количеству стоявших в нем посадских дворов он был в Костроме самым крупным. В Чулкове переулочке насчитывалось 102 жилых двора на черной земле; 2 двора на белой земле; 2 дворишка нищих и одно место пустое. Если сложить длину всех дворов с огородами в Чулкове переулочке и разделить на две стороны его, то получится протяженность его около 3 километров. Длина Чулкова переулочка получалась огромная! Примеряясь на современную карту Костромы, Чулков переулочк располагался параллельно улицам Лесной и Нижней Дебре, между ними.

Из более сотни посадских дворов 66 были связаны с кожевенным ремеслом. Здесь проживало 42 кожевника: о них записано – «делает белье кожевное», «делают кожи»; 10 «строгалников», 3 дуботолка; 11 мастеров, использовавших кожи в своих промыслах – 5 сапожников, 3 подошвеника и 3 рукавишника.

Все эти мастера были задействованы в долгом процессе обработки кож, в ряде дробных операций по очистке, вымачиванию, дублению, вытягиванию, разглаживанию и окрашиванию кож.

Чулков переулочк по праву можно было бы назвать «кожевенной» слободой Костромы. Даже его название было связано с редкой в то время продукцией кожевников – чулками из тонкой кожи, которые считались мужской одеждой. Хотя в самом Чулкове переулочке чулочников не названо, но в Костроме они были: в Калачном переулочке двором владел «чюлошник» бобыль Давыдка Хряпа (с. 110), а в Покровской улице жил варежник Стенка, который «делает рукавишное, вареги и чюлки» (варегами называли вязаные рукавицы, поддеваемые под кожаные) (с. 57).

В Чулкове переулочке владело дворами самое большое количество посадских людей, относившихся к богатым верхам костромского посада – 4 «лутчих» человека и 8 «средних».

Кожаная и берестяная обувь, найденная при археологических раскопках в районе Торговых рядов костромской организацией «Наследие».

Большинство из них делали «кожевное», то есть были заняты в кожевенном производстве. Среди «лутчих» людей названы Ивашка Матвеевич Рубцов с братом Овдокимкой, которые торговали, «отъезжая, болшими свалными товарами». Братья в Суроском ряду «по государеве грамоте и по даной» владели лавкой «о трех замках», а в Сапожном ряду – лавкой по купчей (с. 201, 234). Другой «лутчий» человек – «Обрам – сырейщик», проживавший на правой стороне улицы, хоть и был переведен «оброком к Москве в Гостиную сотню», но продолжал владеть торговыми лавками в Костроме: в Рыбном ряду он имел лавку «по старине», а в Соляном ряду – по купчей (с. 207). Как и суконники, торговые люди Гостиной сотни не имели права свободного выезда за границу и приобретения вотчин, но они освобождались от государева тягла, накладываемого на посадских людей, и за усердную службу могли быть пожалованы «гостиным именем», то есть получить жалованную грамоту, подняться выше и перейти в разряд гостей.

Но некоторые «лутчие» люди в переулке – «Федка Загостка» с сыном Меркушкой; Степанко Опалихин; и «средние» – Филипко Переславцов с братьями Михейкой и Логинкой; Гришка Шеленин; Матвейко Белеково и семья Белогубовых – «Васка Большой, да Васка Меньшой, да Пятунка», были сосредоточены на выделке кож и торговлей не занимались, Писцовая книга не фиксирует владение ими торговыми лавками и скамьями.

Но все же большая часть жителей Чулково переулка относилась к беднейшим слоям костромского посада – 32 «худых» человека и 47 «добре худых». Они занимались разными ремеслами, многие торговали. Пройдемся с вами по переулку и вслед за писцами познакомимся с его жителями. Первый его дворовладелец, знакомый нам «молотчей» человек Будайко Халезев был мыльником и владел лавкой по купчей в Мясном ряду, тянувшемся от Гостиной двора к Воскресенским воротам возле городской стены» (с. 197). Живущий рядом солодник Митка Мурзин был взят по патриаршей грамоте в Никольскую слободку, расположенную за рекой Волгой. О двух масленниках

было записано, что Ондрушка Тюрюкин вел торг со скамьи в полках масленых у Спасского монастыря (с. 240); а Мишка Ильин жил в переулке на церковной земле стоявшего рядом деревянного храма с двумя престолами – в честь Сретение Пречистые Богородицы иконы Владимирские и Чудотворца Николы.

Исачка винокур с сыном Онашкой занимались промыслом: «вино курят на государев кабаке»; ветошник Фомка Третьяков в Ветошном ряду владел лавкой по старине (с. 209); Гришка Тамирин промышлял торговлей «плохими сукнами и мелким товаром».

В следующих дворах соседствовали рыбники Гришка Павлов и Ивашко Железный Колпак, владевшие лавками в Рыбном ряду (с. 208); чуть подальше – тоже торговец рыбой Юшка (Юрья) Суровцов, у которого было две лавки в Рыбном ряду и лавка в Соляном (с. 208, 210, 206). Возможно его брат Богдашка Суровцов, живший поблизости, занимался писанием икон. Иконописцами были и братья Поповы во главе со старшим Петрушкой, имевшие лавку в Соляном ряду (с. 200).

На этой же левой стороне переулка проживали: мыльник Григорий Хаимин, торговавший в двух лавках в Мыльном ряду (с. 208); солодник Наумка Семенов; «судовой ярыжной» Дмитрейко Каленов. Ярыжными называли представителей беднейшего посадского населения, занимавшихся наемным физическим трудом; а судовыми ярыжными были грузчики, бурлаки, гребцы на речных судах.

Далее по переулку стояли в ряд дворы промысловиков, делавших кожи и изделия из них, некоторые из которых владели лавками в торговых костромских рядах: строгальник Федка Целенин – в Соляном ряду (с. 200), подошежник Левка Семенов – за Сапожным рядом (с. 238); Ортюшка Скорняков – в Соляном и старом Рукавишном рядах (с. 200, 222). Кожевники Куземка Прибылово с сыном Ермолкой вели торг в лавке Рукавишного ряда (с. 222); Гришка Толстов получил место под лавку в Соляном ряду (с. 200); Бориска Жерин торговал с места лавочного в Красильном старом ряду (с. 220).

Проживали в Чулково переулке реме-

сленники и других специальностей: холщевник Данилко, делавший холсты; плотник Томилко Лукьянов, мешилник Обросимко Ворона, возможно, шивший холщевные мешки. Два двора напололам занимали работные люди Демитко Говырин и Логинко Филатов, Федка Михайлов и Ондрейко Васильев, причем последние были записаны, как «приходцы». Еще два жителя других городов – ржевитин Еремка Ондреев с сыном Кондрашкой, возможно, житель города Ржева, и рымжанин Васка, возможно из Рыбинска, оба рукавичника, записаны были в костромской посад как «добре худые» и «худые» люди и тянули посадские подати со всем костромским миром.

Особо хочется отметить владения «молотчева» человека Ивашки Петровича Беляева, который имел дворы здесь и на улице Ивановской. В Чулкове переулке двор числился за ним «по закладной» от Василья Власьева, как временно заложенная земля, которая при неуплате долга могла превратиться в числившуюся по купчей. Иван Беляев был выборным земским человеком (с. 362) и, как его родной брат Павел Беляев (с. 194-195), занимался мясным промыслом и активной торговлей: в Мясном ряду, тянувшемся от Гостиного двора к Воскресенским воротам, он с племянником Максимкой Наумовым владел лавкой по купчей (с. 196), а в Мясном ряду, шедшем к Благовещенским воротам, получил новое лавочное место под торговлю (с. 194).

Если на левой стороне Чулкова переулочка подъячие насчитали 77 дворов на черной земле, то на правой стороне – всего 25 посадских дворов. Меньшее количество дворов не означало, что земля пустовала: два места белых было выделено воротнику Завьялке Васильеву и площадному подъячему Илейке Гаврилову сыну Пушкарицыну. Кроме посадских людей черную землю здесь занимали пушкарь Гаврилка Перфильев по купчей и рассыльщик земской избы Ивашка Лаврентьев. Как уже отмечалось, именно на этой же стороне стояли мирской двор, земли под ним – 32,5 сажени и поперек 22 сажени; государев кабак – изба с амбаром, 16 на 12 сажени, и государева винокурня – «места под нею 23 сажени, а попе-

рек шесть сажени с четвертью».

Из ремесленников, связанных с изготовлением и обработкой кожи, дворами на левой стороне переулочка владели стригольник Ивашка Микитин, кожевник Степанка, по прозвищу Любимка, сапожник Федка Нос и рукавишник Тимошка Демидов. Кроме того, здесь жили ветошник Васка Дмитриев, кошкодав Нехорошка Иванов, шелковник Дружинка Калинин, а из производителей съестных продуктов – хлебник Антонка Ананьин, получивший напололам с бобылем Офонкой Сергеевым место под полк «меж колачных полков» у Никольских ворот (с. 242), и калачник Тимошка Иванов, торговавший с полока в Калачном ряду «у Воскресенских ворот» (с. 198).

Двором на правой стороне переулочка, в котором проживал хлебник Антонка Ананьин, владел Мосей Панов, история которого как предпринимателя была довольно интересна. В Кремле, на улице от Спасских ворот, он имел осадный двор, в котором жил дворником щепетильник Еремка Кондратьев (с. 20); на Исаковой улице в Новом городе, рядом с осадными дворами своих братьев Петра, Родиона и Степана, Мосей владел двором с огородом на черной земле (с. 32), а в Ивановской улице, «идучи от города по левой стороне» тоже на черной земле был у него двор, в котором жил дворник Ивашко Захаров (с. 118). Кроме земли в посаде, Мосею Панову принадлежала лавка по закладной в Скорнячном ряду, и «подле тое лавки два полка колашные ево ж» (с. 225). Все владения, с которых он платил подати, были оставлены за ним, а вот все, чем Мосей Панов владел «самовольством, без государева указу» – амбаром, пятью полками и местом лавочным «у Спасского монастыря», где «бывал старой Иконной ряд» – были у него отобраны и розданы посадским людям в оброк: 4 места под полоки, одно место крупнице вдове Матренке под скамью, одно место возвращено под лавку иконнику Данилке Гаврилову «как старое ево лавочное место». Предприимчивый Мосей Панов не только лишился торговых мест, которые он сдавал «в оброк» себе «в мошну», но с него было «по государеву указу доправлено на прошлые годы оброчные денги и отосланы

к государю в Костромскую четь» (с. 202-203).

Описания Чулкова переулка знакомит нас с новыми понятиями, сложившимися в это время – XVI-XVII вв.: в одном из дворов кожевника Замятенки Онурьева проживал подсосудником зять его дуботолк Семенка Ондреев. Подсосудники, они же захребетники, относились к разряду вольного населения, не приписанного ни к служилым, ни к посадским людям. Они чаще всего не упоминались в писцовых книгах, не несли государевых повинностей и не платили податей; пользовались свободой передвижения, жили работой по найму во дворах тяглых людей, за чужим «хребтом», отсюда и их название.

В Чулкове переулке стоял первый из четырех приходских церковных комплексов, упоминаемых в посаде на Дебре. К 1628 году от двух храмов здесь сохранилась лишь трапезная теплая церковь «древена клецки» с двумя престолами: «Сретение Пречистые Богородицы иконы Владимирские да чудотворца Николы». Рядом когда-то возвышалась главная холодная «церковь Вознесение Господа Бога и Спаса нашего», которая к этому времени стала ветха, службы в ней не проходили, названа она была «местом церковным». Церковная утварь – иконы и книги, ризы и колокола, и всякое церковное строенье числились «мирское и приходных людей» (с. 271).

Здесь и далее, путешествуя по костромскому посаду, мы видим примеры всегда существовавшей на Руси традиционной приходской системы «двух храмов» – холодного и теплого. В холодном храме, согласно христианским канонам – главным, богослужение проводилось с поздней весны и до ранней осени, а в отапливаемой церкви, называемой часто зимней и трапезной, служили в холодное время года. Писцовая книга 1628 года часто не упоминает рядом с храмами о колокольнице, но среди церковной утвари называет колокола. Поэтому можно сказать, что в церковный комплекс входила колокольница и расположенное рядом, обязательно упоминаемое в документе приходское кладбище.

Место Вознесенского храма помогает определить расположение Чулкова переулка.

Сегодня мы знаем, где стоит возрожденный Вознесенский каменный храм, построенный на месте деревянного в 1654 году: это небольшой Мельничный переулок, связывающий проходящую вдоль Волги улицу Лесную и расположенную выше ее и параллельно ей Нижнюю Дебрю. Подтверждением того, что церковный комплекс стоял в начале XVII века в Чулкове переулке и что именно здесь пролегал Чулков переулок, могут служить следующие документальные данные: на правой стороне переулка, на черной земле четвертым по счету располагался двор вознесенского дьякона Панфила Михайлова (с. 92), а на левой стороне, напротив двора дьякона, на земле, принадлежавшей Вознесенской церкви, жил масленик Мишка Ильин (с. 38). Следовательно, именно здесь, в Чулкове переулке, тянулась на 35 сажень в длину и 22 сажени поперек церковная с кладбищем земля. Рядом же стоял двор с огородом служившего в храме попа Семиона (с. 271), а в начале переулка двором на черной земле владел дьякон этой церкви Панфила Михайлов (с. 92).

Два переулка, следующие за Чулковым, были небольшими, дворы располагались по обе стороны их. Оба переулка вели к Волге, возможно, от Чулкова переулка, или пересекая его. По ним прошелся только второй писец. Описание дворов в них он проводил в определенном порядке: первоначально проходил по левой стороне переулка, идя к реке, а затем – по правой, от Волги. Эти описания сторон первого переулка вошли в документ под такими названиями: **«В переулке к Волге»** и **«В том же переулке от реки по правую сторону»** (с. 95,95-96). На левой стороне числилось три двора жилых – строгальника Тимошки Власьева и дуботолков Титки Васильева и Куземки Макеева; дворишко нищего и место пустое. По правой стороне стояли два посадских двора вдовы Марфицы и кожевника Вавилки Веселухина, а также два места дворовых, один из которых был льготным. Вдове «Катеринке Третьяковской жене Благушина и сыну ее Уварку» посадским миром были даны «льготы на три годы со 137-го году по 140-й год», то есть с 1629 по 1632 год. Двор этот был

«в споре» Катеринки со священником храма Стефана Сурожского Семионом Федоровым, и выборные посадские люди, «по допросу», попу Семиону во владении двором отказали, а Катеринке, так как она двором «владеет по старине», указано было двор поставить и «как те лютные годы отойдут, и им с того двора государевы подати платить с посадскими людьми в ряд, чем ево миром обложат». Поручителями «в дворомом строенье и в податех» выступили три костромских посадских человека – дегтярь Юшка Семенов и два строгалника Богдашка Злобин и Тимошка Власьев, проживавшие тут же, на Дебре (с. 42, 95). Вторым местом дворовым владел «по старине отца своего» посадский человек Офонка Седелников.

Второй переулочек назывался Лисичников и был внесен в Писцовую книгу так: **«Переулочек Лисичников, идучи от Волги налево» и «От Волги, идучи направо в Лисичникове ж переулке»** (с. 98, 99). В нем стояли с левой стороны один двор жилой и двор нищего, а с правой – два черных двора. Жили в них рукавичник Мишка Толстопячихин, портной мастер Игонка Петров и пекущий хлеба Офонка Сергеев, получивший пополам с хлебником Онтонкой Онаныным место под полоч «меж колачных полков» (с. 242). По своему имущественному положению они относились к самым беднейшим слоям посадского населения – «добре худым» людям и бобылям.

Поскольку далее в Писцовой книге шло описание посадских дворов «у Николы Мокрово», можно предположить, что все упомянутые выше небольшие переулочки близ Волги, в том числе и Лисичников, были расположены до храма Николая Чудотворца, то есть чуть выше по течению реки. Да и сам Лисичников переулочек стоял в непосредственной близости от церкви.

Описание посадских дворов **«у Николы Мокрово»** (с. 98) означало расположение их близ деревянной церкви «чудотворца Николы» на берегу реки Волги. Здесь стояло всего два жилых двора, которые принадлежали «добре худым» людям, один из которых, Микифорка Иванов, делал «строгалное», а другой, Михалка Офонасьев, – «белые кожи».

«Никола Мокрый» в посаде на Дебре – это второй церковный комплекс, состоявший из двух деревянных клецких храмов: главной церкви чудотворца Николы с двумя приделами: «Аврамия Ростовского чудотворца да Сергия преподобного чудотворца» и трапезного храма в честь Рождества Христова (с. 272). Святой Николай Чудотворец считался покровителем моряков и путешественников, торговли и торговцев. И часто храмы, посвященные этому, особенно почитаемому на Руси святому, стоявшие на берегу рек, в народе называли Николой Мокрым. Не случайно главными строителями этого храмового комплекса, вкладчиками икон, свечей, книг, риз, колоколов на колокольнице были костромские посадские люди, единственные имевшие высший торговый статус «московских гостей» – «Второв Озеров и сын ево Иван», жилой двор которых, как было уже отмечено, стоял в Брагине улице в Новом городе. Церковной земли с кладбищем вокруг храма было 22 на 16 саженей. Здесь же стоял двор с огородом храмового священника Алексея Иванова.

В посаде на Дебре преобладали переулочки и места, названия которых повторяли часто близкие топографические элементы местности. Именно это позволяет нередко определять их местоположение. Иногда помощь оказывают сохранившиеся до наших дней названия некоторых улиц и переулочков. Например, храм Николы Мокрого, перестроенный в камне в 1734 году, числился в XIX веке на углу Никольского переулочка, первоначальное название которого – Ляпухин – сохранялось в памяти старожилов. Следовательно, Ляпухин переулочек в 1628 году проходил рядом с церковью Николая Чудотворца и тянулся, возможно, как и современный Короткий (Никольский переулочек был переименован в Короткий в 1924 году), от улицы Боровой (современной Нижней Дебри) до Бережной (современной Лесной). **«В переулке Ляпухине»** (с. 100-101) числилось всего 4 посадских двора и 1 келья нищего, стоявшая на половине жилого двора. Дворы принадлежали дуботолку Наумке Васильеву, войлошнику Ивашке Кондратьеву, и Первушке Иванову, который «делает из найму у строгалников».

Документы XVII века все чаще упоминают на посадах наймитов – людей, часто разорившихся и вынужденных наниматься на разные работы. О них писали: «кормится» и «промышляет работаю», или «работный человек».

С Лисичниковым переулком соседствовал еще один переулочек, описание которого составили оба писца под такими названиями: **«Переулочек Широкой, идучи из Боровья улицы к Волге»** (с. 48-50) и **«На вымле на Широком переулке»** (с. 98-100). Об их близком расположении говорят такие данные: двое «средних» людей – Петр Ознобихин с сыном Иваном, проживавшие в Широком переулке и владевшие здесь двором с огородом, имели еще один огород в Лисичникове переулке. Второй огородец назван не «отхожей», то есть расположенный вдали от жилого двора, а «к тому же двору», то есть лежавший вблизи дома, но в соседнем переулке (с. 49).

По Широкому переулку можно было пройти из Боровой улицы, которую можно соотнести с современной Нижней Дебреей, к Волге, где дворы стояли прямо «на вымле». Слово «на вымле» означает вымоину, образованную рекой или оврагом. Здесь названа вымоина на берегу Волги в месте, где Широков переулочек упирался в реку. Переулочек был довольно большим, в нем стояло 47 дворов, владельцы которых, в большинстве своем, были связаны, с выделкой кож и изготовлением из нее разных изделий: здесь жили кожевник Елка Макаров, трое строгальников, два дуботолка, шапошник Дмитрийко, сапожник Гришка Иванов, два рукавишника и два шубника. Здесь стояла кузница Ефремки Ключа, из других ремесленников дворами владели: Ортемко однорядочник – портной мастер по шитью широкой, распашной одежды без подкладки, с длинными откидными рукавами; Кирилка коновал, войлочники Ларка Иванов и Любимка Онцыфоров.

Часть дворовладельцев промышляла изготовлением продуктов питания: калачники Терешка и Зиновка, короваечник Пятунка, луковники Васка с братом, масленик Ивашка Максимов, владевший лавкой в Красильном ряду (с. 224) и получивший вместе с братом Ортюшкой «место под полки» для торговли

за Воскресенскими воротами Нового города (с. 247). Промышляли торговлей «добре худой» человек Агейко – «торгует ветошью»; «худой» человек Ивашко Грязново торговал «москотильным товаром». И только торговля «средних» людей отличалась большим размахом: «Петрушка Ознобихин да сын его Ивашко» (с. 49, 201), Дружинка Лутошкин (с. 49, 207) торговали «в лавках за москотильным и иным мелким товаром», а также «отъезжая, болшими свальными товарами». Кроме того, Иван Ознобихин на месте Старого Рыбного ряда, «по Брагине улице к Предотечи», получил наполовину с Иваном Боландиным место «под запасные онбары» (с. 244). О занятиях 20-ти дворовладельцев этого переулочка писцы никаких записей не оставили.

За Чулковым переулком в документах первого писца следовало описание 26 посадских дворов **«От Манихина переулочка»** (с. 44-46). Где был расположен этот переулочек, в начале или конце посада на Дебри, помогает определить текст Писцовой книги: «сразу за Манихиным переулком следовала местность под названием «От реки от Черной, идучи к Боровой улице по обе стороны». Река Черная, впадавшая в Волгу, была уже концом дебринского посада, и левый ее берег считался расположенным «под Костромую ж» (с. 339), то есть за посадом. По количеству дворов этот переулочек превосходил многие костромские улицы, что говорит о его протяженности. Манихин переулочек, так же, как и Чулков, не назван, как «идучи к Волге», на нем не было дворов и огородов, выходивших на реку, поэтому можно предположить, что он тянулся, по направлению к Черной речке, параллельно Волге, возможно, чуть дальше от Волги, чем Чулков переулочек.

По своей ремесленной специализации, живущие здесь посадские люди схожи с владельцами дворов Чулкова переулочка. 16 мастеров были связаны с кожевным промыслом: чаще всего это мастера широкого профиля – 11 кожевников, и более узкие специалисты – 4 строгальника и 1 дуботолк. Кроме того, в этом переулке насчитывалось 7 «войлошников» – ремесленников, изготавливавших войлок – ма-

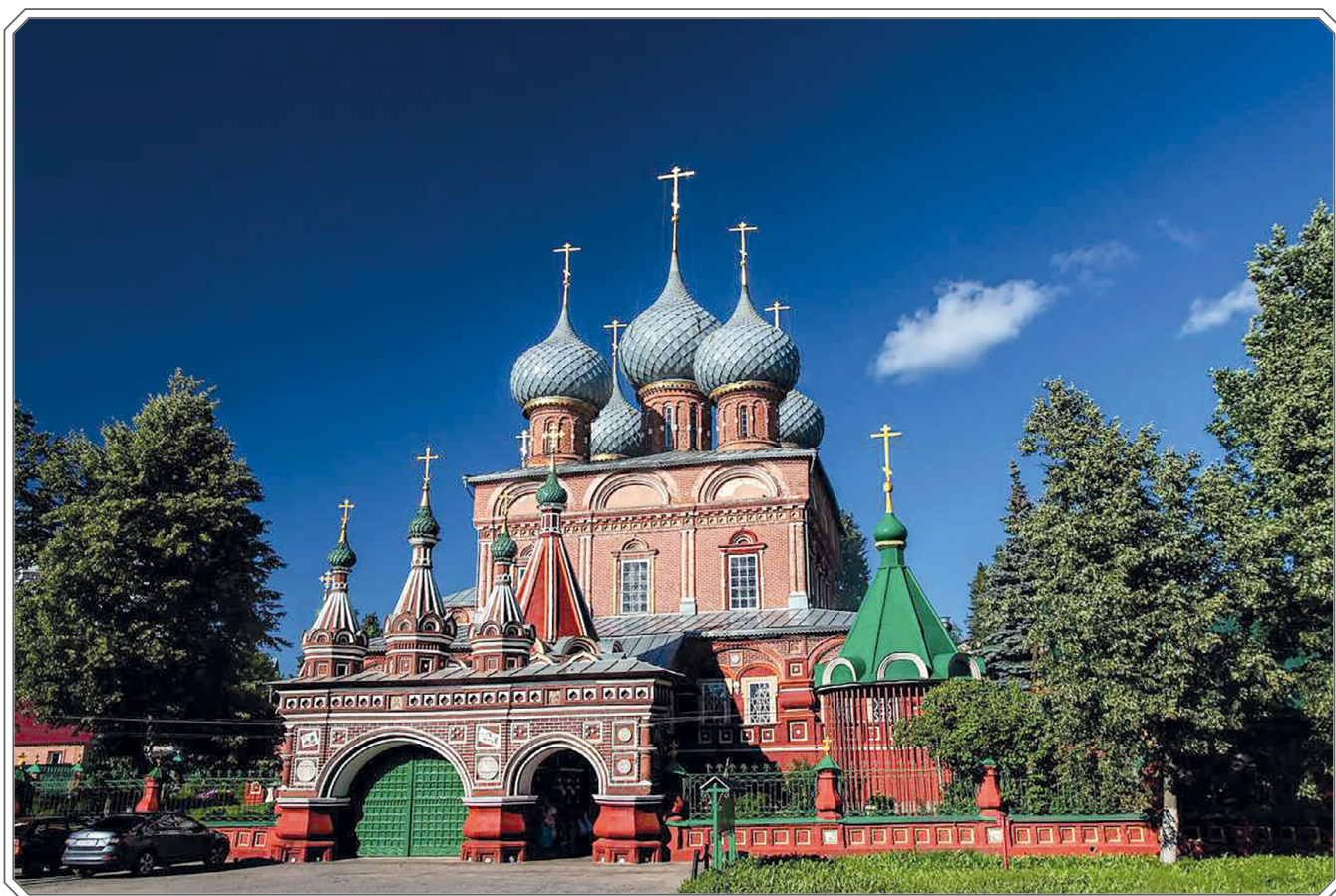
териал, получаемый древним способом валяния шерсти животных, в основном овец. Войлоковальня была исключительно мужским трудоемким делом: шерсть раскладывали на доске, понемногу и непрерывно ее поливали горячей водой, а двое крепких мужчин устраивались друг против друга около доски и ногами двигали по ней ткань, то к себе, то от себя, при этом образовывался тонкий слой, похожий на тонкий войлок. Из свалянного материала изготавливали валенки, шляпы, потники под седла, разные ткани, и, прежде всего, широко используемое сукно и сермягу.

В Манихине переулке проживало тоже большое количество зажиточных людей, как и в Чулково переулке, – 5 «лутчих» и 2 «средних». Все они происходили из среды кожевников. Одни просто занимались кожевным промыслом, другие, как Кондратей Опалихин, Емельян Григорьев сын Исаков и семья Му-

дростиных «кожевное делают» и «торгуют, отъезжая, болшим свальным товаром».

Семья «лутчих» людей Мудростиных – «вдова Онисья Офонасьевская жена Мудрустина да дети ее Василий да Олександро» владели лавками в Солодомом и Скорнячном торговых рядах, а в районе под названием «на наместничьем на дворовом месте», близ Русиновой улицы, имели второй посадский двор, положенный в государево тягло «против молодчих дворов», то есть подати семья платила с этого двора не как «лутчие», а в уменьшенном виде, как «молодчие» (с. 45, 219, 225).

Проживавший в Манихине переулке «лутчий» Емельян Григорьев Исаков приходился родным братом Кириллу Григорьевичу Исакову, взятому в Москву в гостиную сотню, на средства которого, как известно, был построен стоявший поблизости каменный храм Воскресения Христова на Дебре. Большинст-

Церковь в честь Воскресения Христова на Дебре. Построена в середине XVII века.

вом лавок в костромских торговых рядах братья владели на двоих, или со своей матерью вдовой Катериной – в Мясном, в Новом ряду, в Новом Суконном, чаще всего это были владения по купчим грамотам. Дополнительно Емельян Григорьевич получил место под «онбары и под лавки» в Новом городе, там, «где бывал Старой Рыбный ряд». Учитывая заслуги этой семьи и самого Емельяна Григорьевича – «человек он промышленной – делает кожевное», посадский мир выделил ему пустое место на улице Боровой, у реки Черной, «для его тесноты на огород, что у него у двора огородцу нет несколько, из двора учинить огорода не из чево, место тесное» (с. 45, 103, 195, 205, 210, 244).

Юго-восточной окраиной посада на Дебре была река Черная, где 2-м подъячим описаны местечки под названием: **«Идучи от Черной направо»**, **«Идучи от Черные направо»** (с. 100) и **«От Черной, идучи налево»** (с. 101-102). В описании дворов в этой местности появляется новый костромской топоним – река Черная, левый приток Волги, вероятно, в то время более полноводная, чем сейчас. Все описанные дворы в окрестностях реки расположены на правом берегу реки Черной при впадении в Волгу. Левобережье Черной значит «под Костромою ж по конец посаду». Известно, что в настоящее время русло Черной речки частично прослеживается на поверхности Костромы, хотя большая часть реки течет по подземному коллектору. Начинаясь в районе современной улицы Зеленой, Черная речка пересекала бы улицы Юрия Смирнова, Шагова, Свердлова, Никитскую, Советскую в районе площади Конституции, затем – Гагарина и впадала в Волгу, что и сейчас можно наблюдать, не доходя до Татарской слободы. Здесь, уже под землей, в Черную речку впадает ее приток – речка Суботка. Речка Суботка упоминается в Писцовой книге при межевании посадской земли и «помесной земли Семена и Ондreja Дружининых детей Аристовых» вблизи «Плеской дороги» (с. 356-357).

В Писцовой книге эти местности – «идучи от Черной направо» и «налево» – не названы улицами или переулками. Все три участка опи-

саны отдельно друг от друга, и, судя по числу дворов в них, это были небольшие переулки, идущие направо и налево от реки Черной. Но все же это были заселенные в 20-30 годах XVII века посадские территории, и можно не согласиться с авторами справочника «Улицы Костромы», которые писали, что застройка района после Воскресенской на Дебре церкви проходила во второй половине XVIII века (с. 37). Более того, еще в начале XVII века была многолюдной и левая сторона реки Черной, где стояла слободка Арыпова, в ней числилось 46 дворов, ныне превратившихся в места дворовые, а сама слободка – в полянки пашенные посадские (с. 339).

Всего направо от речки Черной числилось 6 жилых дворов и 1 двор «пуст»: «вдовы Марфины Прохоровские жены масленика», с таким уточнением «сошла безвестно во 136-году от должников» (с. 100). Владельцами дворов были войлошник Крисанка Иванов, строгальник Левка Двоешерстнов, рыболовы отец с сыном Матвеевы и четверо работных людей. Кроме того, писцы называли две кельи нищих: Шумилки Григорьева и вдовы Оксиньцы Ефимовской жены, которые кормились «Христовым именем».

Налево от речки Черной стояло 12 дворов жилых и двор пустой, келья и двор нищих. Проживали в посадских дворах 6 строгалников – Сережка Осипов и Первушка Кузмин, Демидка Васильев и Якунка Иванов и другие; дуботолк Ивашка Степанов, «гладилщик» Окулка Олексеев, занимавшийся вытягиванием и разглаживанием кож. Все посадские, проживавшие здесь, были «добре худыми» людьми и «бобылями».

Третьим храмовым комплексом «в посаде на Дебре» в 1628 году числились две деревянные церкви: главная шатровая в честь Воскресения Христова с приделом мученицы Екатерины «вверху» и трапезная, клецкая, посвященная «Козме и Домьяну» с приделом «Христова мученика Еоргия страстотерпца» (с. 272). Церковная утварь и строение было «мирское приходных людей». Здесь же, рядом с храмами, проживали церковные служебники: поп Андрей и дьякон Логин. Именно с пере-

стройкой этого храма в камне связано одно из любимых костромскими экскурсоводами преданий о бочонке с золотом, пожертвованном на строительство каменного храма в 1645 году. Это золото вместо краски получил из Англии «лутчей» человек Костромы – «Кирилло Григорьев сын Исаков» – член привилегированной торговой Гостиной сотни (с. 46). В новой каменной церкви был устроен малый придельный храм во имя трех святителей, Отцов церкви – Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста, один из которых был небесным покровителем его отца. До освящения храма Кирилл Григорьевич не дожил, был погребен в церковном подклете, и по заказу брата его Емельяна Григорьевича Исакова был выполнен на-

Серебряный напестольный крест – вклад в Воскресенский храм на Дебре по душе Кирилла Григорьевича Исакова.

пестольный восьмиконечный серебряный золоченый крест, богато украшенный драгоценными камнями, с гравированной надписью на оборотной стороне: «Лета 7153 месяца июня в 20 день положен сий крест по рабу Божию Кириллу в дар Воскресению» (ЦИАМ БВП 327, КМЗ КОК 1464).

«По конец Дебри со всполья» стоял еще комплекс их двух деревянных клетских церквей с кладбищем: холодной во имя великомученика Стефана Сурожского и трапезной «великочюдотворца Николы». «В церквах образы, свечи, и книги, и ризы, и колокола, и всякое церковное строенье мирское приходных людей» (с. 273). Из церковных служебников назван священник Семеон Федоров, который владел безоброчно землями «по конец посаду» за рекой Черной, где была когда-то слободка Арыпова, а попом названо это место «пустошью Ковериною». Кроме того, «пахал степановский поп Семион» и полянку у реки Волги, которую священник получил «по душе» посадского человека Семена ярославца (с. 339).

В посаде на Дебре, кроме приходских храмов, находился и православный монастырь, о котором мы узнаем из названия местности, описанной вторым подъячим: «У Воскресенья за монастырем на горе на черной же земле» (с. 106-108). Писцовая книга не дает никаких подсказок об этом монастыре: женской это была обитель или мужской; какие земли занимал монастырь, кто его возглавлял, где проходили монастырские службы? На землях вокруг монастыря – на горе и рядом, в Шишеловом переулке, стояло 3 двора и 5 келий нищих, причем в двух из них проживали мужчины, а в шести – женщины. Но еще одним подтверждением существования здесь монастыря служит «колодезь на монастыре на монастырской земле», который делали посадские люди, живущие «около монастыря»,

но, по решению посадского мира, «колодезем владеть» и «вода черпать» всем вместе – «в вопче» (с. 106).

За Воскресенским монастырем возвышалась гора, где на черной посадской земле числилось 26 жилых дворов. Владельцы их занимались кожевенным и связанными с ним промыслами – 8 строгальников, 3 дуботолка, 3 рукавишника, один баранник Федка Шишкин, который «бораны делает красные», т.е. выделывает бараньи шкуры. Кроме того, здесь жили и трудились портной Исачка Калинин; мастер Сенка Бобынин, который «делает котелное»; двое работали «из найму по людем», а один торговал «от людей из найму». Они числились среди «худых» и «добре худых» людей, трое входили в разряд бобылей. Одно место дворовое, владельцем которого был Юрка Дехтев, посадское руководство передало кузнецу, «худому человеку» Наумке Белозеру «потому, что то место старое отца ево». Посадская старина, то есть происхождение из посадской среды, чтобы дед твой и отец твой были свя-

заны с этим местом, имели важное значение. Наумка обрел не только двор своего отца, но и получил двухгодичную льготу на обустройство этого двора, после чего он станет тянуть все государевы подати, «чем ево миром обложат». Во дворах, кроме огородов, встречается упоминание и о садах: «Двор вдовы бобылицы Манки Юрьевские жены Полозова. Да у нее ж в огороде садок». На дворовом тяглом месте, с площадью не многим более 300 квадратных метров, когда-то бывшем «Корниловское – строгальника», был устроен государев кабак.

Видимо, рядом с Воскресенским храмом находился «Переулк Шишелов» (с. 108-111), девять жителей которого, как и большинство в посаде на Дебре, владели ремеслами и промыслами, связанными с кожевным производством: 5 строгальников, кожевник, сапожник и два овчинника, один из которых, Ромашка Гаврилов, владел «по старине» местом лавочным в Сырейном ряду, «идучи от Волги налеве» (с. 111, 223). Промышляли здесь трое портных, плотник, калачник и масленник, а в конце Шишелова переулк двором владела повивальная бабка Маланьица. Два двора на черной тяглой земле занимали не посадские люди: «отставленной» ямщик Васка Клементьев, взятый посадским миром «на поруки» с предписанием, «что жить ему на яму», то есть в костромской Ямской слободе; а также крестьянин Шумилка Яковлев, который «бил челом государю, чтоб ему жить в посаде на тяглой земле. А он с посадскими людьми с того двора тягло тянет». Чем занимался Шумилка, не указано, но подати, положенные на его двор, платил исправно.

Двухлетнюю льготу «для дворового строения» получили двое жителей этого переулк – строгальник Матюшка Иванов и кожевник Евсютка Микифоров, по прозвищу Тугаринка, с сыновьями Федкою, Терешкою и Миткою. Обои дворами раньше владел архимандрит кремлевского Крестовоздвиженского монастыря Корнилей. Ему же раньше принадлежал и колодезь, который теперь был записан как «вопчей» Матюшки и Евсютки. Стояли в переулке два двора и три кельи нищих, среди владельцев которых преобладали женщины вдовы. Жители Шише-

лова переулк принадлежали к беднейшим слоям костромского посада – «худым», «добре худым» людям и бобылям.

Следующая местность «От реки от Черной, идучи к Боровой улице по обе стороны» (с. 46-47) не названа улицей или переулком, но имела четкие топографические координаты: начиналась она от реки Черной и тянулась к улице Боровой. Дворы жилые, а их было 21, стояли по обе стороны местности. В них проживало 20 мастеров, связанных с кожевным промыслом – 2 дуботолка, 9 строгальников и 9 кожевников. Только один из строгальников – Наумко Лукьянов – занимался ремеслом и торговал в лавке Рыбного ряда «на вымле» и в двух местах лавочных «за Сапожным рядом», все торговые места были приобретены им по купчим грамотам (с. 47, 207, 238).

Часть кожевников, проживавших здесь, была просто промысловиками – «средние» люди Гришка Золново и Тимошка Галкин, «молотчие» люди Овдокимко Стягов и Богдашко Маслухин, но другие не только делали «кожевное», но и торговали: Ивашко Галкин – в Соляном ряду (с. 47, 200), Родивонко Березин – в Хлебном, «идучи от Мясного ряда к Волге налеве» (с. 47, 234), Иван Савостьянов сын Хохол – в «Рукавишном старом» ряду (с. 47, 222). Про двух последних, относившихся к наиболее зажиточным слоям посадского населения, было записано, что промышляют отъезжим торгом «крупным товаром».

Здесь же, «идучи к Боровой улице», владел двором «лутчей человек» – «бобыл Кирилко Григорьев сын Исаков», вошедший в историю Костромы, как уже отмечалось, строительством каменного храма в честь Воскресения Христова на Дебре. Он, будучи членом привилегированной торговой Гостиной сотни – «с пяти денег переведен к Москве в гостиную сотню», связей с родным городом, где жила его мать вдова Катерина и брат Емельян Григорьевич, не терял. В рядах Мясном, Новом «против таможни», Новом Суконном, семья Исаковых владела 4-мя торговыми лавками: двумя по купчим и двумя «по государеве грамоте и по данной» (с. 46, 195, 199, 205, 210).

Улица Боровая, начинавшаяся в этих местах, шла почти от речки Черной к городу-

кремлю и заканчивалась у Каткиной горы. Второй писец так назвал ее: **«От реки ж Черной, идучи по обе стороны улицею Боровую к городу»** (с. 102-104). С какой современной улицей можно идентифицировать улицу Боровую? По данным авторов справочника «Улицы Костромы», Боровой Дебрей с XV по конец XVIII века именовалась современная улица Дзержинского (с. 23). Но это неверно. Согласно Писцовой книге 1628 года, будущая улица Дзержинского, проходившая вверху, по краю горы, тогда именовалась «улица из Ямские слободы через Борисоглебский монастырь к городу» (с. 111-113). А улица Боровая шла под горой, поэтому она соотносится с современной улицей Нижняя Дебря. О том, что улица Боровая проходила под горой, а гора располагалась справа от улицы, говорит название следующей местности: «Из Боровые улицы, идучи к городу направо к горе».

По протяженности Боровая улица была довольно длинной, но на ней стояло всего 18 жилых дворов, также было одно место дворовое льготное, двор пуст и одно место пустое, которое и было отдано под огород «лутчему» человеку Емельяну Григорьевичу Исакову, проживавшему здесь же на Дебре, в Манихине переулке.

Еще одно «место дворовое» на этой улице было отдано «худому» человеку Любимке Петрову сыну Дурыгину по данной грамоте как «старое отца ево». Любимка получил 2-х летнюю льготу и в течение этих лет должен был «двор строить», а потом «тянуть с посадскими людьми в ряд всякие государевы подати и мирские розметы и службы служить». Имя Дурыгиных, владельцев крупнейших в Костроме полотняных мануфактур конца XVIII века, хорошо известно в истории нашего города. Но в 1628 году, когда составлялась Писцовая книга, они относились к категории «худых» людей и только начинали обустраивать свои родовые гнезда.

Из других дворовладельцев на улице Боровой проживали по пять строгальников и

дуботолков, по одному кожевнику, рукавишнику, плотнику, извозщику, зелейщику и серебрянику. Двое кормились работою. Четверо из жителей Боровой улицы относились к «худым» людям, а 16 – «добре худым».

Последнее место в посаде на Дебре, описанное вторым подьячим, было **«Из Боровые улицы, идучи к городу направо к горе, жили на церковной земле»** (с. 104-105). Эта часть улицы Боровой находилась уже к концу ее, на участке ниже горы, на которой стоял Борисоглебский монастырь. Название местности и дальнейший текст Писцовой книги говорит нам о том, что описанные здесь 9 посадских дворов стояли на церковной земле. Поскольку упоминается «воскресенской поп Андрей да дьякон Логин», земля принадлежала храму Воскресения Христова на Дебре, где они несли церковную службу. А сами священнослужители проживали рядом с храмом на земле, входившей в состав черной посадской. По указу государя Михаила Федоровича должен был учинен переезд всех на свою землю: посадским людям «велено с церковные земли дворы свои снести на черную землю, где жил поп да дьякон». А попу Андрею и дьякону Логину велено «очистить тое черную землю, [...] дворы свои снести и итти на церковную землю». По «обчому челобитью» сторон, был утвержден лишь обмен землями: «Та церковная земля тяглым людям учинена черною землею, а черная земля, где живет поп Ондрей и дьякон Логин, учинена церковною землею». И уже в 1628 году, при составлении костромской Писцовой книги, вся земля «из Боровые улицы, идучи к городу направо к горе» под 9-ю дворами и одной кельей нищего была посадской, черной. Дворы стали принадлежать двум дуботолкам Куземке Григорьеву и Ивашке Федорову, строгальнику Завьялке Карпову, рукавишнику Филке Истомину, войлошнику Михалке Федорову; у троих посадских людей занятие не было указано. Все живущие здесь были «добре худые» или, как уточняет документ, «самые худые» люди.

К ВОСТОКУ ОТ КРЕМЛЯ

Второй район Костромского посада в нашем путешествии условно назван «К востоку от Кремля» по топографическому признаку.

После описания Дебринского посада писцы поднялись на высокий коренной берег Волги, и первая улица здесь после Дебри имела довольно длинное название – **«Улица из Ямские слободы через Борисоглебской монастырь к городу»** (с. 111-113), которая идентифицируется с современной улицей Дзержинского. Она тянулась от государевой

Ямской слободы по направлению к городу, то есть к Кремлю. Ямская слобода, где жили ямские охотники – костромские ямщики, располагалась «по конец посаду», за Осташевой поляной. В отличие от других костромских слобод, краткое описание которых включено в Писцовую книгу, об Ямской слободе данных нет. Это объясняется тем, что ямские государевы слободы не включались в городские территории и ведались в Ямском приказе, который не только осуществлял административные и судеб-

План улиц и переулков посада «К востоку от Кремля».

ные функции управления ямским населением, но и занимался организацией и поддержанием ямов – почтовых станов, а также взиманием налогов – ямских денег.

Здесь «на горе на Осташеве поляне» возвышались деревянные шатровая Всехсвятская церковь с приделом великомученицы Параскевы Пятницы, трапезный Никольский храм и колокольница. В главной Всехсвятской церкви любой православный человек, особенно из ямщиков, выполнявших ямскую повинность и почтовую гоньбу, приезжавших из разных мест, мог поклониться и помолиться почитаемому святому. Рядом лежали церковные с приходским кладбищем земли, а также стоял двор священника Ивана Демидова (с. 272).

«Улица из Ямские слободы через Борисоглебской монастырь к городу» была, вероятно, самой короткой на костромском посаде. Названная Борисоглебская обитель стояла уже «по конец посаду» (с. 273). Как и Боровая, эта улица до Кремля не доходила, упираясь в Каткину гору. Ремесленная специализация посадских людей, владевших здесь 24 дворами, говорит о продолжавшемся преобладании промысловых занятий, связанных с обработкой кож и изготовлением изделий из них. Здесь проживали живодер Фомка Григорьев; мастер Семейка Ермолаев Обуй Корова, делавший «сыромятное»; два дуботолка, живших в «подсуседниках» – Матюшка Федоров и Мосейка Михайлов; по три сапожника и рукавишника; епанешники Якушка Иванов да Савка Федоров, варежник Якушка Григорьев. Кроме того, дворами на улице владели два дровосека и два плотника; портной Любимка Иванов, рыбак Микитка Кубасов, трое жителей «кормились работаю», а один – Куземка Федоров «ярыжничал». Торговлей занимались лишь двое, сидевшие в лавках в Шубном ряду – шубник Смирка Григорьев и овчинник Васка Опара (с. 215). По своему имущественному положению все жители улицы относились или к «худым» людям – 14 человек, или к «добре худым» – 10, двое были названы «бобылями».

На этой улице, ближе к Кремлю, стоял монастырь «страстотерпцов Христовых Бориса и Глеба», в нем – два деревянных «клецких»

храма – холодный Борисоглебский и второй – с трапезою «преподобного Семиона чудотворца Столпника». В устройении церкви и собирании храмовой утвари главными записаны мирские приходные люди и священник (с. 273). Близ монастыря, на черной земле, проживало 6 человек нищих во дворах и кельях, которые «питаютца Христовым именем» (с. 111-112). Среди церковных служебников названы «поп Тимофей Антипьев да дьячок Петрушка Яковлев, пономарь Гришка Попов». Монастырские земли с двором священника Тимофея в двух своих концах граничили с Боровой улицей, которая, делая изгиб, у Ивановского переулка близко подступала к обители (с. 273).

Каткина гора соседствовала с идущей с Дебри Боровой улицей, и это подтверждает расположение огорода «медведьчика» Васки Иванова: двор его стоял по Каткиной горе в 13 метрах от улицы Боровой (с. 115). Каткина гора была местом, где сходилось несколько костромских улиц и переулков – сама Каткина гора с 12-ю дворами; улица, проходившая к городу через Борисоглебский монастырь; Боровая улица и Ивановский переулок.

Описание дворов на Каткиной горе оставили оба писца под названиями: «**На Кадкине горе у Ивана Богослова**» (с. 50-51) и «**Каткина гора**» (с. 114-115). Свое название эта местность получила от сохранившейся и доныне покато́й горы, верхушку которой занимала церковь во имя апостола Иоанна Богослова. Гора была образована высоким коренным берегом, спускавшимся к Волге. Возможно, в зимнее время «костромитяне» устраивали здесь катания с ледяной горы.

Вокруг Богословского храма насчитывалось 12 дворов, из них 11 – жилых, посадских; один двор, стоявший на черной земле, принадлежал воротнику Гришке Васильеву – служилому человеку из Кремля, не тянувшему «тягло» с посадским миром. В дворах проживали сапожник Карпушка Фофонов и шапочник Фомка Федосеев; рыбный прасол Мишка Дмитриев, орешники Демка Логинов и Ивашка Седов, купивший лавку в Новом Суконном ряду и получивший торговый полк «по государеве грамоте» «подле Спаского монастыря,

идучи к Волге налеве» (с. 51, 209, 239). Кроме медведьчика, дворами владели три мясника – Ивашка Олексеев (с. 50); Пашка Беляев, торговавший в первом Мясном ряду Нового города (с. 51, 195); и Борис Лодыгин, получивший торговое место за Воскресенскими воротами Нового города «за Колашным и Масленным рядом» (с. 115, 248). Все они относились к беднейшим слоям костромского посадского люда.

«На Кадкине горе» стояло две деревянные клетские церкви: «Иванна» Богослова и трапезный храм «Максима Христа ради уродивого» (с. 273). Церковная утварь и строение – «мирское приходных людей». Храмовой земли с кладбищем и двором священника насчитывалось 63 на 40 саженьей, что равнялось примерно 134 на 85 метров.

За церковными богословскими землями – «позадь» их – находился переулочек, тянувшийся от Боровой улицы, видимо, к Ивановской. По нему прошелся второй писец и записал дворы под общим названием: «**От Боровые улицы в переулке позадь церковные богословские земли дворы на черной земле**» (с. 115-116). Из 11 дворов, расположенных здесь, 9 дворов было жилых, один «дворишко» принадлежал нищему Федке Алексееву, один двор на черной земле – вдове церковного дьячка Максима Ортемьева Алисавке. Жители переулочка владели такими ремеслами, как сапожное и портновское дело, один Панфилка Федоров, по прозвищу Бык, назван сырейщиком, другой Титка Покоркин – рукавичником. Жил здесь один «кабацкий ярыжной» Овдокимка, по прозвищу Щеня, который нанимался по кабакам; у 4-х владельцев дворов занятие указано не было. Все жители переулочка относились к самым бедным слоям населения.

Еще один переулочек, расположенный близ Борисоглебского монастыря, вел от Каткиной горы к Ивановской улице – «**Ивановский переулочек**» (с. 113-114). Этот переулочек имел и другое название – «Ивановский вражек» (с. 273), что, возможно, свидетельствовало о неровностях здешней местности и небольшого оврага вдоль переулочка.

В Ивановском переулочке насчитывалось 13 дворов и дворовых мест, из них – 11 дворов

жилых. Владельцы их занимались традиционными промыслами: здесь жили шерстобой Васка Антипин и сапожник Харка Степанов, два портных мастера – Гришка Микитин и Фторушка Васильев; два мясника – Гришка Семенов и Савка Осипов, получивший для торговли место под лавку за Воскресенскими воротами Нового города «за Колашным и Масленным рядом» (с. 113, 249). Жили в переулочке и промысловики, чьи занятия редко упоминаются в Писцовой книге – лапотник Данилка Минин, лоскутник Ооска Фомин и «оконщик» Панка, делавший окончины – деревянные рамы для окон посадских домов.

В переулочке черным местом пустым владел ямщик Куземка Марков; белым же двором на черной земле – служба Крестовоздвиженского монастыря Стенка. Одно дворовое место, ранее принадлежавшее архимандриту этой обители Корнилию с братией, было отдано по государеву указу посадскому человеку мяснику Тихону Карпову, потерявшему двор на Каткиной горе, отданный вдове Окулинке Орешниковой (с. 50).

Здесь же, в начале Ивановского переулочка, упоминаются «двор столничя пути» и «чашничей двор, что владели Чюдовские». Название «Чюдовские» происходило от Московского Чудова монастыря, чьи 4 двора стояли здесь же в переулочке. Каково было назначение «двора столничя пути» и «чашничего двора»? Еще в великокняжеские времена XIV-XV вв. для управления дворцовыми вотчинами существовали разнообразные службы – дворцовые пути, в числе которых были «чашничий путь», ведавший бортными дворцовыми лесами, селами и деревнями дворцовых бортников, лесных пчеловодов; а также «стольничий путь», который управлял дворцовыми рыбными ловлями с дворцовыми рыболовами, садами и огородами, с садовниками и огородниками. Известно, что Костромская земля славилась своими бортными лесами, а реки были богаты рыбой. В Костроме дворы этих дворцовых путей стояли в одном месте – здесь, в Ивановском переулочке, в непосредственной близости от Кремля. В XVI веке, при изменениях в управлении дворцового, уже царского хозяйства,

дворы упраздненных «стольнича» и «чашнича» пути попали в монастырское управление Чудовой обители, но по Сотной грамоте письма Василья Вельяминова и Пантелея Усова 1596-1597 гг. были приписаны к Костромскому посаду. И хотя на момент составления Писцовой книги 1628 года 4-мя дворами, стоявшими здесь, владели еще власти Московского Чудова монастыря, им было указано «по нынешнему писму» возвратить те дворы «к посаду, по прежнему в тяглые дворы» (с. 113, 114, 273).

Следовавшая за переулком Ивановская улица была разделена обоими писцами на четыре отдельные части – основная часть улицы, ее конец «за рвом у Кремля города» и левая сторона улицы «идучи от города», вошедшие в документ под такими названиями: **«Улица Ивановская»** (с. 51) и **«В Ывановской улице»** (с. 116-117), **«По конец Ивановской улицы за рвом у Кремля города»** (с. 117) и **«В Ывановской улице, идучи от города по левой стороне»** (с. 117-119).

Название улицы, как и ведущего в нее переулка, было связано с посвящением стоявшего здесь посадского храма святого Иоанна Богослова. Тянулась Ивановская улица от всполья к Кремлю, почти параллельно следующей Русиновой улице. Соседство двух улиц подтверждает описание церковных земель храма Ильи Пророка, стоявшего в Русиновой улице, но церковные земли которого лежали от Русиновой улицы к Ивановской «поперег» на 17 саженьях (с. 274). На плане города Костромы 1781 года, где видно расположение древних улиц, Ивановская обозначена линией из трех штрихов, почти там, где в конце XVIII века будет проложена прямая Русина улица.

В 1628 году на Ивановской улице стояло 29 дворов и мест дворовых, из них: посадских дворов – 17; льготных мест – 4; на черной земле дворами владели стрелец Оревка Клементев, пушкарь Сенка и 3 ямщика. На улице писцы назвали и белые дворовые места: одно – стольника «Ивана Федорова сына Левонтьева з братьею», другое пустое принадлежало Михаилу Остафьевичу Пушкину. Землю для возведения двора получил «за рвом у Кремля города» строитель Гурья с братьею возводив-

шегося монастыря «на Игрищах» – «Пречистые Богородицы Новоявленново образа ея и великово чудотворца Николы». Место дано «из порозжево из белово места» для устройства двора «на приезд старцем и монастырским служкам и крестьяном» (с. 117).

Среди дворов, принадлежавших богатым людям посада, названы «средний» Михалка Андреевич Могутов – двоюродный брат земского старосты Гаврилы Могутова, получивший двухлетнюю льготу на обустройство двора и заведение ремесла (с. 116); и «молотчий» Ивашка Меньшой, сын Обрама – сырейщика, переведенного «оброком к Москве в Гостиную сотню» (с. 92). Ивашкин промысел – «мыло варит и, отъезжая, торгует всяким товаром». Он же в улице, через соседний двор, владел садом размером 31 сажень на 8, то есть 66 на 17 метров (с. 118). В Ивановской улице также проживали два сапожника Тишка Семенов и Тимошка Мокарьев; вдова Маланьница, которая «прядет и толчет на люди»; колотильщик Еремка Ермолов, занятый в окраске льняных тканей: его работа состояла в ударах деревянным молотом по набойке – доске с рисунком, наложенную на ткань, для лучшего проникновения красителя в ткань.

Дворами здесь владели и 4 гребенщика – Богдашка (с. 51), Сидорка Степанов да братья Родка и Макарка Пахомовы (с. 118), которые изготавливали большие деревянные гребни

Гребень для чесания льна.

для чесания шерсти и льна, при подготовке их к прядению. Из промысловиков, связанных с изготовлением съестных продуктов, в улице проживали один «солоденик» Суворка, который «на государев кабак вино варит», и пять мясников, из них Ивашка Беляев, владевший двором и в Чулкове переулке, осуществлял торг в лавках главного Мясного ряда Нового города и в ряду «от Гостиного двора, идучи к Воскресенским воротам» (с. 40, 51, 194, 196); два же мясника – Афонька Томилов и Ондрюшка Иванов – получили двухлетнюю льготу для дворового строения, чтобы потом «з своего промыслу тянуть тягло и службы служить с посадскими людьми в ряд» (с. 116, 119).

Следующая улица, тянувшаяся от Старого города к всполью, называлась Русинова. По протяженности она равнялась Ивановской улице, обе они не доходили до современной улицы Ивана Сусанина. Согласно Писцовой книге 1628 года, улица называлась «Русинова», позже ее название несколько изменилось – стали писать «улица Русина», и оно сохранялось до конца XVIII века (до 1784 года). В 1628 году Русинова улица не совпадала с выработанной по Екатерининскому плану Русинной улицей. Древняя улица располагалась несколько севернее, что хорошо видно на плане губернского города Костромы 1781 года, где Русинова улица обозначена широкой линией из четырех штрихов.

Авторы справочника «Улицы Костромы» связывают название Русиновой улицы с выходцами из Галицко-Волынской Руси – русинами, якобы «осевшими здесь в начале XIV века» (с. 70). Трудно подтвердить или опровергнуть этот вывод аргументированно, так как никаких письменных свидетельств не сохранилось. Археологических материалов, свидетельствующих о приходе и расселении в Костромском Поволжье юго-западных групп восточного славянства, населявших Галицко-Волынские земли, – русинов, уличей, тиверцев, волынян, бужан, никогда не было здесь обнаружено. Вероятнее всего, название улицы было связано с прозвищем одного из жителей этого района, сложившегося уже в процессе формирования посада вокруг новой крепости в XV веке.

В 1628 году оба подъячих прошли по обеим сторонам улицы, в одном направлении – от Старого города к всполью, внося в документы свои подсчеты, назвав их: «**Русинова улица, идучи от города по правой стороне**» (с. 51, с. 119-121) и «**Русинова улица, идучи от города по левой стороне**» (с. 51-54, с. 121).

Начиналась правая сторона Русиновой улицы от кремлевской Воскресенской башни и тянулась до конца посада. На ней стояло 26 дворов и мест дворовых, среди которых был 21 двор жилой, два места дворовых льготных, одна келья нищего. В состав жилых дворов входили и стоявшие здесь, на черной тяглой земле, двор Матвея Головцына – сына городского приказчика Гневаша Головцына; а также дворы «ильинского попа Василья Овдеева сына» Андреева и дьячка Алексея Григорьева, которым было указано «снести хоромы на церковную землю». На черной же земле жили два ямщика, один из которых Гришка Халезов был «отставленным» ямщиком, активно ведущим торг в Мясных рядах Костромы – «идучи от Гостиного двора к Воскресенским воротам» и у самих ворот (с. 120, 196, 199). В этих же рядах торговали мясом проживавшие в начале улицы Терешка (с. 51, 196) и Ивашка Беляев, владевший по «закладной» грамоте еще одним двором в Чулкове переулке на Дебре (с. 40, 51, 194, 196).

Из ремесленников на правой стороне Русиновой улицы проживали два скорняка Оска Тарасов и Митка Харламов, два сапожника Ширяйка и лучка Иванов, рукавишник Матюшка Степанов, плотник Куземка Филипьев, шерстобой Бориска Петров. Колодезник Лучка Микитин рыл колодцы, огородник Кондрашка Филипьев пахал огород близ дома и в конце улицы, трое посадских людей «кормились работой по людям». В конце улицы, по правой стороне, уже появляются дворы кузнецов с принадлежавшими им кузницами.

На правой стороне Русиновой улицы, «идучи от города», стояли две деревянные клетские церкви: холодная – во имя святого пророка Божия Илии и трапезная – в честь Рождества Христова (с. 273-274). Церковная утварь и строение было «приходных людей

мирское». Церковные земли с кладбищем тянулись от Кремля по Русиновой улице более чем на 100 метров, а поперек к Ивановской улице – на 36. В храмах служили поп Василей Андреев, дьячок Алексей Григорьев и церковный дьячок Офремка.

На левой стороне Русиновой улицы находилось 36 жилых дворов. Здесь проживали только тяглые посадские люди, которые были обложены всеми государевыми податями: два красильника – Спиридонка «средний» человек и «худой» Давытко Антипин; шапошник Оска Кононов; скотчик Кирилка Григорьев; коновал Николка Спиридонов, который «ходит около лошадей»; мясник Любимка Лодыгин и колачник Ивашка Микитин. К концу левой стороны улицы значительно увеличивалось количество кузниц: на десять проживавших здесь кузнецов приходилось 7 кузниц. Среди кузнецов назван Ерошка Михайлов, двор которого «стал внове», то есть после нескольких льготных лет, даваемых «для дворового строения», он, занявшись кузнечным промыслом, начал «тянуть тягло и службы служить с посадскими людьми в ряд» как «добре худой» человек. Писцы в документах всегда отмечали место расположения кузниц – «из двора». Кузницы считались пожароопасными сооружениями, которые старались вынести за пределы жилых дворов. Эти ремесленные мастерские, как и торговые лавки, были обложены государевым налогом, в год эта сумма не превышала в среднем 15 копеек. Как свидетельствует Писцовая книга, редкие кузнецы, занимаясь своим ремеслом, еще и торговали. В Русиновой улице на левой стороне владели двором и кузницей братья Гришка да Ивашка Малафеевы, последнему принадлежала лавка в самом центре торговых рядов в Новом городе – «За Новым рядом» (с. 53, 199).

Левая сторона Русиновой улицы славилась своими торговыми людьми: «худым» человеком Миткой Соколовым, торговавшим на скамье «щепетиньем», то есть изделиями из дерева (с. 52, 201); «средним» – Иванкой Засухиным с сыном Захаркой – «торгуют в сапожном ряду, сидят в лавке за сапогами, и отъезжая, всякими свалными товары» (с. 52, 202-

203, 210, 237); «лутчими» – членами семьи Скорняковых, глава которого – Иван Филипьев сын Скорняков – на время составления Писцовой книги уже почил, но лавки в Рыбном, Железном и Солодяном рядах числились еще за ним и не были переведены во владение вдовы Полагеи с сыновьями Миткой и Максимкой (с.52, 208, 217, 218).

Самым же крупным торговым кланом не только в Русиновой улице но и во всей Костроме можно назвать, занимавшее первые два двора по левой стороне улицы семейство Могутовых (с. 51-52), владевшее самым большим числом торговых заведений в городе – более 20-ти. Они располагались в рядах, где велся торг съестными продуктами и промысловыми товарами – по две лавки в Колачном и Солодяном рядах, по три – в Шубном и Красильном, по одной – в Соляном, Мясном, Сапожном, Суконом и Москательном рядах. Большая торговля была развернута в четырех рыбных лавках (с. 199, 221, 215, 216, 219, 207, 206, 229, 237, 210, 212, 208, 209).

Большая часть этих лавок перешла в наследство – «по старине» – от неживых уже тогда братьев Семена, Ивана и Ондreja Могутовых. Их потомки – Гаврила Семенович, вдова Ивана Варвара с сыновьями Ильей, Мишкой и Микифором, приумножив количество лавок в Костроме, развернули и отъезжую торговлю «большим свалным товаром». Старший в семье – Гаврила Семенович Могутов – был в Костроме земским старостой, ведавшим вместе со вторым старостой, «лутчим» человеком Иваном Гавриловичем Баландиным, всем посадским хозяйством. В Новом городе на улице Исакова Гаврила Могутов владел и осадным двором (с. 32). Другой из Могутовых, сын Варвары Илья Иванович, был переведен «к Москве в гостиную сотню». Он, как другие члены гостинной сотни, хоть и не имел права свободного выезда за границу, но был освобожден от государева тягла, был неподсуден воеводам и мог приобретать беспошлинно многие товары. Он с братом Михалкой в начале Русиновой улицы, кроме двора и огорода, владел садом площадью около 65 соток (45 на 31 сажень) (с. 51).

Надо отметить, что после Чулкова пере-

улка, где проживало 3 «лутчих» и 8 «средних» людей, Русинова улица по числу богатых жителей занимала второе место: 1 «лутчий» и 8 «средних» людей. Из «молодых» людей здесь жил один, из «худых» – 10, а «добре худых» – 22 человека. Начиналась левая сторона Русиновой улицы от Воскресенской площади, располагавшейся «за Новым городом». Здесь, в начале улицы, стояли две церкви: «древена, клетки» «Воскресение Христово», давшая название площади, и «с трапезою великого Христова мученика и страстотерпца Георгия». Церковная утварь – «образы месные, и свечи, и книги, и ризы, и колокола, и всякое церковное строенье мирское приходных людей». Рядом с храмом располагалось кладбище. В церквях служили «поп Микита Федоров да поп Еустей Викульев» (с. 274).

Следующая улица в посаде именовалась «Никольская», или Никольская Ратнова. Но прежде чем перейти к ее характеристике, необходимо сказать еще об одном посадском месте, названном **«На наместничьем на дворовом месте стали дворы»** (с. 121-124), описания которого составил только второй подъячий. Название и некоторые детали описания этого места, расположенного в непосредственной близости от Костромского Кремля, рассказывают нам его историю. Когда-то здесь лежала посадская тяглая земля – «а бывало под наместничьим двором черное место» (с. 122). Затем здесь был обустроен наместнический двор – место проживания и служения наместника как главы местного управления, руководившего сбором податей и таможенных пошлин в пользу великого князя, а затем государя; осуществлявшего военную и судебную деятельность. Но с середины XVI века, после реформ «Избранной рады», с появлением приказной системы, а в городах – земских и губных старост, должность наместника была упразднена, на смену которого после Смутного времени приходит воевода. Поэтому, еще до составления Писцовой книги, наместническое место было включено в состав черной посадской земли, и в 1628 году здесь уже стояло 14 жилых дворов, 3 двора льготных да в одном дворе проживал подъячий губной избы

Посничка Некрасов.

О расположении этого места, продолжавшего называться «наместничьим дворовым», между двумя улицами Русиновой и Николы Ратнова и о соседстве с последней, говорит описание двора перекупщика скотины бобыля Ивашки Борисова, огород которого в двух местах подходил к улице Николы Ратнова: «Ивашковы огородные земли к Никольской улице 22 сажени [...], да в другой стороне к Никольской же улице 10 сажень с получетью» (с. 121-124).

Какой-то одной ремесленной специализации среди владельцев посадских дворов в этом месте выделить нельзя. Делали «сапожное» – Ивашка Микитин и Ерофейка Петров, «шапошное» – Ивашка Иванов, «скорняжное» – Микитка, по прозвищу Тора, «кузнечное» – Ивашка Комолин, «крашенины колотит» – Жданка Васильев, «солод разщивал» – Никонка Федотьев, «солью торгует» – Лучка Васильев. Среди промысловиков выделялись скупщики, которые сами ничего не производили, а занимались перекупкой сырья и скотины – Титка, по прозвищу Щербак, и Ивашка Борисов. Еще один двор принадлежал повивальной бабке Катеринке.

Вторым по счету двором владели здесь Василий и Александр Мудростины, проживавшие вместе с матерью вдовой Онисьей в Манихине переулке на Дебре, занимавшиеся кожевенным ремеслом и торговавшие «большими свальными товарами» (с. 122, 45). Несмотря на то, что они были в Костроме «лучшими» людьми, их новый двор в этом месте был положен в государевых податях «против молотчих дворов», то есть в меньшем размере, чем дворы «лутчих» людей. Владельцы трех дворов получили льготы: сыромятник Филка Степанов на два года; Степанка Онтонов и Ивашка Кузнецов – на пять лет для дворового строенья и заведения промысла.

Пройдя по Русиновой улице до всполья, писцы повернули назад к Кремлю, и возвращались они по Никольской улице, которая была короче Русиновой: граница всполья здесь не доходила до современной улицы Энгельса. В Писцовую книгу эти описания вошли под назва-

ниями: «Улица Никольская Ратнова, идучи со всполья к городу по обе стороны» (с. 54-55). «В Николской улице со всполья» (с. 124-125). «В Николской же улице» (с. 127). Называлась улица по посвящению главного холодного храма – во имя «великого чудотворца Николы, словет Ратной». Это была деревянная шатровая церковь, рядом с которой стоял трапезный клетский храм во имя Климента папы Римского и Петра Александрийского. Служили в церквях священник Афонасей Осипов и дьякон Петр Осипов, которые проживали здесь же, на церковной земле, каждый в своем дворе (с. 274). Стояли храмы на левой стороне по направлению к городу. При перепланировке города в конце XVIII века древ-

Жительница русского посада. Рисунок из «Альбома Мейерберга». 1661 год.

няя улица Николы Ратнова почти полностью совпала с новой выправленной Александровской улицей.

Согласно Писцовой книге, здесь стояло 26 жилых дворов, 18 из них было тяглых; шесть – льготных; двумя дворами, на черной земле, владели представители городской администрации – губной староста Неждан Усов и площадной подьячий Калинка Прокофьев сын Жаворонков (с. 124, 127). Самой зажиточной в Никольской улице была семья Гатиловых – два «средних» человека и два «молотчих». «Середними» были Петр и Титко Никифоровичи, жившие в одном дворе, занимавшиеся вместе торговым промыслом – «торгуют, сидят в лавках за всякими товары и в отъезд ездят, торгуют же» (с. 54). Оба владели по наследству лавками в Москательном ряду, у Петра же была еще лавка «по старине» в соседнем Шубном ряду (с. 213, 214). Петр Гатилов был целовальником в Земской избе (с. 362). Их брат Ивашка Никифорович, «молотчий» человек, лавками не владел, но в улице Николы Ратнова,

«со сполья», получил на три года льготный двор на земле, принадлежавшей когда-то одному из предков Гатиловых – Ивану Бузе. Рядом, на земле же Ивашки Бузы Гатилова, дворовое строительство начал по тоже трехлетней льготе сын Петра Гатилова «молотчий» человек Иван. После окончания льготных лет оба Ивана, дядя и племянник, со своих новых дворов и своих промыслов начнут «государево тягло и службы служить с посадскими людьми в ряд, чем миром в тягле обложат по его животом и промыслам» (с. 125). Всего льготных дворов в Никольской улице числилось шесть, их получили Павлик Ожегин, Венедихтка Засухин, Ивашка Поспелов, Ивашка и Якушка Трубниковы. Особенно интересно дело

Ивашки Ортемьева сына Поспелова, которое рассматривалось в суде. Благодаря сотной грамоте Ортюшки Поспелова, отца Ивашки, было доказано, что место это являлось черным, а не белым, и что владевший им площадной подьячий Посничко Семенов не имел права проживать здесь. Посничко Семенов был «обвинен», а Ивашка Поспелов «в том месте оправлен» и наделен трехлетней льготой для дворового строения (с. 125).

Отъезжим торгом «мелким товаром» занимались «молотчие» люди, жившие в улице, – Ивашка Кокарев с сыновьями Ивашкой и Любимкой. В Соляном ряду отец владел по данной грамоте торговой лавкой «о четырех замках» с оброком «полтина по четыре алтына з денгою з замка», то есть в год его выплата составляла 50 копеек, по 12,5 копеек с каждого из 4-х замков (с. 55, 201).

В лавках Соляного ряда вели торг два «соленика» Митка Милютин и Ондрюшка Михайлов (с. 54, 200); а братья Олешка и Арефка Небесниковы владели по наследству пополам

двором в улице и шалашом для торговли в Серебряном ряду (с. 24, 215). Проживали в улице кузнецы, имевшие кузницы, – братья Якушка, Гришка, Осипко и Тихонко Черновы; а также Карпушка Самсонов (с. 54); плотник Митка Степанов; сапожник Мишка Елфимьев; кошкодав Семейка Ортемьев; рыбник Томилка, извозщик Михалка Семенов (с. 124, 125) и откупщик кабаков и перевозов «молотчий» человек Семейка Селиверстов (с. 127).

Из улицы Николы Ратнова можно было пройти в Покровскую улицу, и вел в нее Овчинный переулочек. На соседство Никольской улицы и Овчинного переулочка указывает «огородишко», которым владела «по купчей» семья Гатиловых: «да их же огородишко от Овчинова переулочка на вымле», то есть на вымоине. Следуя карте 1781 года, переулочек вел в конец посада, на всполье, и доходил почти до Покровской церкви. По нему прошлись оба писца, но первый записал только один двор **«в Авчинном переулочке»** (с. 55), принадлежавший Богдашке Денисову, владевшему торговой лавкой «за Новым рядом» «по государеве грамоте и по данной» (с. 55, 199). Вторым же писец, пройдя **«Овчинный переулочек»** (с. 128-129), сосчитал 9 дворов, один из которых «лежит впусе», а три были даны посадским людям с льготой: «щепетилнику» Федке Артемьеву, кузнецу Смирке Тимофееву и сарафаннику Якушке Михайлову. Один из жителей переулочка – бобыль Купреянка Агапитов, кормился работою, вдова бобылиха Оксиньца Михеева огород пахала, а овчинник «худой» человек Якушка Самойлов «солью и мылом торгует», владея в Соляном ряду лавкой и двумя в Мясном. Годовой оброк с обеих лавок составлял 12 алтын и 2 денги, что соответствовало 37 копейкам (с. 128, 199, 206).

Овчинный переулочек вел в Покровскую улицу и упирался в ее участок под названием **«Покровскую улицу от Покрова ко всполью»** (с. 129-132), описанный вторым подьячим, вместе с другими частями этой улицы – **«Улица Покровская»** (с. 127), **«Улица Покровская, идущая от Покрова со всполья»** (с. 132-133). Вторым писец работал, судя по этим названиям, с середины Покровской ули-

цы, двигаясь к всполью; первому же досталось описание ее начала, которое он обозначил просто **«Улица Покровская»** (с. 55-57). Сложение всех этих названий воедино, а также карта Костромы 1781 года, помогают понять, что начиналась улица от Козьмодемьянского пруда, тянулась к Покровской церкви и за нее, к концу посада, к всполью.

Свое название Покровская улица получила по стоявшей на ней – «на всполье» – церкви Покрова Пресвятой Богородицы, которая в 1628 году была обозначена как место церковное, недействующее. Вторым трапезный деревянный клетский храм, в котором совершались службы, был посвящен Николаю Чудотворцу, с малой придельной церковью во имя Живоначальной Троицы. Приходские люди наполнили свой храм церковной утварью – образами местными, свечами, книгами, ризами, колоколами. Церковную службу здесь вели поп Григорей Микифоров, проживавший на церковной земле, и дьякон Степан Левонтьев. По Книгам письма и меры Василия Вельяминова и Пантелея Усова 1596-1597 гг., что подтверждено было в 1624 году дьяком Венедиктом Маховым, Покровскому храму принадлежали, «под посадом меж посадские выпускные земли», пустошь Сельцо на речке Черной и «место мелнишное» (с. 275).

Всего в Покровской улице стояло 79 дворов, из них 66 дворов – жилых тяглых; 4 – льготных; 8 – пустых и один двор – на белой земле. В нем проживала вдова подьячего Грязнова Савина Оринка. Как и в других костромских посадских улицах, дворами владели здесь по 1-2 ремесленника разных специальностей – сапожники, крашенинники, ветошники, сарафанник, рукавичники, портной, оловяшник, иконники и другие. Но характерный признак этой улицы: для ее начала – широкая вовлеченность промысловиков в торговлю, а для конца улицы – увеличение числа огородников, кто «огород пашет», и «крупеников», тех, кто торговал крупами. Из проживавших в начале Покровской улицы почти половина сочетали ремесло и торговлю: два брата овчинника Трофимка и Гришка Микитины торговали в лавках в Шубном ряду (с. 55, 214); три брата Шишкины

«Митка, да Павлик, да Якунка» «торгуют, в Сапожном ряду сидят в лавках за сапогами» (с. 55, 234, 238); Ондронка Дмитриев «торгует в Подошевом ряду, сидит в лавке за подошвы»; братья Филка и Петрунка Матонкины «торгуют скотиною и мелким товаром», а их другой брат Ондрюшка «торгует, ходя по торшкам с щепетиньем» (с. 56); братья Симонко и Федка Сандыковы «торгуют луком и чесноком» (с. 57). Но выделяются и те, кто занимается перекупкой продукции, ничего не производя: Ивашка Костров «торгует в Рукавишном ряду и холсты перекупает» (с. 55); Ондрюшка Горячка с сыновьями Якушкой да Савкой «скупают скотину» (с. 55); Осипко Володимеров с сыном Ваской «скупают по торшкам кожи сырые» (с. 56).

Ближе к всполью на Покровской улице дворы принадлежали 13-ти огородникам и 8 крупеникам, которые выращивали традиционные зерновые культуры – рожь, овес, ячмень, торговали ими, пекли хлеба на торг, использовали для получения солода. О них подьячие записали: «средние» люди Ондрюшка Горшков «да дети ево Макарка да Обросимко» «торгуют хлебом и солод ростят», владея в Солоденном ряду лавкой (с. 57, 218); Осипко и Тимошка Денисовы вели торг в двух лавках Солоденного ряда (с. 57, 227); Тимошка Ильин «торгует крупами» (с. 130); вдова Марфутка Власьевская жена Куприянова с сыновьями Еремкой и Якункой «в огороде пашут» и торгуют в лавке «за Сапожным рядом» (с. 129, 238); вдова Оксютка Артемоновская жена Матонкина, которая «огород пашет» и владела скамьей, где шел торг крупами «идучи к Никольским воротам направо» (с. 130, 240); вдова Лукерьяца Исаковская жена «хлебы печет на торг» (с. 132); Васка Логинов «делает крупы на торг» (с. 132); а вдова Дарьца Дружининская жена «харч держит» (с. 132). Площадь дворовых огородов в Покровской улице у владельцев, кто пахал землю и выращивал хлеба, колебалась от 1150 м² до 6000 м². В литературе можно встретить название этого района – Крупеники, хотя в Писцовой книге 1628 года такого топонима в Костроме не обозначено. Но Покровская улица и переулочек, следовавший за

ней, были единственным местом на посаде, где действительно проживало 8 крупеников.

Покровская церковь, на месте которой в советские времена возвели телевышку, занимала одно из самых высоких мест в городе XVII века. Но это еще не была граница посада. «На всполье», из Покровской улицы, на север вел **«Переулочек от Покрова к Игнатовой улице»**, описание которого составил второй писец (с. 133). И то место, где они соединялись – переулочек и Игнатова улица – были восточной границей Костромского посада, немного не доходившей до современной улицы Ивана Сусянина. В переулочке числилось всего 4 двора, два места дворовых и место огородное. В них проживали два сапожника – Митка Иванов и Пашка, сын вдовы Соломанидки, рукавичник Прохорка Максимов, который дополнительно «кормитца работою», и вдова Анница с сыном Ивашкой, торговавших маслом. «Молотчий» человек, масленик Захарко Денисов, занимавшийся и огородничеством, проживавший здесь же на всполье в Игнатовой улице, имел в переулочке два места дворовых, общей площадью более 4400 м².

Из переулочка мы вместе с писцами попадаем в Игнатову улицу, начинавшуюся на всполье и ведущую к храму «святых чудотворец безсребреников Козмы и Домьяна». Посадские дворы на ней описали оба подьячих под названиями: **«Улица Игнатова, идучи ото всполья в город по обе стороны улицы»** (с. 57-62) и **«Улица Игнатова»** (с. 133-138). По направлению она почти совпадает с современной улицей Шагова, но расположена была несколько севернее ее. Игнатова улица была второй в Костроме после Чулкова переулочка по протяженности и количеству посадских дворов: в ней стояло 93 жилых и льготных двора, а также 2 двора нищих, кормившихся «Христовым именем». Обращает на себя внимание увеличение в Игнатовой улице, как и на соседней Покровской, размеров придворных огородов, что было связано с ростом числа посадских людей, занимавшихся огородничеством. Если в Покровской улице их было 13, то в Игнатовой – уже около 25. Зерновое и овощное огород-

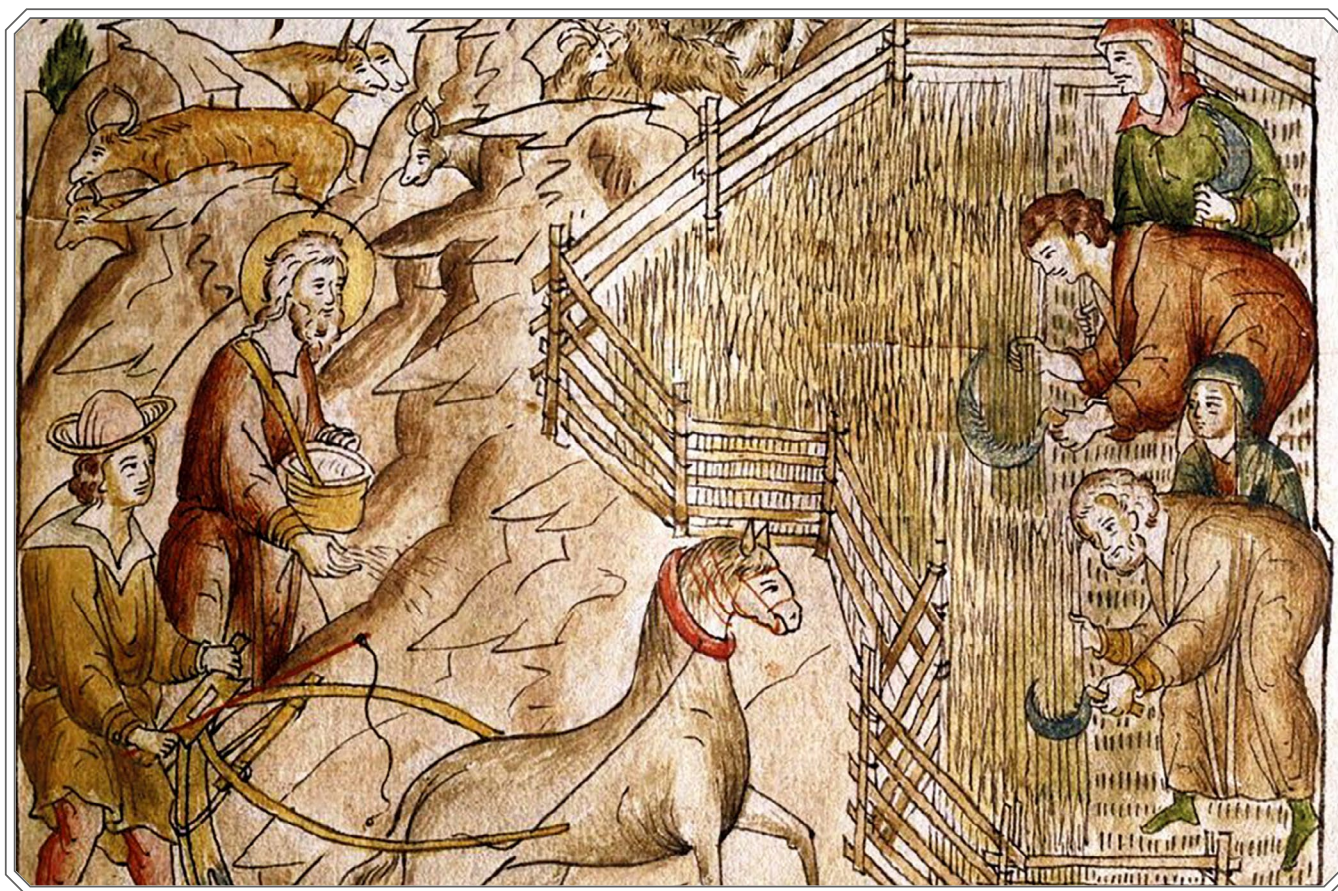
ное хозяйство было связано с торгом, о чем говорят указания писцов: «молотчей» человек Исачка Еремеев «солод растит и торгует» в двух лавках Солодяного ряда (с.58, 225, 226); Сенка Короваев, братья Ивашка и Якушка Крыловы «колачи» пекли, а Сережка Ваулин – пряники (с. 59, 61, 62); Фомка Яковлев «луком торгует» (с.135); «мушник» Ондрюшка Климов и кузнец Мокейко Михайлов торговали хлебом (с. 136, 58, 140, 217).

В Игнатовой улице дворами владели промысловики, занимавшиеся изготовлением и торговлей масла: Захарка Денисов и Первушка Кошка, Нечайка (с. 57, 59, 61) и Ивашка Богданов (с. 134) масло били, а Ивашка Мурсавик и Сережка Васильев – «масло бьет и торгует им» (с. 59, 240; 134).

С лавочной торговлей в Новом городе были связаны производители и других изделий: Офонка Есаулов «торгует москотиным» (с. 62); Гришка Иванов – в Рукавишном старом

ряду овчиной (с. 59, 222); Васка Огнев – ветошью (с. 59); Нефедка – рукавишник вел торг в Скорнячном ряду (с. 60, 225); Ивашка Черной – в Мясном, стоявшем «идучи к Воскресенским воротам от Гостиного двора» (с. 62, 197). Пятнадцать тяглых людей, проживавших в улице, «кормились по людям работаю», и лишь о двоих – бобыле Олешке Тарасове и Ларке Стогове, «прожитком добре худ» – писцы отметили: «бьет молотом из найму по кузницам» (с. 136, 138). Близ Козмодемьянского храма Игнатова улица входила район под названием «Кузницы», что отражало увеличение количества посажан, владевших кузницами: их описано 16 человек, и они владели 10 кузницами.

От Козмодемьянской церкви, к которой мы подошли с улицы Игнатова, путь писцов лежал к центру Костромы, к Старому городу, по улице, начинавшейся между храмом и Козмодемьянским прудом, и описанной обоими подьячими под названиями «Улица **Немецкая**,

Огородничество. Миниатюра Лицевого летописного свода XVI века.

а Гатилова тож, идучи к Козьме Демьяну от города» (с. 62-63), **«В Гатилове улице, Немецкая тож»** (с. 138-139) и **«В той же улице, идучи от Кузмы Демьяна по правой стороне на вымле у Благовещенского переулка, Бреин тож»** (с. 139-140). Какие выводы можно сделать из этих писцовых записей: улица носила двойное название – Гатилова и Немецкая. В основе слова «гатилов», согласно русским словарям, лежит глагол «гатить», что означает «заваливать воду, топь или болото хворостом, соломой, землей». Это объяснение для данной местности неудивительно, поскольку здесь протекала река Сула, были вымоины, нашедшие отражение в одном из названий этой улицы – «по правой стороне на вымле». Видимо, первое имя улицы связано с обустройством этого болотистого места под улицу и посадские двory. Использование слова «загатить» уже встречалось в Писцовой книге при организации таможенной площади в Новом городе: «Было то место истари болотина, тое де болотину в осадное время загатил Серешка Вавулин, поставил на том месте хоромишка» (с. 35). Второе название «Немецкая» произошло, возможно, от использования в осушении этих мест пленных, заключенных после Ливонской войны в немецких тюрьмах, находившихся «пониже Старово ж города по другой стороне к Дебринской улице» (с. 338).

В Гатиловой улице стояло 29 дворов; из которых один двор был кабацким (с.139); в двух дворах, один – на черной земле, другой – на белой, проживали подьячие стоявшей в Костромском Кремле съезжей избы Григорий Савин, Иван Григорьев и Иван Семенов сын Завязошников (с. 138, 140); двором на посадской земле владел стрелец Васка Посников (с. 140); два с половиной двора числились пустыми.

В 21 тяглом дворе жили посадские люди разных ремесленных специальностей: два брата красильника Олексейка да Ивашко Улановы, Еремка гребенщик и Степанка голубятник (с. 62-63); братья сапожники Ондрюшка и Семейка Улановы, колотильщик Пахомка Иванов, рукавичник Матюшка Матвеев (с. 138, 139, 140). Торговой деятельностью

были заняты Степанко Родионов, имевший лавку «по старине» в Новом Суконном ряду (с. 63, 209); вдова Анютка Мачехина с сыном Ваской владели лавкой «по купчей» в Рыбном ряду (с. 139, 209); кузнец Мокейка Михайлов, имея здесь две кузницы, двор «по купчей» в Игнатовой улице и торговую лавку в Железном ряду, занимался еще и торговлей хлебом (с. 140, 58, 217). Гатилова улица входила в район Кузнецы, и кроме Мокейки Михайлова здесь проживало еще 11 кузнецов, каждый имевший по кузнице: четыре человека семьи Камаевых – Матвейка и Архипка с сыновьями Ваской и Ивашкой, жившие рядом Трифонка Клементьев и Ондрюшка Скорняков (с. 62, 63); Куземка Семенов и Ганка Степанов, Фомка Сидоров и Офонка Заброта (с. 139, 140).

Несмотря на то, что Гатилова улица вела от Козмодемьянского храма к «городу», то есть к старой крепости, до Кремля она не доходила, упираясь в место, где сходились улица Николы Ратнова и два переулка – Благовещенский и «за стеной переулк».

Благовещенский переулк, как и улица Гатилова, имел два названия. Оба подьячих, описывая двory в нем, называли переулк одинаково: **«Благовещенский переулк, Бреин тож»** (с. 63-64; 140). Второе название этого переулка, как предыдущей улицы, возможно, было связано с немцами. В переводе с немецкого ««breit» означает «широкий», и действительно, на карте Костромы 1781 года переулк обозначен линией в 4 штриха как самые крупные улицы посада – Русинова, Николы Ратнова, Игнатова. Вероятно, это был недлинный, но довольно широкий переулк, который начинался там, где Немецкая улица упиралась в Никольскую, и тянулся к Благовещенскому храму. По посвящению этой церкви в честь Благовещения Пресвятой Богородицы переулк получил свое первое название, как и Благовещенские ворота Нового города, напротив которых стоял храм. Более точные сведения о местоположении церкви дает планировка двора «лутчего» человека Федки Щепихина. Двор его, описанный последним в переулке, соседствовал с Благовещенской церковью, более

того, находился «по заде двора от Благовещенья».

Кроме того, во дворе Щепихина первый подъячий насчитал 2 сажени «под избою» «дмитреевской церковные земли», то есть соседней церкви во имя великомученика Дмитрия Солунского, стоявшей тоже против Благовещенских ворот Нового города. Оба храма, стоявшие близко, Благовещенский и Дмитриевский, были трапезные, деревянные, клетские. Благовещенская имела 2 придела – «Введение святые Богородицы да великого чудотворца Николы»; а храм Дмитрия Солунского – малую церковь преподобного «чудотворца Сергия». У Дмитриевской церкви второй подъячий оставил описание местечка под названием «**У Дмитрея святого**» (с. 192), где находились одно «место дворовое порозжее» и огородное отхожее место посадского человека Федки Юдина, который вместе со своими братьями Гришкой, Десяткой и Бориской проживал в Русиновой улице (с. 192, 52).

Благовещенские церковные земли лежали в трех участках – близ храма, также «идучи к городу в Благовещенские ворота налеве» и близ переулка в Стрелину улицу. В этом переулке проживала семья церковных служебников Благовещенского храма, каждый в своем дворе, – вдовый священник Алексей, поп Григорий Алексеева сын и семья дьякона Петра Алексеева сына. В Дмитриевской церкви попом служил Степан Григорьев (с. 276-277).

В «Благовещенском переулке, Бреин тож» стояло 11 жилых дворов и двор на белой земле московского Чудова монастыря. Среди владельцев посадских дворов были рукавичник Богдашка, сапожник Якушка Васильев, колотильщик Смирка Кирилов, сторож торговых рядов Ивашка Досегая. Но особенно выделялись в этом переулке мыльники – выборный человек Земской избы Федка Щепихин с сыном Мишкой, которые вели торг в трех лавках Мясного ряда (с. 63, 193, 194); «средний» человек Олешка Скрыпков – «мыло варит и,

отъезжая, торгует», а также владели двумя лавками «идучи к Воскресенским воротам от Гостины двора» и амбаром, «где бывал Старой Рыбной ряд, по Брагине улице к Предотечи» (с. 63, 197, 244); двое «молотчих» людей – вдова Анница Архиповская жена с сыном Лучкой, которая «мыло варит и в лавке сидит за москотилным товаром». С торговлей солью, маслом коровьим, медом и мелким товаром был связан «молотчий» человек Фадейка Блинов (Блинихин), имевший лавку «по купчей» в Мыльном переулке Нового города (с. 63, 212).

Следующий «**За стеной переулком**» (с. 125-126) был пройден и описан только вторым подъячим. Название переулка говорит о его расположении «за стеной» близко возвышавшегося Кремля. Тянулся переулком от начала улицы Русиновой к началу Никольской и как бы соединял их. Огород Филки Дементьева, жившего в седьмом дворе по переулку, на 41 сажень – почти на 87 метров – располагался вдоль соседней улицы Николы Ратнова (с. 126).

В переулке на черной земле стояло 12 дворов, из них посадских было 8 да 2 места дворовых. В двух дворах на белой земле проживали вдова подъячего Земской избы Лукерья Ухова и площадной подъячий Ортюшка Копылов. Из посадских ремесленников дворами владели замочник Мишка Петров, рукавичник Тимка Нестеров, овчинник Куземка Огафонов, торговавший «щепетиньем» Ортюшка Васильев, двое вдовиц – Анютка Вязигина и Маланьяца Емельянова – работали «по найму на люди». В переулке стоял двор единственного костромского «гостя» Ивана Фторова сына Озерова, в котором жил дворник Якимко Иванов. Двор принадлежал «бывало» Сенке Ворошилову, видимо, посадскому человеку. Размеры двора довольно большие для центра Костромы: 110 сажений в длину и от 61 до 23 сажений поперек, что по площади равнялось чуть более двух гектаров.

В КУЗНЕЦАХ

Для следующего района посада название можно взять из Писцовой книги – «В Кузнецах». Оно часто упоминается в документах писцов.

От Благовещенской церкви начинался Стрелин переулочек, и в северном направлении он шел «от города» к Стрелиной улице. Переулочек был небольшим, но потребовал работы обоих писцов, оставивших описания под названиями: «Переулочек к Стрелине улице от города, идучи по обе стороны» (с. 64-65) и «Стрелин переулочек» (с. 141). С переулочком в Стрелину улицу в «уском месте»

граничили церковные земли, на которых жил благовещенский «поп Григорей».

В переулочке стояло 19 жилых дворов, из них один двор назван мирским, «ставятца на нем приказные люди» (с. 141); другим двором на черной земле, где жил когда-то соборный священник Иван, сейчас владел по купчей грамоте Матвей Федорович Стрешнев, который дважды – в 1624-1625 и в 1626-1628 годах – был воеводой в Костроме. Известно о нем, что 5 февраля 1626 года он, как родственник со стороны царской невесты, участвовал в свадьбе царя Михаила Федоровича и Евдокии Лукья-

План улиц и переулочков посада «В Кузнецах».

новны Стрешневой, шел в брачном поезде за санями государыни. Именно при этом воеводе стали составляться Писцовые книги Костромы 1627/28-1629/30 годов, которые мы изучаем.

Посадских дворов было 16, они принадлежали Данилке-истопнику; двум седельникам – Микитке Яковлеву и Ондрюшке Мосееву, которые изготавливали седла; извозщику Васке Фадееву и плотнику Ивашке Онофрееву; сапожнику Васке Евсееву и щепетильнику Пополитке Михайлову; луковнику Иванке Матвееву и пирожнику Якушке Григорьеву. С торговым делом были связаны мучник Семейка, владевший лавкой по купчей в Мучном ряду (с. 64, 230); Гришка Турабьев, сидевший в наследственной лавке в Ветошном ряду; Пронка Яковлев сын Салтамышев, торговавший в трех лавках в старом Рукавишном ряду и лавке «о дву замках» в старом Красильном ряду, «идучи от Волги налево». Последней лавкой Пронка владел вместе со служкой Ипатьевского монастыря Григорием Ивановым (с. 64, 222, 219-220).

Следующая Стрелина улица, вопреки мнению местных краеведов, совершенно не совпадала по своей направленности с Павловской улицей конца XVIII века и современным проспектом Мира. Древняя улица поворачивала от Стрелина переулка прямо на восток и шла «к Кузме Дамьяну», то есть к Козьмодемьянской церкви, стоявшей в Кузнецах на берегу Козьмодемьянского пруда. Это была не длинная, но широкая улица, входившая в район Кузнецы, которую описали оба подьячих: **«Улица Стрелина»** (с. 64-65) и **«Улица Стрелина, идучи к Кузме Дамьяну»** (с. 142).

Исследователи считают, что время возникновения Стрелиной улицы, которая переходила в дорогу на Галич Мерский, относится к периоду жизни первого Костромского поселения XII-XIII вв. Здесь числилось 18 посадских дворов, в которых кроме дровосека Провоторшка Семенова, скорняка Сережки Васильева и нескольких вдов, кормившихся работою, в основном проживали кузнецы, большая часть которых занималась и торговлей. Например, «средние» люди братья Олешка, Семейка

и Устинка Яковлевы, занимавшиеся кузнечным делом в своих кузницах: Олешка владел по купчей тремя лавками – одной в Мясном ряду и двумя в Солоденном; Семейка вместе с Прокофьем Салтамышевым вел торг в трех лавках старого Рукавишного ряда, а Устинка Яковлев торговал в лавке Соляного ряда (с. 65, 196, 218, 222, 201). Кроме того, три брата имели около Медного пруда место огородное отхожее, размером 70 на 15 сажень (с. 67), а также владели «безоброчно» в течение 6 лет сенокосной полянкой «под Костромою ж по конец посаду за рекою за Черною» в пустоши «что была слободка Арыпова» (с. 345), а старшему Олешке принадлежал еще отхожий огород в Колачном переулке со всполья (с. 148).

Про другую семью «средних» людей – «Богдашка да Сенка да племянники их Ивашка да Сенка Федоровы дети» Салтамышевы, было записано: «торгуют, сидят в лавках за мелким товаром за щепетиньем». Старшие в семье – Богдан и Семейка – владели лавками в Новом ряду и в старом Рукавишном (с. 65, 205, 223). Они имели исстари, когда был жив еще их отец, сенокосные пожни по Костроме реке в соседних межах с землей слободки Гашеевой, принадлежавшей девичьему Настасииному монастырю (с.290). Еще двое жителей этой улицы вели торг в рядах Нового города Костромы: «молотчий» человек Левка Бородавкин – в Солоденном ряду (с. 64, 221), и Ортемка Клементьева сын Дешевые Ржи – в Скорнячном (с. 142, 224).

Стрелина улица у церкви Космы и Дамиана упиралась в Кузмодемьянскую улицу, и соседство их подтверждает расположение огорода «среднего» человека кузнеца Олешки Яковлева, владевшего двором в Стрелиной улице, а дворовый огородец находился «позады двора», уже в Кузмодемьянской (с. 65). Оба подьячих, пройдя по этой улице, разделили свои участки еще на две части и описали их под такими названиями: первый – **«Улица Кузмодемьянская»** (с. 66) и **«Улица Кузмодемьянская к Златаусту»** (с. 67-68); второй – **«Кузмодемьянская улица, идучи ко вспо-**

лю» (с. 142-143) и «**В Кузмодемьянской же улице**» (с. 144-145). Такое деление было не случайным, а отражало изогнутость улицы и ее движение к храму святых мучеников Фрола и Лавра в Златоустинской улице, и далее – по направлению к Калачной улице и всполью. Кузмодемьянская улица начиналась у храма, посвящение которого дало название ей. Церковь «святых чудотворец безсребреников Космы и Дамиана» была деревянной, шатровой, рядом стоял трапезный клецкий храм «святые Христовы мученицы Парасковей, нарицаемые Пятницы». Святых Косму и Дамиана называли не только целителями и бессребрениками, но и Божиими кузнецами, которые сами занимались кузнечным делом – ковали плуги и раздавали их людям для возделывания земли. Поэтому посадские кузнечные мастера считали их своими покровителями и ставили в своих слободах храмы, посвященные этим святым.

Вся утварь, наполняющая обе церкви в Кузнецах, – иконы, свечи, книги, ризы, колокола – «мирских приходных людей». По обе стороны улицы простирались церковные земли, на которых стояли дворы с огородами службеников храма – священников Антона и Михайло, и дьякона Ивашки Архипова (с. 275).

Район этот назывался Кузнецы, в него входили левая сторона Русиновой улицы, Игнатова, Гатилова, Златоустенская улицы, а Кузмодемьянская с храмом была его центром. Это была не белая, освобожденная от госуда-

Секирный железный замок XVII века.

рева тягла земля, а черная посадская. Дворами и кузницами здесь владели костромские кузнечные ремесленники, платившие всякие государевы подати и службы, выполнявшие вместе со всем посадским миром.

В Кузмодемьянской улице стояло 38 посадских дворов, и половина из них принадлежала кузнецам. Из них только один кузнец Тихонко Онцыфоров торговал в Железном ряду в лавке с привалочком «о дву замках» (с. 67, 211). Связаны с рынком были проживавшие в улице Ивашка Воинов, владевший в Серебряном ряду лавкой «о двух замках» вместе с Гришкой Юдиным (с. 67, 215); Микифорка Безсолицын вел торг в лавке, «идучи к Воскресенским воротам от Гостина двора» (с. 67, 197); Ивашка Григорьев-рогозиник имел промысел – «торгует лаптеми и рогозинами» (с. 145); семья Жидовиновых за Сапожным рядом владела лавкой по старине (с. 67, 237). Из других мастеров дворами владели колачник Семейка Богданов, мучник Первушка Васильев, варежник Ромашка Тюшков, пять человек пахали огород и трое кормились работой по найму.

В своем движении ко всполью Кузмодемьянская улица у трапезной деревянной церкви «святых мученик Фрола и Лавра» пересекала Златоустенскую улицу, названную по имени святителя «Иоанна Златоустаго», храм которого когда-то стоял здесь, а ныне значился церковным местом. Церковь названа «ружная», то есть содержание ее могло осуществляться за счет поступлений или из казны, или от прихожан. Это могли быть деньги, воск на свечи, мед на кутью, пшеница на просфоры. Вероятнее всего, этот храм пользовался ругой из государевой казны, и назначить ее мог государь Михаил Федорович, который вложил в церковь многую церковную утварь. На церковной земле проживали поп Огафонник Офонасьев сын и вдовая попадья Марья (с. 277-278).

Храм Фрола и Лавра делил Златоустенскую улицу как бы на две части – западную и восточную. Западная шла к Богоявленскому монастырю и была описана первым подьячим под названием «**Улица Златоустенская**» (с.68-

69), а восточная часть тянулась к Медному пруду, ее под названием **«Златоуспенская улица к Медному пруду»** (с.146-148), составил второй писец.

В улице находился 41 посадский двор, в одном дворе на черной земле жила вдова служня Богоявленского монастыря Ульянка, а в келье – повивальная бабка Онтонидка. Чуть меньше половины посадских дворов были заняты кузнецами, среди которых писцы выделили узких специалистов – двух «нажевников» Левку и Ивашку, изготовлявших ножи; двух «котелников» Исачку Офонасьева и Илейку Лукьянова, делавших котлы; скобяника Тишку Онцыфорова и бронника Трошку Алексеева, мастера по кольчугам и панцирям. Несколько человек в этой улице, как и в предыдущей, работали в кузницах из найму молотобойцами.

Кроме кузнецов, в Златоуспенской улице проживали сарафанник Семейка (с. 69), дровосек Ивашка Загосткин, рукавичник Олександр Федоров и варежник Овдокимко Григорьев, три сапожника – Тимошка Опара, Еремейка Омельянов и Минка Парфеньев, шапочник Игнашка Филипов и овчинник Ондрюшка Васильев (с. 146-147). Дворами владели здесь и несколько хлебников – Ортюшка Степанов, Исачка Губин и Ивашка Зобенин, двое последних вели лавочный торг в Хлебном ряду (с. 68, 232, 231).

Западным своим концом Златоуспенская улица упиралась в Медный пруд. От Кузмодемьянской улицы тоже можно было пройти к Медному пруду небольшим, но широким и изогнутым переулком, по которому прошли оба писца, обозначив его одинаково **«Рохманцов переулком»** (с. 68; 145-146). Если идентифицировать расположение Рохманцева переуллка с современными улицами Костромы, то можно расположить его по линии проспекта Мира между улицами Князева и Сенной.

Железный ключ XVII века.

В переулке было 15 жилых дворов, которыми владели извозчик Логин Пятов, рукавичники Федка Орефьев и Якунка Федоров, ветошники Тренка Семенов и Савка Игнатъев, колотильщик Трошка Микифоров и Петрушка-портной (с. 145-146).

Название следующего места, описанного обоими подьячими, – **«Около Медного пруда»** (с. 66-67) и **«На Медном пруде»** (с. 143-144) – дает возможность предположить, что происходило оно от слова «медь», ведь предполагался Медный пруд в районе Кузнецы. Но в отличие от

соседних улиц – Кузмодемьянской и Златоуспенской, где находилось свыше 30 кузниц, на Медном пруде их не было совсем. Здесь проживали гвоздарь Федка Панфильев и молотобоец Гришка Родионов, но кузницами они не владели. Можно согласиться с предположением краеведов, что «Медный» происходил от слова «Медяной», то есть связанный с медом: возможно, в старину пруд окружал лес, и «костромитяне» могли заниматься бортничеством (Улицы Костромы. Справочник. С. 67).

На берегу Медного пруда в 16 посадских дворах проживали луковник Петрушка Онтон и огородник Давыдка Кузьмин, шубник Лучка Федоров и животинный прасол Ивашка Деревнин, а также 4 варежника – Дружинка и Куземка, Ромашка Борисов и Федка Путило. Кроме посадских дворов здесь были отхожие огороды, стояли три кельи нищих и двор на черной земле стрельца Савки.

Берег Медного пруда был уже восточной границей Костромы, за которой начиналось всполье и располагались огородная и «выпускная» земля костромских посадских людей и Гашеева слободка «Настасейна девича монастыря» – «за посадом от города направо по Вологоцкой дороге». «Ездят промеж слоботки Гашеевки на большую дорогу к Сущевке» – уточнили писцы. Эти места соответствуют тер-

ритории современной Костромы к востоку от улицы Маршала Новикова.

Согласно Писцовой книге 1628 года, Гашеева слободка дана костромскому девичьему Анастасиину монастырю, расположенному на посаде, по жалованной вотчинной грамоте царя Михаила Федоровича 1627 года. В ней писцы насчитали 27 бобыльских дворов с проживавшими в них 47 непашенными людьми. В 13 дворах числилось по одному человеку, в остальных 26, кроме дворовладельца, указаны или его родичи – брат, племянник, пасынок, зять, или подсосудники.

Кроме этого, в слободке стоял «двор коровей монастырской», да пустые две кельи и двор нищих, владельцы которых «бродят в миру».

К Гашеевой слободке «истари», еще по старым книгам сыску Осипа Плещеева и Посника Шапилова 1594 года (7102 год от сотворения мира), были приписаны пожни Столовая и Гольянка, расположенные по Костроме реке. Вся земля монастырская слободки Гашеевой граничила с посадской, была отведена и размежевана с ней костромскими посадскими людьми Яковом Бороткиным и Остафеем Онтипным во главе с выборным человеком Земской избы Микифором Шишигой (с. 289-291, 362).

От Медного пруда дорога в посад резко поворачивала на запад, и по Калачному переулку можно было попасть в Калачную улицу, которая вела к Богоявленскому монастырю. В переулке дворы описывал второй подьячий, и названия переулков, внесенные им в документ, ясно говорят о его расположении: «**От Медного пруда в Колачный переулок**» (с. 148) и «**Со всполья Колачной переулок**» (с. 148-151). 21 жилым двором владели здесь разные ремесленники: два сапожника Левка Иванов и Петрушка, варежник Костентин Перфильев,

Житель русского посада.
Рисунок из «Альбома
Мейерберга». 1661 год.

«чюлошник» Давыдка Хряпа, овчинник Власка Богданов, дехтять Онкудинка Лукоянов и многие другие. Количество кузнецов уменьшилось до одного. Проживание двух колачников – Васки Пятова да Максимки Романова, вряд ли повлияло на название переулков. На карте видно, что переулок, шедший со всполья по восточному берегу Медного пруда, имеет довольно округлые очертания. Близость к всполью сказывалась в существовании здесь свободных участков земли, которые были отданы новым посажанам на трехлетние льготы для устройства дворов и подотхожие огороды.

Из Калачного переулков мы вместе с обоими писцами попадаем в Калачную улицу, названную: «**Улица Калачная к Богоявлению**» (с. 69-71); «**Калачная улица**» (с. 148) и «**В Колачной улице**» (с. 153). Тянулась улица на запад, по правой стороне которой располагалась уже земля «за посадом» и находились Богоявленского монастыря «коровей двор и поляна», а далее – слободка Пищальная. Калачная улица сопоставима по направленности с Троицкой улицей XVIII века (участок между Еленинской и Ново-Троицкой) и современной улицей Комсомольской (участок между улицей Ленина и Козуева).

Улица была довольно длинная, на ней стояло 27 посадских дворов и мест дворовых, а также один двор нищего. Во дворах проживали сапожник Полуехтка и дехтять Степанка Большой; рукавишники Игошка Софронов, Стенка Федоров и варежник Гришка Семенов; кузнецы Тимошка Смагин и Олферка Янов; однорядочник Матюшка и луковник Ондрюшка Федоров.

От Колачной улицы к северу пролегалы дорога «что ездят к убогому дому», а далее через «Кочеватое болотце» и «Красную горку» «на Большую дорогу Суцевскую». А главное, по

этой дороге можно было попасть в Пищальную слободку Костромской Богоявленской обители и далее в Полянскую слободу Московского Троице-Сергиева монастыря.

Богоявленский монастырь получил слободку по царской Михаила Федоровича жалованной грамоте 1621 года вместо «вкладных полянок», поселил в ней монастырских детенышей, выполнявших пахотные работы на монастырь. Писцы назвали лишь имена пяти служебников (с. 318), уделив особое внимание межеванию слободской земли с посадской. И первая межевая грань находилась как раз на углу «Калашной улицы подле дороги, что ездят к убогому дому». Убогий дом, или место, где складывали, а затем хоронили тела всех умерших не своей смертью горожан, находился в это время к северо-западу от Калачной улицы, рядом с Кирпичной слободой, о которой речь пойдет ниже.

Еще далее к северу простирались владения Московского Троице-Сергиева монастыря – слобода Полянская, которая до 1579 года была во владении костромского пушкаря Григория Полянского, по имени которого слободка не только вошла в историю Костромы, но и сохранилась в современной топографии города под названием улицы Полянской. В отличие от малонаселенной Пищальной слободки, в Полянской было насчитано 29 дворов жилых и 7 пустых, да 32 бобыля (с. 292-293). Слободка тоже была отмежевана и от посадской земли, и от Пищальной – учинены грани, прокопаны ямы с камнями и угольями. И первая межа между слободками проходила по переулку, «что ведет к колодезю по воду ходить», «а колодезь вопчее слободки Полянской слободкою Пищальной крестьян» (с. 293).

Название «Пищальной» кроме слободы носил еще и переулочек, описанный вторым подьячим под названием **«От решетки, идучи в Пищальной переулочек»** (с. 152-153). Оттого, что в названии переулочка упоминается решетка, на которую, как известно, могли запереться

концы улиц и переулков, вероятно, он находился где-то на всполье, на окраине посада, и вел, возможно, к Пищальной слободке. В соседнем переулке проживал и решетник Ортюшка Иванов (с. 151), обязанностью которого и являлось запираение решетки на ночь. Конец посада сказывался и в том, что из 8-ми дворов, стоявших здесь на черной земле, пять было свободных и отданных на льготные годы для обустройства посадских дворов и заведение ремесла. У всех льготчиков промысловых занятий указано не было, все они получили по пять лет, по прошествии которых должны были «с того двора и своего промыслу давать всякие государевы подати и службы служить всякие с посадскими людьми в ряд, чем ево в тягле миром обложат». В одном из черных дворов жил дьячок Богоявленского монастыря Гурка Офонасьев, а рядом на белом месте – бирич Демка Иванов – приказной служащий, оглашавший, объявлявший посадскому люду распоряжения властей.

Где-то в середине Калачной улицы, двигаясь в южном направлении, можно было попасть по переулку в Златоустинскую улицу. Переулочек описывал второй подьячий – **«Переулочек ис Колачной улицы в Златоустинскую улицу»** (с. 151-152) и насчитал здесь 11 дворов, из них 10 жилых и один пустой. Здесь же место отхожее огородное имел мастер по изготовлению свечей Ортюшка Михайлов, проживавший в Колачном переулке.

Среди владевших дворами в переулке, ведущем в Златоустинскую улицу, были крупник Ивашка Федоров, сапожники братья Кирилка и Агейка Гавриловы, щепетильник Петрушка Михайлов. На черной земле стояли здесь дворы извозчика Ортюшки Семенова, бывшего когда-то ямщиком, а также пушкаря Ивашки Зоминова Шилы.

Улица Калачная привела нас вместе с составителями Писцовой книги к стенам одного из древнейших Костромских монастырей – Богоявленскому.

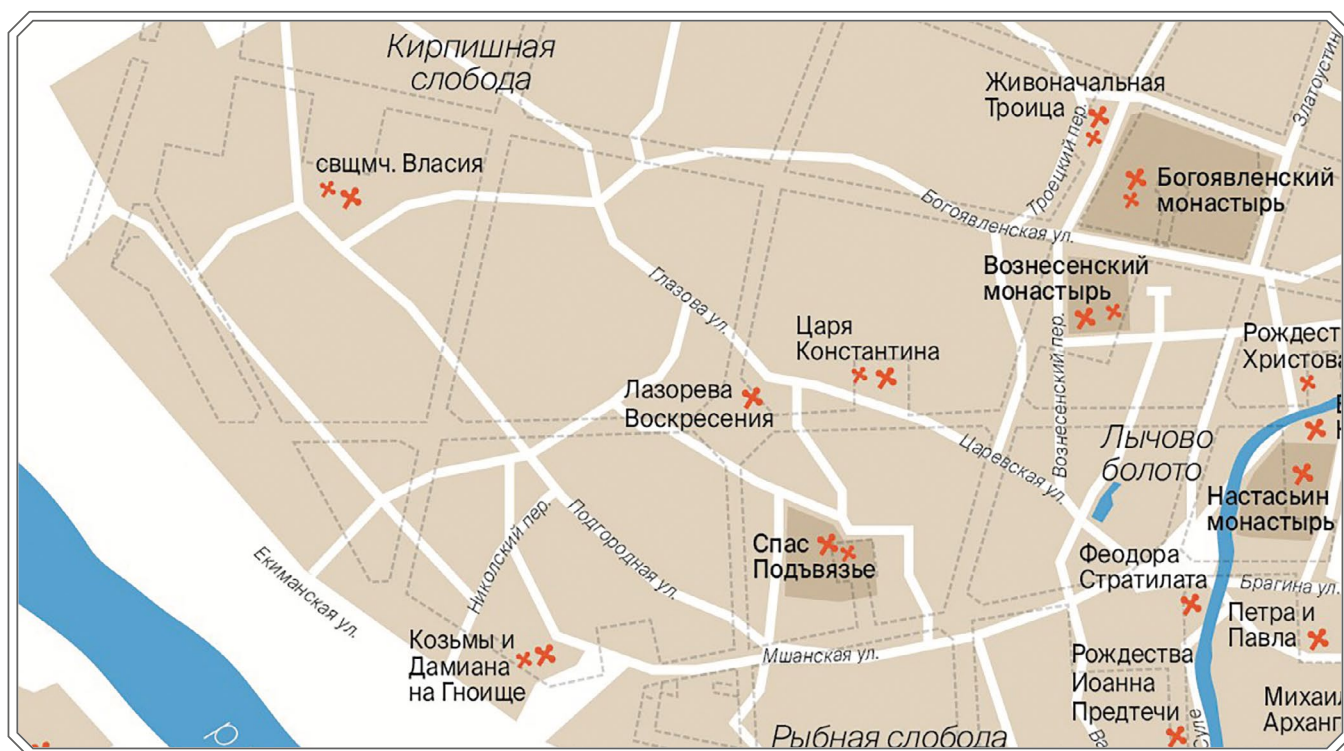
«У БОГОЯВЛЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ»

Монастырь в честь Богоявления Господня являлся архитектурной, а главное духовной доминантой посадского района, расположенного к северу от Костромских крепостей. Население улиц и переулков, лежащих вокруг обители, подлежало духовному суду властям Богоявленской обители, «опричь душегубства и разбоя и татбы с поличным».

Богоявленский монастырь, которому на страницах Писцовой книги было уделено 96 листов, возник на костромском посаде в начале XV века, примерно в 1426 году. Древний монастырский Синодик и трапезный устав XVII века первым в ряду настоятелей называли «преподобного старца Никиту строителя месту сему», поэтому устроителем обители признается преподобный Никита Костромской – ученик и даже, согласно монастырскому преданию, сродник преподобного Сергия Радонежского. Монастырские постройки, бывшие при игумене Никите деревянными, в XVI-XVII веках стали перестраиваться в камне. Их описание нашло отражение в документе 1628 года:

главная церковь «Богоявление Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа» с двумя приделами – правый в честь Успения Божией Матери и левый во имя Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова и святого Николая Чудотворца, возведенная еще при царе Иване IV Грозном в 1559-1565 годах, «о пяти верхах, на болшем подклете» с древними храмовыми образами в серебряных золоченых окладах, пеленами, с церковной утварью, ризничными облачениями и книгами духовными; придельный храм в паперти преподобного Сергия Радонежского с каменной колокольницей и 100-пудовым очапным колоколом (очеп – шест, с помощью которого приводили в движение прикрепленные к нему колокола); теплая каменная Трехсвятительная церковь во имя Вселенских учителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста; малый храм Московских чудотворцев Петра, Алексея и Ионы над восточными Святыми воротами (с. 295-318).

К северу от обители, «у Богоявленских у святых ворот», стоял приходской деревянный

План улиц и переулков посада «У Богоявленского монастыря».

храм Покрова Пречистой Богородицы с трапезной церковью «великого Христова мученика Власья». Главная роль во всем церковном устройении и наполнении храма православной утварью принадлежала священникам этих церквей – вдовому попу Фирсу Савинову и сыну его Ионе, проживавшим рядом на церковных землях (с. 278).

Этот церковный комплекс стоял не у самых восточных монастырских ворот, к нему можно было попасть, пройдя по нескольким переулкам: **«В Златоустенской улице из Калашной улице в переулке, идучи к Покрову по левой стороне», «По стороне Богоявленского монастыря, идучи к Покрову по левой стороне из Колашной улицы в Троецкой переулке»** (с. 71), **«Переулке по сторон Богоявленского монастыря к Покрову по левой стороне»** (с. 153-154). Оба эти переулка были описаны обоими подьячими. Сравнение названий двух последних переулков говорит о том, что это был один и тот же переулок. Во всех их стояло малое число посадских дворов – всего пять, в них проживали портной Овдокимко, свешник Степанка и три иконника – братья Левка Васцын и Васка с сыном же Ваской. Каждый из братьев владел торговыми заведениями: Левка – лавкой в Свежем Рыбном ряду «по государеве грамоте и по данной», а Васка – местом лавочным в Суроском ряду «по купчей» (с. 71, 204, 203). Остальные шесть дворов на черной земле в переулках занимали службы Богоявленского монастыря.

Вокруг Богоявленского монастыря, кроме описанных выше переулков, продолжали сосредотачиваться тоже небольшие местечки, о точном местонахождении которых трудно что-либо говорить, даже учитывая происхождение их названий от посвящения близ стоявших храмов. Например, к востоку и юго-востоку от Богоявленской обители тянулись такие переулки, как Богоявленский, Златоустенский, Рождественский, Пятницкий, по которым прошел второй писец.

Самым большим, по количеству записанных дворов, был **«Богоявленской переулке»** (с. 157-159), названный по монастырю. Здесь

стояло 23 двора, из них в 16-ти жили посадские люди; 3 двора входили в категорию льготных; в двух дворах на черной земле жили вдовы: Оксиньца – служка Богоявленского монастыря Богдана Захарсково, и Феминыца – служка Крестовоздвиженского монастыря Василия Кривобородово. Вдова Паранка Дьяконова, владевшая двором, была нищей и кормилась «имянем Христовым по миру». Один из дворов «Перши воложенина» был пуст – «вымер со всем» (с. 158). Большим количеством дворов в переулке владели извозчики: Данилка Максимов и Офонка Павлов, Васка Юрьев и Степанка Иванов; далее следовали рукавичники – Тимошка Павлов и Назарка Костров; сапожный мастер Офонка Терентьев и свечник Гришка Кукле; ветошник Матюшка Игнатъев и холщевник Богдашка Кусилов; серебряник Лукашка Федоров. Несколько из посадских торговали: «худые» люди вдова Настасьица Коновалова с сыновьями Ывашком и Михалком имели промысел «торгуют шубами да орешечки» (с. 157). «Добре худой» человек Иванка Подшитово – «мясник и колачи печет» (с. 158); мясник Васка Микитин получил место для торговли «за Воскресенскими вороты за Колашным и за Масленным рядом» (с. 159, 248). Трое посадских людей – Федка Костров, Окинша Федосеев и Ивашка Доспехов – получили двухлетние льготы для устройства домов и заведения ремесла, после чего «всякие государевы подати, чем миром обложат, и службы служить с посадскими людьми в ряд».

«В Златоустенском переулке» (с. 154), малом по размерам и получившем название, как и улица по храму Иоанна Златоуста, числилось всего два черных места, которыми владели когда-то Ивашка Цедилов.

«Рождественской переулке» (с. 159-160) располагался, видимо, поблизости от церкви Рождества Христова на Суле, получив от храма свое название. В пяти дворах проживали подошевник Якунка; серебряник Оверкейка Надежин вместе со своей матерью вдовой Парасковьицей; вдова Федорка, после смерти мужа-харчевника кормившаяся работой. Ортюшка Колемин промышлял торговлей в лавке

Крашенинного ряда, «идучи з Брагины улицы по левую сторону» (с. 159, 228).

Рядом с Христорождественской церковью возвышался тоже деревянный трапезный храм «Собор Михаила архангела», в церковном устройении и формировании храмовой утвари которых главную роль имели «мирские приходные люди». Церковный причт состоял из священников Григория и Петра, которые проживали рядом с церковными землями. Тут же находился двор с огородом попады Анны с детьми – вдовы попа Ивана Небученово (с. 279-280).

Пятницкому переулку второй писец посвятил два отчета: «**Пятницкой переулком**» (с. 160-161) и «**Пятницкой переулком с Сулы идучи**» (с. 162-164). Переулком имел название по посвящению церковного придела великомученице Параскеве Пятнице храма в честь Входа Христова в Иерусалим. Это была трапезная церковь в расположенном на Суле «девич Настасеин» монастыре (с. 286). Из 16 дворов, подсчитанных подьячим, посадскими числилось семь, льготными – три. В трех дворах на черной земле проживали из Богоявленского монастыря: повар Пятунка Патрекеев (с. 161) и служка Осипко Неудачин, из соборного храма Феодоровской Пречистой Богородицы – сторож Ивашка Рудеев.

Из посадских людей дворами владели два сапожника Тимошка Петров и Костка Акинфов (с. 164); котельник Обрамка Микитин (с. 160) и плотник Титка Федоров (с. 163). Двор портного мастера Ондрюшки Юдина был пуст, «розвалился», а сам хозяин «сшол безвестно» (с. 160). Льготные дворы получили посадские люди, владевшие уже ремеслом: колачным – Оничко Осипов, портновским – Осипко Хайлов (с. 162-163).

С рекой Сулой, протекавшей в этом районе, были связаны «**Переулком из Сулы**» (с. 74-77), описанный первым подьячим, и место под названием «**Дворы по Суле**» (с. 160), в котором побывал второй. Как эти места соотносились друг с другом, трудно сказать. Но, вероятнее всего, они находились на правом берегу Сулы, потому что левый берег занимали дворы сто-

рожей Анастасиина монастыря (с. 288), с которыми мы познакомимся позже. Известно, что река Сула, протекая с востока на запад, под стенами Анастасиина монастыря, несла свои воды в Волгу, являясь ее левым притоком. Но текст Писцовой книги позволяет говорить, что она уже не была такой полноводной рекой, как, возможно, в древности: для ее характеристики писцы употребляли такие слова, как «Сулский враг» и часто – «на вымле», вымоина.

В переулке «из Сулы» стояло 25 дворов, все они были посадскими, владельцы их занимались разными ремеслами: сапожничал Агейка, плотничал Микифорка; живодером был Харка; разводил голубей Петрушка, собирали орехи Пашка с сыном Ивашкой, солод выращивал Меркушка, а хлебником был Демидко. Большинство же сочетали ремесло с торговлей: «молотчий» человек Фалелейка Власьев шил рукавицы и в Рукавичном старом ряду владел лавкой по купчей (с. 76, 222); «добре худой» человек Савка Домерников торговал в лавке Сапожного ряда, «от Благовещенских ворот, идучи налеве» (с. 77, 235); в Москатильном ряду владел лавкой по купчей Осипко Литвинов (с. 75, 213); а в лавке Крашенинного ряда, «идучи з Брагины улицы по левую сторону», вел торг Томилко Заболотнов (с. 75, 228).

«Середний» человек Калинка Григорьевич Сохин с братом Мишкою активно торговали в Мясных рядах: они владели двумя лавками по старине и по купчей (с. 75, 193, 231). «Молотчий» человек Якунка Чичов получил место в Рыбном ряду, «идучи от Предотеченских ворот налеве», пополам с дьячком Борисоглебского храма Петрушкой Яковлевым (с. 74, 246). Максимка Зигин, проживавший в переулке, вместе с братом Карпункой сидели в лавках в Рыбном ряду «на вымле» и в Хлебном ряду, «идучи от Мясново ряду к Волге нелеве» (с. 76, 207, 233). Оничко Одинцов, проживавший в одном дворе с братом Манушкой, «на вымле от Никольских ворот» владел полоком и торговал хлебами и калачами (с. 76, 241).

В другом местечке «по Суле» стояло всего 5 посадских дворов, в которых проживали плотник Сенка Михайлов, щепетильник Якушка Чи-

чев, солоденик Ивашка Ермолаев и калачник Евтихейка (с. 160).

У Богоявленского монастыря пролегали переулки, расположение которых нетрудно определяется по подсказкам Писцовой книги. К таким переулкам можно отнести Троицкий и Вознесенский. Троицкий переулок описали оба подьячих, первый назвал его так – **«В Троецком в кривом переулке»** (с. 71-72), а второй – **«Троецкой переулок»** (с. 154). Не случайно Троицкий переулок называли кривым, он изогнутой линией огибал Богоявленскую обитель с северной стороны, размещаясь между двумя улицами – Калачной и Богоявленской. Свое первое название переулок получил по стоявшему здесь когда-то храму во имя Живоначальной Троицы, в 1628 году уже разрушенной и числившейся как «место церковное». Действовавшей оставалась лишь трапезная деревянная клетская церковь в честь Введения во храм Пречистой Богородицы. На церковной земле стояло 19 келий, жительствовавшие в них нищие, которые «питаютца от церкви Божии». В храме служило несколько священников – Петр Микитин, по прозвищу Богдан; поп Иван Артемьев, дьякон Василей Петров; да брат Петра Богдана дьякон Лука. Жили священники рядом с храмом, близ церковной земли, в своих дворах с огородами, немного прихватив к себе, как указали писцы, черной посадской земли (с. 278-279).

Семью дворами Троицкого переулка владели посадские люди: огородник Ивашка Кондрачев (с. 154); братья Ивашка, Тренка и Агейка Трубины, каждый в своем дворе, но чем занимались и чем кормились, не известно (с. 72). «Худой» человек Посничка Бородулин, имевший общий двор с братом Савкой, владел полком и торговал «подле Спасского монастыря, идучи к городу налеве» (с. 71, 239). Офонка же Прокофьев вел торг со скамьи, «идучи к Никольским воротам направе» (с. 72, 240). Одним местом дворовым черным в переулке владели власти Богоявленского монастыря (с. 154).

Ориентиром при поиске места другого Вознесенского переулка была стоявшая к западу от Богоявленского монастыря – «по сторон Богояв-

Церковь Пресвятой Троицы в Троецком переулке. Построена в Костроме в середине XVII века на средства костромского купца Илариона Постникова.

ленского монастыря» – Вознесенская обитель, давшая название переулку. Он начинался у северо-западной башни Богоявленского монастыря, был довольно длинным и широким, и тянулся к Царевской улице. По нему дважды прошел второй писец, назвав его одинаково **«Вознесенской переулок»** (с. 161-162, 165-166).

Числилось в переулке 28 дворов, в 16-ти жили посадские люди, три двора относились к категории льготных и два двора пустовало. Остальные дворы на черной земле принадлежали Богоявленской обители, в них жили монастырские служки Семейка Иванов и Путилка Дмитриев, а также вдовы служек Овдотьица и Ульяновка (с. 162). Здесь же на черной земле стоял двор подьячего таможенной избы Иванка Петрова. К сожалению, писцы не отметили ремесленные занятия многих посадских людей, назвав лишь торочешника Ивашку Микитина и горшевника Гришку Павлова сына, портных мастеров Ивашку Гнуси и Дружинку Кузмина,

орешника Сенку Левонтьева и иконника Андрюшку Федорова. Один из льготных дворов на три года получил Ивашка Домерников как «старое отца ево» место. Отец его Савка со своим братом Любимкой проживал недалеко, в переулке из Сулы (с. 77).

Главным храмом Вознесенской ружной обители, стоявшей в переулке, была в это время церковь преподобного Варлаамия Новгородского чудотворца. Рядом находилось место церковное, на нем возвышался когда-то храм в честь Вознесения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Посвящение храмов чудотворцу Варлааму Новгородскому и Вознесению Господню позволяет предположить более раннее время основания этой обители, чем соседнего Богоявленского монастыря. Известно, что этот новгородский святой в XII веке основал на правом берегу реки Волхов Хутынский монастырь и возвел в нем маленькую деревянную церковь в честь Вознесения Христова. Возможно, костромская Вознесенская обитель возникла во время жизни первого поселения, существовавшего в XIII-XIV вв. при впадении в Волгу рек Костромы и Сулы, в период, когда связи с Новгородом Великим прослеживаются по археологическим и летописным данным.

В монастыре в начале XVII века проживало

Православный монастырь. Гравюра из книги Адама Олеария «Описание путешествия в Московию». 1630-е годы.

3 черноризца под руководством черного попа Деонисея. Земли под монастырем с кладбищем и кельями числилось 42 сажени с полусаженью в длину и 25 сажень поперек. Писцовая книга отмечает особую роль царя Михаила Федоровича, вложившего в костромской Вознесенский монастырь средства на «церковное строенье» и многую церковную утварь – «образы месные, и книги, и ризы, и колокола» (с. 279), возможно, утраченную в Смутное время, как Богоявленский и Крестовоздвиженский монастыри во время страшного Костромского погрома.

Самой крупной улицей, проходившей мимо Богоявленского монастыря, была улица, получившая свое название по престольному празднику обители – Богоявлению Господню. Она начиналась и проходила по западной монастырской стороне, имела северо-западное направление и доходила до всполья, где располагался убогий дом. Описание довольно длинной улицы составили оба подьячих. Названия их отчетов позволяют говорить, что первый прошел часть улицы от ее начала, назвав **«В Богоявленской улице»** (с. 71, 72-74), а второй двигался от всполья, где заканчивалась улица, в сторону ее начала. Он так и назвал свой участок – **«Богоявленская улица, идучи со всполья от убогих дому»** (с. 154-157).

Первый писец подсчитал 31 двор, а второй – 32, таким образом на улице стояло 63 двора, в составе которых можно назвать 50 посадских дворов, 5 льготных, 8 дворов на черной земле принадлежало жителям не посадского чина. К категории последних можно отнести четверых служек Богоявленского монастыря – Ромашку Терентьева, Федку Казакова и других (с. 156-157); двоих пушкарей – Наумку Жилина и Федку Ошуркова; каменщика Якимку Мякишева, которому велено было продать двор тяглому человеку, а самому «идти на свое белое место», то есть в Кирпичную слободу (с. 154).

К сожалению, писцы не отметили ремесленные занятия 29 посадских людей этой улицы. Зато называли двух сапожных мастеров – братьев Степанку и Куземку Ошурковых (с. 154);

подошевного Якушку Онтропьева (с. 73); дехтяря Якунку (с. 71); красильников Мартемьянку Григорьева (с. 73) и Корнилку Онисимова, а также зелейщика Федку Рожка (с. 156). Здесь же дворами владели портной мастер Ивашка Гуляя; Филка Мочалков, делавший «пугвицы хамьянные» (с. 156); Данилко колотильщик (с. 74). Гришка Усов, проживавший в одном дворе с братом Игнашкой, в Новом Суконом ряду владевший лавкой по старине, а в торговых рядах подле Спасского монастыря, «идучи к Волге нелеве», вел торговлю с полока (с. 73, 210, 239). Плотник Ивашка Хапуга получил место под полок «у Никольских ворот» (с. 157, 202); «худой» человек Богдашка Клеченов в Москатилном ряду владел лавкой по данной грамоте (с. 74, 213); «молотчей» человек Ивашка Грудец торговал в наследственной лавке Шубного ряда, «от Волги на левой стороне» (с. 72, 216). Ему же принадлежало в конце Богоявленской улицы, у всполья, дворовое место с огородом, на котором посадский мир разрешил двор поставить его сыну Олферке, выделив льготу на 3 года (с. 155-156).

Из «лутчих» людей в улице двором владел «Федор Иванов сын кинешемец», двоюродный дядя знаменитого впоследствии изографа и иконописца Гурия Никитина. Трудно сказать, относилось ли слово «кинешемец» к фамилии или к месту, откуда прибыли они в прошлом. У всех трех «кинешемцев», упомянутых в Писцовой книге, Федора, Мишки и Микитки, слово это написано с прописной буквы. Вероятнее всего, все они были приходцами из Кинешмы, но крепко обосновались в Костроме, особенно первые два брата Ивановичи, войдя в зажиточную верхушку костромского посадского мира, один став «лучшим», а другой «средним» человеком. Федор Иванович вел торговлю в костромских рядах, имея несколько лавок: в Рыбном ряду – две лавки по старине и закладной, в Шубном, «от Волги по левой стороне», – лавку по старине (с. 74, 209, 211, 216).

Необходимо отметить, что в Богоявленской улице находилось «место дворовое и с огородом» московского гостя Ивана Озерова, проживавшего в Брагине улице в Новом городе и

активно участвовавшего в местной торговле (с. 33, 157). Из «средних» людей в улице проживал Мишка Григорьевич Сохин – владелец торговых лавок в Мясном, Хлебном и Соляном рядах: две лавки он имел с братом Калинкою; а две другие им были приобретены по купчей и по данной грамотам (с. 73, 193, 195, 200, 231). «Молотчий» человек мясник Ивашка Минин торговал в лавке Мясного ряда (с. 74, 195), а «худой» человек Ивашка Багров владел двумя лавками в Мясном ряду (с. 73, 194, 195). Отметили писцы и колачника Омелку Сиродкина, коровья пастуха Родку Первова и луковников братьев Федотку и Пятунку Трубиных, а также огородника Олешку Михеева, владевшего в улице сенокосным огородом (с. 154-155).

Вознесенский переулочек соединял Богоявленскую улицу с Царевской и переулком к Лычову болоту, которое четко обозначено на карте Костромы 1781 года в виде небольшого озера. Два двора по переулку описал второй подьячий, так и назвав «**Переулочек к Лычову болоту**» (с. 162). Один посадский двор принадлежал вдове Варварке Заболотной, которая после мужа Степана продолжала владеть лавкой в Сапожном ряду (с. 162, 235). Во втором дворе, стоявшем на черной земле, жил Богоявленский служка Герасимка Иванов.

Следующая улица Царевская шла от конца Вознесенского переулочка резко на север и проходила мимо трапезного деревянного храма, посвященного чудотворцу Антонию с приделом царя Константина, по имени которого улица и называлась. Вероятно, она пересекала Богоявленскую улицу и заканчивалась поблизости от Кирпичной слободы. Именно здесь, в Царевской улице, «по конец посаду», получил место под двор кирпичник Демка Иванов с сыновьями Ондрюшкой и Гришкой (с. 334).

Улицу описали оба подьячих, причем первый только один раз, пройдя по участку улицы и назвав его – «**Улица Царевская**» (с. 77-78), а второй – 4 раза, обозначив: «**Царевская улица**» (с. 164-165, 167), «**У царя Константина**» (с. 167) и «**К Царевской улице**» (с. 167-169). В состав 38 дворов в улице входили 33 посадских двора и одно место дворовое; 3 льготных

двора и двор на черной земле каменщика Федки Опурина, который он должен был продать, а «хоромы снести на белое место, где ему указано» (с. 165). Кроме того, писцы записали келью нищей вдовы Овдотьицы (с. 164), одно место огородное вдовы Маврицы Бадиной (с. 168) и два места отхожих Григория Иванова и Ивашки Ондреева (с. 168, 169). На белой земле в Царевской улице стоял двор сторожа соборной церкви «Пречистые Богородицы Федоровские» Богдашки Прокофьева (с. 334). По три льготных года получили для дворового строения и заведения ремесла посадские люди Сенка Григорьевич Сова, Мартынка Шевяков и холщевник Богдашка Васильев (с. 167, 169).

В Царевской улице, как и в Богоявленской, о промысловых занятиях многих посадских людей ничего не сказано. Отмечены были проживавшие здесь сапожник Маркушка Пылаев, живший во дворе своей матери вдовы Огрофенки (с. 167); портные мастера Игнашка Чернышев и Любимка Ондреев (с. 167); щепетильник Куземка Харитонов и плотник Омелка Рудаков (с. 169, 168); извозчик Зиновка и скотчик Микулка (с. 77, 78); вдовы Ненилка и Любавка, первая делала масло, а вторая огородничала (с. 168).

Братья Гришка и Дениска Шалгачевы, проживавшие в одном дворе, сообща владели по старине лавкой и местом амбарным в Сапожном ряду. Кроме того, Гришка в Суроском ряду вместе с Офонасием Березиным владел лавкой «о семи замках» по «государевой грамоте и по данной» (с. 78, 235, 237, 201). Олексейка Драница вел торг в лавке Солоденного ряда, которой он владел по купчей. Подле же Спасского монастыря, «идучи к городу налеве» – имел полк для торговли (с. 78, 226, 239).

Главный же храм церковного комплекса, стоявшего в Царевской улице, в честь Рождества Христова, в 1628 году уже был недействующим. Важную роль в обустройстве действовавшей трапезной церкви чудотворца Онтония и придельного храма царя Константина сыграл государь Михаил Федорович и священник Павел. На церковной земле стояло 11 келий, проживали в них нищие, «питаютца от церкви Бо-

гии». Из церковных служебников назван поп Артемон Иванов, владевший двором рядом, и часть огородной земли которого «пригородила» себе вдова Матрена Деревнина. И этот участок, в 38 сажень в длину и 10 сажень поперек, посадский мир повелел вдове выгородить и возвратить священнику (с. 279).

Возможно, в районе Царевской улицы и Вознесенского переулка располагался еще один переулок, который описал второй подьячий и внес его в Писцовую книгу под названием «**Переулок Строев**» (с. 167). Несколько изогнутый, возможно он соединял между собой Богоявленскую улицу с Царевской, показанный на карте в виде тонкой линии к северу от широкого Вознесенского переулочка.

Земля в Строеве переулке делилась на черную тяглую и белую «пречистинскую», то есть принадлежавшую соборному храму Богородицы Федоровской. И ту, и другую занимали ее сторожа: два черных места дворовых и место огородное черное принадлежало Гаврилке Вандешеву, Ивану Ведерникову и Олексею Мезинцеву с братом Ондрюшею (с. 167); на белой же земле в 16 дворах жили сторожа Родка Олександров, Никифорка Тимофеев, Васка Калинин, Панка Казаринов и другие. Рядом владел двором священник кремлевского Крестовоздвиженского монастыря Иван Тимофеев (с. 335-336). Некоторые из сторожей занимались торговой деятельностью: Никифорка Тимофеев владел по купчей лавкой в Мясном ряду (с. 194), а Гришка Васильев – лавкой в Горшечном (с. 244).

Ориентиром местоположения следующей улицы Глазова являлся храмовый комплекс из двух деревянных клецких церквей: главная была посвящена Лазареву Воскрешению с приделом Тихона Чудотворца, а трапезная – Входу Господню в Иерусалим. Храм Воскрешения Лазаря стоял «подле пруда», и сторона эта называлась «Лазаревской». Здесь получил место под двор кирпичник Матюшка Офонасьевич Реткин (с. 333). Находилась «Лазаревская сторона» в противоположном направлении от «убогова дому», то есть к юго-востоку от Власьевской церкви Кирпичной слободы. На

карте Костромы 1781 года видно, близ места соединения Богоявленской и Царевской улиц небольшой прудик, где и стоял, возможно, Лазаревский храм, и начиналась улица Глазова. Описание ее оставили оба писца, первый, пройдя, возможно, по началу улицы и назвав: **«Улица Глазова»** (с. 78-82), а второй шел с конца: **«Глазова улица со всполья»** (с. 169-171).

Глазова улица была многодворной, в ней подъячие насчитали 71 двор, среди которых выделяется 64 посадских двора и места дворовых с огородами, 4 льготных и три места пустых. Несмотря на то, что о 37 посадских людях сведений об их занятиях писцы не оставили, все же можно составить представление о промыслах и ремеслах жителей Глазовой улицы. Здесь проживало 3 хлебника Тренка, Пашка и Степанка (с. 78, 79); колачник Сенка Исаков (с. 171) и солодник Ивашка Прокофьев (с. 81). «Середние» люди – «вощешник» Оニコ Лаврентьев вел торг в лавке Солоденного ряда (с. 79, 218); а Обросимко холщевник здесь же, в Солоденном ряду, владел лавкой по купчей (с. 82, 220). «Молотчей» человек мельник Пятунка был и кабацким откупщиком, а «худой» человек Фторушка Мелников торговал, «отъезжая» (с. 78).

Славилась улица своими сапожниками, здесь жили и просто сапожники, как Малютка (с. 81), так и те, кто вел широкую торговлю в Сапожном ряду: это «молодчий» человек Ивашка Большой Посадников, имевший общий двор с братом Ивашкой Меншим, но самостоятельно владевший по старине и по купчей двумя лавками (с. 81, 235, 236); возможно, их родственница вдова Матренка Посадникова с сыном Якушкой тоже торговала в сапожной лавке (с. 82, 236). Онтонка Шаровников в Сапожном ряду «от Волги, идучи налеве на вымле у Брагиной улицы» владел лавкой по старине (с. 171, 236), а Харитонка Федоров сын Шаровников за Сапожным рядом получил место лавочное для торговли (с. 79, 238). «Добре худой» человек Исачка Епимахов владел в Сапожном ряду пол-лавкой по купчей (с. 82, 236).

В разных рядах активно торговало семей-

Глиняная костромская посуда XV-XVII вв.

ство Ярыкаловых. Двором владел глава семейства Гаврилка, а торг вел его сын Ивашка: в Хлебном ряду он владел тремя лавками по старине, в Сапожном ряду – местом лавочным, а в Крашенинном ряду имел амбар по старине. Кроме того, на Подгородной улице ему принадлежало место дворовое с огородом (с. 79, 232, 233, 228, 235, 171).

Из других промысловиков в Глазовой улице дворами владели скорняк Петрушка Филипов, плотник Бориско Денисов, колотильщики Стенка Родионов и Богдашка Иванов (с. 170), щепетильники Данилко и Калинка (с. 80). Васка Горбунов торговал в лавке в Москатилном ряду (с. 81, 213), а братья Офонка и Овдокимка Карцовы – в лавке «вымолной о дву замках» Крашенинного ряда (с.81, 227). Котельник Ондрюшка Фторов владел кузницей (с. 81), его же сосед по улице – Петрушка Земцов в Железном ряду – владел по старине лавкой с прилавком и тремя полками – «торгуют на них свещами вощаными». Ему же рядом принадлежало поросшее торговое место, за которое был положен годовой оброк в гривну, или 10 копеек (с. 82, 212). В улице проживал также барышник Парамонка Обакумов. Надо отметить, что почти все посадские люди, получившие льготу на 2-3 года для устройства дворовых строений, имели уже свое ремесло: Якунка Филипов и Архипка Якимов были щепетильниками, а Зиновка Исаков – извозщиком (с. 170).

«Мирские люди» близлежащих улиц вкладывали в свои приходские храмы Воскреше-

ния Лазаря и Вход в Иерусалим средства на церковную утварь – иконы, книги, ризы, свечи, колокола и всякое церковное строенье. Священствовал в церквях поп Афонасей Федоров, живший поблизости. На церковной земле находились две кельи, в них жили бобыль Богдашка-холщевник и вдовая попадья Овдотьяца с сыном Осипком (с. 276).

Упоминание кирпичников в этой части города не случайно. Здесь, «по конец посаду», в северном направлении от костромских крепостей стояла Кирпичная слобода. Называлась она еще и «Каменшиковой» (с. 276), и это не случайно. Проживали в ней как кирпичники, так и каменщики. На первый взгляд, разницы между ними не было. В действительности, каменщиками на Руси называли строителей, производящих различные работы из камня и кирпича, а кирпичниками – непосредственных изготовителей кирпичей. Кирпичная слобода была государевой, находилась на белой земле, то есть ремесленные люди, ее населявшие, были освобождены от государева посадского тягла. Записные каменщики и кирпичники, жившие на посадах или в отдельных слободах, могли заниматься различными другими ремеслами, но в летнее время их собирали в Москву, в Приказ каменных дел, который распределял их по местам казенных работ. Трудились они на государственных каменных работах и на выделке кирпича, до поздней осени.

Ориентиром в расположении Кирпичной слободы был «убогий дом», рядом с которым

она располагалась. Убогий дом, который называли часто Божьим домом, скудельницей, гноющем, был местом захоронения умерших в дороге, не своей смертью, не имевших родственников, погибших от несчастного случая, иноверцев, нищих. Убогие дома создавались, бывало, в местах выработки глины, возможно, не случайно было это соседство убогого дома и Кирпичной слободы. Если Кирпичная слобода располагалась на современной карте Костромы в конце улицы Симановского, то убогий дом находился в районе расположения современных предприятий Костромской ТЭЦ или Кохлома (ООО «Костромская мануфактура»).

В 1628 году в слободе существовало 18 дворов, дворовых мест и мест, данных под дворы, в которых проживало 23 мастера – 15 кирпичников и 8 каменщиков. В слободе стояла деревянная шатровая церковь во имя священномученика епископа Власия. Вторая теплая клетская церковь была посвящена чудотворцу Николе (с. 276). В устройении храма и собирании церковной утвари важная роль принадлежала государю и попу Алексею Григорьеву, проживавшему на церковных землях. Рядом стоял двор его племянника, церковного дьячка Гаврилки Самойлова. При храмах в 29 келиях жили нищие, «питаютца от церкви Божии» (с. 276).

От Кирпичной слободы начиналась улица, описанная вторым подьячим: **«Подгородная улица, идучи от убогих дому»** (с. 171-172). В этом названии содержится вторая подсказка о расположении улицы – «от убогих дому». Кроме того, здесь на Власьевской слободской улице, «со всполья идучи направи», были даны места под дворы, и находились те места «к сараем в Загорной улице» (с. 334). Конечно, писец неправильно назвал Подгородную улицу Загорной, и мы можем точно говорить, что начиналась Подгородная улица близ убогого дома, а тянулась она с севера на юг, до Мшанской улицы. И, видимо, оттого, что шла под гору, к реке Костроме, улица получила свое название. Древней Подгородной улице на современной карте Костромы соответствуют улица Ерохова и Красинский проезд.

Костромской кирпич XVI – XVII вв.

Несмотря на большую протяженность, на улице числилось всего 8 дворов, из них 5 посадских дворов, 2 льготных и одно место дворовое с огородом Ивашки Ерыкалова, который вместе с отцом Гаврилкой владел двором неподалеку, в Глазовой улице (с. 79). Здесь же, на Подгородной, стоял двор его брата Петрушки Ерыкалова, ремесло которого указано не было, в отличие от его родичей, занимавшихся торговлей. Трое из имевших здесь дворы были работными людьми – Игнашка Дементьев, Ермолка Ондреев и вдова Олександрица Кладова, проживавшая с сыном-недорослем Нифонкой (с. 172). Трехлетнюю льготу на возведение дворового хозяйства для своих сыновей Фадейки и Трифонки получил Потапка Микитин, а также луковник Мартьянка Калинин. В основном все жители улицы относились к категории «худых» и «добре худых» людей.

От Подгородной улицы к церковному месту чудотворцев Космы и Дамиана на Мшанской улице тянулся Никольской переулочек, названный по сохранившемуся рядом трапезному Никольскому храму. Его описал второй подьячий, назвав **«Идучи в Никольской переулочек»** (с. 172-173). Как и сама церковь, переулочек находился уже на всполье, в нем стояло семь жилых и два льготных двора, келья нищей старицы Ираиды Щеколдины и два двора пустых. Владели дворами сапожники Матюшка Кузмин, Тимошка Наумов и Трофимка Фомин; извозчик Таирка Онофреев и пастух Матюшка Олексеев. Трое посадских людей, получивших льготы для дворового строения, имели свои промыслы: Васка Иванов пек калачи, а братья Демка и Федка Васильевы были щепетильниками.

Где был расположен в этом районе посада еще один **«Кисельной переулочек»** (с. 82-83), описанный только первым писцом, трудно сказать, Писцовая книга подсказок не дает. Можно лишь предположить, что находился он близ Глазовой улицы, после которой упоминался в документе. Все 12 дворов в переулочке числились жилыми, посадскими. Несмотря на название, ни одного кисельника в нем не проживало. Дворы в переулочке имели хлебник Васка,

два сапожника Семейка Сунгуров и Левка, пирожник Демка Борода, владевший харчевной избушкой «с сенми» у Никольских ворот (с. 83, 243). У восьми посадских людей ремесленное занятие писцы не записали.

Церковное место, что «церковь была чудотворцов Козмы и Домьяна», и Никольский теплый храм стояли в конце Мшанской улицы, одной из самых древних улиц Костромы. Мшанская улица тянулась от правого берега реки Сулы и доходила до всполья и конец ее «словет», то есть назывался «Гноище». Второй раз в Костроме мы встречаем место с названием «гноище», убогий дом, скудельница. Важно отметить, что в русских городах так обозначались места, обычно на окраине города, куда свозили для захоронения тела умерших во время голода и эпидемий, а также самоубийц, утопленников, не имевших родственников, погибших от несчастного случая и нищих. Для XIV-XV вв. можно назвать несколько страшных моров 1352, 1364, 1374, 1417-1428 годов, которые доходили и до Костромы. В Воскресенской летописи рассказывается об особенно тяжелых 20-х годах XV века, когда за моровой язвой 1420 года, до такой степени опустошившей Кострому, Галич, Плес, что хлеб на полях остался несжатым, в 1422 году наступил голод, когда оков ржи, состоявший из 4-х четвериков, приравнялся в Костроме по цене почти к фунту серебра.

Вероятнее всего, конец улицы Мшанской был Гноищем в период XIII-XIV веков, когда первое костромское поселение располагалось при впадении в Волгу рек Костромы и Сулы. Позже, в XVI-XVII вв., когда город стал разрастаться и эти места вошли в посадскую территорию, убогий дом, выполнявший роль гноища, был устроен дальше к северу от этих мест, уже на окраине, близ Кирпичной слободы. Писцовая книга называет улицы, ведущие к нему в начале XVII века: Богоявленская, Мшанская, Подгородная, дорога от Калачной улицы.

Название улицы «Мшанская» происходило от слова «мша-мох», имевшее значение «поросший, покрытый мхом». Действительно, места в конце улицы, примыкавшие к левому

берегу реки Костромы, были заболочены, и, возможно, именно здесь местные жители доставали мох для конопачения своих деревянных изб.

Начиналась и заканчивалась Мшанская улица важными в жизни Костромы храмами. В трапезном Никольском храме в конце улицы службы вел священник Иван Федоров, владевший двором на церковной земле. Первой же церковью, стоявшей в начале Мшанской улицы, был храм во имя великомученика Феодора Стратилата. О нем, уже не действовавшем, в Писцовой книге записано: «На Суле у Мшанские улицы церковь стоит без пенья Федора Стратилата древяна, клецки» (с. 282). Эта соборная церковь была первым православным храмом в городе, стоявшим в костромской крепости XIII-XV вв. Ее строительство было связано с именем великого Владимирского князя Ярослава Всеволодовича, родившегося 8 февраля 1191 года в день этого святого и получившего при крещении христианское имя Федор. Соборная церковь Феодора Стратилата была первым местом, где хранилась святыня и покровительница Костромы – чудотворная Феодоровская икона Божией Матери.

Мшанскую улицу описал второй подьячий, пройдя по ней трижды и назвав так: «**Мшанская улица**» (с. 164), «**Улица Мшанская**» (с. 173) и «**Во Мшанской же улице**» (с. 173-174).

Всего в Мшанской улице, согласно Писцовой книге, числилось 16 посадских дворов, здесь же на белой земле стояла келья нищего Демки Драчева, который когда-то был площадным подьячим; на черной земле находился двор «Троицы Ипатцкого монастыря» и стояла «изба кабатцкая с сенми» (с. 173). Четверо из посадских людей, владевших дворами в улице, занимались сапожным ремеслом: Куземка Максимов, братья Ортюшка и Васка Федоровы, Васка Григорьев; Михалка Михайлов был плотником, Тихонка Крежов – шапочником, Овдокимка Иванов – рукавичником, портным мастером – Федка Богданов. Бобыль Онтонко Спиридонов, владевший кузницей, «бьет мо-

лотом из найму», а Савка Семенов был животинным прасолом. Из промысловиков, связанных с продуктами питания, можно назвать колачника Федку Михайлова и орешника Стенку Офонасьева (с. 173, 174). Холщевник Паршука Иванов получил льготные два года для дворового строения, и ему уже была определена в будущем государева подать с его двора – бобыльский оброк (с. 164).

Во Мшанской улице, как в некоторых других, числилась белая земля, на которой жили церковные сторожа соборного храма Пречистые Богородицы Федоровские – Матюшка Ондреев и Ивашка Прокофьев, Данилка Павлов, Онашка Петров и другие; им принадлежало 6 дворов, одно место дворовое было пусто (с. 335, 336).

Примерно в середине Мшанской улицы стоял монастырь, «словет Спас Подвязной», в котором игуменствовал Арсений с дьячком Ганькой Мининым над 12-тью братьями черноризцами. Находилась обитель в некотором отдалении от улицы – «идучи во Мшанскую улицу», и вела к главной Спасо-Преображенской церкви и трапезному храму «Вход в Иерусалим», Спасский переулочек. Второй писец, побывавший в переулке, назвал его: «**В Спасском переулке, идучи к Спасу**» (с. 174-176). Судя по количеству дворов, стоявших в нем, переулочек был довольно длинным, вероятно, соединявшим Мшанскую улицу с Царевской. Здесь числилось 33 двора, из них 31 – посадский; кроме их, местом дворовым с садком владел «пречистенский» сторож Матюшка, а другому сторожу Ивашке Савельеву было велено двор, стоявший на черной земле, продать тяглу человеку, а «свои хоромы снести» на землю, принадлежавшую собору. Здесь же в переулке находилась келья черноризицы Анисьи (с. 176).

Среди посадских людей преобладали сапожники и извозчики. Сапожников было пять – Микитка Федоров и Ивашка Волга, Петрушка Антонов, Петрушка Тимофеев и Якунка Селезнев; извозчиков двое – Сенка Григорьев и Исачка Ильин. Из других промысловиков здесь

жили и трудились «чюлошник» Парфенка Иванов, холщевник Гришка Лабза, колотильщик Любимка Богданов, ветошник Маркушка Обросимов, монатейщик Еремка Лашкин, портной мастер Ивашка Харитонов и шерстобой Пятунка Федоров. С продуктами питания были связаны два кисельника – Ганка Кондратьев и Ермолка Кирилов.

Активной торговлей занималась вдова Офросиньица Шумиха Ларионова с сыновьями Офонкой, Ваской и Иевкой: в Москотилном ряду они владели лавкой «о пяти замках» по данной грамоте, а по купчим – лавками в Шубном ряду «от Волги на левой стороне», «о дву замках», и в старом Рукавишном ряду (с. 176, 213, 216, 223). В Спасском переулке, во дворе, который «бывал лутчего человека Ждана Сваткова» проживала его дочь «Маврутка дочь Сваткова» имевшая по старине в Шубном ряду «от Волги на левой стороне» лавку «о четырех замках» (с. 176, 215). Земский староста Костромы «лутчий» человек Иван Гаврилов сын Боландин, владевший двором в Бережной улице и многими лавками, здесь в Спасском переулке по купчей имел еще один двор с садом размерами 52 на 40 сажений, но жили в нем бобыли овчинник Васка и нищий Ивашка. Подати же платил с этого двора Иван Боландин, как с «худова» двора (с. 175).

Рядом с Мшанской улицей вторым подъячим описано место под названием «**За Сулою у Семиона великого**» (с. 192-193). Писец назвал три двора посадских людей, среди которых двор бобыля Вахромейки – рудомета, и келью нищего Ивашки. Здесь же – «За Сулою у Семиона Столпника», на белой земле, находились дворы церковных сторожей собора Пречистые Богородицы Федоровские, многие из которых занимались разными ремеслами: Игнашка был шубником, Калинка Архипов – скорняком, колачи пек Семейка, плотничал Гаврилка (с. 335).

Что означало название этого места, расположенного «за Сулою» и названного «Семион великий» и «Семион Столпник»? Явно это место было связано с храмом или церковным

приделом, посвященным этому святому. Но ни одного Симеоновского храма писцы в этой части Костромы не назвали. Ответ на данный вопрос можно найти в посвящении церковных престолов храмов, построенных в XVII-XVIII вв. на месте церкви великомученика Феодора Стратилата.

В 1655 году в память об избавлении города от эпидемии чумы, от которой погибло более половины жителей Костромы, здесь был построен новый, тоже деревянный храм во имя чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери, правый придел которого был освящен во имя святых праведных Богоотец Иоакима и Анны (родителей Богородицы), а левый посвящен преподобному Симеону Столпнику. Кроме того, в середине XVII века рядом был устроен небольшой Симеоновский монастырь, в 1764 году упраздненный. Далее в 1768 году костромские купцы Углечаниновы и Ашастины возвели на этом месте каменную церковь с теми же посвящениями. Но костромичи обычно называли этот храм Богоотцовским – по правому приделу во имя святых праведных Богоотец Иоакима и Анны.

Почему же придельные храмы этих святых не упоминаются в Писцовой книге? Причина кроется в состоянии этого храма на время составления ее в 1628 году: он был уже не действующим, стоял «без пенья», то есть службы в нем и в церковных приделах не проходили. Но сохранившиеся в народной памяти названия близлежащих местечек и улиц, а также храмовые посвящения построенных здесь позднее церковей позволяют утверждать, что в действовавшей в древности церкви Феодора Стратилата церковные придельные престолы были освящены во имя святых Симеона Столпника и Иоакима с Анной. Следовательно, место под названием «за Сулою у Семиона великого» относилось именно к храму великомученика Феодора Стратилата, стоявшему на реке Суле. Еще одно подтверждение мы находим в названии улицы Якиманская, проходившей в непосредственной близости от церкви Феодора Стратилата, по самому берегу реки Костромы.

Известно, что все улицы в древнерусских городах с названием «Якиманка», «Якиманская» происходили от имен родителей Пресвятой Богородицы – Иоакима и Анны.

Пройдя по улице Мшанской от ее конца к началу, мы оказались на правом берегу реки Сулы, на левой стороне которой стоял «Пречистые Богородицы риз положенье девич Настасеин монастырь». Обитель относилась к древнейшим костромским монастырям. Писцовые книги конца XVI века упоминали грамоты, данные монастырю в XIV веке старшим сыном князя Дмитрия Донского великим Владимирским и Московским князем Василием Дмитриевичем. По этому документу суду Анастасиина монастыря подлежали черные люди, жившие в Костроме в Брагине улице.

О названии и покровителях обители существуют разные версии. По одной из них монастырь возник еще во времена князя Дмитрия Донского, которому с семьей пришлось укрываться в Костроме во время похода ордынского хана Тохтамыша на Москву в 1382 году. Предполагается, что княжеская дочь Анастасия Дмитриевна позже основала и посвятила обитель во имя своей святой – преподобномученицы Анастасии Римляныни.

По другой версии монастырь был основан в память о первой супруге Ивана IV Грозного Анастасии Романовне уже во времена первого царя из династии Романовых Михаила Федоровича, который приходился царице Анастасии внучатым племянником. Из этого древнейшего костромского монастыря происходит двусторонняя пелена XVI века «Положение ризы Пресвятой Богородицы», которая относится к числу памятников, имеющих важную художественную и историческую ценность. Она выполнена в технике лицевого золотного шитья. Колористическое решение, иконописный извод, техника исполнения указывают на принадлежность пелены к царской светлице Анастасии Романовны. Уникальной и крайне сложной является техника исполнения пелены – шитьё «на проем», при котором шелковые и золотные нити протыкались насквозь с тем,

чтобы с обеих сторон получить одинаковые изображения.

По Писцовой книге 1628 года в обители было 2 деревянные церкви: в честь Положения ризы Пресвятыя Богородицы во Влахерне с приделами преподобного Михаила Малеина и мученицы Анастасии – «древяна вверх шатровой на каменное дело» и трапезный храм, посвященный «Вход в Иеросалим» с приделом во имя великомученицы «Парасковей, нарицаемые Пятницы». Писцовая книга 1628 года называет в Анастасиином монастыре за престольный Феодоровский образ Божией Матери, на оборотной стороне которой было не традиционное изображение великомученицы Параскевы Пятницы, а святой преподобномученицы Анастасии (с. 286).

Восточная монастырская стена с расположенными в ней Святыми воротами тянулась по левому берегу Сулы. В Писцовую книгу эта территория так и вошла под названием – **«Против Настасьиного монастыря на Суле по сторон Святых ворот дворы»** (с. 288). Писцы, со слов выборных посадских людей, отметили, что места эти, когда-то заселенные, опустели после мору, чья раньше земля была, «того не ведают», а «ныне на том месте живут». Со слов игуменьи с сестрами, место это было «поповское» Ивана Руднева, «а поп был Настасьиного монастыря». Поэтому здесь стояли и были описаны подъячими дворы не посадских, а монастырских людей: 6 дворов сторожей – Гераски Васильева, Васки Левонтьева, Гришки Степанова и других; двор церковного дьячка Петрушки Евтифеева и пономаря Онкудинки Матвеева (с. 288). Один из дворов сторожа Матюшки Алексеева находился за монастырским вражком рядом с колодцем и двором Ортюшки Колемина («Кулемин двор»). Вероятно, монастырским вражком здесь назван Сульский овраг, или овраг, образованный обмелевшей рекой Сулой. Тогда двор сторожа Матюшки Алексеева располагался на правом берегу Сулы, где в Рождественском переулке проживал посадский человек Ортюшка Колемин (с. 159).

Здесь же, на левом берегу реки Сулы, близ стен Анастасиина монастыря и Нового города стояла церковь великого святителя Василия Кесарейского, «древяна, клецки». Церковные земли с кладбищем и двором священника Микифора Нестерова тянулись к Сульскому оврагу (с. 284).

Южная Анастасиина монастырская сторона соседствовала с Новым городом, а вот следующая западная стена обители проходила вдоль улицы Брагина. Уже отмечалось, что Брагина улица стеной Нового города была разделена на две части, одна из которых находилась в Новом городе, а вторая, на посаде, тянулась от Предотеченских ворот к реке Суле. По посадской Брагине улице прошлись оба подьячих, первый, видимо, вдоль стен монастыря, назвав ее **«Брагина улица»** (с. 83), а второй – в противоположном направлении **«От Сулы к Брагине улице»** (с. 176-177).

В улице дворами и дворовыми местами владели 14 посадских людей разных ремесленных специальностей: трое серебряников Семейка Титов (с. 83), Сенка Филимонов и Гришка Григорьев (с. 177); сапожник Микифорка Артемьев и шапочник Первушка Осипов (с. 177); колачник Нечайка Петров (с. 176). Льготные два года для дворового строения получил «шолковник» Федка Акимов. Это второе упоминание в Костроме о таком редком ремесле, как шелковник, после Куземки, служившего дворником во дворе Родиона Панова на улице Исакова в Новом городе (с. 31).

На улице Брагина, против Настасьиной обители, проживал отец известного костромского иконописца Гурия Никитина – «добре худой» человек «Микитка Григорьев сын «кинешемец», который в Новом Суконном ряду владел лавкой по данной грамоте (с. 83, 210). А его двоюродный брат – «средний» человек «Мишка Иванов сын кинешемец», проживавший в соседнем дворе, занимался торговлей в двух лавках Шубного ряда и владел по купчей местом лавочным в Сапожном ряду (с. 83, 216, 217, 236). В Рыбном ряду двумя лавками по старине, «о трех замках», владела вдова Анна

Ватагина с сыном Ивашкой (с. 177, 210). В одном из черных дворов вдовы Марьицы проживал ее зять – подьячий таможенной избы Володя Остафьев (с. 177).

Здесь же в Брагине улице на левом берегу Сулы стоял государев кабак, места под ним числилось 7 на 3 сажени (с. 177). И от кабака тянулась, видимо, небольшая улочка, которую второй писец назвал **«По Суле от кабака»** (с.179-180). В ней стояло 9 посадских дворов, один – льготный; на черной земле во дворе проживал стрелец Смирка «черниговец»; один двор числился пустым, потому что Пешек Тимофеев «збежал безвестно во 136-м году» (1628 год) (с. 179).

Писец отметил такие промысловые занятия посадских людей: у Томилки Олександрова – изготовление обручей, видимо, для бочек и кадей; плотничное ремесло – у Якунки Харитоновой; изготовление льняного полотна – у «лняника» Нечайки Ермолаева; рукавиц – у Микифорки Прокофьева. Мясником был Якунка Трофимов. Оникейка Воцешиков в Моско-тилном ряду владел лавкой по старине (с. 180, 213). Сапожник Ивашка Павлов, владевший ремеслом, но не имевший двора, должен был выстроить дом и завести хозяйство, а затем, по прошествии двух льготных лет, включиться в посадское тягло вместе с миром служить в ряд (с. 179).

Ниже Брагиной улицы по направлению к Волге стояли две посадские деревянные церкви святых верховных апостолов Петра и Павла и трапезная во имя Афанасия и Кирилла Александрийских чудотворцев с приделом святого Николая Чудотворца. Вокруг храмов простирались церковные земли, которые, как отметили описавшие их подьячие, спускались «под гору к Суле», располагались, «идучи к Суле направо». На церковных землях находилось 12 келий нищих: «питаютца от церкви Божии». В храмах службу вели поп Семион Федоров, церковный дьячок Логинко и пономарь Ивашко Федоров. На церковных землях проживала, кроме семьи священника, вдовая попадь Федоровская Онисья с детьми (с. 282).

НИЖНИЙ ПОСАД

К западу от укреплений Нового города по направлению к Волге находился посад, названный в Писцовой книге как «нижний». Этот официальный топоним можно применить к описанию посадской территории, расположенной вдоль Волги, выше Кремля, по течению реки.

И самой первой улицей можно назвать Якиманскую, исследованную обоими писцами, первый назвал ее – «**Якиманская улица**» (с. 86-88); а второй, пройдя дважды, – «**Идучи от Ипацкого монастыря Набережною улицею Екиманской**» (с. 183-184) и «**Екиманская улица**» (с. 184-185).

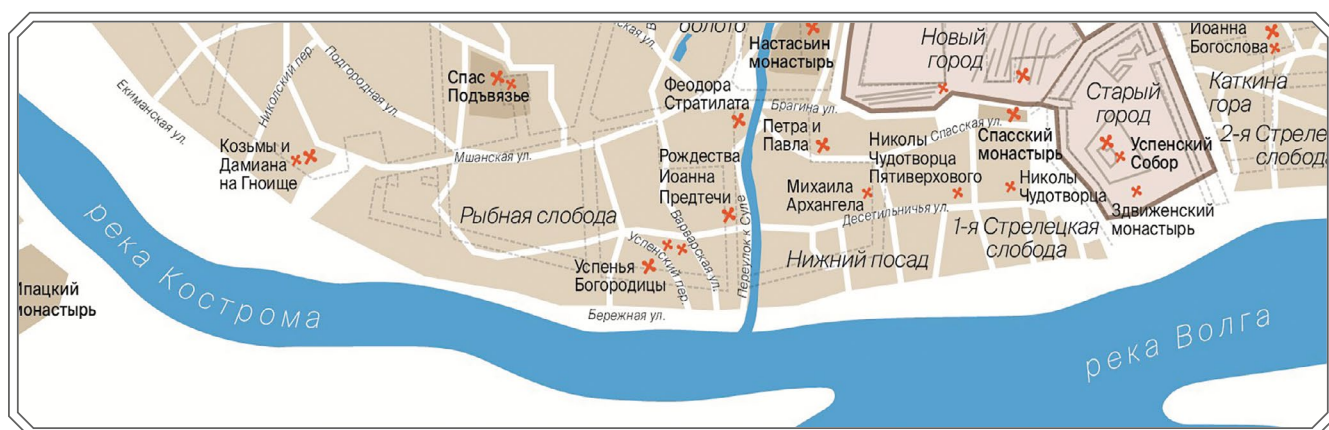
Начиналась улица, расположенная на левом берегу реки Костромы, конечно, не от самой Ипатьевской обители, стоявшей на правом берегу реки Костромы, а от перевоза на левый берег, и тянулась она к Успенскому оврагу близ храма Успения Пречистой Богородицы. Улица была довольно длинной, на ней стояло жилых 34 двора, 7 льготных дворов и 2 места дворовых, а также посадский человек Тимошка Литомин, проживавший в Глазове улице, здесь владел отхожим местом (с. 81, 183).

Для владельцев дворов в Екиманской улице была характерна разнообразная промысловая и активная торговая деятельность. Рыбой

торговали Давыдка Гулин и Ромашка Кубасов, холстами – Стенка Ратманов, Мишка-дехтять и Гордейка Дехтятьев – вели торг дегтем, сермяжники Пятунка Иванов «сермяжное перекупает», а Ортюшка торговал в Сермяжном ряду (с. 87).

В Мясном и Хлебном рядах торговлей занимались «средний» человек Ивашко Безсолицын с сыновьями Ондрушкой и Илейкой: в Мясном у них были две лавки, а в Хлебном – одна (с. 87, 195, 197, 231). Торговал хлебом «добре худой» человек Пиминка Хлебная Завезь: по купчим и по закладным грамотам он имел три лавки в ряду, «идучи к Воскресенским воротам от Гостиного двора», и два полока в Мясном ряду (с. 87, 197).

Здесь же жили колачник Обакумка и огородник Афонка Гулин, скорняк Кирилка Скорняков и крашенинник Якимка Ворошилов, плотник Семейка Наливкин, сапожники Ларка (с. 86-88) и Васка Устинов, владевший за Сапожным рядом по купчей половиной лавки (с. 88, 237). Шапочниками были, «делают шапка женские», – Степанко Цыбин с сыном Богдашкой, вдовы Марьица Агапитова (с. 88) и Онтонидка с сыновьями Микиткою и Фалалейком (с. 183), колотильщиком – Онисимка Петров, щепетильником – Федка Герасимов (с. 183).

План улиц и переулков «Нижнего посада».

«Худой» человек Данилко-иконник с сыном Дунайком, имевшие промысел «иконное пишут», в Суроском ряду владели местом лавочным по купчей (с. 88, 203). В Свежем Рыбном и Железном рядах вели торг «средний» человек Федка Спиридонов с братьями Филимонкой и Карпункой, кроме того, они «торгуют москатыльным» (с. 88, 204, 212). В улице проживало шестеро извозчиков: Федка Мичурин и Петрушка, Обросимка Симской с братом Богдашкой, Нежданка, владевший отхожим огородом «у Костромы реки» (с. 86-87). Гаврилка Олферьева сын, который тоже извозничал, в Мучном ряду владел по старине лавкой (с. 88, 230). Посадские люди Ортюшка и Ивашка Желваковы, имевшие в Екиманской улице место дворовое с огородом, имели половину лавки в Сапожном ряду «от Волги, идучи налеве на вымле у Брагиной улицы» (с. 183, 236).

В улице семь дворов были отданы в трехлетнюю льготу посадским людям, которые, в большинстве своем, владели ремеслами, а некоторые и торговыми заведениями: сапожник Микитка Хрюкин; скорняк Кирил Минин подле Никольских ворот, «идучи к городу налеве», владел полоком; его брат Кирилл Минин, начавший дворовое строительство «по другой стороне улицы», был тоже скорняком (с. 184, 239). Льготчик «вощешник» Оника в Солодежном ряду, «что бывал старой Соленой ряд», владел лавкой по купчей (с. 184, 219); а вдова Любавка Жиркова (Жилкова) с сыном Кондрашкой, получившие 5 лет для возведения своего двора, в Красилном ряду владели наследственной лавкой «о трех замках» (с. 185, 224).

Подьячие записали подробную земельную историю двух дворов этой улицы, отданных в льготу. Когда-то эти дворы принадлежали посадским людям: один – Савинку Тверетинову, а другой – дегтярю Пятому. Затем земля обоих дворов оказалась во владении попа Успенской церкви Григория, но, видимо, была отобрана у него как черная тяглая, возвращена в посад и ныне отдана в пятилетнюю льготу, первый

двор – на двоих Ивашке Ошуркову и Федке Иванову, а второй – Кирилку Чювякову (с. 185).

У Успенского «врага» Якиманская улица плавно перетекала в Бережную, доходившую по берегу Волги до реки Сулы. Описана она была обоими подьячими. Первый, пройдя по ней два раза, обозначил ее так: **«Улица Бережная, идучи от Успенского врага»** (с. 88-89) и **«Улица Бережная»** (с. 89-90); а второй писец прошел один раз и назвал тоже **«Улица Бережная»** (с. 189).

Всего в Бережной улице стояло 24 посадских двора, среди владельцев которых было больше всего промысловиков, связанных с рыболовством, – рыбных прасолов и торговцев рыбой. О «худом» человеке Федке Шале было записано – «торгует рыбою и в Мясном ряду». В Мясном ряду он владел 2 лавками «по государственной грамоте и по данной», а в Колашном ряду – еще одной лавкой (с. 89, 194, 196, 197).

Торговлей рыбой занималось семейство Мухиных: Ивашка Мухин с сыновьями Мишкою и Овдокимком (с. 89, 208, 247), а также Савка Мухин (с. 89, 208). Все они в Рыбном ряду имели лавки и торговые места. Степанка Китаев с братьями Дмитриейкой и Любимкой торговали рыбой в Свежем Рыбном ряду, «от города к Предотеченским воротам налеве» (с. 89, 245); рыбак Давыдка Дементьев к лавке в Мясном ряду получил место еще и за Воскресенскими воротами (с. 89, 194, 250); также и Микифорка Яковлев, ведший торг в Рыбном ряду, в Свежем Рыбном ряду получил новое место (с. 90, 211, 245); торговали рыбой в Свежем Рыбном ряду «на вымле на перехрестке» и Ивашка Домовников с сыном Харламкой, а подле Спасского монастыря, «идучи к городу налеве», имели полк (с. 90, 204, 239). Два «добре худых» человека братья мясники Ивашка да Якушка Ларионовы за Воскресенскими воротами «за Колашным и за Масленным рядом» получили два места под торговые лавки (с. 89, 249).

Из зажиточных слоев посада в улице дворами владели «лутчей» человек Иван Гаврилов сын Боландин, один из костромских земских

старост; и молотчей человек Федка Ожегин, оба вели торг «болшим свалным товаром». Иван Боландин в Новом ряду «против таможни» владел 3 лавками «по государевой грамоте и по данной», одна из которых была лавкой «о дву замках»; а в Шубном ряду – лавкой по старине «о трех замках». На месте старого Рыбного ряда «по Брагине улице к Предотечи» он получил место под амбар пополам с Иваном Ознобихиным (с. 89, 199, 204, 217, 244). Федка же Ожегин, владевший двором в улице пополам с невесткой вдовой Маврицей и ее сыновьями Пантелейком и Гришкою, занимался местной торговлей – вместе со своим племянником Пантелейком в Красилном ряду владел лавкой по старине и отъезжим торгом в другие города (с. 89, 224). «Середний» человек Ортемка Камкин торговал на лавочном месте в Солоденном ряду (с. 90, 220).

Кроме рыбников, в улице жили три овчинника – Ондрейка и Парфенка Симские, также

Рыбная ловля. Миниатюра из Жития Александра Свирепого. XVII век.

Офонка (с. 88). Посадский человек Савка Будихин по купчей приобрел на Бережной улице дворовое место и получил трехлетнюю льготу для дворового строения своему сыну Осташке, а в Крашенинном ряду получил два места для торговли (с. 189, 227).

Успенский овраг, разделявший две улицы – Якиманскую и Бережную, назывался так по близ стоявшей деревянной шатровой церкви Успения Пречистой Богородицы, имевшей три придела – во имя «Макарья Желтовоцкого Унженского чудотворца, да Якова Боровского чудотворца, да Леонтия Ростовского чудотворца». Это, вероятно, первое храмовое посвящение костромским святым – преподобным Макарию Унженскому и Якову Железноборовскому, канонизированным в первые годы царствования Михаила Федоровича Романова.

Вторая трапезная «клецкая» церковь была посвящена Рождеству Пречистой Богородицы с приделом преподобного Сергия Радонежского. Храмовая колокольница стояла с запада, на самом берегу Волги. Успенский овраг прорезал берег Волги выше этих храмов. Об этом свидетельствует Писцовая книга: часть церковной земли была «в споре с посадским человеком Ывашкою Слепкою», который проживал в начале Бережной улицы, дом его стоял 4-ым от Успенского «врага», рядом с храмами (с. 88, 281). На церковной земле находилось кладбище и стояло 10 келий «бобыльских схожих бедных людей и нищих, кормятца Христовым именем». Рядом с церковной землей жили священники – Григорий Панкратьев и Федосей Корнильев. Из храмовых служебников названы церковный дьячок Любимко Федосеев и просвирница Ксения (с. 281-282).

Здесь же, в районе церквей, находился переулоч, который так и назывался – «Переулоч к Успенью» (с. 187-188), или «Успенский переулоч» (с. 337-338). Он спускался с горы к Бережной улице по южной церковной стороне. В истории города Костромы он знаменит расположенной здесь государевой Рыбной слободой: «на Костроме ж на посаде рыбные ловцы

ловят про государя царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси в реке в Волге красную рыбу, осетры, и стерляди, и белую рыбицу, а живут на белой земле» (с. 337). Рыбная слобода занимала территорию в Успенском переулке, где стояло пять дворов с проживавшими в них шестью ловцами – Козмой Кованицыным, Ромашкой Артемьевым, Сенкой Васильевым и другими, и в Бережной улице – тоже пять дворов с 9 рыбаками – Первушкой Филиповым, Богдашкой Васильевым, Ларкой Карповым и братьями Микиткой, Андрюшкой, Антипкой и Петрушкой Панфиловыми. Здесь также было когда-то «место езовое», то есть загородка с воротами для лова осетровых рыб с помощью сежи – большой сети в виде кошеля, устанавливаемого в воротах еза. Но в 1628 году «езу ныне нет», а место это было отдано двум рыбным ловцам «под двор пополам»: Данилке Ратьеву и Онтонку Ларионову (с. 337-338).

Здесь же у реки Волги был устроен рыбный «сад, а сажают в него рыбные ловцы живую рыбу про государев обиход осетры, и стерляди, и белые рыбицы», а также «ледник», где «держат в нем на леду свежую рыбу для государева обихода» (с. 253).

Кроме государевых рыбаков в Успенском переулке стояло 16 посадских дворов, некоторые владельцы которых тоже были связаны с рыболовством: Микитка Иванов и Савка Жохов названы рыбными прасолами, причем Савка Жохов получил место торговое в Рыбном ряду, «идучи от Предотеченских ворот налеве» (с. 187, 188, 246).

Другие владельцы дворов в переулке владели разными ремесленными специальностями: Ивашка Евсеев был красильником, Бахтеярка Иванов и Томилка Ортемьев – епанешниками, Олешка Дорофеев – скорняком, Сенка Ондреев делал поршни, деготь варил Пятунка Веселой. Плотничали Гришка Федоров, Ларка Иванов и Смирка Фефилатьев, калачи пек Офонка, сапожничали Петрушка и Васка Шпилевы. В Сапожном ряду, «от Благовещенских

ворот, идучи налеве», братья владели местом лавочным, что «бывало» за их дедом Василием Шпилевым (с. 188, 234).

Двое посадских людей получили здесь льготы для дворового строения и заведения своего промысла: Ондрюшка Спиридонов – на 5 лет, а Илья Безсолицын – на 3 года. Возможно, Илья будет заниматься тоже мясной торговлей, как его отец Ивашка и брат Ондрюшка – «средние» люди, которые проживали поблизости, в Якиманской улице (с. 87). Кроме того, в Успенском переулке стояла келья нищего Митки Еремеева, кормившегося «по миру», а также был пустым двор вдовы Оринки Бронниковой.

Вероятно, близ Рыбной белой слободы находился небольшой «Переулок Мухин» (с. 188-189), описанный вторым подьячим. Здесь числились всего один двор красильника Иванки Безсолицына и два места дворовых, одно из которых принадлежало торговцу рыбой Ивашке Мухину, проживавшему рядом в Бережной улице. Может, по его фамилии переулок был назван Мухин; а возможно, по большому скоплению мух, сопровождавшему обычно процесс засолки, сушки и вяления рыбы.

Не соединял ли Мухин переулок между собой Успенский переулок и Варварскую улицу, поднимавшуюся в гору от Бережной улицы? По Варварской улице прошлись оба писца, назвав ее просто «Варварская улица» (с. 84-86; 180). О том, что две улицы – Бережная и Варварская – соседствовали между собой, подтверждает нам текст Писцовой книги. Один из первых дворов по Варварской улице холщевника Савки Иванова тянулся на 60 саженей от двора Ивана Гавриловича Боландина, жившего в Бережной улице. Кроме того, Савкин огород в широком месте на 12 саженей тоже значился по улице Бережной. Значит, Варварская улица располагалась перпендикулярно к Бережной и тянулась вверх к Мшанской улице. Начиналась улица Варварская от двора «лутчева человека» Ивана Боландина. Двор стоял пятым по счету после Успенского храма. Веро-

ятнее всего, улица получила свое название по имени святой великомученицы Варвары. Но ни одного храма или придельной церкви с таким посвящением в Костроме Писцовая книга не назвала. Возникает предположение: не был ли посвящен святой Варваре храм или придел в нем на «месте церковном во Мшанской же улице», о названии которого «посадские люди сказали не помнят, что пустеет давно» (с. 280). Дело в том, что Святая Варвара почитается у православных как защитница от внезапной и насильственной смерти, ей молятся, чтобы не умереть без исповеди и причастия. А мы помним, что вела Мшанская улица к Гноищу, где в общей могиле хоронили как раз всех умерших несчастною или насильственной смертью; где священники читали над всеми останками последнюю молитву.

В 32 посадских дворах жили в Варварской улице промысловики и торговцы: Ондришка-орешник владел лавкой по старине в Шубном ряду (с. 85, 214); Мишка Мурзин торговал в лавке Мясного ряда (с. 86, 206); Ивашка Шадр (Шедр) и Фомка Ежеусов получили места под лавки в Свежем Рыбном ряду (с. 85, 204); кроме того, отец Фомки – Лука Спиридонович Ежеусов в Новом Суконном ряду владел лавкой по купчей грамоте. Он же «с товарищи» имели у реки у Волги «на откупу» поварню пивную, баню, мыт и перевоз на реке Волге: «откуп дают [...] на Москве в Костромской чети» (с. 85, 210, 252-253).

«Молотчий» человек Мишка Крохин сапожник и в Сапожном ряду имел по старине лавку и место лавочное «от Волги, идучи налево на вымле у Брагиной улицы» (с. 85, 236). Двое «худых» людей Сергейка Мордвинов и Ивашка Кочалкин торговали в Шубном ряду, первый в лавке «о трех замках» с прилавком, а второй – в двух лавках по старине (с. 85, 216). Савка Надежин сидел в Ветошном ряду, где владел двумя лавками «о дву замках», но в Серебряном ряду его место пустовало (с. 86, 209, 215). В Серебряном же ряду купил амбар «молотчий» человек Кубаска Макарьев (с. 85, 214).

Братья Омелянко и Алексей Усовы владели лавками в Москатилном ряду, причем Омелянко мог выкупить лавку у брата и вернуть ее себе на правах первого владельца. Когда-то он продал лавку «москвитину» Богдану Дмитриеву, от которого по купчей лавка перешла к Алексею Усову (с. 86, 213).

Из промысловиков в Варварской улице дворами владели плотник Самышка, сапожники Илейка Герасимов и Фадейка, скорняк Дмитрийка Ожегин и сермяжник Неупокойка, портной мастер Бориско (с. 84-86) и колотильщик Петрушка Ортемьев, барышник Якушка Ондреев и красильники Гаврилка и Тимошка – сыновья вдовы Дарьицы (с. 180). В Варварской улице на черной земле стоял двор ключаря соборного храма Пречистой Богородицы Феодоровской Левонтья (с. 180).

Улица Бережная упиралась в правый берег реки Сулы, и здесь начинался **«Переулочек от Бережной улицы к Суле»** (с. 189-190), по которому прошелся с описанием второй подъязыч. На карте Костромы 1781 года вдоль Сулы, вверх по ее течению, обозначен широкой полосой, возможно, именно этот переулок. В нем стояло 11 жилых дворов, келья нищей вдовы Катеринки, келья повивальной бабы Натальицы. На черной земле жил церковный дьячок Гришка Лукьянов. Дворами в переулке владели посадские люди: портной мастер Ивашка Васильев и торочешник Савка Ефимов; рукавичник Трифонка Бороткин и перевозчик Харламка Степанов. С изготовлением продуктов питания были связаны хлебник Еремка Омелянко, ржанник Калинка Долматов, рыбники Федка Шолудьяка и Белянка Китаев. Последний вместе с братом Пятункою Китаевым в Колашном ряду владел «по государеве грамоте и по данной» двумя лавками (с. 190, 198). «Молотчий» человек Иван Фторов сын Бабин в Красилном ряду владел по рядной грамоте лавкой «о трех замках» (с. 190, 219).

Возможно, в этом переулочке, или рядом, в **«Предотечинском переулочке»** (с. 186), названном по храмовому посвящению, стояла

церковь в честь Рождества Иоанна Предтечи с приделом Тихона Чудотворца. В Писцовой книге место храма обозначено так – «к Волге промеж Успенья за Сулою от города», что могло означать расположение храма за Сулою от Нового города, ближе к Волге, между Успенским храмом и рекой Сулой, то есть на правом берегу Сулы. В церкви служили священник Ермолай Иванов, дьякон Прокофей Ермолаев и церковный дьячок Елизарко Ермолаев (с. 281).

В Предотеченском переулке стояло всего 3 посадских двора – холщевника Онкудинка Петрова, вдовы Любавки Жирковой с сыновьями Офонкой и Кононком и рыбного прасола «худова» человек Ивашки Ивановича Боландина, получившего для торговли место в Рыбном ряду, «идучи от Предотеченских ворот налеве» (с. 186, 246).

Самой ближней к Новому городу, тянувшейся вдоль его западных укреплений, вторым писцом названа «**Спаская улица**» (с. 181), где стояло пять дворов, из них 4 двора посадских, один двор на черной земле протопопа соборного храма Пречистой Богородицы Федоровской Онтонья и место огородное Митки Ожегина, имевшего двор в Варварской улице (с. 181, 86). В одном из дворов в Спасской улице жил и трудился серебряник Архипко Тимофеев, а этим двором владел Савка Надежин, проживавший сам в Варварской улице (с. 181, 86). В Спасской стояли дворы крашенинника Игнашки Вохрамеева, вдовы Овдотьицы Сскунщиковой и бобыля Петрушки Киселникова (с. 181).

Свое название Спаская улица получила по стоявшему здесь Спасскому монастырю, в котором главный храм был когда-то посвящен Спаса Преображению, но в 1628 году не действовал и назван был местом церковным. Службы в обители проходили в действовавшем деревянном трапезном храме во имя митрополита Московского Петра Чудотворца и вели их поп Афонасей Обрамьев, дьякон Автомон Афонасьев и церковный дьячок Лучка Оксентьев. На монастырской земле было устроено семь келий для нищих людей, «кормятца по

Жители русского посада.
Рисунок из «Альбома Мейерберга». 1661 год.

миру Христовым именем».

Где же располагался этот монастырь на Спасской улице? Писцовая книга дает подсказки по этому вопросу: обитель стояла, «идучи к Волге налеве» от Никольских ворот Нового города. Кроме того, монастырь находился «на вымле», то есть на вымоине, вероятно, тянувшейся от рва под мостом у «Болших Спаских ворот» между Старым и Новым городом. Подле Спасского монастыря находились полки, где торговали масленики (с. 283, 16, 238, 240).

От Спасской улицы до берега Волги спускался «**Архангельский переулок**», названный по стоявшей в нем «у реки у Волги» деревянной клеткой церкви Михаила Архангела с двумя приделами «чюдотворца Николы да благоверного князя Владимира». На церковной земле находилось пять келий нищих.

Архангельский переулок в числе посадских не значился, так как в нем не числилось ни одного тяглого двора. Вдоль всего переулочка тянулись церковные земли с кладбищем и двором приходского священника Ивана Володиминова. В числе церковных служебников названы дьякон Внифантей Микулин и пономарь Афонька Кузмин (с. 283).

Почти параллельно Архангельскому тянул-

ся «Преображенский переулоч», который тоже шел от Спасской улице к Волге (с. 283). Он также не был включен подьячими в список посадских улиц и переулочков.

Вдоль же берега Волги, пересекая оба переулочка – Архангельский и Преображенский, проходила одна из древнейших костромских улиц, которую описали оба подьячих, первый назвал ее – «Улица Нижняя к Волге, Десетильничья тож» (с. 84), а второй – просто «Улица Десетильничья» (с. 177). Ее местоположение уточняется вторым названием – «Нижняя к Волге». Свое имя улица получила по стоявшему здесь когда-то, вероятно, еще при первом городском поселении, десятильничьему двору, в котором десятильник духовного звания собирал десятину из княжеских доходов в пользу епископа, позже ставший управителем духовных дел. В 1628 году «двор десетильничей» был пуст, в нем жил дворником плотник Филипко (с. 178). Здесь же на черной земле проживали приходской священник Тимофей из двухпрестольного храма «чюдотворца Николы да Усекновение Чесные главы Иванны Предтечи» на площади в Новом городе (с. 178, 271); и поп соборной церкви Пречистой Богородицы чудотворной иконы Феодоровской Иван Юрьев (с. 178). Еще на улице стоял двор мирской, в котором «ставятца приказные люди» (с. 177).

21-м жилым и льготным двором в улице владели костромские посадские люди разных ремесел и промыслов. Изготовлением шапок занимались «молотчий» человек Поспелка, «средние» люди – выборный посадский человек Богдан Александров (Богдашка), а также Куземка и Федка Шапошниковы. Богдашка владел лавками в Шубном ряду и «у Никольских ворот» лавкой «о четырех замках» с племянником Куземкою Онаньиным (с. 84, 202, 215). Братья Шапошниковы торговали в лавках Суровского и Сапожного рядов (с. 84, 206, 235). Сапожничал Кирилка Корнилов (с. 179), овчины делали – Ларка Федоров и Юрка Семенов, владевший в Шубном ряду лавкой по купчей

(с. 178, 214). Колотильщиком был Первушка, плотником – Осипко Микитин (с. 178). «Делает серебряное» Любимка Боковин, который жил в улице на земле кремлевского собора Пречистой Богородицы, но «тягло тянет в посад». В Серебряном ряду вместе с братом Семейкой по старине он владел лавкой «о пяти замках» (с. 84, 215).

С изготовлением съестных продуктов были связаны «добре худые» люди: масленик Куземка Михайлов, владевший полоком среди масленых полков у Спасского монастыря «против города» (с. 84, 240), и Фомка-киселник, ведший торг в Солоденном ряду «подле важни» (с. 84, 207). Колачник Грязка Истомин получил место под полк в Калачном ряду у Воскресенских ворот (с. 178, 198), рыбник Петрушка Кокин владел не только двором по одной стороне улицы, но и огородцем – «против двора» (с. 178).

Два посадских человека получили по два льготных года на заведение хозяйства: Харламка Усов, имевший лавку по купчей в Шубном ряду (с. 177, 214), и Семейка Гребенев, строившийся на месте двора своего отца. Возможно, как и его брат Данилка Гребенев, владевший харчевой избушкой у Никольских ворот, Семейка тоже займется харчевным делом (с. 178, 243, 250).

На Десятильничей улице стояли две деревянные церкви одного прихода – «великого чюдотворца Николы» и «с трапезою страсотерпца Христова Георгия». На церковной земле находилось 16 келий, где жили нищие, питавшиеся «от церкви Божию». Церковные служебники – поп Тихон Нероков и дьякон Григорей Оникеев – жили в Брагине улице Нового города (с. 282-283).

На карте современной Костромы эту территорию можно сопоставить с улицей Молочная гора и местами справа и слева от нее. Ниже у реки Волги было место бойкое – стояли мытный двор для взимания платы за проезд (одна из западных башен Кремля так и называлась –

«башня с рукавом против мыту»); государев «двор Большой кобатцкой», где «отпускают с нево на все кобаки питье кобатцкое всякое»; бани; квасница, поварня пивная и перевоз на Волге. Все эти учреждения были «на откупу за костромичи за посадскими людьми за Лукою Ежеусовым с товарищи», дававшим откуп «на Москве в Костромской чети» (с. 252-253).

Кроме того, на нижнем посаде значительное место с 1628 года, по государевой грамоте царя Михаила Федоровича, стала занимать первая белая Стрелецкая слобода для 25 костромских стрельцов. Она устроилась «к Волге от мытной избы» у трапезного храма Георгия Стратотерпца (с. 338).

Вероятно, расположение кабака, квасницы, пивной поварни, где для изготовления кваса и пива использовалось сусло, дали название в нижнем посаде Суслову переулку. Видимо, это был один из переулков, который тянулся от берега Волги к Десятильничей улице и по которому прошелся второй писец, назвав его «**Суслов переулком**» (с. 182-183). Дворами здесь владели 16 посадских людей, стояла келья нищей вдовы попады Оринки и двор мирской, «ставятца на нем таможенные головы». В конце переулка на белой земле имел двор священник кремлевского Троицкого собора Никита Офонасьев сын Протопопов.

Из посадских ремесленников здесь проживали сапожники Федка Микитин и Кирилка Фомин, колотильщик Федотка и извозчик Ивашка Иванов, иконник Ортюшка Пахомов и работные люди Ооска Григорьев и Офонка Елизаров, ярыжный Богдашка Иванов и судовой ярыжный Федотка Зенов. Рыбный прасол Васка Кочалкин торговал с места лавочного в Сапожном ряду «от Благовещенских ворот, идучи налево» (с. 182, 236), а харчевник Матюшка Микитин владел харчевной избушкой «с сенми» у Никольских ворот (с. 183, 243).

Другой переулком в нижнем посаде, тоже с 16-ю дворами, носил имя «**Всесвятцкой переулком**» (с. 186-187) по храмовому приделу во

имя Всех Святых стоявшей здесь деревянной церкви «великого чудотворца Николы». Писцы особо отметили, что храм был «о пяти верхах», то есть завершался пятью деревянными главами. Второй придел был посвящен святым «Козме и Домьяну». Стоявший рядом трапезный клетский храм в честь Сретения Господня имел придел во имя «Христовы мученицы Еко-терины». Вокруг храмов простирались церковные земли, на которых было кладбище, двор священника Назаряя Микитина и 15 келий нищих людей (с. 284).

Описание небольшого Всесвятцкого переулка составил второй подьячий, отметив здесь кроме 14-ти посадских дворов дворы на черной земле: площадного подьячего Ондрушки Карачева, принадлежавший когда-то сапожнику Онашке; стрельца Ларки Игнатьева и каменщика Олешки Нечаева, который получил место в Кирпичной слободе, а в переулке должен был «хоромы снести» или продать тяглому человеку (с. 186).

Владельцами посадских дворов были несколько промысловиков, связанных с обработкой кож и шитьем из них изделий: 4 сапожника – Пронка Яковлев, Наумка Иванов, Назарка Прокофьев и Фадейка; шапочник Ларка Игнатьев, шубник Ивашка Васильев и рукавичник Савка Костров. Кроме них в переулке жили колотильщик Куземка и портной Тишка Ондруев; «пугвошник» Логинка Яковлев, холщевник Федка Яковлев и сермяжник Онашка Федоров.

За пятиглавым деревянным храмом Николы Чудотворца находилось местечко, даже не переулком, названное «**Позади Николы Пяти-верхового**» (с. 190-191), описанное вторым подьячим, где стояло всего два посадских двора бобылей Ивашки Петрова и Ивашки Сидорова. Остальная земля этого местечка была занята семьей нищими, которые проживали в двух дворах и трех кельях. Среди нищих были записаны Прасковья с сыном недорослем Миткою, Ульянка с сыном Семейкой, вдова Марьяца, Гаврилка Уваров и Дружинка Веселов.

Расположение последних 4-х переулков в нижнем посаде определить довольно трудно, и даже их названия не дают нам никаких подсказок: «**Переулок Цыцын**» (с. 180-181), где стояло 7 жилых дворов; «**Щербов переулок**» (с. 185-186) всего с тремя тяглыми дворами; «**Переулок Лохов**» (с. 191), в котором проживало семь посадских людей; и переулок, который назывался: «**Идучи от Волги в Кочалкин переулок**» (с. 190). Все четыре переулков были описаны вторым подьячим.

В переулке Цыцын владельцами черных дворов числилось 7 посадских людей и один пушкарь Замятенка Тимофеев. Среди тяглых были записаны два сапожника – Гришка Степанов и Матюшка Данилов; мясник Демка Иванов и животинный прасол Митка Воронин, имевший в своем дворе солодовню. Во дворе «худова» человека Янки Косолапа проживал «подсоседник» портной мастер Якимка Фомин. Вдова Марфица владела в Рыбном ряду лавкой по купчей вместе с крестьянином Ипатьевского монастыря Оничкой Тимофеевым (с. 181, 211).

В Щербове переулке, кроме дворов вдовы Феклицы Скорняковой и бобыля Ивашки Колеса, занятий которых не названо, дворовое место было отдано на два года в льготу извозчику Нежданке Ларионову для устройства нового двора, чтоб затем «службы служить с посадскими людьми в ряд». Нежданке, владевшему двором в Якиманской улице, мирским посадским управлением было велено старый двор продать тяглому человеку, а новый обустроить (с. 185).

В следующем Лохове переулке стояло 7 дворов и одно место дворовое посадские; две кельи нищих Куприяна Безногова и Ивашки Юрьева; двор на белой земле священника кремлевского собора Живоначальной Троицы Ивана, в котором проживала «посестрея ево – черница Варварица» (с. 191).

Среди посадских ремесленников писцами были названы 3 сапожника – Демитка Фомин

и сыновья вдовы Федорки Пивоваровой Федка и Мартьянка; красильник Фадейка Федоров и суконный мастер Богдашка Калинин, колотильщики Ивашка Прохоров и Федка Сидоров; мыльный прасол Ивашка Гордеев и судоплат Онисимка Никонов. Во дворе Оксиницы, вдовы Федора-иконника, жил «подсоседник» – сторож съезжей избы Юшка.

Кочалкин переулок был расположен в нижнем посаде, «идучи от Волги», но точно в каком месте, сказать трудно. Кроме избы недоросля Гришки Яковлева и трех посадских дворов, в переулке на белой земле находился «двор Кирилова монастыря, что на Белеозере». Живший в нем тяглый человек пирожник-«короваяшник» Сенка Осипов, владевший «избушкой с сенми» среди харчевных избушек у Никольских ворот, был взят «на поруку» посадским миром с предписанием, чтобы «итить на черную землю» и обустроить там свой двор (с. 190, 243). Из посадских людей, проживавших здесь, занимались торговым делом вдова Марьица (Манка) Качалкина, имевшая по данной грамоте в Рыбном ряду 4 лавки «о четырех замках» (с. 190, 211); а также рыбный прасол Пашка Кубасов, в Свежем Рыбном ряду владевший амбаром и получивший место лавочное Свежем Рыбном ряду «от города к Предотеченским воротам налеве» (с. 190, 204, 245).

Мы подошли к концу Костромского посада, пройдя по улицам, переулкам и всем местечкам, заглянув почти в каждый посадский двор, во многие ремесленные и торговые заведения «костромитян» – жителей нашего древнего города. Конечно, точное местоположение некоторых улиц и довольно многих переулков трудно определяется по Писцовой книге 1627/1628 – 1629/1630 гг. Мы попробовали это сделать. Дальнейшее изучение костромских документальных памятников второй половины XVII – XVIII вв., вероятно, даст новый материал для осмысления истории города Костромы, поможет в решении многих важных вопросов.

Профессор Санкт-Петербургской Духовной Академии Николай Васильевич Покровский писал о святых Ипатьевского монастыря: «Здесь представляется взорам наблюдателя разнообразие и роскошь художественных форм, высокое качество материала – золота, серебра, жемчуга, бархата и парчи, высокие достоинства древнерусской техники; все это вместе с историческими преданиями о собранных здесь предметах невольно вызывает внимание к нашему историческому прошлому» (13, с. 5). Эти слова можно отнести в значительной степени и к древностям других монастырских и церковных ризниц Костромской земли.

Особую заботу об украшении костромских храмов, пополнении их произведениями церковного искусства проявляли царствовавшие более 300 лет в России государи Дома Романовых: «возградити повеле, и многия церковные вещи, такожде и многая села и земли, с живущими тамо христианы, монастырю дарова» (15). Мартовские события 1613 года наречения Михаила Федоровича государем в Ипатьевском монастыре тесно связали Костромскую землю с царской династией Романовых. Кострома неоднократно посещалась царями и великими князьями, испытывала на себе знаки их покровительства, в 1913 году стала местом торжественного празднования 300-летия царствования Дома Романовых.

Портрет царя Михаила Федоровича.

К сожалению, до нашего времени сохранились лишь немногие памятники, как писал костромской краевед Иван Васильевич Баженов в начале XX века, «благочестивой и щедродательной деятельности» Романовых (1, с. 87).

Первые дары новоизбранным царем Михаилом Федоровичем были сделаны в костромские храмы и монастыри, наиболее значимые для него избранием на русский престол. Несомненно, главным был Ипатьевский монастырь. 1 июля 1613 года, еще до своего цар-

ского венчания в Успенском соборе Московского Кремля, Михаил Федорович прислал Царское место, сделанное наподобие древней царской короны, украшенной сверху двуглавым орлом, а у подножия охраняемой резными фигурами львов. Это был ценный дар и символизировал он постоянное присутствие первого государя династии Романовых в важном для царя Ипатьевском монастыре. В 1649 году, после разрушения Троицкого собора и строительства нового, Царское место было сложено в кладовую, где сберегалось разобранном около 117 лет, до приезда в Кострому императрицы Екатерины II. В настоящее время Царское место сохраняется в Московском музее-заповеднике «Коломенское». Троицкий же собор Костромской обители с 2008 года украшает копия Царского места, сделанная высокопрофессиональными мастерами православного Свято-Троицкого братства из калужского города Щигры.

В 1626 году бесценная святая реликвия была дарована царем Михаилом Федоровичем и Патриархом Филаретом в Ипатьевский монастырь – часть Ризы Господней. За год до этого государь получил в дар от персидского шаха Аббаса I часть хитона Спасителя в золотом ковчеге, украшенном драгоценными камнями. Благодетельный царь Михаил повелел устроить для святыни особое место в Успенском соборе Московского Кремля и вложить в наиболее чтимые государем монастыри частицы святыни.

Монастырская опись 1736 года свидетельствует, что эта христианская реликвия помещалась первоначально внутри «греческого деревянного креста», а затем, в 1718 году, при архимандрите Тихоне вместе с переложенными из ризничих панагий части ризы и пояса Пресвятой Девы Марии, части Креста и гроба

**Царское место. Вклад царя Михаила Федоровича в Ипатьевский монастырь.
Фото С.М. Прокудина-Горского нач. XX века.**

Господня, вместе с мощами «многих разных святых», перенесены в «ковчег на кипарисной доске». Ковчег был украшен окладом – «обложен серебром в чекан», сделанным «из ризничных двух серебряных блюд» (6, л. 12). В течение последующих лет часть Ризы Господней со всеми христианскими святынями хранилась в драгоценном ковчеге над Царскими вратами Троицкого собора Ипатьевского монастыря. Долгие годы советского антирелигиозного лихолетья, когда монастырь был закрыт и разорен, святыня считалась утраченной, но чудом сохранялась православными священниками и мирянами: с начала 70-х годов находилась у протоиерея Павла Тюрина, духовника Костромской епархии; с 1990 года, 15 долгих лет, бережно хранилась архиепископом Александром (ныне митрополит Астанайский и Казахстанский), который дал Богу обет передать ее в монастырь лишь тогда, когда Всероссийская святыня – обитель святого Ипатия, будет полностью возвращена Русской Православной Церкви. Исполнение этого обета было приурочено к дню празднования Казанской иконы Божией Матери 4 ноября 2005 года. В настоящее время православная святыня в новом злато-серебряном ковчеге хранится в алтаре главного Троицкого соборного храма и в дни Великих православных праздников выносятся на поклонение прихожанам.

Особо богатые дары были преподнесены царем Михаилом Федоровичем к чудотворному образу Феодоровской Божией Матери – участнице исторических событий царского «умаления» и наречения в Ипатьевском монастыре. В 1618 году, по случаю заключения мира с Польшей, где долгое время томился в плену его отец митрополит Филарет, были присланы в Кострому из Москвы драгоценные украшения для подвешивания к иконе: рясны или привески, низанные в решетку по золотистой фольге крупным жемчугом, с золотыми колодками и кольцами; оглавие «низано жемчугом большим по золотой цке [...] сорок одно зерно бурминское» и «цата золотая литая». Все украшено изумрудами, яхонтами (старинное название сапфира, рубина и других драгоценных камней) «лазоревыми» и «червчаты-

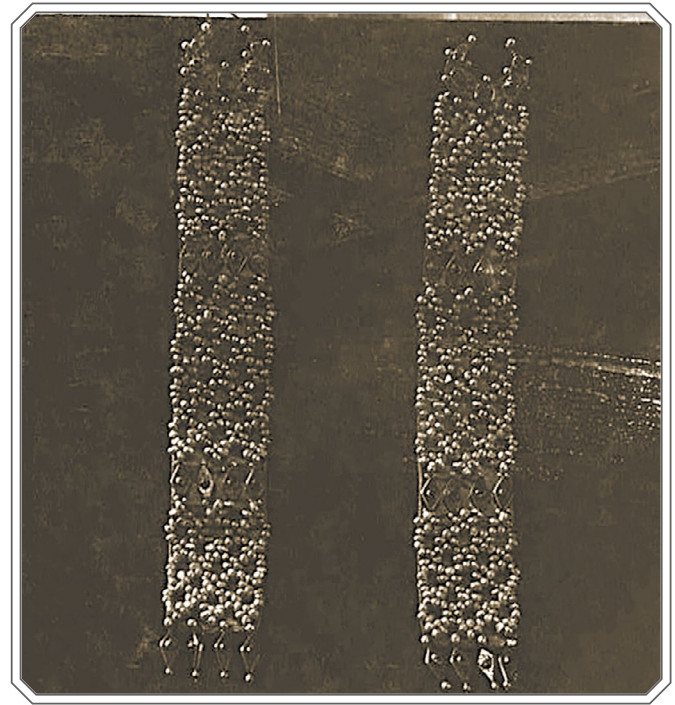

Ковчег с частицей Ризы Господней. Вклад царя Михаила Федоровича и Патриарха Московского и всея Руси Филарета в Ипатьевский монастырь. Фото С.М. Прокудина-Горского нач. XX века.

ми», «бирюзами» и «бурминскими зернами» (крупный отборный жемчуг) (11, с. 258-259). Вкладная надпись была вырезана на колодках ряси: «Божиею милостию великий государь, царь и великий князь Михаил Федорович всея Руси самодержец и великая старица Марфа Иоанновна приложили сии рясны на Кострому в соборную церковь к чудотворному образу Пресвятыя Богородицы Феодоровския в пятое лето государства своего».

Михаил Федорович прислал также к этой святыне накладную жемчужную ризу с яхонтами, алмазами и хрусталем, на одном из камней которой – «лазорево», называемом «баузь», – имелось рельефное изображение святителя Николая Чудотворца (1, с. 89).

В 1619 году, возвращаясь из паломничества в Макариево-Унженский монастырь, царь пожертвовал в костромской соборный храм во имя чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери одноименную икону, «шти листовою» меры, в отдельном киоте для иконостаса храма, которая была поставлена и сохраняла свое место до разрушения собора в 1934 году,

Рясны-привески к чудотворной Феодоровской иконе Божией Матери. Вклад царя Михаила Федоровича. Фото С.М. Прокудина-Горского нач. XX века.

над южной алтарной дверью иконостаса. Икона была украшена окладом «серебром позолоченным басменным» с жемчужным убрисом, рясами с «лазоревыми негранеными яхонтами и в венце 12 разноцветными камнями» (1, с. 88) и цатой с чеканным изображением Успения Пресвятой Богородицы.

Одарен был, по преданию, и список с образа Феодоровской чудотворной, находившийся в приделе во имя преподобного Михаила Малеина Троицкого собора Ипатьевского монастыря. Мать царя Михаила Федоровича, инокиня Марфа Ивановна, приложила к ней как подвес двухстороннюю иконку-мощевик, выполненную на Афоне в технике сквозной резьбы по кипарису. Из всех царских вкладов к чудотворной иконе Феодоровской Божией Матери и ее спискам до наших дней сохранилась лишь эта икона-мощевик, представленная ныне в экспозиции Церковного историко-археологического музея. Круглая по форме, она имеет по торцу серебряную оправу, на которую напаяны 11 глухих кастов с частицами мощей святых угодников Божиих. Вкладом великой старицы

Марфы Ивановны в Ипатьевский монастырь считаются также две шитые пелены Феодоровской и Владимирской Божией Матери.

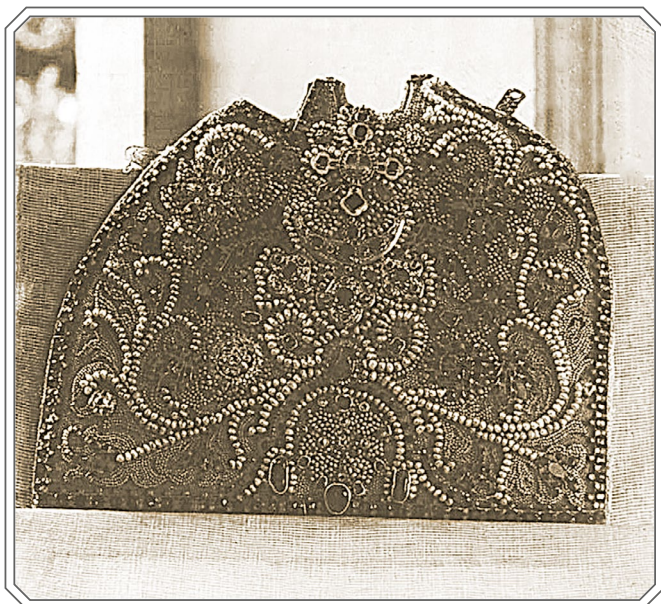
Удивительным по красоте и духовной глубине памятником-святыней является икона Тихвинской Богородицы середины XVI века, издревле почитаемая в Ипатьевском монастыре как точный список с чудотворного образа Тихвинского монастыря. В краеведческой литературе XIX – начала XX века икона, без ссылки на документы, связывается то с московским посольством Земского Собора 1613 года, то с вкладом Михаила Федоровича Романова в Ипатьевский монастырь (7).

Вероятнее всего, этот чтимый образ – результат вкладной деятельностью царя Михаила Федоровича. Известно, что первым крупным дипломатическим успехом только что вошедшего на престол юного царя был мир со Швецией, заключенный в деревне Столбово перед ликом Богородицы списка с чудотворной Тихвинской иконы. Одним из главных чудотворений образа было спасение Тихвинской обители от нашествия шведов в 1613 году, особенно значимом для Михаила Федоровича царским наречением в Ипатьевском монастыре. Возможно, в память этих важных событий

государь прислал в Кострому Тихвинскую икону Божией Матери, являющуюся точным списком чудотворного образа.

Отсутствие в монастырской документации сведений о вкладчике этой иконы позволяет выдвинуть и более интимную, семейную причину вклада Тихвинского образа, имевшего в Православии второе название «Чадородительница». Издавна ей молились с просьбой о чадородии, прося помощи в материнстве. В царской семье Михаила Федоровича главные семейные заботы были связаны с деторождением, с заботой «о чадах мужска пола [...]». Обстоятельство, что рождаются только дочери, очень опечалило и озаботило царственных супругов. Была печаль и беда немалая и царю, и ещё более благоверной царице о «безродии сыновнем» [...]. «Супруги стали усердно молиться», – писал по этому поводу историк Иван Егорович Забелин (4, с. 136). Возможно, этот удивительный по красоте и духовной глубине Тихвинский образ Божией Матери был вложен в обитель святого Ипатия царем Михаилом Федоровичем с молением о «наследника царству».

В настоящее время образ Божией Матери Тихвинской занимает свое историческое мес-

Риза жемчужная к чудотворной Феодоровской иконе Божией Матери. Вклад царя Михаила Федоровича. Фото С.М. Прокудина-Горского нач. XX века.

Икона-можевик XVII века. Вклад инокини Марфы Ивановны к Феодоровской иконе Божией Матери из Ипатьевского монастыря.

Феодоровская икона Божией Матери. Вклад царя Михаила Федоровича в Костромской соборный храм. Фото С.М. Прокудина-Горского нач. XX века.

Феодоровская икона Божией Матери из придельного храма преподобного Михаила Малеина Троицкого собора Ипатьевского монастыря. Фото С.М. Прокудина-Горского нач. XX века.

то в иконостасе Троицкого собора, на которое указывают старинные монастырские описи, – второе слева от Царских врат. На осень и зиму святыню переносили в теплый храм Рождества Пресвятой Богородицы, стоявший рядом с Троицким собором. Икона принимала участие в генеральных костромских крестных ходах вместе с чудотворным Феодоровским образом Божией Матери. К сожалению, украшавшие икону старинные оклады не сохранились до наших дней, ни первоначальный золоченный серебряный басменный оклад XVII века, ни драгоценный серебряный оклад, украшенный бриллиантами и жемчугом, изготовленный в 1867 году по заказу архиепископа Костромского и Галичского Платона в Санкт-Петербургской ювелирной мастерской купца Верховцева. С 2010 года Тихвинский образ украшен новой драгоценной ризой, изготовленной в из-

вестном костромском центре ювелирного производства — селе Красное-на-Волге.

14 февраля 1616 года государь Михаил Федорович, возможно, с молением о мире и спокойствии в его государстве приложил к образу Святой Троицы, храмовой иконе Троицкого собора Ипатьевского монастыря, вложенной еще в XVI веке Годуновыми, три большие золотые монеты с изображением шведского короля Карла IX и чеканной на четырехугольных дощечках надписью об этом (6, лл. 3-4). Золотые монеты украшали золотой Годуновский оклад храмовой Троицкой иконы и в настоящее время хранятся, как и оклад, в Оружейной палате Московского Кремля.

Среди многочисленных вкладов Михаила Федоровича в Ипатьевский монастырь, не сохранившихся до наших дней, надо отметить икону преподобного Михаила Малеина –

святого покровителя царя, хранившуюся в одноименном придельном храме. В Каталоге Древлехранилища Костромского Церковно-исторического общества 1913 года под № 1 упоминается еще один царский дар – деревянный складень с Феодоровской иконой Божией Матери в центре, с изображениями на полях иконы архангела Михаила и святого Николая Мирликийского, архангела Гавриила и преподобного Сергия Радонежского. На дверцах складня были изображены святые апостолы Петр и Павел. Эта икона, по преданию, в 1613 году находилась в молельной комнате юного Михаила Федоровича в гостиных кельях Ипатьевского монастыря, где он проживал с матерью, Великой старицей Марфой. Будущий государь оставил складень в обители, где он сохранился в Царских чертогах в течение 300

лет, как и другие многочисленные царские реликвии (5, с. 5).

Государем Михаилом Федоровичем была благодетельствована не только чудотворная Феодоровская икона Божией Матери в главном соборном храме Костромы. Храмовая утварь, после царских вкладов, значительно пополнилась высокохудожественными произведениями: древними иконами в драгоценных окладах, подвесными пеленами, богатыми облачениями священнослужителей, старопечатными и рукописными книгами.

Обратимся к главному документу по истории Костромы первой половины XVII века – Писцовой книге: «Да у Пречистые ж Богородицы Федоровские Деисусы праздники и пророки и праотцы. [...] Подсвешники деревянные посеребрены [...] данье государя царя и великого кня-

Пелена, перв. пол. XVII века. Богоматерь Феодоровская. Вклад инокини Марфы Романовой в Ипатьевский монастырь.

Тихвинская икона Божией Матери середины XVI века. Вклад царя Михаила Федоровича в Ипатьевский монастырь.

**Казанская икона Божией Матери XVII века.
Вклад царя Михаила Федоровича
в Макариево-Унженский монастырь.**

**Пелена двусторонняя XVII века. Пресвятая
Троица. Преподобный Макарий Желтоводский
и Унженский. Вклад инокини Марфы Ивановны
в Макариево-Унженский монастырь.**

зя Михаила Федоровича всеа Руси». Далее: «А те воздухи, и покровы, и ризы, и патрахели, и стихари, и поясы, и улари, и поручи, и пелены, и Евангелия, и крест, и кадило, и сосуды, и паникадило – данье государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси» (11, с. 262, 266).

Среди этих даров первого царя из рода Романовых выделялась несохранившаяся Владимирская икона Божией Матери в серебряном басменном окладе, с серебряным венцом, убрусом и цатой жемчужными, все богато украшенное драгоценными камнями (1, с. 88). В Церковном историко-археологическом музее в экспозиции «Ипатьевский монастырь – “колыбель” Дома Романовых» в настоящее время хранится серебряный напрестольный крест, вложенный царем в главную соборную церковь Костромы. К сожалению, крест дошел до нас не в первоначальном виде, он сильно пострадал во время страшного пожара 1773 года в Костромском кремле. В 1774 году, по благословению епископа Костромского и Галичского Симона (Лагова), остатки креста были переделаны и поновлены костромскими ювелирами, о чем свидетельствует резная запись на на-

престольном кресте. Чеканный оклад креста украсила жемчужная обнизь.

По данным Писцовой книги 1628 года, на колокольне теплой церкви во имя Похвалы Пречистой Богородицы при соборном храме в Старом городе Костроме находился «колокол большой благовестной в двесте пуд, дань государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси» (11, с. 267).

Значимые дары получил от царя и его матери инокини Марфы Богоявленский монастырь. В 1613 году Михаил Федорович пожаловал к образу Богоявления Господня «золотой Угорский», а инокиня Марфа Ивановна – ведро церковного вина. Возвращаясь из обители святого Макария Унженского в 1619 году, государь вновь посетил Богоявленский монастырь: «у Богоявления Господа нашего всеобщая пения и благодарная молитвы принести нас сподобил Бог» (12), и вложил вторично «золотой Угорский», инокиня же Марфа даровала золотой панагийный крест с Распятием, украшенный камнями (8, с. 8). «Золотой Угорский» был не просто монетой, он считался своего рода наградой. Известно, что до Петра I, при котором появились наградные медали и ордена,

золотые монеты, называемые «угорские» или «венгерские», по их происхождению являлись полноценной военной наградой за проявленные подвиги. Видимо, не случайно от царя их получил Богоявленский монастырь, насельники которого осенью 1608 года бесстрашно защищали свою обитель от сторонников Лжедмитрия II, и многие были убиты.

Близ Богоявленского монастыря находилась древняя Вознесенская мужская обитель, в храме которой, посвященном преподобному Варламию Новгородскому чудотворцу, – «образы месные, и книги, и ризы, и колокола, и всякое церковное строенье государево царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси» (11, с. 279).

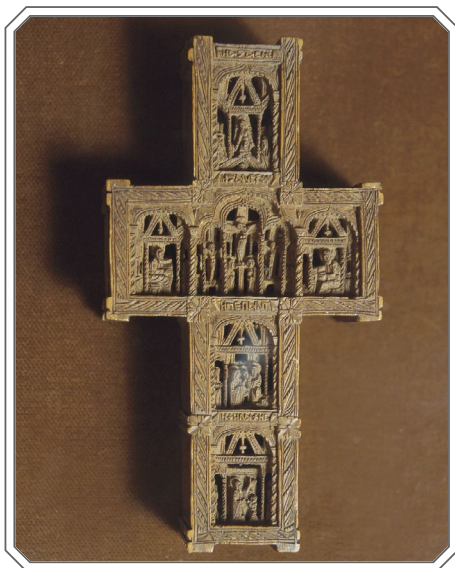
Со времен царя Ивана Грозного в Костроме существовала Кирпичная слобода, где на белой земле проживали государевы каменщики и кирпичники. В деревянных церквях во имя святого священномученика Власия и великого чудотворца Николы «всякое церковное строение» – образы, книги, ризы и колокола – «государево» Михаила Федоровича (11, с. 276).

В 1619 году Михаил Федорович вновь посетил Костромскую землю. В благодарность за

благополучное возвращение из многолетнего польского плена своего отца Филарета, ставшего Патриархом Московским, государь, вместе со своей матерью, совершил паломничество для поклонения костромским святыням и, прежде всего, Святому Макарию, Унженскому Чудотворцу, особенно почитавшемуся Патриархом Филаретом. Надо отметить, что Макарий Унженский был одним из первых святых, канонизированных к общерусскому почитанию новой царской династией Романовых.

До наших дней сохранился ценнейший вклад царя Михаила Федоровича в Макариевскую обитель – Казанская икона Божией Матери, которой, по преданию, Марфа Ивановна в 1601 году, перед своим отправлением в ссылку в заонежский погост Толвуй, благословила малолетнего сына своего Михаила, вверяя его покрову Матери всех скорбящих. Эта икона была впоследствии путевою иконою царя Михаила Федоровича, всюду сопровождала его в дорогах, на что указывает сделанный для этой цели дорожный для нее футляр-киот с изображением двенадцатых праздников на его створках. На полях иконы изображены предстоящие святой Василий Великий и преподобный Евфимий Суздальский.

Эта глубоко чтимая святыня была келейной иконой царя в Макариевском монастыре и дарована им в эту обитель. С конца 1912 года икона находилась в ризнице Ипатьевского монастыря. Икона украшена серебряным позолоченным чеканным окладом, драгоценными камнями и жемчугом. Не сохранилась серебряная цата; убрус, с низанными жемчугом четырьмя привесками – рясами с крестами и бирюзовыми камнями. Художественные особенности иконы и оклада свидетельствуют, что они были изготовлены московскими мастерами первой половины XVII века.

Крест кипарисовый начала XVII века. Вклад Патриарха Московского и всея Руси Филарета в Макариево-Унженский монастырь.

Евангелие напрестольное 1633 года. Вклад царя Михаила Федоровича в девичий Ризположенский Анастасиин монастырь города Костромы.

**Икона Богоматерь Умиление XVI-XVII вв.
Вклад царя Алексея Михайловича в
Ипатьевский монастырь.**

Мать царя вложила в Макариево-Унженский монастырь вышитую двустороннюю пелену с изображением на одной стороне преподобного Макария Унженского, а на другой – Святой Троицы. Историк Иван Васильевич Баженов писал о том, что пелена, собственноручно шитая матерью царя, являлась прикладом к иконе «Богоматерь Казанская» в киоте (1, с. 90). Выполнена пелена в технике лицевого шитья шелковыми, золотными и серебряными нитями. Это один из самых ранних памятников с изображением преподобного Макария Унженского Чудотворца. Святейший патриарх Филарет вложил в ризницу Макариево-Унженского монастыря кипарисовый крест, выполненный монахами обители святой горы Афон.

Замечательным памятником пребывания царя Михаила Федоровича в Макариево-Унженском монастыре была одноколка, которую местное предание связывало с родоначальни-

**Икона-вставка «Достойно есть» второй
половины XVI века.**

ком Царственного Дома Романовых. На передней стороне кузова одноколки была изображена царская корона, а позади кузова – резные старинной формы львы, которые всегда являлись символом власти и могущества. Предполагается, что одноколка была сделана по заказу игумена Макариево-Унженской обители Зосимы (игумен с 1613 по 1625 гг.) для царя Михаила Федоровича и матери его инокини Марфы Ивановны (5, № 717).

Вкладом основателя Романовской царской династии считалась местночтимая в Железноборовском монастыре икона преподобного Иакова Железноборовского в серебряном позолоченном басменном окладе. Как и святой Макарий, преподобный Иаков Железноборовский за подвиги самоумерщвления, молитвы, чистоту души и тела, терпение и любовь получил от Бога духовную прозорливость и дар чудотворения. Эта икона была дана царем в

память о том, что основанный этим святым монастырь, расположенный недалеко от села Домнино – вотчины бояр Романовых, являлся, согласно преданиям, укрытием и местом уединенных молитв Михаила Федоровича во времена, «егда еще не оу диадему нося, и скипетр державства [...] во младых си летех», то есть до восшествия его на русский престол.

Особенно многочисленны книжные вклады царя Михаила Федоровича в церкви и монастыри Костромского края (3, с. 61-64). В музейных коллекциях сохраняются богослужебные книги из несохранившихся соборных и монастырских храмов Костромы, Галича, Соли Галицкой: два напрестольных Евангелия – вклады в Анастасиин Ризположенский девичий монастырь и Власьевскую церковь города Костромы; Триодь цветная, Минея общая, Октоих, Устав из Галичского Преображенского собора; Евангелие напрестольное – вклад в церковь Рождества Пресвятой Богородицы в Соли Галицкой.

Замечательными святынями обогатились монастырские и церковные ризницы благода-

ря вкладам в обители потомков Михаила Федоровича Романова – царей Алексея Михайловича, и его сыновей Федора и Петра.

В Ипатьевский монастырь царь Алексей Михайлович пожертвовал 5 икон, среди которых особо выделяется образ Божией Матери Умиление первой трети XVII века. Икона украшена басменным золоченым окладом со сканными венцами. На полях киота изображены святые, среди которых покровители Ипатьевского монастыря и тезоименитые святые членов семьи Романовых-Шестовых: святой апостол Филипп и священномученик Ипатий Гангрский; святой Федор Пергийский и преподобный Венедикт Нурсийский; преподобные Михаил Малеин и Ксения Римлянка; мученики Прокл и Марон. Стилистические особенности живописи, тонкость письма и басменный оклад позволяют предположить его происхождение из Московских кремлевских мастерских. Эта святыня выполнена лучшими царскими иконописцами. Центр верхнего поля киота украшает резная из кости миниатюрная иконка второй половины XVI века «Достойно есть».

В память о важных семейных событиях, царь Алексей Михайлович прислал в Ипатьевский монастырь икону Божией Матери Корсунской середины XVII века с предстоящими на полях образа святыми апостолом Петром и пророчицей Анной. О вкладе свидетельствует надпись на обороте иконы, правда, позднего происхождения. Согласно монастырским описям, икону украшали «оклад и венцы серебряные чеканные золоченые, в венцах сверху два яхонта лазоревых, пять зернов бурмитских, убрус низан жемчугом». Икона хранилась в деревянном киоте, на дверцах которого были написаны 12 святых Божьих угодников с венцами серебряными сканными. К образу Корсунской Богоматери царь Алексей Михайлович приложил подвесную атласную пелену с крестом и 59 серебрянными басменными золочеными дробницами с жемчугом. С образом Божией Матери Корсунской были связаны наиболее значительные страницы личной жизни Михаила Федоровича Романова. Родители благословили Корсунским образом своего царственного сына, когда он женился на Евдокии Лукьянов-

Корсунская икона Божией Матери XVII века. Вклад царя Алексея Михайловича в Ипатьевский монастырь.

Пресвятая Троица. Лицевая сторона хоругви двусторонней середины XVII века. Вклад царя Алексея Михайловича в Ипатьевский монастырь.

Святитель митрополит Алексей; Блаженный Алексей человек Божий; великомученик Феодор Стратилат. Обратная сторона хоругви двусторонней середины XVII века. Вклад царя Алексея Михайловича в Ипатьевский монастырь.

не Стрешневой. Список с этого святого образа и был дарован Ипатьевскому монастырю и находился в Троицком соборе, согласно Описной книге 1736 года, у иконостаса, «против правого крылоса, на налое» (6, лл. 11-11 об.).

До наших дней не сохранились вкладные иконы царя Алексея Михайловича в Ипатьевский монастырь образ «Мати Молебница» XIV века в серебряно-золоченом филигранном окладе и икона Иоанна Новгородского Чудотворца (13, с. 17).

Царь Алексей Михайлович пожаловал также Ипатьевскому монастырю хоругвь с шитыми золотом и серебром изображениями: с одной стороны – Святой Троицы, с другой – Алексея человека Божия, святого Алексея Митрополита Московского и великомученика Федора Стратилата. Лицевое шитье золотыми, серебряными и шелковыми нитями выполнено в кремлевских светлицах. В XIX веке хоругвь претерпела значительные поновления. Лицевые изображения были отделены от червчатой камчатой основы и перенесены на новую

бархатную малинового цвета, которая со временем приобрела золотисто-желтый фон. При поновлении хоругви была полностью утрачена вкладная надпись: «Вклад Государя царя и Великого Князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белыя России самодержца» (10, с. 10-11).

Царица Наталья Кирилловна Нарышкина, вторая супруга царя Алексея Михайловича, вложила в Воскресенскую церковь города Луха, во время ссыльного пребывания в нем боярина Артамона Сергеевича Матвеева, два воздуха (покровы на священные сосуды) и крестообразный покровец (на потир или дискос) середины XVII века, шитые золотом и серебром (5, №№ 82, 83, 84). Два из них дошли до наших дней и хранятся в коллекции Церковного историко-археологического музея в Ипатьевском монастыре.

Сыновья царя Алексея Михайловича – Федор и Петр Алексеевичи – продолжили традицию вкладов их царственных предков. Царь Федор Алексеевич вложил в Солигаличский

Рождественский девичий монастырь по своей матери Марии Ильиничне Милославской крест напрестольный позолоченный с чеканным Распятием, украшенный жемчугом. Вкладная гравированная надпись на оборотной стороне креста гласит: «Лета 7188 (1680 год) году июня в 7 день повелениемъ великого государя царя и великаго князя Феодора Алексеевича Всея Росии пожаловал велел сей крест сделать солигалицкий в Рождественской девичий монастырь по своей матушке во блаженном Успении благоверной царице Марии Ильиничне» (16).

В церковь Владимирской Божией Матери города Нерехты юный царевич Петр Алексеевич приложил Евангелие напрестольное 1637 года, о чем говорит вкладная запись на книге, сохраняемой в настоящее время в Церковном историко-археологическом музее.

Императрица Елизавета Петровна, по указу которой в 1744 году была учреждена Костромская епархия, в середине XVIII века подарила Свято-Троицкому Ипатьевскому монастырю к новому иконостасу резное навершие с композицией «Распятие с предстоящими», которое и поныне украшает Троицкий собор.

В 1767 году Кострому посетила Екатерина II. 14 мая колокольным звоном всех городских церквей, пушечными выстрелами с кремля и Ипатьевского монастыря, громкими восторженными криками «Ура!» из тысяч уст костромских граждан Кострома торжественно встречала великую императрицу. 15 мая государыня посетила Ипатьевский монастырь. Она проследовала в обитель через Северные ворота, специально сооруженные к ее приезду и украшенные с внешней стороны вензелем императрицы. Из Ипатьевского монастыря Екатерина II отправила графу Николаю Ивановичу Панину письмо, в котором

**Крест напрестольный.
1680 год. Вклад царя
Федора Алексеевича
в Солигалицкий
Рождественский
монастырь.**

есть такие строки: «Я пишу в Ипацком монастыре, который прославлен в истории нашей тем, что из него царь Михайло Федорович на Царство веден к Москве, и истинно сие место и видом, и богатством украшений в церквях, почтенно» (14, с. 206-207). Императрица Екатерина II пожаловала Ипатьевскому монастырю 3000 рублей на его благоустройство и ремонт.

В 1773 году страшное бедствие постигло Кострому: сильным пожаром истреблена была вся юго-западная часть города. Пострадали Костромской кремль, Успенский собор, Крестовоздвиженский женский монастырь, 9 приходских церквей, торговые ряды, лавки с хлебом. По проекту замечательного костромского зодчего Степана Андреевича Воротилова начались восстановление и пере-

стройка соборного ансамбля Костромского кремля. На строительство нового теплого Богоявленского собора на месте сгоревшего Троицкого, из Государственной коллегии по именному указу императрицы Екатерины II, выдано было 12 000 рублей.

В октябре 1824 года император Александр I совершил путешествие из Вятки в Вологду через города Кологрив, Галич, Буй и посад Парфентьев Костромской губернии. 14 октября государь посетил соборную церковь Воскресения Христова посада Парфентьев. Во время литургии император пел на клиросе вместе с певчими. По окончании литургии пожертвовал храму 500 рублей и 500 рублей дал причту.

11 декабря 1834 года ризница Ипатьевского монастыря пополнилась историческими реликвиями: император Николай I прислал из Московской Оружейной палаты черный деревянный посох и серебряный позолоченный ковш царя Михаила Федоровича с резным изображением двуглавого орла и на полях надписью: «Божиею милостию государь царь и ве-

ликий князь Михаил Феодорович и вся Русь самодержец», а также большой ковш серебряный снаружи и вызолоченный внутри с резной надписью о пожаловании его императрицей Екатериной II яицкого есаула Бородина 9 февраля 1765 года за верную службу (5, № 55, с. 216-217).

В августе 1858 года Кострому посетил император Александр II с императрицей Марией Александровной и дочерью Марией. В 1880 году в Ипатьевский монастырь поступил по завещанию императрицы Марии Александровны крест наперсный литой четырехконечный, облицованный гранёными кораллами и цветной эмалью, в средокрестии с Голгофским крестом. Он датируется концом XVII – началом XVIII вв. На оборотной стороне креста имеется надпись «вещь императрицы Марии Александровны 1880 г.» (17).

Во время своих визитов царственные гости обязательно посещали кафедральный Успенский собор, где проходила Божественная литургия, Ипатьевский и Богоявленский монастыри, церковь Воскресения Христова на Дебре и другие достопримечательности Костромы.

Покровительство царствующего Дома Романовых Костромской земле проявлялось не только в пожертвовании разнообразной церковной утвари, денежных средств, но и в финансировании строительных и реставрационных работ на территории, прежде всего, Ипатьевского монастыря. В середине XVII

Ковш и ладанница царя Михаила Федоровича. Ковш императрицы Екатерины II. Вклад императора Николая I в Ипатьевский монастырь в 1835 году.

Распятие с предстоящими. Навершие иконостаса Троицкого собора Ипатьевского монастыря середины XVIII века. Вклад императрицы Елизаветы Петровны.

века по повелению царя Михаила Федоровича территория Ипатьевского монастыря была увеличена почти вдвое, путем присоединения с запада к Старому городу нового земельного участка. Названная Новым городом территория была ограждена на царские деньги каменной стеной с тремя башнями – двумя угловыми и одной центральной надвратной, проездной, названной «Зеленой», по покрытию зеленой обливной черепицей.

В XIX веке, при Николае I, по императорскому указу на «Высочайше дарованные средства» началось планомерное превращение Ипатьевского монастыря в мемориал Дома Романовых. Архитектурное решение поставленной задачи было возложено на ведущего архитектора николаевской эпохи, автора храма Христа Спасителя в Москве, профессора I степени Академии Художеств Константина Андреевича Тона. По составленному им в 1835 году плану предусматривалось выявление на территории Ипатьевского монастыря объектов мемориального значения, связанных с историей Романовых, перестройка, реставрация их с целью придания им и монастырю «величия и

благолепия». Подправив фасады многих зданий, введя в оформление их и новых построек – церкви Рождества Богородицы, церкви святых мучеников Хрисанфа и Дарии, Свечного корпуса – присущие русской национальной архитектуре элементы – шатер, «вислое камень», кувшины-столбы, килевидные завершения окон, связав многие романовские постройки единым архитектурным оформлением, тем самым подчеркнув их общий символический смысл, К.А. Тон достиг поставленной цели: Ипатьевский превратился в монастырь – памятник истории и славных дней династии Романовых.

Приезжавших в монастырь встречала парадная площадь, почти полностью оформленная в официальном русско-византийском стиле, в центре которой была сооружена памятная колонна, которая до сих пор называется Романовской, где на медных пластинах были обозначены не только самые памятные в истории монастыря события, но и ценнейшие вклады в обитель, в том числе Романовские.

При императоре Александре II продолжились реставрационные работы в Ипатьевском монастыре. В 1858 году, по возвращению из обители святого Ипатия в столицу, государь направил в монастырь известного архитектора Московской дворцовой конторы Федора Федоровича Рихтера, перед которым была поставлена задача сделать Дворец царя Михаила Федоровича «приличными для царских чертогов». За образец реставрации здания в обители были взяты Палаты бояр Романовых в Зарядье в Москве, незадолго до этого восстановленные Ф.Ф. Рихтером. Как известно, именно там 12 июля 1596 года родился будущий царь Михаил Федорович. Ф.Ф. Рихтер провел подробное натурное обследование памятника, выявил конструктивные элементы здания XVI-XVII вв. Был произведен перебор кирпичной кладки здания в тех местах, где находились

Крест наперсный императрицы Марии Александровны, жены императора Александра II. Конец XVII – начало XVIII вв.

трещины. Устранены поздние переделки оконных и дверных проемов, восстановлены их прежняя форма и расположение, воссоздана внутренняя планировка дома. Переделано крыльцо с лестницей, марш которой был вынесен перед фасадом здания. Было сделано подновление окраски наружных стен – восточной и южной – «в шахмат». По эскизам Ф.Ф. Рихтера, который, возможно, пользовался старинными рисунками, внутри помещений были воссозданы изразцовые печи. В результате монастырское здание было восстановлено «во вкусе XVII века».

Визит императора Николая II в Кострому состоялся в юбилейном 1913 году в дни празднования 300-летия Дома Романовых. Высочайших гостей Ипатьевский монастырь встречал новыми золотыми куполами и полностью преобразенным: незадолго до этого, в 1911-1912 гг. здесь прошли крупномасштабные реставрационные работы под руководством академика Петра Петровича Покрышкина и архитектора-художника Дмитрия Васильевича Милеева.

Был укреплен фундамент собора, заделаны трещины в стенах четверика, подклета, галерей, сводов, отреставрированы стенопись и иконостас Троицкого собора. Артель палехских мастеров под руководством М.Н. Софонова расписала северную и западную галереи. На реставрацию Ипатьевского монастыря было израсходовано из Государственной казны 98 000 рублей, из них – на реставрацию Троицкого собора – 36 952 рубля.

Современные потомки Дома Романовых не забывали Кострому, довольно часто посещая ее в конце XX – начале XXI веков. «Древняя Кострома занимает особое место, как в истории России, так и в судьбе нашей династии» – отмечала великая княгиня Мария Владимировна, находясь с визитом в нашем городе в 1993 году. Потомки Романовых приезжали в Костро-

му как в город, откуда вышла на царский престол их династия, где впервые Михаил Федорович был наречен царем, куда приезжали их великие предки.

Ценнейший вклад был сделан в Ипатьевском монастыре в 2006 году. Здесь появился самый большой в настоящее время 500-пудовый колокол (8,5 т). Это вклад принца Кентского Майкла, прапраправнука русского императора Николая I (родство установлено по линии Великой княгини Ольги Константиновны, внучки императора), внучатого племянника Николая II, кузена королевы Великобритании Елизаветы II. Находясь в прямом родстве с Датским и Английским королевскими домами, принц своими русскими корнями дорожит особо. Идея царского подарка родилась, когда принц Майкл Кентский во время своего визита в Кострому в 2005 году услышал колокольный звон в Ипатьевской обители. Принц отмечал, что «здесь колыбель Романовых, и логично, чтобы колокол стал именно здесь, и чтобы люди могли бы радоваться ему». Колокол назван «Царь Михаил», и отлит он в память 400-летнего избрания на престол государства Российского царя Михаила Федоровича Романова. Надпись на колоколе гласит: «В ЛЕТО 2006 ОТ Р.Х. ПРИ СВЯТИТЕЛЬСТВЕ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЯ II И ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЕЙШЕГО АРХИЕПИСКОПА КОСТРОМСКОГО И ГАЛИЧСКОГО АЛЕКСАНДРА, ТЩАНИЕМ ЕГО КОРОЛЕВСКОГО ВЫСОЧЕСТВА ПРИНЦА КЕНТСКОГО МАЙКЛА, ОТЛИТ СЕЙ КОЛОКОЛ ПАМЯТЬ 400 ЛЕТИЯ ПРИЗВАНИЯ НА ПРЕСТОЛ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО ЦАРЯ МИХАИЛА ФЕОДОРОВИЧА РОМАНОВА В ЛЕТО 1613 ОТ Р.Х. В ВЕЛИКОЙ ОБИТЕЛИ СВЯТОЙ ЖИВОНАЧАЛЬНОЙ ТРОИЦЫ И СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА ИПАТИЯ ГРАДА КОСТРОМЫ. ЛИТ РАДЕНИЕМ СЕМЬИ СВАРОВСКИ, МИХАИЛА КРАВЧЕНКО, ОЛЕГА САФОНОВА, ВЛАДИСЛАВА СТРЕЛЬЦОВА, ГАРРИ И РУФЬ ФИЦГИББОНС, ГЕЛИНДА ДЕ ПИЧИОТТО, СЕМЬИ МАРКОВЫХ. ВЕСУ В НЕМ 500 ПУДОВ».

На изготовление вкладного колокола принц Майкл привлек средства и других предпри-

нимателей, чьи имена имеются в надписи на колоколе. По оценкам специалистов, цена такого колокола достигает четырех миллионов рублей.

В день 2 мая 2006 года состоялось торжественное освящение колокола. Ипатьевский монастырь встретил принца Майкла звоном колоколов. После приветственной речи архиепископа Костромского и Галичского Александра начался молебен и торжественный чин освящения колокола. Право первого удара предоставлено главному благотворителю – принцу Кентскому. Как настоящий аристократ, принц выполнял приятную миссию, надев белые перчатки. Тянуть за 300-килограммовый язык ему помогал главный звонарь Ипатьевского монастыря.

Зеленая башня Нового города Ипатьевского монастыря. Построена в середине XVII века.

Ипатьевский монастырь во второй половине XIX века. Фото 1880-х годов.

Отлит колокол в городе Тутаеве Ярославской области на колоколотейном заводе братьев Шуваловых по старинным рецептам из глины с использованием специального сплава, главные составляющие которого – медь и олово.

К сожалению, не все удивительные по своей исторической и художественной ценности памятники искусства – свидетели вкладной деятельности государей Дома Романовых – сохранились до наших дней. Но все эти древности, как писали очарованные Костромой братья Георгий и Владислав Лукомские, являются «памятью о том, кто был избран здесь на царство всей Россией и так заботливо, трогательно и долго еще потом до конца своей жизни думал о Костроме, завещав и Наследнику своему, радеть о родной земле [...], памятью о нем пусть будет освящена старина Костромская и станет еще дороже сердцу каждого русского [...], а душе костромича, особенно» (9, с. 359-360).

Примечания

1. Баженов И.В. Вклады царя Михаила Феодоровича, сохранившиеся донныне в церквях и монастырях Костромской епархии / Юбилейный сборник Костромского церковно-исторического об-

щества в память 300-летия царствования Дома Романовых. – Кострома, 1913.

2. Баженов И.В. Призвание боярина Михаила Феодоровича Романова на Московский и всея Руси царский престол / Юбилейный сборник Костромского церковно-исторического общества в память 300-летия царствования Дома Романовых. – Кострома, 1913.

3. Горохова О.В. Книжные вклады Романовых в Костромском крае / Светоч. Вып. 3. – Кострома, 2008.

4. Забелин Е.И. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. – Новосибирск: Наука. 1992.

5. Каталог церковных и других предметов древности, находящихся в Древнехранилище Костромского Церковно-исторического общества в покоях Михаила Федоровича Романова, что в Ипатьевском монастыре. – Кострома, 1914.

6. Книги описные Троицкому Ипатскому обретающемуся при Костроме монастырю. 1736 год / Церковный историко-археологический музей Костромской епархии РПЦ (далее – ЦИАМ) БВП НВ-ВХ № 92, КМЗ КОК 119.

7. Костромские епархиальные ведомости. Часть официальная. – 1913. № 2.

8. Костромской Богоявленско-Анастасиин женский монастырь. Исторический очерк И. Баженова. – Кострома, 2006.

9. Лукомские В. и Г. Кострома / Репринт. 1913 г. – М., 2002.

10. Описание Костромского Ипатьевского монастыря, в коем юный Михаил Федорович Романов умолен знаменитым посольством Московским на царство Русское. – М., 1832.

11. Писцовая книга г. Костромы 1627/28 – 1629/30 гг. Кострома-издат. – Кострома, 2004.

12. Письма Русских государей. – М., 1848.

13. Покровский Н.В. Памятники церковной старины в Костроме / Вестник археологии и истории. Вып. XIX. – СПб., 1909.

14. Скворцов Л. Материалы по истории города Костромы. – Кострома, 1913.

15. Херсонский И. Летопись Макариево-Унженского монастыря. – Кострома, 1888.

16. ЦИАМ БВП № 127, КМЗ КОК № 1588.

17. ЦИАМ БВП № 117, КМЗ КОК № 1512.

Костромской летописец

Хронология событий костромской истории XV-XVII вв.

- 1413 год. – Сгорела первая костромская крепость при впадении в Волгу рек Костромы и Сулы, согласно Тверской летописи.
- 1416 год. – Возведение в Костроме новой крепости – Кремля – на высоком берегу реки Волги, по данным Тверской летописи.
- 1420 год. – Моровая язва в Костроме и Галиче, согласно Воскресенской летописи.
- 1422 год. – Голод в Костроме, оков ржи продавали по 2 рубля, по сообщениям Воскресенской летописи.
- 1429 год. – Кострома, Галич, Плес взяты и разграблены татарами под предводительством царевича Махмут-Хази, согласно Воскресенской летописи.
- 1425 –
1452 годы. – Упоминание Костромы, Галича и Чухломы в русских летописях в ходе войны за Московский трон между Московскими и Галичскими князьями.
- Кон. XIV-
Нач. XV вв. – Возведение II-ой Галичской крепости – Верхнего городища.
- 1439 год. – Основание преподобным Макарием Желтоводским и Унженским Макариево-Унженского монастыря.
- 1435 год. – Первое упоминание Ипатьевского монастыря в русских летописях. «На мысу у святого Ипатия» было заключено мирное соглашение между великом Московским князем Василием Васильевичем (Темным) и Галичским князем Василием Юрьевичем (Косым).
- 1461 год. – Мимо Костромы следует, путешествуя «за три моря», тверской купец Афанасий Никитин.
- 1466 год. – К Галичу подступили казанские татары, по сообщениям Воскресенской летописи. Но «ничтоже успеха», то есть, приготовившись к осаде по приказу великого князя, город выстоял.

- 1468 год. – В Кострому великий Московский князь Иван III Васильевич прислал заставу и «велел сидети в осаде, стеречися от Казани».
- 1470 год. – Костромичи и галичане участвуют в походе великого Московского князя Ивана III Васильевича на Казань.
- 1474 год. – Костромичи в составе Московской рати помогают Пскову против немцев.
- 1478 год. – Костромичи и галичане участвуют в походе великого Московского князя Ивана III Васильевича на Новгород Великий. Костромичи во главе с князем Данилой Холмским были уряжены в передовой полк.
- 1489 год. – В Кострому великим Московским князем Иваном III Васильевичем выселено со своих земель много новгородцев.
- 1493 год. – Кострома вся сгорела в вербную субботу.
- 1493 год. – В Галиче заточен князь Федор Бельский, по сообщениям Воскресенской летописи.

ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (ТЕМНЫЙ) СИДИТСЯ НА ВЕЛИКОКНЯЖЕСКОМЪ МОСКОВСКОМЪ ТРОНѢ. МИНИАТЮРА ЛИЦЕВОГО ЛЕТОПИСНОГО СВОДА СЕРЕДИНЫ XVI ВѢКА.

Князь Василий Васильевич (Темный) садится на великокняжеский Московский трон. Миниатюра Лицевого летописного свода середины XVI века.

Поход казанских татар на северо-восточные земли Московии. Миниатюра Лицевого летописного свода середины XVI века.

- 1495 год. – Костромичи участвуют в походе Московской рати на Казань.
- 1521 год. – Кострома вся сгорела: Кремль и все посады.
- 1522 год. – Основание Парфеньева.
- 1524 год. – Приход татар под Галич, пожар на посаде, но город не взят, по данным Софийской летописи.
- 1536 год. – Нападение казанских татар на Костромские волости. Княжий воевода Петр Васильевич Засекин Пестрой погиб, защищая заставу.
- 1536 год. – В Костромском уезде построен Буй-городок, основаны Любим и Судай.
- 1538 год. – Костромская и Галичская земли повоены татарской ратью.
- 1540 год. – Под Костромой свирепствовали казанские татары.
- 1541 год. – В летописях упоминается, что Кострома «не мирна нынче с Казанью».
- 1546 год. – Основание Кадуя (г. Кадый).
- 1547 год. – Под Костромой свирепствовали казанские татары.
- 1549 год. – Костромской воевода Захарий Петрович Яковлев разбил отряд казанских татар на Гусеве поле при реке Язовке между Костромой и Галичем.
- 1551 год. – Костромичи участвуют в походе царя Ивана IV Васильевича против Казани. Кострома – сборный пункт войск под предводительством князей Александра Борисовича Горбатого-Шуйского и Василия Семеновича Серебряного-Оболенского.
- 1565 год. – В Кострому переселена царем Иваном IV Васильевичем часть немцев, взятых в плен в Юрьеве. Они заселили в Костроме Гашееву слободу (?).
- 1572 год. – Основание Судиславля.

Икона. Преподобный Макарий Унженский, с житием. Вторая половина XVIII века.

1596 –

1597 г. – Составлены «Книги письма и меры» Костромского уезда писцами В.А. Вельяминовым, Ф. Кривоборским и П.Д. Усовым.

1606 год. – В Кострому высланы по приказу царя Василия Ивановича Шуйского 300 поляков, среди них Саноцкий староста Станислав Бонифаций Мнишек, князя Адам и Константин Вишневецкие с товарищами и слугами.

октябрь

1608 года. – Кострому занимают войска Лжедмитрия II.

ноябрь

1608 года – Костромичи поднимаются на поляков и воеводу-тушинца Дмитрия Мосальского-Горбатова.

декабрь

1608 года. – Бои в Костроме с отрядами полковника Александра Лисовского. «Костромской гром».

1609 год. – Первое упоминание о Кологриве.

Князь Дмитрий Пожарский воодушевляет войско для спасения Отечества.
Русский лубок XIX века.

март –
сентябрь

1609 года. – Осада Ипатьевского монастыря восставшими костромичами, галичанами, кологривцами и другими людьми во главе с царским воеводой Давыдом Жеребцовым.

24-25
сентября

1609 года. – Освобождение Ипатьевского монастыря благодаря подвигу двух костромичей Константина Мезенцева и Николая Костыгина (по преданию).

Гибель Ивана Сусанина. Платок конца XIX века.

1611 год. – Из Костромы в Рязань на помощь I-му ополчению Прокопия Ляпунова вышел отряд под руководством воеводы Федора Ивановича Волконского.

1612 год. – Костромской воевода Иван Петрович Шереметев решил не пускать ополчение Минина и Пожарского в Кострому. Назначение воеводой Романа Ивановича Гагарина, вместо Шереметева.

27 октября

1612 года. – Освобождение Москвы ополчением Минина и Пожарского. Отъезд из Москвы в Костромское село Домнино инокини Марфы Ивановны с сыном Михаилом.

Зима-весна

1613 гг. – Гибель костромского крестьянина Ивана Сусанина от рук польско-литовского отряда – «положил свой живот» за Михаила Романова.

21 февраля

1613 года. – Избрание на Земском соборе русским государем Михаила Федоровича Романова.

13 марта

1613 года. – Прибытие в Кострому посольства Земского собора 1613 года с грамотами о призвании на царство юного Михаила Романова.

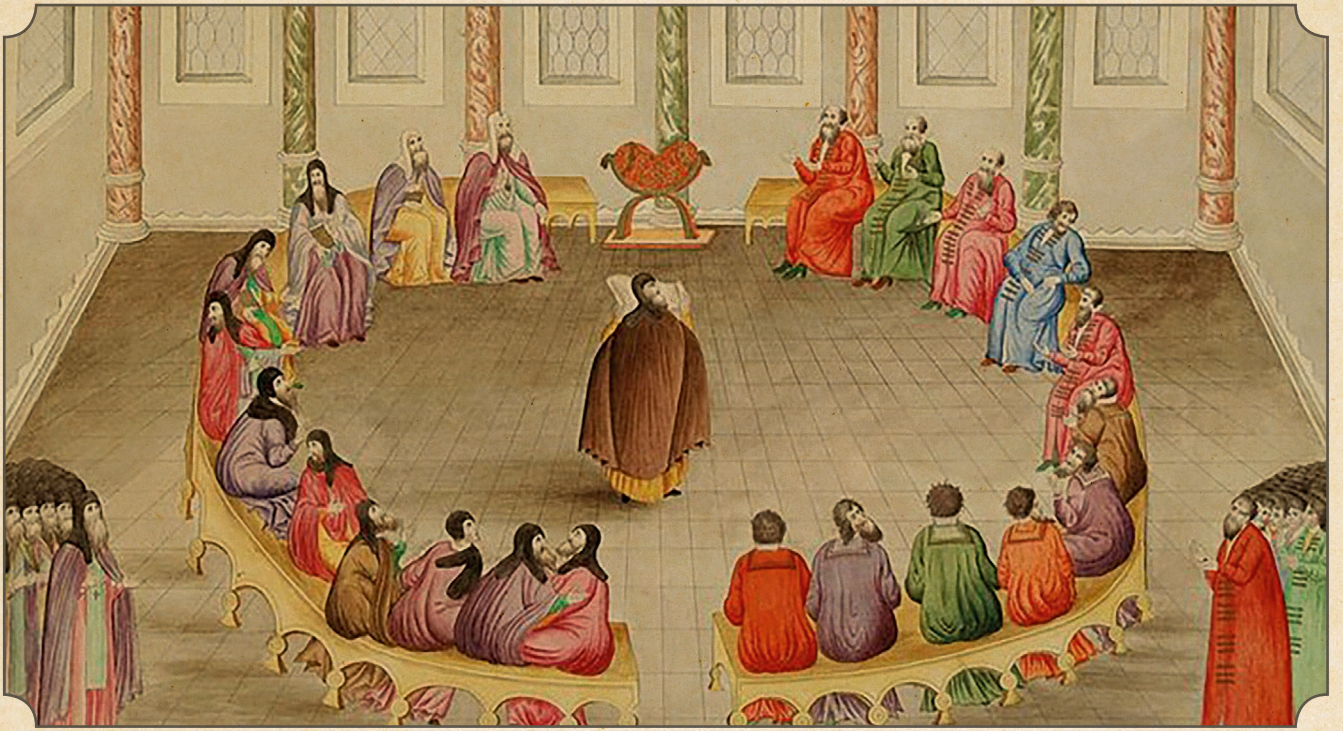
14 марта

1613 года. – Встреча Михаила Федоровича Романова и матери его инокини Марфы с Великим посольством Земского собора 1613 года в Ипатьевском монастыре. «Умоление» и наречение Михаила Романова русским царем. Служба в Троицком соборе Ипатьевского монастыря.

19 марта

1613 года. – Нареченный царь Михаил Федорович Романов покинул Кострому.

Игумен Авраамий Палицын зачитывает на заседании Земского собора грамоту об избрании Михаила Романова на русский престол. Миниатюра «Книги избрания на царство государя Михаила Федоровича Романова». 1672-1673 гг.

А. Кившенко. Призвание на царство Романовых.

Сентябрь-
Октябрь

1619 года. – Царь Михаил Федорович посещает Кострому во время паломничества в Макариево-Унженский монастырь.

1619 год. – Строительство в Костроме на средства посадских людей Нового города-крепости, примыкавшей к Кремлю.

20-30 гг.

XVII века. – Первое упоминание о Мантурове.

1628 год. – По грамоте царя Михаила Федоровича в Костроме был уменьшен стрелецкий гарнизон со 100 до 50 человек.

1628-

1644 годы. – Описания Костромского уезда писцами П. Волынским, И. Бутурлиным, В. Волконским и подьячими Ю. Шевелевым, П. Тепляковым, О. Колюпановым и И. Злобиным. Составлена Писцовая книга города Костромы.

1648 год. – Богоявленский монастырь обнесен каменной оградой с шестью башнями.

1650 год. – Построена каменная церковь Пресвятой Троицы в городе Костроме на средства костромского торгового человека Илариона Постникова.

1652 год. – Построена каменная церковь Воскресения Христова на Дебре в городе Костроме на средства костромского торгового человека, члена Гостиной сотни Кирилла Григорьевича Исакова.

1654-1655 гг. – Моровая язва (чума) в Костроме, опустошившая город.

1654 год. – Пожар в Костромском Кремле.

1664-

1665 годы. – Дозорные описания города Костромы князем И.П. Вяземским. Составлена Дозорная книга города Костромы.

1666 год. – Строительство придельной церкви во имя великомученика Феодора Стратилата при Успенском соборе Костромского Кремля.

1671 год. – Собор Богоявленского монастыря в Костроме распisan на средства боярина Петра Михайловича Салтыкова.

1672 год. – Сильный пожар в Костроме.

1676 год. – На вооружении костромской крепости, согласно сметным книгам, было 59 пищалей, 535 ядер, зелье (порох) ручное и пушечное. Царь Алексей Михайлович пожаловал Костроме большие чугунные пушки.

1678 год. – Составлены переписные книги города Костромы и слобод.

12 июля

1679 года. – Произошел сильный пожар в Костроме.

1680 год. – В Костроме образована постоянная Татарская слобода из татар, перевезенных по царскому указу из Романовского уезда.

1681-

1687 гг. – Построена церковь во имя апостола Иоанна Богослова в Богословской слободе.

1683 год. – Построена церковь Преображения Господня за рекой Волгой.

Соборные храмы Костромского кремля.

ГУБЕРНСКИЙ ДОМЪ

3 (136) историко-краеведческий и литературный журнал
2024

Любезные читатели!

Следующий выпуск журнала «Губернский дом» будет посвящён значительной дате в истории нашей культуры – 150-летию со дня рождения известного художника и поэта Ефима Васильевича Честнякова, уроженца Кологривского уезда Костромской губернии.

В новом выпуске читатель имеет возможность познакомиться с еще неизвестными страницами творчества и жизни этого уникального человека; узнать новые факты из его семейной истории; о духовных и фольклорных источниках его литературного дара.

До встречи на страницах журнала!

Историко-краеведческий и литературный журнал «Губернский дом»
Учредитель: Департамент информационной политики, анализа и развития коммуникационных ресурсов Костромской области.
Издатель: АУ КО «Издательский центр «Губернский дом». Адрес: 156005, г. Кострома, ул. И. Сусанина, 48/76. Журнал зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Костромской области. Регистрационный номер ПИ № ТУ 44 – 00224 от 20 декабря 2012 г.
Перепечатка материалов только с письменного разрешения редакции журнала.

Главный редактор Н.В. Муренин

Ответственный секретарь Т.Г. Гончарова

Художник О.И. Швейцер

Компьютерная вёрстка В.А. Кокшаров

Фото из фондов Костромского Церковного историко-археологического музея, личного архива Виноградовой С.Г.

Адрес редакции: 156005, г. Кострома, ул. И. Сусанина, 48/76.

Телефон: (4942) 31-43-67

E-mail: gd_izdat44@mail.ru

Извините, рецензировать и высылать рукописи не имеем возможности.

Подписано в печать 25.06.2024 г. Выход в свет 25.07.2024 г. Печать офсетная.

Объем 15 п.л. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Отпечатано в ГП «Областная типография имени М. Горького», г. Кострома, ул. Петра Щербины, 2. Заказ № 659.

